This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

BOD: M90.E06132

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ЕВРЕЯМИ

(ТАЛМУДИСТСКИМИ СЕКТАТОРАМИ).

ХРИСТІАНСКОЙ КРОВИ

ДЛЯ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ЦѢЛЕЙ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ЕВРЕЙСТВА КЪ ХРИСТІАНСТВУ ВООБЩЕ,

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

И. Э. Люстиканскаго.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ «ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подъяческая, д. № 39.
1880.

BODLEIAN
P
- 7 APR 1988
LIBRARY

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	I.
I. Хронологическій перечень фактовъ убійства евреями христіанскихъ дѣтей для религіозныхъ цѣлей	1
II. Законодательства и судебные факты о замученныхъ младенцахъ евреями	33
III. Дѣло Заславское	45
IV. Тайны турецкаго двора	56
V. Дѣло объ убійствѣ отца Ѳомы и его слуги Ибрагима въ Дамаскѣ	72
VI. Дѣло Велижское	96
VII. Дѣло Ворненское объ умерщвленіи евреями христіанскаго мальчика Августина Жуковскаго	137
VIII. Дѣло Заславское объ урѣзаніи христіанину Козану евреями языка и рѣшеніе о немъ Сената	159
IX. Дѣло Саратовское объ убійствѣ евреями двухъ мальчиковъ	188
X. Дѣло Сурамское	274
XI. Рѣшеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу объ убійствѣ евреями въ г. Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ	312
XII. Дѣло Шавлянское объ умерщвленіи жидами христіанской дѣвочки	324
XIII. Рѣшеніе Кишиневскаго Окружнаго Суда объ умерщвленіи двухъ дѣтей	331
XIV. Дѣло о похищеніи и умерщвленіи евреями крестьянской дѣвочки Сарры Іосифовой Модебадзе	337

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько словъ о книгѣ Хвольсона.

Петербургскій о. Протопоповъ въ своей брошюрѣ, изданной въ защиту (!) израильскаго народа, упрекаетъ насъ, что въ первомъ изданіи книги «Объ употребленіи евреями христіанской крови», мы ни разу не упомянули объ ученыхъ изысканіяхъ профессора Хвольсона, и полагаетъ, что онъ намъ неизвѣстенъ. Какъ можно предполагать, чтобы профессора Хвольсона, этого просвѣтителя человѣчества, генія, великаго мужа, которые вѣками родятся, этого русскаго Маймонида, кто-либо могъ не знать въ Россіи? Мы знакомы съ его ученою книгою; но до сихъ поръ считали себя недостойными произнести устами нашими даже ея заглавіе. Теперь же, когда профессоръ Хвольсонъ, въ своемъ высокоученомъ произведеніи вспомнилъ о насъ грѣшныхъ, то и мы уже принимаемъ смѣлость говорить о немъ, хотя и очень коротко, именно только для того, чтобы удовлетворить негодующаго петербургскаго протоіерея о. Протопопова.

Фактъ употребленія евреями-сектаторами христіанской крови, признанъ, по убѣжденію, вообще всѣмъ

міромъ. Это обвиненіе имѣетъ свое начало до христіанства, и слагалось не голословно, а съ очевидныхъ фактовъ, по множеству кровавыхъ случаевъ, которые развивались постепенно при изслѣдованіи и разбирательствѣ учеными обществами, гдѣ вопросъ этотъ подвергался безконечнымъ обсужденіямъ двухъ большихъ партій. Но христіанская цивилизація, изъ человѣколюбія, всегда склонялась въ пользу оправданія обвиняемаго жидовства. Паны, цари и вельможи и большинство христіанской аристократіи, не допускали во мнѣніи своемъ, чтобы подобные поступки могли существовать въ дѣйствительности. Вопреки этимъ сомнѣніямъ у очевидцевъ въ низшихъ слояхъ общества укоренилось непоколебимое убѣжденіе въ существованіи у евреевъ варварскаго обычая умерщвлять чрезъ истязаніе христіанскихъ младенцевъ. И по поводу этого обстоятельства сложилось общее мнѣніе, будто бы, однимъ средневѣковымъ фанатикамъ и невѣждамъ присуще вѣрить въ употребленіе евреями христіанской крови, чѣмъ жидофобы и воспользовались въ своихъ оправдательныхъ отвѣтахъ противъ этого обвиненія. Такъ напримѣръ г. Хвольсонъ въ своей брошюрѣ по вопросу о крови, на стр. 9-й говоритъ: «Одинъ знаменитый врачъ (вѣроятно еврей), недавно выразился, что чума и тифы развиваются преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ большая часть населенія находится на очень низкой ступени образованія и развитія, къ этому я прибавлю, что обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови могло возникнуть также только въ подобныхъ странахъ».

Всѣ историческія событія постоянно слагаются изъ народныхъ преданій и принимаются всѣми за самые вѣрные факты. По этому и выше сказанный вопросъ, по всѣмъ ученымъ, историческимъ и юри-

дическимъ даннымъ существуетъ болѣе 2-хъ тысячъ лѣтъ; онъ освященъ народными преданіями и утвержденъ фактами, памятниками, мощами св. мучениковъ и наконецъ современными событіями, вполнѣ доказанными въ уголовныхъ судопроизводствахъ. Но и послѣ такихъ неопровержимыхъ доказательствъ, находятся столь нахально-дерзкіе люди, которые, вопреки той великой истины, такъ ясной и каждому ощутительной, какъ свѣтъ солнца и его согрѣвающіе лучи, осмѣливаются возставать и опровергать. Если все это не приписывать ослѣпленію посредствомъ кары Божіей на жидовство, то той врожденной имъ наглости, чтобы только противиться вообще всякой истинѣ. Всѣмъ извѣстна ихъ наглая дерзость и изворотливость; въ нашемъ западномъ краѣ, гдѣ тюрьмы переполнены евреями-преступниками, сотни уголовныхъ дѣлъ всегда кончаются безъ добровольнаго ихъ согласія, и если нѣкоторые осуждаются на ссылку, то большинство постоянно ускользаетъ отъ кары правосудія посредствомъ хитрыхъ изворотовъ и упорныхъ запирательствъ. По наставленію талмуда, всякое преступленіе противъ христіанина, еврею вмѣняется въ заслугу; поэтому очень естественно, если еврей, по закону своему, не признаетъ нравственнымъ то, что предлагаетъ враждебный ему законъ христіанскихъ правительствъ. Г. Хвольсонъ вѣроятно того же мнѣнія въ душѣ, въ противномъ случаѣ намъ было бы непонятно....

Въ «Нов. Врем.» нашъ талантливый историкъ, Н. И. Костомаровъ, пишетъ по поводу брошюры г. Хвольсона: «Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь?», что если такое ужасное суевѣріе, какъ употребленіе человѣческой крови съ религіозною цѣлью существовало у другихъ народовъ, даже у христіанъ-

сентаатовъ, то почему же оно невозможно у жидовъ? «Нашъ твердитъ, что оно не вытекаетъ изъ Моисеева закона. Но вѣдь ничего подобнаго еще болѣе нельзя вывести изъ христіанскаго вѣроученія». Жидовъ стали обвинять въ такомъ изувѣрствѣ, замѣчаетъ г. Костомаровъ, не съ XII вѣка, какъ утверждаетъ г. Хвольсонъ, а еще во времена дохристіанскія, какъ видно изъ словъ іудейскаго историка I. Флавія, противъ греческаго писателя Аппіона, а также изъ извѣстій Діона-Кассія. Въ заключеніе авторъ замѣтки подсмѣивается надъ изобличительнымъ рвеніемъ ученѣйшаго профессора небесныхъ языковъ г. Хвольсона, взывающаго къ правительству, чтобы автора книги «Объ употребленіи евреями христіанской крови», Лютостанскаго, оно казнило, какъ несомнѣннаго клеветника на цѣлый народъ, причиняющаго громадный вредъ милліонамъ людей. «Г. Хвольсону очень хорошо извѣстно—заключаетъ г. К.,—что не разъ уже многія европейскія власти издавали грамоты, запрещавшія обвинять евреевъ въ похищеніи христіанскихъ дѣтей и въ употребленіи ихъ крови съ религіозною цѣлью, однако всѣ эти документы не помогли евреямъ, когда и теперь приходится г. Хвольсону писать по этому вопросу ученыя сочиненія и просить у власти содѣйствія своимъ доводамъ!»—Г. Хвольсонъ въ отвѣтѣ своемъ говоритъ: Да, у всѣхъ народовъ могло быть такое суевѣріе, а у насъ, у евреевъ, этого быть никогда не могло, потому что евреи живутъ такъ корпоративно, что подобное суевѣріе не могло бы укрыться и мы бы, ученые евреи, знали о немъ. Далѣе говоритъ: Аппіонъ былъ шарлатанъ, онъ могъ все выдумывать; но кромѣ его никто до XII вѣка не обвинялъ жидовъ въ употребленіи человѣческой крови.—Въ защиту своего «гевалтъ!», г. Хвольсонъ остается тоже при сво-

емъ мнѣніи, потому что «свѣтъ истины хорошъ», но только не для жидовъ, т. е. не для полемики ихъ.

Такъ, этотъ ученѣйшій по талмуду нашъ гебраистъ, въ своей новоизданной брошюрѣ по отношенію Саратовскаго дѣла, на 4-й стр. говоритъ: «Между найденными у обвиняемыхъ печатными книгами, нашли одну тоненькую книжку съ картинками, одна изъ картинокъ, по всеобщему убѣжденію, давала самое полное представленіе объ обычаѣ употребленія евреями христіанской крови. Въ этой картинкѣ находили убѣдительнѣйшее доказательство, что евреи употребляютъ христіанскую кровь». Дальше говоритъ: «Послѣ долгихъ странствованій, книжка съ таинственнымъ изображеніемъ прибыла въ С.-Петербургъ и была показана Левинсону и мнѣ. Взглянувъ на картинку, мы не могли удержаться отъ смѣха». (Сомнительно, чтобы это было справедливо!) Мы были поражены тѣмъ, что такое невинное изображеніе, которое всякій еврей-мальчикъ можетъ правильно объяснить и которую мы сами въ дѣтствѣ многократно видали... Книга дѣйствительно заключала въ себѣ молитвы на первые два вечера еврейской Пасхи; къ такой книгѣ обыкновенно прилагаютъ изображенія... По указываемой легендѣ, Фараонъ, притѣснявшій такъ сильно евреевъ въ Египтѣ, заболѣлъ проказой и по совѣту врачей купался въ крови еврейскихъ дѣтей. Картинка представляетъ эту распространенную у евреевъ легенду. Человѣкъ, съ короной на головѣ, съ пятнами на тѣлѣ сидитъ нагой въ ваннѣ, возлѣ которой стоятъ нѣсколько мужчинъ, отнимающихъ у плачущихъ женщинъ ихъ дѣтей и закалывающихъ послѣднихъ надъ ванной, чтобы наполнить ее ихъ кровью... Книга была отпечатана въ Амстердамѣ для испанскихъ евреевъ... Нельзя не замѣтить, какъ г. Хвольсонъ произноситъ

ложь, что ему и всѣмъ прочимъ могла быть извѣстна еще въ дѣтствѣ безцензурная книга Амстердамскаго изданія, и которая была напечатана собственно для испанскихъ евреевъ. Какимъ образомъ подобнаго рода книги могутъ быть на столько распространены, что будто бы каждому еврейскому мальчику она знакома? Не есть ли это явная ложь или, лучше сказать, талмудистская философія.

Вотъ прямой выводъ изъ знаменательной картинки: какъ Фараонъ лечилъ себя отъ проказы кровью ненавистныхъ ему еврейскихъ мальчиковъ, такъ и евреи фанатики основали тайное общество излечивать себя кровью ненавистныхъ имъ христіанскихъ младенцевъ.

Кому неизвѣстно, что евреи страдаютъ національною болѣзнью подъ названіемъ парха (парша), отъ того повсемѣстно евреи вообще носятъ прозваніе пархатыхъ. Болѣзнь эта имѣетъ свое происхожденіе изъ Египта, чрезъ которую евреи и тамъ были преслѣдуемы [1]). Кромѣ этой болѣзни, евреи одарены еще, какъ всѣмъ извѣстно, особеннымъ знакомъ отличія отъ прочихъ націй, это—природнымъ, не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ, и это не есть предубѣжденіе противъ нихъ, но дѣйствительный фактъ. Для избавленія себя отъ такого вѣчнаго клейма и позора, евреи фанатики прибѣгаютъ къ средству, избранному фараономъ. Извѣстный авторъ книги «Кагала» г. Брафманъ, въ разговорѣ съ преосвященнымъ Іосифомъ, нынѣ Епископомъ Смоленскимъ, по этому вопросу выразился такъ: «Отъ талмудистовъ всего можно ожидать, не только избіенія христіанскихъ младенцевъ, но и

---

[1]) Въ изданномъ нами сочиненіи «Талмудъ и Евреи», въ 1-мъ томѣ, въ главѣ о характеристикѣ евреевъ, подробно говорится о ихъ національной болѣзни.

гораздо худшаго, чего и вобразить нельзя—талмудистъ на все способенъ и готовъ».

Но Хвольсонъ, на стр. 16-й своей брошюрки говоритъ: «фанатическое и невѣжественное духовенство... Оно не рѣдко пользовалось своимъ вліяніемъ для возбужденія страстей массы, имѣя въ этомъ для себя большую выгоду[1]), по всюду распускали слухи, что мнимоумершвленный евреями ребенокъ творитъ большія чудеса, распространяетъ вокругъ себя благоуханіе, окруженъ лучезарнымъ сіяніемъ и т. п. Останки мнимочудотворнаго ребенка переносились обыкновенно въ монастырь, гдѣ онъ продолжалъ совершать мнимыя чудеса, исцѣлять больныхъ и т. д. Народонаселеніе цѣлой провинціи понемногу стекалось къ этому новому чудотворцу, благодаря чему монастырь богатѣлъ и самый городъ, въ которомъ онъ находился, много выигрывалъ». Насъ однако удивляетъ, какъ могло сойти съ рукъ нашему лже-христіанину подобное печатное злорѣчіе? На какомъ основаніи цензура могла пропустить такую хулу и оскорбленіе всего христіанства.

Г. Хвольсонъ, буквально придерживаясь талмуда, признаетъ всѣ добрыя качества еврейской націи, приписывая ей всякую способность и геніальность ума; лишь она одна способна правильно понимать и размышлять. Такъ, по ученію талмуда: «Только талмудистскій мудрецъ, т. е. еврей, можетъ точно пони-

[1]) Во многихъ мѣстахъ своей книги, г. Хвольсонъ отзывается презрительно вообще о христіанствѣ, что будто бы христіанское духовенство изъ корыстныхъ видовъ подущали народъ грабить имущества жидовъ, и христіанская чернь, изъ инстинкта хищничества, дѣлала подобныя нападенія. Хвольсонъ, на основаніи ученія своего талмуда, смотритъ на христіанъ какъ на животныхъ, хищныхъ по инстинкту,—наоборотъ, еврейскій народъ у него не есть чернь, а золото—блескъ—букетъ всего человѣчества со всѣмъ его природнымъ ароматомъ, это наши князья будущаго владычества, въ которымъ, вѣроятно, г. Хвольсонъ и себя причисляетъ.

мать всю премудрость земной и небесной философіи, этотъ даръ дается ему свыше Творцемъ неба и земли, другіе же народы лишены этого дара, въ нихъ преимущественно должна царить тьма, глупость, обманъ и ложь, тѣмъ именно они и отличены отъ Богоизбраннаго народа». На этомъ основаніи и Хвольсонъ въ своей брошюрѣ презрительно отзывается о христіанскомъ духовенствѣ, называя его фанатическимъ и невѣжественнымъ, которое будто бы изъ алчности и корыстолюбія, выдумывая ложныя чудеса, подстрекали народъ противъ евреевъ, такъ какъ подобные навѣты оказывались прибыльнымъ дѣломъ, и въ виду этой наживы усиливали возмущенія. Г. Хвольсонъ очень хорошо знаетъ, сколько было въ послѣднѣе время крупныхъ дѣлъ по поводу звѣрскихъ поступковъ евреевъ, наприм. Велижское, Ужвентское Ковенской губерніи, Сурамское, Саратовское, Шавлянское и Кутаисское; которыя всѣ были гласными, и для которыхъ изъ Петербурга назначались особыя коммисіи; при этихъ коммисіяхъ обыкновенно существовали еврейскіе ученые и честные (?) депутаты, въ родѣ нашего г. Хвольсона, которые въ подобныхъ случаяхъ играли немаловажную роль въ объясненіяхъ и переводахъ найденныхъ подозрительныхъ книгъ.

Г. Хвольсонъ, въ изданной имъ брошюрѣ, въ заглавіи выставляетъ длинный и безконечный рядъ своихъ ученыхъ степеней, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы истереть въ порошокъ нашу книгу «Объ употребленіи евреями христіанской крови». Г. Хвольсонъ силится увѣрить публику голословными доводами и выписками изъ разныхъ сочиненій. Но выписки эти, по нашему мнѣнію, не могутъ ни поддержать вопроса, ни обезсилить. Ученое изслѣдованіе, какъ называетъ свою брошюру авторъ, тоже несоотвѣтствуетъ раз-

сматриваемому вопросу относительно употребленія евреями христіанской крови или не употребленія, хотя г. Хвольсонъ и старается доказать это. Тутъ вопросъ чисто юридическій, но не ученый; а такъ какъ г. Хвольсонъ, не юристъ, а лишь профессоръ еврейскаго языка, вопросъ этотъ можно считать для него terra incognita.

Очень понятно, отчего у г. Хвольсона является забота и большая душевная скорбь, которая мучитъ его самолюбіе относительно умерщвленія евреями двухъ христіанскихъ мальчиковъ. По Саратовскому дѣлу, при наряженной коммисіи, въ качествѣ депутатовъ со стороны евреевъ были посланы гг. Хвольсонъ и Левинсонъ, какъ знающіе свой еврейскій языкъ, для перевода найденныхъ подозрительныхъ жидовскихъ книгъ. Эти то честные депутаты, въ вѣрной надеждѣ обморочить слѣдственную коммисію, составили отзывы въ пользу жидовства, какъ о томъ самъ г. Хвольсонъ и говоритъ въ брюшюрѣ своей на 7-й стр. «Отзывъ Левинсона, благопріятный для евреевъ, былъ гораздо подробнѣе и основательнѣе.—Мой отзывъ, въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ, занималъ около 100 листовъ и въ концѣ его былъ помѣщенъ подробный разборъ Саратовскаго дѣла, въ которомъ я указывалъ на то, что всѣ свидѣтельскія показанія—исполнены вымысла и лжи». По выводамъ Хвольсона, вся коммисія, составленная изъ первыхъ государственныхъ людей, была такъ недальновидна, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи различить лжи отъ истины и въ силу этой недальновидности служителей истины, послѣдовало обвиненіе бѣдныхъ и несчастныхъ евреевъ. «Я не знаю, какая судьба постигла эти отзывы; къ Саратовскому дѣлу, представленному на окончательное рѣшеніе государственнаго совѣта, на-

ши отзывы приложены не были». Дальше на той же 7-й стр. своей брошюры г. Хвольсонъ жалуется слезно: «Почему было поступлено такъ, я не знаю; справедливымъ и христіанскимъ дѣломъ нельзя назвать такого поступка, которымъ предъ судьями представлены были злостные навѣты пустыхъ болтуновъ, въ то время, когда научно веденная защита честныхъ (?) людей была сокрыта». Вотъ откуда происходитъ это великое негодованіе и раздраженіе, теперь уже перешедшее въ общую хроническую болѣзнь — поносить безпощадно всѣхъ живыхъ и мертвыхъ именно за то, что коммисія отвергла его столистовой трудъ, предпринятый для защиты виновныхъ и обвиненія правыхъ. Благодаря невниманію членовъ коммисіи, г. Хвольсонъ въ раздраженіи хулитъ духовенство, судей, свидѣтелей, авторовъ, своихъ собратьевъ крещеныхъ евреевъ и всѣхъ вообще, даже наконецъ не простилъ и писателю дохристіанскихъ временъ, разругалъ Аппіона за то, какъ онъ смѣлъ писать о жидахъ, что они употребляютъ человѣческую кровь. — «Аппіонъ былъ шарлатанъ, онъ могъ все выдумывать на евреевъ». Г. Хвольсонъ на 30 стр. своей брошюры приводитъ цѣлую диссертацію, посвященную разбору имени раввина Рав-аше или Рамбамъ, хотя это все къ вопросу объ употребленіи крови—не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія, на томъ основаніи, такъ или иначе, выписки эти, ничто иное какъ литературныя свѣдѣнія прошлаго столѣтія, неимѣющія авторитета въ возбужденномъ вопросѣ. На стр. 32-й г. Хвольсонъ приводитъ всю талмудистскую тонкость для вывода, будто бы фарисеи исчезли съ 3-го вѣка, а хасиды существуютъ не болѣе 120 лѣтъ,—и тутъ же, съ желчною ироніею, задаетъ вопросъ, какимъ образомъ они могли за 1500 лѣтъ до своего существованія употреб-

лять христіанскую кровь? Такой вопросъ подобенъ тому напр., еслибы евреи вздумали протестовать противъ того, что мы называемъ ихъ жидами,—что мы де не жиды, а евреи. Подобно этому г. Хвольсонъ говоритъ, что фарисеевъ давно нѣтъ, а хасиды существуютъ недавно. Г. Хвольсону, какъ лицу еврейскаго происхожденія, вѣроятно неизвѣстно, что у поляковъ, русскихъ и нѣмцевъ вообще принято называть тѣхъ фарисеями, которые отличаются ложною набожностью,—это именно и есть фарисеи и хасиды, тѣже самые малороссійскіе жиды, религіозные до сумасшедствія фанатики и чудаки, какими и сами талмудисты, образованные евреи, признаютъ, они же именно и кабалисты. Намъ нѣтъ надобности впрочемъ различать кто это такіе: фарисеи-ли или они хасиды, довольно того, что жиды; къ какой бы они сектѣ ни принадлежали, все таки они изъ подъ одного знамени—талмуда. Искать принципа этого изувѣрства въ религіозныхъ книгахъ — тоже напрасно, потому что это варварское ученіе находится не въ книгахъ, а въ словесномъ преданіи. Намъ довольно достаточно и того, что существованіе его неопровержимо доказывается судебными дѣлами и ихъ рѣшеніями. На стр. 33-й г. Хвольсонъ обличаетъ насъ въ подлогѣ, что будто бы въ 10 пунктѣ князя Болеслава несказано—о запрещеніи евреямъ красть дѣтей, и на это приводитъ авторъ тоже глубоко ученые свои доводы, указывая на экземпляры разныхъ переводовъ, гдѣ не находится въ 10 пунктѣ этого. Мы объ этомъ и не споримъ; если же польскіе законы переводились на иностранные языки при содѣйствіи жидовскихъ сотрудниковъ, тоже ученыхъ и честныхъ (?), то очень понятно, что неблагопріятные пункты для жидовства всѣ были перефразированы на другой ладъ, по желанію этихъ сотрудниковъ, особенно въ то время,

когда евреи въ Польшѣ были полными хозяевами. Всѣ эти нападки и злостные укоры г. Хвольсона на мою книгу я не принимаю на себя и не отношу къ себѣ, ибо все, за что г. Хвольсонъ упрекаетъ меня, есть судебныя записки ученѣйшаго и авторитетнаго мужа, каковымъ считаютъ Даля. Онъ, по порученію государственнаго совѣта, какъ филологъ и юристъ, составилъ сочиненіе, изъ котораго я и пользовался множествомъ фактовъ; фамилія же Ланина, вмѣсто Даля, въ нашей книгѣ произошла по ошибкѣ въ печати. Страннымъ становится, какъ г. Хвольсону; такому ученому, второму Маймониду, такая грубая ошибка въ печати осталась не замѣченною, и не помѣшала ему г. Ланина, противъ воли попавшаго въ писатели, разругать въ пухъ и прахъ, какъ и всѣхъ тѣхъ, кто является противникомъ еврейства.

На 29 страницѣ своей ученой брошюры профессоръ и талмудистскій мудрецъ, г. Хвольсонъ говоритъ: «Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о книгѣ Лютостанскаго. Она озаглавлена: «Вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови»..... ложь безстыдная, ложь неслыханая, небывалое невѣжество и т. п. Одинъ изъ моихъ сотоварищей по духовной академіи спросилъ меня тогда, отчего я не пишу ничего противъ этой книги? Я отвѣтилъ на это, что для ученаго (?) позоръ вступить въ диспутъ съ извощикомъ. Этого мнѣнія я и теперь держусь». За титулъ извощика данный ученѣйшимъ профессоромъ небесныхъ языковъ, мы очень признательны, и согласны прокатиться по Невскому или Тверской, по нашему не высокому чину, хотя бы и на тройкѣ талмудистскихъ мудрецовъ; что же касается до управленія лошадьми съ кнутомъ въ рукахъ, то мы предоставляемъ это дѣло

ему, ребби Хвольсону, такъ какъ его родней «тате» спеціально занимался фурманствомъ.

При печатаніи 2-го тома нашей книги, мы получили новѣйшее сочиненіе г. Хвольсона, подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ», изданное петербургскимъ жидовскимъ кагаломъ. Хотя у насъ не хватаетъ мѣста и времени для разбора этой книги, но тѣмъ не менѣе, чтобы почтить новый ученый и честный трудъ профессора ребби Хвольсона, приведемъ хотя нѣсколько выписокъ изъ этой высоко-философской книги, которую авторъ представлялъ въ академію наукъ, чтобы получить Демидовскую премію, «агузме гелтъ»; — но, къ крайнему сожалѣнію, какъ и самъ авторъ скорбитъ въ предисловіи къ этому сочиненію—это не вывезло. Въ томъ же предисловіи на XII стр. авторъ говоритъ: «Когда въ 1876 году появилась книга Лютостанскаго и произвела большую сенсацію между невѣждами, меня стали приглашать, какъ христіане (?), такъ и евреи, предпринять второе изданіе моей книги». Если всеобщій жидовскій кагалъ выдавалъ по десяти тысячъ рублей наемнымъ защитникамъ кутаисскаго дѣла, то что же значитъ такой ничтожный расходъ, который потребовался для изданія книги ребби Хвольсона. На кутаисскій расходъ во всей Россіи заизопошились жидовскіе кагалы и постоянно дѣлали въ синагогахъ сходки и складчины,—такъ что нѣкоторые евреи стали роптать, чего даже и предъ христіанами не скрывали. Мы далеки отъ той мысли, чтобы ребби Хвольсонъ пользовался изъ этой складчины, скорѣе можно полагать, что ребби, какъ ревнитель истины и преданный миссіонеръ израильскій, самъ внесъ посильную лепту въ кружку этого святаго дѣла. Дальше авторъ въ предисловіи къ своей книги изъясняетъ: «Но когда нача-

лось кутаисское дѣло, то я самъ созналъ необходимость новаго изданія моей книги, особенно въ виду того, что лица, долженствовавшія имѣть въ этомъ дѣлѣ важный голосъ, противупоставили лубочную книжку какого нибудь Лютостанскаго моей книгѣ. Я подумалъ, что высшею цѣлью ученаго, не смотрящаго на науку какъ на дойную корову, должно быть распространеніе свѣта и истины и борьбы противъ суевѣрія и предразсудковъ». Дальше ребби Хвольсонъ разбираетъ нашу книгу и записки г. Скрипицына, изъ которыхъ будто бы мы заимствовали факты. О запискахъ Скрипицына мы скажемъ только то, что можетъ быть ихъ вовсе и на свѣтѣ несуществовало и не существуетъ, — но г. Хвольсонъ почерпнулъ ложное объ этомъ свѣдѣніе изъ статей варшавскаго князя Голицына, которыя были помѣщены въ журналѣ «Гражданинъ» за 1878 г. Ложь эту о запискахъ Скрипицына князь взялъ тоже съ умышленною цѣлью, какъ литературную вибрацію. Г. Хвольсонъ твердо въ это увѣрилъ, какъ въ догматъ обожаемаго имъ талмуда и посвятилъ третью часть своей новой книги для подробнаго разбора записокъ Скрипицына. Хвольсонъ изчерпалъ всю свою находчивость и съ напряженною талмудистскою тонкостью разбилъ въ прахъ Скрипицына и совсѣмъ уничтожилъ записки его. Теперь, когда мы докажемъ, что эти факты въ нашей книгѣ, надъ которыми столько трудился г. Хвольсонъ, есть не Скрипицына, а Даля, ученаго мужа, филолога и юриста, то ребби Хвольсону придется издать еще книгу (разумѣется на счетъ кагала), въ которой онъ долженъ будетъ разоблачить г. Даля въ его несправедливостяхъ въ отношеніи къ евреямъ, какъ онъ сдѣлалъ это въ началѣ своей новой книги относительно Аппіона. По нашему мнѣнію, ребби Хвольсону слѣдовало-бы быть немного по разборчивѣе въ своихъ вы-

раженіяхъ, хотя изъ уваженія къ тому положенію, которое онъ занимаетъ и которое такъ тщательно полно выставляетъ на обложкѣ своихъ произведеній. Въ предисловіи къ своей книги, ребби Хвольсонъ приглашаетъ варшавскаго князя Н. Н. Голицына учиться у него премудрости, особенно краснорѣчію, разумѣется со всѣми ветхозавѣтными жестами. «Если такимъ образомъ цѣлое человѣчество столь многому научилось у евреевъ, почему же князь Н. Н. Голицынъ не хочетъ поучиться, у еврея по происхожденію, вѣжливо и прилично полемизировать съ противникомъ? Ему бы это было тѣмъ легче, что нашей родовитой аристократіи къ которой онъ принадлежалъ.....» Призываетъ ребби учиться краснорѣчію, разумѣется вмѣстѣ и новой конструкціи по жидовской граматикѣ «къ которой онъ принадлежатъ».

Вся книга ребби Хвольсона составляется по его собственнымъ новоизбрѣтеннымъ синтаксическимъ правиламъ. (Это не есть ошибка, ибо въ опечаткахъ исправленія не значится). Вотъ по каковски нашъ ученый геній читаетъ даже лекціи въ духовной академіи; г. Хвольсонъ еще обладаетъ замѣчательнымъ созвучіемъ, не совсѣмъ пріятнымъ для нѣжнаго слуха. Очень естественно, если вся эта восточная филологія трехъ языковъ (какъ значится и на оберткѣ его книги), соединилась въ одно цѣлое, то изъ этого всенепремѣнно долженъ былъ получиться звукъ въ произнесеніи буквъ х и р, на подобіе разбитаго глинянаго горшка.

На стр. 134 своей книги г. Хвольсонъ пишетъ:

«Во всемъ томъ, что Лютостанскій въ книгѣ своей говоритъ о Саратовскомъ дѣлѣ, нѣтъ почти ни слова правды. Я самъ былъ членомъ ученой (?) коммисіи, назначенной по этому предмету и читалъ все слѣдствен-

ное производство. По этому могу положительно сказать, что почти все то, что Лютостанскій тамъ говоритъ, либо наглая ложь, либо безумный бредъ».

Намъ достаточно только этихъ строкъ, чтобы понять всю національную наглость, хитрость и безстыдную дерзость. Нужно быть не человѣкомъ а тѣмъ животнымъ, котораго жидовство такъ презираетъ, чтобы рѣшиться печатно это высказывать.

Для доказательства несправедливости этихъ строкъ мы скажемъ только то, что свѣдѣнія о Саратовскомъ дѣлѣ, есть копіи съ судебнаго дѣла, вѣрность которыхъ засвидѣтельствована подписью оффиціальнаго лица и на полученіе которыхъ мы испрашивали разрѣшеніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ прошеніе, такъ и разрѣшеніе и до настоящаго времени хранятся въ Московскомъ Сенатскомъ Архивѣ, откуда именно и получены означенныя копіи.

Г. Хвольсонъ самъ въ душѣ не сомнѣвается о вѣрности Саратовскаго дѣла въ нашей книгѣ, онъ хорошо знаетъ и убѣжденъ твердо, что все это есть святая истина, но его цѣль та, чтобы путать и вводить въ заблужденіе читающую публику. Да и какъ ему не знать, если онъ въ своей брошюркѣ, изданной по поводу Кутаисскаго дѣла, самъ ясно сознается по отношенію картинки, гдѣ изображается Фараонъ сидящій въ ваннѣ наполненной кровію, и что картинка эта еще въ дѣтствѣ была ему знакома,— слѣдовательно можно заключить, что г. Хвольсонъ, будучи еще въ дѣтствѣ, принадлежалъ къ этой варварской сектѣ. Подобный человѣкъ — есть волкъ въ овечьей шкурѣ, который подъ хитрымъ притворствомъ невиннаго агнца, влѣзъ окномъ въ Христову овчарню, чтобы заманить невинныхъ и увлечь ихъ за

собою. По разсказамъ студентовъ, Хвольсонъ иногда является въ классъ, а по его національной неопрятности и неосмотрительности, нерѣдко у него виднѣются изъ подъ жилета цыцысъ, т. е. жидовскія обрядовыя нитки съ узелками. Въ Испаніи подобные лица, принявшіе христіанство, а потомъ тайно выполняющіе свои обряды, были причиною возникновенія инквизиціи. Подобные господа, притворно рѣшаются на все, ради своихъ разсчетовъ, ради достиженія высокаго мѣста, значенія и прочихъ гешефтовъ. А потому не возможно ничего и требовать отъ нашего ученаго гебраиста—или же обижаться на его оскорбленія? Для этого нужно ожидать minimum пять поколѣній отъ его потомковъ, которые только при извѣстныхъ условіяхъ могутъ облагородиться; но, оставаясь подъ знаменемъ талмуда, имъ нѣтъ надежды на прогрессъ,—пройдетъ еще тысяча лѣтъ и все останется тѣмъ, чѣмъ есть.

Мы никогда не согласимся вымолвить слово за уравненіе правъ евреевъ, потому что находимъ это вреднымъ для русскаго народа въ настоящее время, когда онъ еще не окрѣпъ, пока эксплуатація его такъ легка, пока 12 милліоновъ русскихъ раскольниковъ не уравнены въ правахъ съ евреями.

Для насъ въ милліонъ разъ дороже эти русскіе люди ненужныхъ намъ пришельцовъ, которые и безъ того, какъ тараканы, ползутъ въ русскую землю, гдѣ будто бы имъ плохо. Чего они идутъ къ намъ? Что, мы просимъ ихъ, что ли, какъ древле наши предки просили варяговъ придти къ намъ и «володѣть» нами? Если пришли евреи къ намъ—пусть живутъ на тѣхъ условіяхъ, которыя они знаютъ, на которыя они шли. Изъ 6 милліоновъ евреевъ, разбросанныхъ по цѣлому свѣту, болѣе половины живутъ у насъ. Не чудеса ли это, что они лѣзутъ въ страну такую, какъ Россія,

когда есть такія свободныя страны, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ ихъ всего 150 тысячъ, какъ Англія, гдѣ ихъ всего 15 тысячъ, какъ Франція, гдѣ ихъ всего 49 тысячъ, или какъ Швеція, гдѣ ихъ только 1800 чел., какъ Норвегія, гдѣ ихъ только 25 человѣкъ? Что это за чудеса, говоримъ, такія? Просвѣщать что ли безкорыстно они идутъ къ намъ, гонимые духомъ пророческаго жара, учить космополитизму, любви къ цѣлому міру, а не къ родинѣ? Мы не хотимъ этой науки, потому что и наука любви къ родинѣ у насъ развита недостаточно; мы не можемъ переварить, какъ русскіе люди, что въ наше русское дѣло, въ наше родное горе вмѣшиваются какіе-то пришельцы и изъ этихъ пришельцевъ являются то эксплуататоры народной нужды, какъ во время русско-турецкой войны, то политическіе убійцы, самозванные радѣтели за русскій народъ, съ которымъ у нихъ ничего не можетъ быть общаго....

I.

Хронологическій перечень фактовъ убійства евреями христіанскихъ дѣтей для религіозныхъ цѣлей.

Вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей, подсказываемыхъ фанатизмомъ, и о добываніи ея посредствомъ истязаній и убійствъ, совершаемыхъ ими надъ христіанскими младенцами, — вопросъ этотъ, столь интересовавшій мыслящихъ людей всѣхъ вѣковъ и народовъ, конечно, не могъ не останавливать на себѣ общественнаго вниманія. И дѣйствительно, какъ неоспоримое доказательство такого вниманія, представляется обширная литература этого вопроса, заключающаяся во множествѣ сочиненій, во всѣ времена и во всѣхъ образованныхъ странахъ появлявшихся по этому предмету, которыя, собранныя вмѣстѣ, могли бы составить одни весьма обширную библіотеку. Назовемъ здѣсь наиболѣе замѣчательнѣйшія изъ нихъ, которыми и мы пользовались для своей книги.

Sigismund Hoffmann, Dissertatio de jud.-christianorum infanticidis;

P. Chr. Kirchner, zum Evangel. Christi bekehrter Rabbiner, 1720; его же, Schwer zu bekehrendes Judenthum, Zelle, 1690;

Gottl. Freitag, Dissertatio de jud.-christianorum infanticidis;

Pfarrer Oertel, Was glauben die Juden? Bamberg, 1823;

Eisenmerger, Entdecktes Judenthum, 1700;

S. P. Brentz, Abgestreifter judischer Schlangenband, Nürnberg; 1614;

Schrock's Kirchengeschichte;

Raymond Martin, Centuriae Magdeburgensae;

Cluverius, Epitome historiarum;

Socrates, Kirchengeschichte;

Sebastian Münster, Cosmographia;

Siegler, Täglicher Schauplatz;

Matthaei Radei, Bavaria Sancta, 1672;

Tentzal, Monatliche Unterredungen, 1690;

Georgii Crugerii, Sacripulveres;

Genebrandus, liber IV;

Fortatitium Fidei, lid. III;

Моецкій и Межитскій, Okrucienstwo Zidovskie 1618 и 1649;

Актъ сейму 1618 г. (Zarazy cienczkie i zutrapienia wielkie od Żydon);

Вагенція, Письма противъ евреевъ и ихъ вредныхъ дѣйствій, употребляемыхъ противъ христіанъ, въ Краковѣ;

Swoboda Żydowska, 1648 г., въ Краковѣ;

Авторитетное сочиненіе «Темный вопросъ» И. Козловскаго, бывшаго членомъ коммисіи въ Вильнѣ и завѣдывавшаго публичнымъ архивомъ тамъ же, и проч.

Плачъ дѣтей, умерщвленныхъ жидами, 1721, въ Краковѣ, и множество другихъ.

Что касается исторіи изувѣрнаго обычая и его фактическихъ проявленій, то она восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ и затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ проходитъ чрезъ всѣ вѣка нашего лѣтосчисленія, повторяясь въ различныхъ государствахъ и обществахъ, разнообразясь въ частностяхъ, но яв-

ляясь постоянно съ одними и тѣми же общими признаками.

Такъ: 1) еще при кесарѣ Константинѣ евреи были изгнаны изъ нѣкоторыхъ провинцій за то, что распяли христіанскаго ребенка на крестѣ въ страстную пятницу (въ 4-мъ вѣкѣ).

2) Въ уложеніи императора Ѳеодосія запрещено евреямъ праздновать воспоминанія свои поруганіемъ надъ подобіемъ креста, которое ими торжественно сожигалось; Ѳеодосій же запретилъ строить синагоги въ уединенныхъ мѣстахъ, въ предупрежденіе разныхъ, неоднократно случавшихся, неистовствъ; но евреи, не смотря на то, *распинали* тайно христіанскихъ *младенцевъ*, и нѣсколько человѣкъ ихъ были за это казнены, что случилось въ 419 году въ Сиріи, между Антіохіею и Халкидономъ, въ Инместарѣ [1]).

3) Въ царствованіе Фоки, евреи были изгнаны изъ Антіохіи за то, что умертвили, по изувѣрству, позорною смертію епископа Анастасія и убили многихъ христіанъ (Церковная исторія на польскомъ языкѣ).

4) Въ 1067 г., въ Прагѣ (въ Богеміи) шесть евреевъ, зашитыхъ въ мѣшкахъ, утоплены за то, что выпустили изъ трехлѣтняго младенца кровь и пересылали ее другимъ евреямъ, въ Тревизу [2]).

5) Въ Кіевскихъ пещерахъ почиваютъ донынѣ мощи преподобнаго Евстратія, котораго память празднуется 28-го марта. Въ житіи его, находящемся въ Патерикѣ, говорится, что св. угодникъ былъ кіевлянинъ, взятъ въ плѣнъ половцами, при нашествіи хана Боняка, въ 1096 году проданъ въ Корсунь жиду, который подвергъ его разнымъ мукамъ и, наконецъ,

---

[1]) Eisenmenger, т. II, разд. 220.

[2]) Моецкій, гл. 25.

въ праздниму пасхи своей, распялъ его на крестѣ, а потомъ бросилъ въ море. Тутъ нашли тѣло его русскіе христіане и привезли въ Кіевъ [1]).

6) Между Кобленцемъ и Бингеномъ, на Рейнѣ, есть часовня, въ которой находятся мощи замученнаго въ XI вѣкѣ евреями младенца, котораго мѣстные католики почитаютъ святымъ.

7) Въ 1172 году, въ Блау, во Франціи, евреи распяли ребенка, положили трупъ въ мѣшокъ и бросили въ рѣку Луару [2]).

8) 1177 году случилось то же самое и тамъ-же: въ самый день пасхи преступники пойманы, и нѣсколько евреевъ сожжено за то на кострѣ.

9) Въ 1179 году въ Германіи казнены евреи за распятіе ими на крестѣ ребенка [3]).

10) Въ 1146 году, въ Норвичѣ, въ Англіи, евреи были казнены за распятіе младенца Вильгельма въ страстную пятницу. Случай этотъ описанъ со всѣми подробностями [4]).

11) Въ Браѣ, во Франціи, евреи подкупомъ получили позволеніе казнить христіанина подъ предлогомъ, что онъ разбойникъ и убійца: они надѣли на него желѣзную корону, сѣкли его розгами и распяли (Тамъ-же и въ соч. Даля).

12) Писатели средневѣковаго періода Гегинъ и Наудеръ свидѣтельствуютъ въ общихъ словахъ, что парижскіе евреи въ XII вѣкѣ похищали къ пасхѣ младенцевъ и предавали ихъ въ подвалахъ мученической смерти.

13) Въ Глостерѣ, въ царствованіе Генриха II, евреи

---

[1]) Печ. Патер., листъ 169.
[2]) Centur. Magdeb. XII, cap. XIV.
[3]) Дубравіусъ, кн. 18, стр. 93.
[4]) Винценцій, кн. 27 и соч. Даля.

распяли христіанскаго младенца во время пасхи (тамъ же, гл. XI, XIV).

14) Въ 1179 году, въ Прагѣ (въ Богеміи) казнено много евреевъ за то, что мучили и распяли младенца [1]).

15) Въ 1180 г., близъ Орлеана, во Франціи, сожжено нѣсколько раввиновъ за умерщвленіе ребенка, котораго они бросили послѣ въ воду; въ этомъ же самомъ году за подобныя же злодѣйства жиды были изгнаны изъ Франціи [2]).

16) Въ 1180 г., въ Германіи изъ Аугсбурга всѣ евреи были высланы за умерщвленіе младенца Даль, пис. русск.).

17) Въ 1183 г., по дѣлу объ умерщвленіи младенца въ великій пятокъ, евреи сознались предъ судомъ въ этомъ преступленіи, а равно и въ томъ, что обязаны дѣлать это по требованію своей религіи [3]).

18) Въ 1228 г., въ Германіи, въ Бехарацѣ, евреи замучили ребенка и положили подъ гнетъ, чтобы выжать изъ него кровь. .

19) Въ 1228 г. въ Аугсбургѣ евреи распяли ребенка (Даль, сочиненіе Объ отысканіи крови).

20) Въ 1234 г., въ Норвичѣ евреи похитили ребенка и держали его втайнѣ нѣсколько мѣсяцевъ до пасхи, но не успѣли совершить своего злодѣянія: ребенокъ былъ отысканъ, а они казнены [4]).

21) Въ 1250 г., въ Аррагоніи евреи распяли во время своей пасхи семилѣтняго ребенка [5]).

22) Въ 1255 г, въ Линкольнѣ, въ Англіи, евреи похитили осьмилѣтняго ребенка, сѣкли его бичами, вѣн-

---

[1]) Гагель, листъ 303.

[2]) Тьеръ, кн. 4, стр. 35.

[3]) Винценціусъ, кн. 29, гл. 25.

[4]) Даль въ сочиненіи, напечатанномъ по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургѣ.

[5]) Eisenm., т. II, p. 220.

чали терновымъ вѣнцомъ и распяли на крестѣ. Мать нашла его трупъ въ колодцѣ; евреи были изобличены и сознались, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ на мѣстѣ растерзанъ лошадьми, а девяносто отведены въ Лондонъ и тамъ казнены. (Даль).

23) Въ 1257 г., въ Лондонѣ евреи принесли въ жертву на праздникъ пасхи христіанскаго младенца [1]).

24) Въ 1261 г., въ Германіи, въ деревнѣ Тохранъ, евреи выпустили у семилѣтней дѣвочки изъ всѣхъ жилъ кровь, трупъ же бросили въ рѣку, гдѣ онъ былъ найденъ рыбаками; бывъ изобличены, злодѣи частію колесованы, частію повѣшаны. (Шлешекъ и Даль).

25) Въ 1282 г., женщина продала евреямъ украденнаго ребенка, а они замучили его, исколовъ по всему тѣлу. Когда та же женщина хотѣла передать имъ еще другаго ребенка, то была поймана, созналась во всемъ подъ пыткой и указала мѣсто, гдѣ былъ брошенъ первый ребенокъ; по этому поводу было въ Мюнхенѣ возстаніе, во время котораго множество евреевъ были убиты [2]).

26) Въ 1287 г., въ Бернѣ, въ Швейцаріи, нѣсколько евреевъ колесованы за умерщвленіе младенца, а остальные высланы [3]).

27) Въ 1295 г., евреи вторично высланы были изъ всей Франціи за подобныя преступленія (Даль).

28) Въ 1303 г. нѣсколько евреевъ сожжены за умерщвленіе дворянскаго младенца, который найденъ въ водѣ [4]).

29) Въ 1305 г., въ Прагѣ, евреи умертвили къ пасхѣ христіанскаго ребенка, (соч. Даля).

---

[1]) Eisenm., т. II, параграфъ 22.

[2]) Eisenm., т. II, стр. 220.

[3]) Книга уголовнаго производства надъ евреями и соч. Даля.

[4]) Eisenm., т. II, р. 221.

30) Въ 1331 г., въ Германіи, въ Губерлинѣ, евреи распяли на крестѣ ребенка, за что заперты были въ одинъ жидовскій домъ и сожжены. (Шлешекъ, глав. 9).

31) Въ 1345 г., въ Мюнхенѣ женщина продала ребенка Генриха евреямъ, кои нанесли ему до 60 ранъ и распяли его на крестѣ [1]).

32) Въ 1400 г., въ Тюрингіи евреи купили у католика ребенка и замучили его; маркграфы Фридрихъ и Вильгельмъ повелѣли за это колесовать и четвертовать какъ продавца—католика, такъ и евреевъ. (Маемосъ, глав. 33).

33) Въ 1401 г., въ Швабіи народъ возсталъ по поводу умерщвленія двухъ христіанскихъ дѣтей, купленныхъ у какой-то женщины; евреи заперты были вмѣстѣ съ этой женщиной въ синагогѣ и всѣ сожжены. (Маемосъ, л. 33).

34) Въ 1407 г., въ Краковѣ, при королѣ Ягеллѣ, народъ возмутился по случаю умерщвленія евреями ребенка, при чемъ убито много евреевъ, опустошены и выжжены дома ихъ, и всѣ они выгнаны изъ города. (Длугошъ, кн. 10 и Гамбицкій, разд. 7).

35) Въ 1420 г., въ Вѣнѣ, казнено нѣсколько евреевъ за то, что, убивъ ребенка, вынули изъ него сердце, сожгли его, растерли въ порошокъ и пили въ винѣ. Случай этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что напоминаетъ нашихъ раскольниковъ толка дѣтогубцевъ, съ тою лишь разницей, что раскольники хотя дѣлали тоже, но не сами пили порошокъ, а опаивали имъ другихъ, для привлеченія посредствомъ этихъ чаръ къ своему братству (соч. Даля).

36) Въ 1454 г., въ Вѣнѣ, при Фридрихѣ, сожжено 300 евреевъ за умерщвленіе ими трехъ дѣтей (Маемосъ и Даль).

---

[1]) Eisenm., т. II, разд. 221.

37) Въ 1457 г., въ Ангонѣ, крещеный раввинъ Эмануилъ объявилъ, что бывшій тамъ лекарь изъ евреевъ отрѣзалъ голову служившему у него мальчику-христіанину и собралъ тщательно кровь (соч Даля).

38) Онъ же показалъ и о другомъ подобномъ случаѣ, гдѣ евреи распяли мальчика, кололи его и собирали кровь въ сосуды.

39) Въ 1486 г., въ Регенсбургѣ, найдено въ одномъ жидовскомъ погребѣ шесть труповъ христіанскихъ младенцевъ, и, при изслѣдованіи, открытъ тутъ же камень, обмазанный глиной, подъ которою найдены на камнѣ слѣды крови, изъ чего можно было заключить, что дѣти на немъ были убиты [1]).

40) Въ 1445 г., въ Тріентѣ, въ Тиролѣ. (соч. Даля).

41) Въ 1486 г., въ Братиславлѣ (Бреславлѣ), (тамъ же).

42) Въ 1494 г., въ Бранденбургѣ казнены и частію сожжены были евреи за убіеніе христіанскихъ младенцевъ. (тамъ же).

Что касается тріентскаго происшествія, то вотъ его подробности [2]). Трехлѣтній ребенокъ Симеонъ убитъ былъ въ четвертокъ на страстной недѣлѣ (жители чествовали его какъ мученика). Еврей Товій принесъ его въ школу; тутъ евреи зажали ему ротъ, держали за руки и за ноги, вырѣзали кусокъ мяса изъ правой щеки, кололи большими иглами по всему тѣлу и, собравъ кровь его, тотчасъ положили въ опрѣсноки; ругались надъ ребенкомъ, называя Іисусомъ Христомъ, и затѣмъ бросили трупъ въ воду. Родители нашли трупъ и донесли объ этомъ властямъ (Іоанну Салисскому и гражданину Бриксену), кои вынудили отъ ев-

---

[1]) Eisenmeng., т. II, p. 222.

[2]) Eisenmenger, т. II, p. 221, Münster's Cosmographia, p. 342, Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum, p. 115, Tentzal, Monatliche Unterredungen.

реевъ пыткою сознаніе во всѣхъ подробностяхъ этого злодѣйства. На могилу младенца ходили на поклоненіе, но папа Сикстъ IV воспротивился этому и запретилъ даже преслѣдованіе тріентскихъ евреевъ, потому вѣроятно, что евреи успѣли склонить въ пользу свою приближенныхъ къ папѣ людей. Происшествіе это изображено было, во Франкфуртѣ, на картинѣ, которая существовала еще въ 1700 году, съ подробною надписью, какъ о томъ разсказываетъ очевидецъ Эйзенменгеръ.

43) Въ 1492 г. евреи по подобнымъ обвиненіямъ изгнаны изъ Испаніи. (соч. Даля).

44) Въ 1496 г., въ Терновѣ, евреи, умертвивъ ребенка, были уличены и, подъ пыткою, сознавшись во всѣхъ подробностяхъ злодѣянія, показали, что по очереди въ различныхъ мѣстахъ стараются добывать кровь христіанскую для леченія разныхъ болѣзней, и что эта очередь пришла и къ Тернову [1]).

45) Въ 1502 г., въ Прагѣ еврей сожженъ на кострѣ за убіеніе младенца и выпущеніе изъ него крови. (Гагель, л. 122).

46) Въ 1509 г., въ Босингенѣ, въ Венгріи, евреи замучили ребенка, украденнаго ими у одного колесника, и, исколовъ его по всему тѣлу, выпустили кровь, а трупъ кинули за городъ. Виновные сознались подъ пыткою и казнены [2]).

47) Въ 1510 г. евреи изгнаны были изъ Англіи по такому же обвиненію. (соч. Даля).

48) Около того же времени еврей укралъ сына одного мѣщанина въ Данцигѣ. (соч. Даля).

49) Въ Глозавѣ при королѣ Августѣ, шестилѣтній

---

[1]) Bonfinii Rerum Hungaricarum 1, 4, sect. 5 ed. 1581 anno p. 718.

[2]) Eisenmeng., т. II, p. 222.

мальчикъ Донематъ и семилѣтняя дѣвочка Доротта замучены евреями. (соч. Даля).

50) Въ Равѣ два еврея украли ребенка у сапожника и лишили его жизни, за что были казнены. (Даля).

51) Въ 1540 г., въ княжествѣ Нейбургѣ, евреи звѣрскимъ образомъ замучили христіанскаго младенца, который жилъ еще трое сутокъ. Дѣло обнаружилось тѣмъ, что еврейскій мальчикъ, играя съ другими на улицѣ, сказалъ: «Три дня вылъ этотъ щенокъ и насилу издохъ». Это слышали посторонніе люди; а потому, когда обезображенный трупъ былъ найденъ въ лѣсу пастушечьей собакой и сбѣжался народъ, то уже знали за кого взяться; кровь этого мученика найдена была, между прочимъ, и въ другомъ городѣ Пожеленѣ [1]).

52 и 53) Въ 1556 г. въ Нарвѣ и въ Бѣльскѣ евреи подозрѣвались въ томъ же преступленіи, но успѣли исходатайствовать особое по сему предмету повелѣніе польскаго короля Сигизмунда, коимъ опровергалось это подозрѣніе, какъ нелѣпое, и король предоставлялъ впередъ подобные случаи своему собственному суду.

54) Въ 1569 году, въ Польшѣ, въ Ленчицахъ, въ Воловскомъ монастырѣ, евреи украли и умертвили двухъ младенцевъ (соч. Даля).

55) Въ 1571 году, въ Германіи, евреи содрали кожу съ одного христіанина, по имени Брагадина, и мученически его умертвили [2]).

56) Въ 1574 г., въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Понѣ, евреи замучили одного младенца.

57) Въ 1588 году, въ Вильнѣ на предмѣстьи—пятерыхъ, и

---

[1]) Eisenmenger, т. II, p. 233.

[2]) Eisenmenger, т. II, p. 219.

58) Въ Тарновѣ, въ Глобицахъ, одного, за что виновные были казнены смертью (соч. Даля).

59, 60 и 61) Въ 1590 г., въ Польшѣ, въ Ольшовской волѣ подъ Шидловцемъ, въ Курозвакахъ и Петергофѣ, евреи замучили троихъ младенцевъ.

62) Въ 1793 г. тамъ же женщина продала евреямъ троихъ украденныхъ дѣтей (соч. Даля).

63) Въ Красноставцахъ замученъ такимъ же образомъ студентъ или ученикъ школы (соч. Даля).

64) 1597 г., въ Шидловцѣ, евреи окропили школу или молельню свою кровью замученнаго ими христіанскаго ребенка, что и записано въ судебныхъ книгахъ. Это согласно съ еврейскимъ обрядомъ помазывать двери въ домахъ своихъ кровью пасхальнаго агнца, а равно и съ вышепомѣщенными показаніями о семъ предметѣ унтеръ-офицера изъ евреевъ Савицкаго и свидѣтельствомъ Пикульскаго, что евреи помазываютъ этою кровію двери въ домѣ христіанина. Также точно они не только ѣдятъ сами опрѣсноки съ кровію, но охотно угощаютъ ими и христіанъ (соч. Даля).

65, 66 и 67) Въ 1598 г., въ Люблинѣ, въ Колѣ и Кутнѣ, замучены три младенца, о чемъ существуетъ печатное дѣлопроизводство; особенно замѣчателенъ декретъ люблинскаго трибунала. Младенецъ Альбертъ былъ найденъ въ лѣсу, при деревнѣ Возники, исколотый, изрѣзанный; евреи были изобличены; подъ пыткою всѣ пять человѣкъ, допрошенные порознь, показали одно и то же, сознавшись во всемъ, и повторили гласно показанія свои въ судѣ и въ присутствіи нарочно призванныхъ къ сему евреевъ. Этотъ случай былъ также предъ пасхой; еврей Якимъ показалъ, что не участвовалъ въ убійствѣ, а видѣлъ случайно кровь младенца въ горшкѣ и даже отвѣдалъ ее, обмакнувъ палецъ и полагая, что это медъ; жена Марка, богатаго арен-

датора, у котораго жилъ Якимъ, не велѣла ему никому говорить о томъ, что видѣлъ, но не открыла ему тайны, для чего нужна эта кровь; Якимъ однако же слышалъ давно отъ другихъ евреевъ, что имъ кровь точно нужна (соч. Даля).

Ааронъ сознался, что онъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ, укралъ младенца, когда отвозили солодъ; они передали младенца Зельману, который зарѣзалъ его, собралъ кровь и нанялъ работницу Настасью, чтобы вынести трупъ въ лѣсъ. Ааронъ впослѣдствіи нѣсколько разъ повторялъ это показаніе, не отрекаясь отъ словъ своихъ, но не каялся, а показывалъ закоснѣлое изувѣрство, даже когда узналъ о смертномъ приговорѣ.

Исаакъ также сознался, показавъ о всѣхъ мелочныхъ обстоятельствахъ согласно съ Аароном и дополнивъ ихъ отвратительною подробною картиною истязанія и смерти мученика; по словамъ его, кровь была роздана для употребленія въ опрѣсноки.

Мошко, изъ Медзержинца, показалъ совершенно то же и объяснилъ, почему евреи замученныхъ младенцевъ не хоронятъ, сказавъ, что это противно вѣрѣ ихъ и что, по требованію ихъ религіи, убитаго младенца нужно выкинуть, а не зарывать. Правило это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сказано было объ этомъ предметѣ выше, въ показаніяхъ крещенаго еврея Савицкаго. Работница Настасья, христіанка, созналась во всемъ безъ пытки; она присовокупила, что еврейка-хозяйка ея сказала ей, вынося вмѣстѣ съ нею трупъ, что если бы предать его землѣ, то всѣ бы евреи погибли. Виновные были казнены [1]).

68) Въ 1601 г. въ Польшѣ, въ Чарградѣ, евреи умертвили дѣвочку,

69) въ 1606 г., въ Люблинѣ—мальчика, и

[1]) Eisenmenger, т. II, разд. 233. Tentzal, Monatl. Unterredungen 1693).

70) въ 1607 г., въ Зволинѣ, въ Польшѣ, мальчика, который впослѣдствіи найденъ въ водѣ обезображеннымъ, съ отрѣзанными членами (соч. Даля).

71) Въ 1610 г., въ Сташевѣ, въ Польшѣ, еврей Шмуль укралъ младенца, продалъ его въ Шидловецъ, гдѣ евреи схвачены въ то самое время, когда истязали свою жертву. Евреи четвертованы, а тѣло младенца положено въ часовнѣ, съ надписью: «Filius Johannis Koval et Susannae Nierichtowskie, civium Staszowiensium, cujus vox sanguinis vindictum clamat ut Judei nominis Christiani hostes pellantur Staszovie», то есть: сынъ Ивана Коваля и Сусаны Нерихотовскихъ, гражданъ сташевскихъ, коего гласъ кровавой мести взываетъ объ изгнаніи изъ Сташева евреевъ, враговъ христіанскаго имени.

72) Въ 1616 г. апрѣля 24 дня, въ Вильнѣ, еврей Бродавка умертвилъ младенца Іоанна, сына крестьянина помѣщика Олесницкаго (Даль).

73) Въ 1617 г., въ Сельцахъ, подъ Луковомъ, замученный евреями младенецъ отысканъ и положенъ въ коллегіатѣ въ Люблинѣ (Даль).

74) Въ 1626 г., въ Сахачевѣ нѣсколько христіанскихъ дѣтей были украдены евреями и умерщвлены (соч. Даля).

75) Въ 1628 г., въ Сендомірѣ, евреи замучили двухъ мальчиковъ, сыновей аптекаря (соч. Даля).

76) Въ 1636 г. послѣдовалъ декретъ люблинскаго трибунала по такому же дѣлу.—Евреи пригласили подъ какимъ-то предлогомъ кармелитскаго ляика (послушника); кинувшись на него, внезапно выпустили изъ него много крови и, угрожая смертію, обязали страшною клятвою не обнаруживать происшедшаго. Но вслѣдствіе этого насилія, послушникъ тяжело заболѣлъ и сознался во всемъ настоятелю, а самъ вскорѣ скончался и, предъ смертію, присягою подкрѣпилъ спра-

ведливость своего показанія. При слѣдствіи оно во всемъ подтвердилось, и евреи были казнены (соч. Даля).

77) Калишской губерніи, въ городѣ Ленчицахъ, въ костелѣ бернардиновъ, донынѣ находится трупъ замученнаго евреями младенца. Потомки виновныхъ долгое время обязаны были носить по городу ежегодно, въ день совершенія преступленія, картину, изображавшую участвовавшихъ въ злодѣйствѣ евреевъ, кои были казнены. Впослѣдствіи обычай этотъ вывелся, и на евреевъ наложена была, вмѣсто того, въ пользу монастыря денежная пеня (Даль).

78) Въ 1639 г., въ Комотицахъ евреями замученъ ребенокъ (Даль).

79) Въ томъ же году, въ Ленчицахъ случилось подобное происшествіе, подлинные акты о коемъ недавно еще были въ цѣлости и изъ нихъ сдѣлана выписка. Крестьянинъ Мендикъ былъ обольщенъ евреями продать ребенка-христіанина, Михалковича, раввину Мейеру; собравшись ночью, евреи замучили ребенка точно такимъ образомъ, какъ бывало во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, искололи его по всему тѣлу и выпустили изъ него кровь, а трупъ возвратили тому же крестьянину Мендику. Упреки совѣсти заставили этого человѣка донести на себя и на евреевъ, при чемъ онъ показалъ, что прежде того продалъ имъ еще двухъ младенцевъ. Мендикъ подтвердилъ то же подъ присягою и на двукратной пыткѣ огнемъ, равно и на лобномъ мѣстѣ, передъ казнью. Такимъ образомъ, Мендика, какъ сознавшагося, четвертовали; евреи же, упорно отрицавшіе всякое участіе свое въ дѣлѣ и не сознавшіеся ни въ чемъ, высшимъ судомъ были освобождены и оправданы. Это было для христіанъ урокомъ впредь и самимъ не сознаваться и не уличать евреевъ въ подобныхъ преступленіяхъ (Даль).

80) Въ 1648 г., въ Иванишнахъ евреи замучили и искололи ребенка, а раны залили воскомъ. (Сочиненіе объ отысканіи крови).

81) Въ 1650 г. 21 марта, въ Каденѣ колесованъ одинъ еврей за то, что умертвилъ ребенка, нанеся ему 8 ранъ и обрѣзавъ пальцы на рукахъ [1]).

Въ 1649 г. евреи истязали и умертвили младенцевъ:

82) въ Хвостовѣ,

83) въ Кіяхъ, близъ Пингова,

84) въ Негословицахъ подъ Ваканповымъ,

85) въ Сециминѣ и

86) въ Опатовѣ (виновные казнены).

87) Въ 1655 г. въ Бреженицѣ, подъ Сандоміромъ, въ томъ же обвиненъ арендаторъ Ицко. Въ томъ же обвиняли евреевъ:

88) въ Островѣ, подъ Люблиномъ, и

89) въ Пращѣ.

90) Въ 1660 г., въ Тунгухѣ (Tunguch), въ Германіи, евреи въ пасхѣ зарѣзали христіанскаго ребенка, за что и сожжено ихъ 45 человѣкъ [2]).

91) Въ 1669 году, около Меца, во Франціи, еврей Леви укралъ ребенка, который и найденъ былъ мертвымъ въ лѣсу, а виновный сожженъ.

92) Въ 1665 году, 12 мая, въ Вѣнѣ евреи мученически умертвили женщину, которая найдена изрѣзанною на части въ озерѣ; а такъ какъ подобныя злодѣянія повторялись и впослѣдствіи, то въ 1701 г. евреи и были изгнаны императоромъ изъ Вѣны [3]).

Въ 1689 г., подобныя же происшествія, при чемъ виновные также понесли наказаніе, были:

93) въ Жулковѣ,

[1]) Eisenmenger, т. II, p. 223.
[2]) Eisenmenger, т. II, p. 223.
[3]) Eisenmenger, т. II, p. 220.

94) въ Лембергѣ (Львовѣ),

95) въ Цехановѣ, и

96) въ Дрогобецкѣ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ судьи, собравшіеся по этому дѣлу, всѣ были отравлены.

97) Въ Минской губерніи, близъ Слуцка, въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, почиваютъ мощи младенца Гавріила, замученнаго евреями въ 1690 году. Въ надписи разсказаны всѣ подробности этого происшествія, изъ которыхъ явствуетъ, что злодѣйство совершено въ Бѣлостокѣ и трупъ найденъ въ густомъ хлѣбѣ, съ обычными въ сихъ случаяхъ знаками. Собаки лаемъ своимъ открыли тѣло младенца, признаннаго впослѣдствіи мѣстнымъ угодникомъ. Въ честь ему сочинены молебныя пѣсни, извѣстныя подъ названіемъ тропаря и кондака. Еврей-арендаторъ, Шутна, былъ главный убійца. О судебномъ производствѣ по сему дѣлу памятниковъ не осталось, такъ какъ они погибли во время пожаровъ (соч. Объ отысканіи крови).

98) Въ 1694 г., во Владимірѣ на Волыни умерщвленъ евреями христіанскій младенецъ (соч. объ отысканіи крови, напечат. въ 1848 г.).

99) Въ 1697 г. тоже случилось въ Новомъ Мѣстѣ подъ Раввою, и

100) въ Вильнѣ, гдѣ нѣсколько евреевъ за мученическое убійство младенцевъ были казнены.

Такія же убійства совершились въ 1698 и въ послѣдующихъ годахъ:

101) въ воеводствѣ Брестскомъ, въ Заблудовѣ,

102) въ Коднѣ, подъ Замостьемъ,

103) въ Сендомірѣ,

104) въ Рожанахъ,

105) въ Слонимѣ; въ послѣднемъ городѣ евреи замучили семерыхъ дѣтей, а въ Бродахъ отравили епископа Цешейку.

106) Въ 1699 г., въ Цехановѣ и въ Бѣлой, евреи были казнены на площади, предъ синагогою, за то, что, опоивъ молодаго человѣка-христіанина, выпустили изъ него кровь и уморили.

107, 108 и 109) Въ 1705 г., въ Гроднѣ, въ Цемейлевѣ и Рженсовѣ, евреи замучили къ пасхѣ трехъ христіанскихъ дѣтей (Даль).

110) Въ 1750 г. евреи по такому же дѣлу изгнаны изъ Каменецъ-Подольскаго (соч. Даля).

111) Въ 1753 г., въ Житомірѣ былъ случай, разслѣдованный во всей подробности и доказанный слѣдствіемъ и судомъ, и самое рѣшеніе по сему дѣлу отыскано было въ 1831 г. Въ страстную пятницу, 20 апрѣля 1753 г., въ деревнѣ Макрова Вольница, евреи поймали вечеромъ трехлѣтняго младенца Стефана Студзинскаго, унесли его въ корчму, поили медомъ и кормили хлѣбомъ, размоченнымъ въ водѣ, отъ чего ребенокъ заснулъ и лежалъ спокойно за печкой. Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье евреи собрались, завязали ребенку глаза, зажали ротъ клещами и, держа надъ лоханью, кололи со всѣхъ сторонъ острыми гвоздями, качая и приподнимая для удобнѣйшаго источенія крови. Когда страдалецъ испустилъ духъ, то трупъ былъ отнесенъ въ лѣсъ, гдѣ и найденъ на другой же день. По очевиднымъ уликамъ, еврейки Брейна и Фружа безъ пытки сознались въ этомъ убійствѣ, равно какъ и мужья ихъ, ими же уличенные. Затѣмъ они сдѣлали столь подробное описаніе этого злодѣйскаго преступленія, что уже не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія. Евреи были преданы жестокой казни: въ Житомірѣ у раввина Полоцкаго и пяти другихъ евреевъ сожжены подъ висѣлицею руки, обмотанныя смолистой пенькой, вырѣзаны по три ремня изъ спины, потомъ они четвертованы, головы посажены на колъ, а

тѣла повѣшены; одинъ, принявшій св. крещеніе, обезглавленъ. Въ то время была написана картина, изображающая трупъ младенца Студзинскаго въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ найденъ, исколотый по всему тѣлу. Подлинная картина вѣроятно цѣла еще и донынѣ: она хранилась у архіепископа львовскаго.

112 и 113) Въ 1799 г., какъ видно изъ дѣлъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій (дѣло Державина), было два подобныхъ случая. Около Рѣжицы найденъ въ лѣсу мертвый человѣкъ, съ необыкновенными ранами и знаками на тѣлѣ, съ правою рукой, пересѣченной какъ бы долотомъ, съ другою раной повыше лѣваго локтя, съ третьею подобной подъ лѣвой икрой, съ четвертою на спинѣ и со множествомъ мелкихъ ранъ, какъ бы все тѣло было истыкано шиломъ. Человѣкъ это вывезенъ былъ въ лѣсъ изъ еврейской корчмы. Слѣдствіе по дѣлу ничего не открыло, потому что всѣ евреи, взятые подъ стражу, бѣжали и не были розысканы. Въ томъ же году предъ пасхой, въ Сенинскомъ уѣздѣ, близъ еврейской корчмы, найденъ трупъ женщины съ исколотыми лицомъ, руками и ногами и съ знаками уколовъ по всему тѣлу, тогда какъ на платьи не оказалось никакого слѣда крови, изъ чего и видно, что она была раздѣта, исколота, лишена жизни, а потомъ обмыта и одѣта. По слѣдствію также ничего не открыто (соч. Даля).

114) Въ 1805 г., въ велижскомъ окружномъ судѣ производилось дѣло о найденномъ въ рѣкѣ Двинѣ трупѣ 12-ти-лѣтняго мальчика, Трофима Никитина, который былъ зарѣзанъ и по всему тѣлу исколотъ, въ чемъ обвинялись три еврея и въ томъ числѣ Хаимъ Черный, впослѣдствіи вторично попавшійся въ подобномъ дѣлѣ въ 1823 году. По недостатку уликъ, дѣло было предано волѣ Божіей, но впослѣдствіи открылись важныя

упущенія дѣлопроизводителей, за что на земскій и уѣздный суды наложена была пеня, самое же дѣло, впрочемъ, не подвергалось новому пересмотру (соч. Объ отысканіи крови, изд. 1848 г.).

115) Въ 1811 году въ Витебской губерніи, въ деревнѣ помѣщицы Томашевской, предъ Пасхой у крестьянина Тамулевича пропалъ изъ колыбели ребенокъ, но слѣдствіемъ не открыто ничего, хотя многія обстоятельства и уличали евреевъ въ его похищеніи (соч. Даля).

116) Въ 1816 г. въ Гроднѣ, въ Пасху, найдена мертвая крестьянская дѣвочка Адамовичева, у которой одна рука была вырѣзана у локтеваго сустава, а тѣло все исколото. Въ убійствѣ подозрѣвались евреи, и первое изслѣдованіе усилило подозрѣніе; но евреи, какъ и всегда, не дремали: они послали депутатовъ въ Петербургъ, съ жалобою на такое оскорбительное для нихъ подозрѣніе, приписывая его ненависти къ нимъ поляковъ за ихъ приверженность къ русскому правительству, вслѣдствіе чего и состоялось Высочайшее повелѣніе отъ 28-го февраля (объявленное 6-го марта) 1817 г., чтобы евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей по одному предразсудку, будто они имѣютъ нужду въ христіанской крови. На семъ основаніи, гродненскому губернскому начальнику сдѣлано было Высочайшее замѣчаніе, и дѣло прекращено. Но, по настоянію губернскаго прокурора, который нашелъ неправильности и неполноту въ первоначальномъ слѣдствіи, оно было возбуждено чрезъ 10 лѣтъ. Государственный совѣтъ, принявъ въ разсужденіе десятилѣтнюю давность и Высочайшее повелѣніе 1817 года, коимъ подобныя подозрѣнія на евреевъ принимать запрещено, положилъ предать дѣло это забвенію. Крещеный еврей Савицкій при семъ случаѣ вызвался

изобличить евреевъ, если только его обезпечатъ отъ угрожающей ему въ семъ дѣлѣ опасности; но Государственный Совѣтъ призналъ, что такого рода изслѣдованія запрещены помянутымъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

117) Въ 1821 году, на берегу рѣки Двины найдено тѣло дѣвицы Христины Слѣповронской, и въ убійствѣ ея подозрѣвались евреи, хотя и ничего не открыто.

118) Въ 1821 г., около Пасхи, Могилевской губерніи Чаусовскаго уѣзда, въ селѣ Голеньяхъ найдено мертвое тѣло мальчика Лазарева, о которомъ по наружнымъ признакамъ заключили, что онъ умерщвленъ изувѣрами-евреями. Губернаторъ началъ строгое слѣдствіе; но евреи, пославъ опять депутатовъ въ Петербургъ, жаловались на такія оскорбительныя для нихъ обиды, какъ чинимыя вопреки Высочайшаго повелѣнія 1817 г. Дѣло было прекращено, а губернскому правленію сдѣлано строжайшее замѣчаніе за то, что оно поступило вопреки Высочайшаго повелѣнія, возбудивъ подобное подозрѣніе на евреевъ.

119) Въ 1823 г., пасторъ Эртель обнародовалъ подобный случай, бывшій въ Баваріи [1]).

120) Въ 1823 году случилось подобное происшествіе въ Велижѣ, Витебской губерніи, и составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣлъ по огромности производства, запутанности, большому числу прикосновенныхъ къ нему лицъ, обнаруженію при семъ случаѣ другихъ подобныхъ злодѣяній, продолжительности и потому наконецъ, что восходило на окончательное рѣшеніе Государственнаго Совѣта. Такъ какъ объ этомъ дѣлѣ имѣются точныя и полныя свѣдѣнія и оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, то и будетъ подробно изложено нами въ особой главѣ.

---

[1]) Was glauben die Juden? vom Pfarrer Oertel, Bamberg, 1823.

При разслѣдованіи по Велижскому дѣлу открыто было еще нѣсколько подобныхъ дѣлъ, но по всѣмъ этимъ дѣламъ, рѣшеннымъ вмѣстѣ, улики и доказательства признаны недостаточными. Сюда принадлежали:

121) Убійство въ Велижѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ въ 1817 году. Первое показаніе объ этомъ дѣлали: работница Терентьева, которая, по ея свидѣтельству, сама привела за деньги мальчиковъ въ домъ еврея Цетлина; работницы Максимова и Ковалева, участвовавшія тоже въ этомъ дѣлѣ, сознались и подтвердили показаніе первой; а Ковалева, будучи крѣпостной богатыхъ евреевъ Берлиныхъ, которые купили цѣлое имѣніе на имя уѣзднаго казначея Сумки, до того испугалась своего признанія, что, проплакавъ цѣлую ночь и утверждая, что она теперь пропала, удавилась. Мальчикамъ, по показанію этихъ женщинъ, евреи остригли ногти, потомъ сдѣлали обрѣзаніе, качали ихъ въ бочкѣ, перевязали ремнемъ ноги подъ колѣнами, кололи по всему тѣлу, собирая вытекающую кровь, а мертвыхъ бросили съ пристани въ рѣку Двину. Показанія этихъ трехъ женщинъ, несмотря на запутанность, носятъ на себѣ, въ отвратительныхъ подробностяхъ своихъ, отпечатокъ неотвергаемой истины. Такъ, напримѣръ, Ковалева въ слезахъ и страхѣ разсказывала, гдѣ и по какому случаю она видѣла (въ особомъ ларцѣ) у Цетлиной сухія лепешки изъ крови этихъ мальчиковъ и часть крови, собранной въ серебряный стаканъ, присовокупляя, что кровь уже испортилась и пахла мертвечиной.

122) Она же, Ковалева, при этомъ случаѣ показала, что, по всей вѣроятности, тѣ же самые евреи убили роднаго ея брата Якова, но что она не смѣла объ этомъ говорить. По справкѣ оказалось, что малолѣтній Яковъ въ 1818 г. умеръ будто бы отъ нанесенной самимъ се-

бѣ по неосторожности раны; дѣло это, за давностью, оставлено было безъ вниманія.

123) По тому же дѣлу обнаружилось, что тѣ же велижскіе евреи въ 1817 г. истязали и умертвили шляхтянку Дворжицкую, взрослую женщину, коей останки были найдены въ лѣсу. Дворжицкую напоили пьяною, раздѣли, качали въ бочкѣ, били по щекамъ, ругались надъ нею, положивъ на два стула, кололи въ разныхъ мѣстахъ и собирали кровь въ подставленную посуду; мертвую обмыли, положили въ пошевни и вывезли за городъ въ лѣсъ. Изъ этого происшествія, между прочимъ, видно, что евреи, посягающіе на подобное дѣло, не ограничиваются убійствомъ однихъ только младенцевъ или мужчинъ, но готовы воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, дабы убить христіанина и взять кровь его для суевѣрныхъ обрядовъ. Впрочемъ, Терентьева именно показала, что не знаетъ, куда евреи употребляли кровь Дворжицкой, но замѣтила, что они, разсматривая кровь эту, находили ее черною и были тѣмъ недовольны.

124) По тому же дѣлу обнаружилось убійство евреями двухъ дѣвочекъ нищихъ, въ 1819 г., въ Семичевской корчмѣ, около Велижа. И здѣсь возмутительныя подробности, во всемъ согласныя съ обстоятельствами и съ другими свѣдѣніями о подобныхъ дѣлахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности происшествія. Многіе евреи, оговоренные по сему дѣлу, изобличены были въ совершенно ложныхъ показаніяхъ и дерзкой лжи, между прочимъ, въ увѣреніяхъ, что вовсе не знали и никогда не видали Терентьевой, тогда какъ доказано было, что они знали ее очень хорошо.

125) Въ 1821 году, въ голодное время года, дѣти ходили по міру, и жиды, зазвавъ ихъ въ корчму, за

перли порознь, а послѣ по одиночкѣ умертвили мученическимъ образомъ. Соучастницы жидовъ, Максимова и Терентьева, назвали поименно большую часть виновныхъ, описавъ во всей подробности, какъ преступленіе было совершено, кто гдѣ стоялъ, что говорилъ и дѣлалъ. Одинъ жидъ доведенъ былъ уликами до того, что смѣшался и, зарыдавъ, сказалъ въ присутствіи коммисіи: «Если кто изъ моей семьи признается и скажетъ все это,—тогда и я сознаюсь». Другіе жиды или упорно молчали, или выходили изъ себя и неистово кричали и угрожали свидѣтелямъ, ругали и бранились дотого, что ихъ выводили вонъ, и коммисія не могла продолжать допросовъ.

126) Въ 1827 году, около Пасхи, Ковенской губерніи Тельшевскаго уѣзда, въ деревнѣ помѣщика Дымши, пропалъ безъ вѣсти семилѣтній ребенокъ Петровичъ. Пастухъ Жуковскій объявилъ, что видѣлъ самъ, какъ жиды поймали ребенка въ полѣ и увезли; трупъ найденъ впослѣдствіи искаженный точно такимъ образомъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; возникло дѣло; жиды путались при допросахъ, дѣлали разныя показанія, снова ихъ отмѣняли, и наконецъ изобличены были въ злодѣйствѣ этомъ настолько, насколько можно уличить людей, не имѣющихъ въ свое оправданіе ничего кромѣ голословнаго запирательства. Не смотря на то, что въ этомъ случаѣ былъ даже одинъ посторонній свидѣтель, помянутый пастухъ, жиды были оставлены только въ подозрѣніи. И это конечно уже доказываетъ, что всѣ улики, кромѣ сознанія, были на виду, ибо во всѣхъ другихъ современныхъ намъ случаяхъ, описанныхъ выше и ниже, евреи всегда были оправдываемы. Къ этому должно еще присовокупить, что два жида, которые начали-было признаваться, найдены

мертвыми: одинъ убитымъ подъ мостомъ, другой отравленнымъ.

127) Въ 1827 г. христіанскій ребенокъ пропалъ въ Варшавѣ за два дня до Пасхи, очевидное подозрѣніе пало на евреевъ, слѣды были открыты, и ребенокъ, вопреки увѣреніямъ и отрицаніямъ хозяина дома, жида, отысканъ у него въ сундукѣ. Не смотря на многія обстоятельства, обличавшія евреевъ, они увѣряли, что это была шутка,—больше ничего.

128) Въ книгѣ «Путешествіе по Турціи англичанина Вальша въ 1828 г.», говорится слѣдующее: «Константинопольскіе христіане утверждаютъ, что жиды, похищая младенцевъ, приносятъ ихъ въ жертву въ пасху, вмѣсто пасхальнаго агнца. Я былъ свидѣтелемъ большаго волненія между жителями. У греческаго купца пропалъ ребенокъ и думали, что онъ украденъ и проданъ въ рабство. Но вскорѣ тѣло его нашли въ Босфорѣ: руки и ноги были у несчастнаго связаны, а особенныя раны и знаки на тѣлѣ показывали, что онъ былъ умерщвленъ необыкновеннымъ образомъ. Гласныя обвиненія пали на евреевъ, потому что это случилось около Пасхи; но при всѣхъ поискахъ ничего не было открыто».

129) Въ 1833 г., Минской губерніи Борисовскаго уѣзда, въ деревнѣ Пилтганахъ, еврей Орко заманилъ къ себѣ ушедшую отъ помѣщика крестьянку Ѳеклу Селезневу и ея дочку, 12 лѣтъ, Ефросинью;—по показанію первой, онъ уговорилъ ее, обѣщавъ за это 30 цѣлковыхъ, согласиться на убійство послѣдней, для того чтобы добыть изъ нея кровь. Трупъ былъ найденъ, а на тѣлѣ, кромѣ признаковъ удушенія, усмотрѣна рана на вискѣ, откуда, по показанію Ѳеклы, Орко выпустилъ кровь въ бутылку. Онъ говорилъ ей, что кровь эта необходима ему для беременной родственницы, при

родахъ, коей нужна христіанская кровь, для помазанія глазъ новорожденнаго. Уговаривая Ѳеклу, Орко сказалъ: «Хотя бы отъ мизинца достать кровь очень нужно, а безъ этого никакъ нельзя обойтись въ домѣ жида». На женѣ и дочери его частію найдено снятое съ убитой платье; Ѳекла, послѣ запирательства и разнорѣчивыхъ показаній, разсказала всѣ подробности этого убійства, какимъ образомъ Орко нацѣдилъ крови въ бутылку. Впослѣдствіи жиды уличены въ подкупѣ подсудимой Ѳеклы, чтобы она приняла все одна на себя, а жидовъ не выдавала. Орко уговаривалъ также мать убитой, чтобы она не искала дочери своей, которая живетъ на хорошемъ мѣстѣ; онъ же силою и бранью не допускалъ къ обыску сарая, гдѣ, по указанію Ѳеклы, найденъ былъ трупъ. Жена и дочь Орки и самъ онъ путались безпрестанно въ ложныхъ показаніяхъ. Вслѣдствіе всего этого Орко былъ обвиненъ въ убійствѣ; но, на основаніи вышесказаннаго указа 1817 г., коимъ запрещено всякое подозрѣніе въ употребленіи евреями христіанской крови, дѣло это было предоставлено волѣ Божіей.

130) Въ 1840 г., во время Пасхи, католическій священникъ, жившій въ Дамаскѣ, отецъ Ѳома, отправился съ служителемъ своимъ въ еврейскій кварталъ, и послѣ того оба пропали безъ вѣсти. Подозрѣнія пали на евреевъ; все христіанское населеніе Дамаска возмутилось; негодованіе возбудилось даже въ мусульманахъ. Французскій консулъ, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что злодѣяніе совершено было евреями, розыскивалъ самъ, побуждалъ всѣми средствами турецкое правительство къ энергическимъ дѣйствіямъ и настаивалъ на обвиненіи и казни евреевъ; но австрійскій консулъ, къ вѣдомству коего евреи отчасти принадлежали, противодѣйствовалъ и отстаивалъ евреевъ. Ужас-

ныя пытки вынудили сознаніе во всѣхъ подробностяхъ злодѣйства; нѣсколько человѣкъ евреевъ не могли пережить безчеловѣчныхъ мученій; въ силу этого, теперь еврейскіе защитники утверждаютъ, будто сознаніе ихъ было вынужденное и ложное. Но сознаніе это во всѣхъ подробностяхъ своихъ одинаково въ допросахъ нѣсколькихъ евреевъ, къ тому же останки изрубленнаго на куски отца Ѳомы и его служителя найдены въ разныхъ мѣстахъ, по указанію этихъ же евреевъ, и между прочимъ найдены лоскутья отъ скуфьи погибшаго, что и признали всѣ знавшіе убитаго [1]).

131) При Генрихѣ Валезіи, въ Литвѣ, евреи были обвинены въ томъ, что умертвили христіанскаго ребенка. Іезуитъ Скарга, католическій писатель, страданіе младенца Іоанна внесъ въ житія святыхъ или патерикъ, со всѣми подробностями. Книга «Житія святыхъ» издана въ Краковѣ на польскомъ языкѣ.

Преступники евреи, пойманные на рѣкѣ Нѣманѣ, въ прорубь которой они бросили тѣло мученика, обличены и казнены.

132) Въ 1844 г. высшее судилище Порты произнесло рѣшеніе по обвиненію евреевъ, на островѣ Мармарѣ, въ мученическомъ убіеніи христіанскаго младенца, который найденъ былъ истерзаннымъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Жалоба принесена была греческимъ патріархомъ, но, по настоятельному предстательству англійскаго посланника, какъ именно сказано было въ газетахъ [2]), Порта не признала евреевъ виновными, а приговорила еще патріарха къ уплатѣ издержекъ.

---

[1]) Подробности объ убійствѣ отца Ѳомы настолько занимательны, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей въ особой главѣ.

[2]) «Gazette des Tribunaux», 1844.

133) Въ 1844 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, также около Пасхи, былъ въ Россіи опять замѣчательный случай въ этомъ родѣ: въ Витебской губерніи, въ городѣ Луцкѣ, два еврея, братья Берко и Шмурія, схватили 15-тилѣтнюю дѣвицу Щербинскую и сдѣлали ей насильственное кровопусканіе, собравъ кровь въ стаканъ. Несмотря на всѣ улики, Берко и Шмурія отъ всего отпирались а такъ какъ свидѣтелей не было, то они и не могли быть уличены (соч. Даля).

134) Въ 1850 г., на Кавказѣ, недалеко отъ Тифлиса, въ м. Сурамѣ, евреи истязали ребенка и трупъ его бросили въ лѣсу. Дѣло это очень замѣчательно своею обширностью и прикосновенностью многихъ лицъ; оно, при всѣхъ сильныхъ стараніяхъ о возможно скорѣйшемъ, по Высочайшему повелѣнію, окончаніи, производилось больше пяти лѣтъ и рѣшено въ московскомъ сенатѣ: всѣ евреи-убійцы осуждены и сосланы.

135) Въ Тифлисѣ, въ 1870 г., предъ Пасхой пропалъ у армянина Ивана Айвазова трехлѣтній сынъ, и когда подозрѣніе пало на еврея Гавріила Зизошвиля, то, на основаніи достовѣрныхъ уликъ, онъ былъ арестованъ. Армянское населеніе взволновалось противъ евреевъ, а такъ какъ послѣднихъ въ Тифлисѣ не много, то евреи испугались и не рѣшились совершить преступленія; ребенка ночью тайно вывезли за городъ и пустили въ деревнѣ, гдѣ онъ былъ найденъ и доставленъ родителямъ. Обвиняемый еврей былъ освобожденъ. Тогда тифлисскіе евреи, наоборотъ, стали безпокоить начальство жалобами о вознагражденіи за несправедливое оклеветаніе ихъ въ похищеніи мальчика.

136) Въ 1871 г. тоже случилось въ мѣстечкѣ Бѣломъ Ключѣ. Къ Пасхѣ еврей Осипъ Зарѣцкій уговорилъ хорошо знакомаго ему армянина, преданнаго пьянству, чтобы онъ доставилъ ему ребенка, по условію,

за 30 руб. сер. Армянинъ, давъ слово, отправился на добычу, и на другой день еврей Зарѣцкій, стоя въ дверяхъ своей корчмы, увидалъ, что армянинъ среди бѣлаго дня ведетъ къ нему мальчика нищаго и, встрѣтившись съ солдатами, о чемъ-то разговариваетъ. Зарѣцкій заподозрилъ армянина, думая, что навѣрно дѣлаютъ заговоръ противъ него, чтобы поймать въ этомъ преступленіи. Какъ только армянинъ привелъ ребенка, еврей впустилъ ихъ въ корчму и заперъ, а самъ побѣжалъ къ командиру войскъ и разсказалъ, что армянинъ привелъ ему христіанскаго ребенка для зарѣзанія и проситъ у него денегъ. Капитанъ, взявъ солдатъ, пришелъ къ еврею, гдѣ и нашелъ армянина, стоящаго съ ножемъ въ рукахъ, и ребенка, лежащаго связаннымъ. Очевидно, что армянинъ ждалъ еврея, думая, что онъ пошелъ за необходимымъ для совершенія обряда убійства приборомъ, или же приготовляетъ для этого посуду. Армянинъ былъ арестованъ, а еврей Зарѣцкій остался въ подозрѣніи. Чѣмъ это дѣло кончилось—неизвѣстно.

137) Въ 1867 году въ Ковенской губерніи, въ Шавельскомъ уѣздѣ, въ шавлянскомъ приходѣ, евреи украли у христіанина трехлѣтнюю дѣвочку.

138) Въ 1868 году послѣдовало окончательное рѣшеніе въ государственномъ совѣтѣ по дѣлу объ убійствѣ въ городѣ Саратовѣ, въ 1853 году, двухъ христіанскихъ мальчиковъ.

Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (№ 152 отъ 5 іюля 1875 г.) разсказанъ случившійся фактъ:

«До сихъ поръ было еще нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости обвиненія евреевъ въ похищеніи христіанскихъ дѣтей; полагали, что это клевета, вызываемая отвращеніемъ къ этому несчастному племени, и тому подобнымъ объясняли признаваемую общимъ

мнѣніемъ сказку. Но теперь сомнѣніе исчезло послѣ такаго вѣрнаго фа

139) «Въ Перми, передъ празникомъ Пасхи, 1875 года, изъ общественной бани былъ похищенъ младенецъ. Полиціи удалось отыскать извощика, который отвозилъ еврейку съ младенцемъ. По указанію его, найдена и квартира еврейки, но тщательный обыскъ не открылъ ничего. Уже полиція собиралась удалиться, какъ одному изъ понятыхъ пришла счастливая мысль постучать по стѣнамъ: въ одномъ мѣстѣ послышался звукъ пустоты. Ободрали обои и нашли потаенный шкафъ, вдѣланный въ стѣну, въ которомъ висѣлъ зарѣзанный младенецъ внизъ головкой и стояла подъ нимъ чаша съ налившеюся кровью. Повторяемъ, что фактъ несомнѣненъ, а стало быть и существованіе варварскаго еврейскаго обычая, конечно имѣющаго религіозное побужденіе».

И хотя, прибавимъ мы отъ себя, послѣдующими извѣстіями фактъ не подтвердился, и былъ даже оффиціально опровергнутъ пермской администраціей, тѣмъ не менѣе для насъ не лишено значенія то обстоятельство, что общественное мнѣніе и теперь, какъ и всегда, приписываетъ извѣстный родъ преступленій евреямъ, и только имъ однимъ.

140) Въ газетѣ «Правда» передавали, что въ Одессѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ черный костюмъ, съ красною феской на головѣ, былъ похищенъ 10-лѣтній мальчикъ Григорій Фишель. Неизвѣстный, схвативъ мальчика на руки и, зажавъ ему ротъ, бросился бѣжать. Мальчикъ вырывался и въ Старорѣзничномъ переулкѣ ему удалось крикнуть и привлечь вниманіе проходившихъ. Бросились за похитителемъ, который, покинувъ мальчика, успѣлъ скрыться.

141) По словамъ газ. «Новое Время», въ Петербургѣ

произошелъ слѣдующій загадочный случай. Въ субботу, 4-го сентября, 1879 г., въ квартиру № 15-й, въ домѣ Менделя, по Прачешному переулку, пришла какая-то женщина и обратилась къ квартирной хозяйкѣ съ вопросомъ, не желаетъ ли кто изъ ея жильцовъ отдать на воспитаніе въ богатый домъ своего ребенка, непремѣнно мальчика. Вслѣдствіе этого предложенія, одна изъ жилицъ этой квартиры, Екатерина Бородулина, согласилась отдать на воспитаніе своего шестимѣсячнаго сына Адріана. Посѣтительница видимо обрадовалась и предложила тотчасъ же взять ребенка, такъ какъ у ней уже нанята коляска, причемъ просила хозяйку квартиры посмотрѣть, не уѣхалъ ли извозчикъ; въ это время она спросила: христіанскій ли это ребенокъ, и заявила, что ребенка она повезетъ къ г. Яковлеву, въ домъ Воронина, въ Кирпичномъ переулкѣ, въ квартиру № 30-й. Бородулина повѣрила этимъ разсказамъ и отдала ребенка, съ которымъ посѣтительница и уѣхала; когда же возвратилась хозяйка, то она разсказала, что извозчикъ въ полуколяскѣ былъ нанятъ на уголъ Невскаго и Надеждинской, а не въ Кирпичный переулокъ, и сидѣвшія въ коляскѣ женщины были очень похожи на евреекъ. Мать тотчасъ же бросилась въ домъ Воронина, но тамъ никакого Яковлева не живетъ, затѣмъ, дня черезъ два, почтальонъ принесъ письмо, адресованное въ квартиру № 15, гдѣ говорилось, чтобы не безпокоились о ребенкѣ— онъ въ хорошихъ рукахъ и за него матери заплатятъ. Бородулина объ этомъ заявила полиціи; кѣмъ украденъ этотъ ребенокъ и зачѣмъ тутъ запутаны еврейки, именно передъ праздникомъ «Новаго года»,—что-то очень загадочное.

142) Мѣстный корреспондентъ «Голоса», изъ Тулы, приводитъ слѣдующій разсказъ. Въ лечебницу об-

щества тульскихъ врачей явился нѣкто г. Рылѣевъ со своею четырехлѣтнею дочкой, за совѣтомъ къ доктору. Отправившись въ консультаціонный кабинетъ, отецъ оставилъ дочку въ общей комнатѣ. Съ дѣвочки снято было отцомъ верхнее платье. По уходѣ отца, неизвѣстная женщина подошла въ дѣвочкѣ, одѣла ее и безъ всякаго сопротивленія вывела изъ комнаты на улицу. Здѣсь ихъ встрѣтилъ какой-то пріѣзжій еврей, и они всѣ втроемъ сѣли на извозчика и уѣхали по Кіевской улицѣ. Выдя отъ доктора, г. Рылѣевъ немедленно хватился дочери, и ему сказали, что ее увела какая-то женщина. Несчастный отецъ бросается въ погоню и скоро достигаетъ своей цѣли. Бѣглецы, видя за собою спачущаго во весь опоръ отца украденной малютки, остановились и вошли въ первое помѣщеніе, попавшееся имъ на глаза—аптеку г. Бѣлявскаго. Но г. Рылѣевъ уже увидалъ свою дочь и бросился туда же. Бѣдный отецъ, напуганный пропажей дочери и наконецъ розыскавшій ее, пожелалъ самъ расправиться съ виновницей кражи и принялся немилосердно бить ее, на самой видной улицѣ. Собралась толпа; явилась полиція, и дѣло приняло серьезный оборотъ. Въ настоящее время, женщина эта сидитъ въ тюрьмѣ по распоряженію судебной власти, а еврей отпущенъ на поруки. Народная молва выдаетъ за достовѣрное, будто бы женщина эта созналась, что она заранѣе подкуплена была евреемъ за 300 руб. достать ребенка къ еврейской пасхѣ, и слѣдила за дѣтьми именно въ лечебницѣ, гдѣ они часто остаются одни. Прибавляютъ, будто ребенокъ свидѣтельствуетъ, что воровка немедленно требовала у еврея уплаты 300 руб., но тотъ обѣщалъ ихъ выдать въ то время, когда онъ будетъ выѣзжать изъ Тулы съ своею добычей.

Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ варварскаго поступка евреевъ, можно по разнымъ газетнымъ извѣстіямъ насчитать болѣе 30 фактовъ, которые мы не помѣщаемъ въ нашемъ изданіи потому, что книга представляла бы изъ себя нѣсколько томовъ.

Такова исторія фактическихъ проявленій изувѣрно-фанатическаго обычая, и, въ виду этого множества фактовъ, существованіе этого чудовищнаго вида религіознаго фанатизма едва ли кѣмъ-либо можетъ быть отвергаемо, а тѣмъ болѣе нами, русскими, которые въ исторіи своихъ сектаторовъ дѣйствительно присмотрѣлись къ самымъ уродливымъ извращеніямъ религіознаго чувства, извращеніямъ, часто доходящимъ до организованнаго преступленія, хотя бы то, напримѣръ, въ скопческой ереси и другихъ ей подобныхъ [1]).

---

[1]) Въ первомъ изданіи нашей книги многихъ фактовъ мы были лишены, которые были украдены жидами. Сочиненіе Даля по вопросу крови въ Москвѣ находилось только въ Чертковской библіотекѣ и единственный экземпляръ. Управляющій библіотекой, г. Бартеневъ, вздумалъ перепечатать это сочиненіе и далъ въ типографію Мамонтова; когда приступили набирать и разрѣзали книгу на части, тогда жидъ, бывшій наборщикомъ въ типографіи, далъ знать своему кагалу, и по общему совѣту — тотъ же наборщикъ ночью выбилъ стекло въ типографіи, влѣзъ туда, разсыпалъ весь набранный шрифтъ, находившуюся тамъ часть разрѣзанныхъ листовъ сочиненія Даля, хапнулъ и канулъ въ неизвѣстность, какъ и постоянно дѣлается у жидовъ. Полиція разыскивала въ обѣихъ столицахъ—но все напрасно. Затѣмъ печатаніе прекратилось — г. Бартеневъ уцѣлѣвшую книжку Даля взялъ обратно и уже ее въ библіотекѣ хранитъ очень строго, подъ наблюденіемъ собственнаго глаза.

Но тутъ жидовская пронырливость опять понадѣялась, чтобы стянуть оставшееся сочиненіе отъ ихъ всеобъемлющихъ щупальцевъ. Въ Москвѣ есть играющій роль ученаго, казенный раввинъ Минеръ и въ подобной претензіи какъ и профессоръ рабби Хвольсонъ. Бѣдняга Минорчикъ посвятилъ себя, помимо желанія, литературѣ и около двухъ лѣтъ ходилъ заниматься въ Чертковскую библіотеку, — приходилъ раньше всѣхъ и уходилъ позже всѣхъ, однако въ продолженіи этого времени не могъ достигнуть, чтобы хотя взглянуть на желаемое сочиненіе Даля. Наконецъ рабби рѣшился сойти въ низъ къ самому г. Бартеневу (нынѣ издателю «Русскаго Архива») и просилъ его, чтобы Бартеневъ былъ такъ добръ, дать Минору почитать сочиненіе Даля, на это получилъ отвѣтъ, что этого низа какія благи сдѣлать не можетъ. Съ этой минуты рабби Минеръ оставилъ навсегда Чертковскую библіотеку. Можно сочувствовать неудачамъ двухъ ученыхъ героевъ, у рабби Хвольсонъ пропалъ даромъ столиственный трудъ по Саратовскому дѣлу, рабби Минора пропалъ трудъ полуторагодичный въ Чертковской библіотекѣ.

II.

Законодательства и судебные факты о замученныхъ младенцахъ евреями.

О мощахъ св. мученика Гавріила.—О надгробныхъ надписяхъ на памятникахъ.—Законодательство польскихъ и литовскихъ князей. — Выдержки изъ актовъ польско-литовскаго княжества объ умерщвленіи евреями младенцевъ.

«Младенецъ Гавріилъ, мощи котораго почиваютъ въ слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, близъ уѣзднаго города Слуцка, по монастырскимъ запискамъ, родился въ 1684 году въ селѣ Звѣркахъ, близъ города Заблудова, а въ 1690 году, того же села жидомъ-арендаторомъ похищенъ въ Бѣломъ Стану, замученъ посредствомъ истязанія и выброшенъ въ поле на съѣденіе птицамъ. Родители Гавріила отыскали тѣло и погребли въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ. Чрезъ 30 лѣтъ обрѣтены мощи младенца Гавріила и поставлены въ церковный склепъ; а въ 1755 году, мая 9-го дня изъ Заблудова перенесены въ слуцкій монастырь Св. Троицы, архимандритомъ этого монастыря, Михаиломъ Казачинскимъ» [1]).

[1]) «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви и о нѣкоторыхъ подвижникахъ мѣстно-чтимыхъ». С.-Петербургъ. 1836 года, въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

О св. мученикѣ Гавріилѣ почти тоже самое говорится въ «Исторіи Россійской іерархіи», т. VI, стр. 148, (Москва, въ Синодальной типографіи, 1815 года), а именно: «Слуцкій Свято-Троицкій монастырь мужской, минской епархіи, находится на берегу рѣки Случъ, въ полуверстѣ отъ уѣзднаго города Слуцка. Въ монастырѣ было семь церквей, нынѣ три: первая, каменная, во имя Святыя Троицы, съ двумя придѣлами; въ ней почиваютъ мощи нетлѣнныя младенца Гавріила, который, какъ видно по монастырскимъ запискамъ, родился 1684 года въ селѣ Звѣркахъ, близъ города Заблудова, а въ 1690 году, того же села жидомъ-арендаторомъ похищенъ былъ въ Бѣломъ Стану и замученъ, и когда родители выброшеннаго на снѣдь птицамъ въ полѣ, сыскали и въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ, нынѣ состоящемъ въ Бѣлостокской области, по освидѣтельствованіи погребли, то чрезъ тридцать лѣтъ потомъ, при погребеніи другаго, обрѣтенъ цѣлъ и поставленъ въ церковный склепъ, а 1755 года, мая 9-го дня, бывшимъ архимандритомъ слуцкимъ, Михаиломъ Казачинскимъ, изъ того Заблудовскаго монастыря перенесенъ въ Слуцкій Троицкій монастырь» [1].

Въ памятной книжкѣ Виленской губерніи на 1860 годъ, часть вторая, въ статьѣ о евреяхъ, на страницѣ 39 въ дописскѣ сказано:

«Въ Бернардинскомъ костелѣ, въ г. Вильнѣ, и понынѣ находится памятникъ съ подробною надписью объ умерщвленномъ евреями младенцѣ».

На самомъ дѣлѣ, мы сами лично осматривали въ городѣ Вильнѣ, въ Бернардинскомъ костелѣ памятникъ.

[1]) Совѣтъ нашъ душевный: да обратитъ свое милостивое вниманіе правленіе петербургской духовной академіи на ординарнаго своего профессора Хвольсона, болящаго невѣріемъ; пусть пошлетъ его для излеченія въ г. Слуцкъ,—гдѣ онъ увидитъ и убѣдится, что дѣйствительно св. мощи мученика Гавріила нетлѣнны,—а не какъ онъ думаетъ, бальзамированы».

У входа по лѣвой рукѣ въ самомъ костелѣ, въ углубленной стѣнѣ, находится маленькій мраморный гробикъ, а подъ нимъ надпись латинскими буквами, гласящая, что здѣсь погребено тѣло младенца Симона Кіерелисъ, виленскаго уроженца, варварски умерщвленнаго жидами, имѣвшаго отъ роду семь лѣтъ — отъ Рождества Христова въ 1592 г.

D. O. T. M. D.

MEMORIA

Ingenvi pveri Simonis Kierelis Natõne Vilnen̄ septimo aetatis annõ crudelissime a Judaeis vulneribus ōnium suptvagita eccisi inangvõ lviv eccliae̅ tvmvlati. Anno a christo nato 1597.

ERECTA.

Ex elecmosynis benefactorum Ano dni 1673.

Въ сочиненіи Крашевскаго (Obrazy Życia i podróży) въ томѣ I, 1842 года, находимъ описаніе города Кодня надъ рѣкою Бугемъ. Тамъ приводится, на страницѣ 60 разсказъ:

«Въ здѣшнемъ костелѣ находится памятникъ младенца, умерщвленнаго жидами. Такихъ находится много по разнымъ мѣстамъ».

Въ этой же книгѣ, на страницѣ 61, находимъ слѣдующую исторію: «Трехлѣтній мальчикъ Матвѣй, въ 1698 году, 8-го мая, въ послѣдній день крестоваго праздника, когда всѣ вышли на крестный ходъ, остался одинъ дома; стосковавшись въ ожиданіи возвращенія своихъ, онъ вышелъ въ поле; тамъ его поймали жиды и въ своемъ домѣ тайно умертвили, а тѣло выбросили въ

*

лѣсъ. Собака пастуха открыла въ лѣсу тѣло, которое привезено было въ г. Кодня и выставлено въ ратушѣ. При слѣдствіи виновные въ убійствѣ младенца уличены и публично на базарѣ обезглавлены. Синагога была разорена и большинство жидовъ выгнано изъ города. Тѣло замученнаго младенца съ большимъ торжествомъ погребено въ костелѣ и на могилѣ поставленъ памятникъ съ слѣдующею надписью:

Atrox non atrum:—Amaeno vultu lege fatum Viator. Codnae ignobili ertum Lucina trianulum Mathiam deflustrali fonte, nobilitavit exitu; cecca Judeorum perfidia, immortali gloriae prospexit: Purpuratum aeternis initiavit annis, cruenta coede, etc. etc. etc. Quae repetitam in Mathiae sanguine Christi necem alta duorum Judeorum cruore fuso, stillit fideles lachrymas, repesuit inhumatae innocentiae monumentum impietas, sublato Synagogae fano etc. A 1698 die 10 Maij.

Памятникъ поставленъ въ 1713 году.

Въ городѣ Гроднѣ, при приходскомъ костелѣ, находится каменный памятникъ, на которомъ написано по польски, что христіанская шестилѣтняя дѣвушка пропала безъ вѣсти, потомъ трупъ ея найденъ въ полѣ весь исколотымъ,—тѣло родителями было погребено, съ полнымъ убѣжденіемъ всѣхъ, что это дѣло рукъ жидовскихъ фанатиковъ. Памятникъ плохо сохранился, и котораго года онъ поставленъ—прочесть невозможно. Подобнаго рода памятниковъ можно было бы

насчитать довольно много, но это будетъ только утомлять читателя, и поэтому мы оставляемъ ихъ.

Если уже въ законодательныхъ актахъ находили необходимымъ упоминать по тому или другому поводу о таковомъ варварскомъ обычаѣ евреевъ, то существованіе его, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ возбуждать въ комъ либо сомнѣніе.

По пункту 9-му привиллегіи князя Болеслава, утвержденной Казиміромъ Великимъ и Витольдомъ литовскимъ, при обвиненіи еврея въ умерщвленіи христіанскаго младенца требуется трое свидѣтелей, какъ изъ христіанъ, такъ и изъ евреевъ; недоказавшій же подвергается равному наказанію съ уличеннымъ въ преступленіи.

Въ XVI вѣкѣ польско-литовское правительство, частью, быть можетъ, и по искреннему убѣжденію, частью вслѣдствіе полной зависимости своей въ финансовомъ отношеніи отъ евреевъ, принимаетъ ихъ подъ свою защиту отъ преслѣдованій озлобленнаго христіанскаго населенія. Намъ извѣстны до настоящаго времени во всей ихъ полнотѣ [1]) судебные процессы, подавшіе къ этому поводъ. Король Сигизмундъ-Августъ, давая въ 1564 г. литовскимъ евреямъ безсудную грамоту по обвиненію ихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей, упоминаетъ лишь въ общихъ чертахъ, что его побудили къ этому насилія, совершенныя надъ евреями въ городѣ Бѣльскѣ, гдѣ жители заподозрили одного еврея въ умерщвленіи христіанскаго ребенка. Признавъ фактъ недоказаннымъ и самое обвиненіе несогласнымъ съ дѣйствительными вѣрованіями и обрядностью евреевъ, король, для гарантіи ихъ въ подобныхъ случаяхъ, постановляетъ, что: дѣла такого рода изъемлются изъ

---

[1]) См. «Акты виленской археологической коммиссіи», т. V, стр. 88

вѣдѣнія обыкновенныхъ урядовъ и подчиняются исключительно суду самаго короля, и притомъ (прочимъ лицамъ) лишь «на вольномъ сеймѣ, гдѣ будемъ съ зупелною радою нашею сидѣти». Обвиняемые, говорится въ постановленіи, освобождаются отъ предварительнаго ареста, замѣняемаго отдачей на поруки двумъ изъ мѣстныхъ или даже сосѣднихъ жителей-евреевъ; только въ случаѣ недостатка поручателей дозволяется задержать подсудимаго, но и то посадить его «не до тяжкаго вязеня, а не на местце почтивое»; преступленіе должно считаться доказаннымъ только тогда, если преступникъ будетъ уличенъ семью свидѣтелями: четырьмя осѣдлыми и хорошаго поведенія христіанами и тремя евреями, «такожъ не подозрѣнными»; въ случаѣ оправданія, доносчикъ долженъ быть казненъ той же казнью, какая слѣдовала бы за взведенное имъ преступленіе [1]). Повидимому, такія широкія гарантіи не только обезпечивали евреевъ отъ ложныхъ доносовъ, но даже дѣлами ихъ безнаказанными и въ случаѣ дѣйствительной преступности. Однако, въ самомъ непродолжительномъ времени возникло обвиненіе противъ нихъ въ мѣстечкѣ Росошѣ, берестейскаго староства, результатомъ котораго было опять таки полное оправданіе и подтвержденіе изложенной выше безсудной грамоты въ 1566 году [2]), снова подтвержденной королемъ Стефаномъ въ 1576 году [3]).

Но вторая грамота Сигизмунда-Августа интересна преимущественно тѣмъ, что въ ней, хотя и кратко, и съ очевидной оправдательной тенденціей, разказано

---

[1]) «Книга владимірская градская», 1567 г., № 934, листъ 27; «Грамоты всѣхъ князей литовскихъ», стран. 97; «Акты виленской коммисіи», т. V, стр. 217.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Акты виленской коммисіи», т. V, 214 параг.

происшествіе въ Росошѣ [1]) съ инымъ уже взглядомъ.

Нужно замѣтить, что разслѣдованіе производилъ литовскій подканцлеръ, Евстафій Воловичъ, надворный королевскій маршалъ, въ качествѣ старосты берестейскаго, а обвиняемый, еврей Нахимъ, находился въ услуженіи у главнаго сборщика податей, Исаака Бородавки, того самаго, котораго обвиняли и жители Бѣльска, съ которымъ подканцлеръ Воловичъ состоялъ оффиціально въ компаніи по сбору податей.

Многіе росошевіе жители обоего пола показали, что они видѣли какъ Нахимъ, ѣдучи изъ городища, схватилъ на дорогѣ дитя, которое шло къ своей матери въ поле, и увезъ съ собою; начались розыски, причемъ тождественность лица, котораго видѣли на городищенской дорогѣ съ Нахимомъ, была вполнѣ доказана осмотромъ его лошади и слѣдовъ на дорогѣ. Лошадь была подкована только на одну ногу, совершенно такъ же, какъ и у замѣченнаго въ похищеніи ребенка проѣзжаго. Нахима привлекли къ суду и, согласно приведенной выше грамотѣ Сигизмунда-Августа, отдали на поруки, причемъ у него оказалось не два, а цѣлыхъ двѣнадцать поручителей изъ росошскихъ евреевъ. Между тѣмъ найденъ былъ трупъ пропавшаго дитяти и осмотрѣнъ урядомъ. Къ сожалѣнію, весьма важный актъ этого осмотра, какъ увидимъ далѣе, намъ неизвѣстенъ. Въ народѣ стали говорить, что многіе слышали, какъ еврейская дѣвочка Лиханка разсказывала, что Нахимъ привезъ похищенное дитя къ нимъ въ домъ, держалъ здѣсь три дня, кормилъ пирогами, поилъ горѣлкою и медомъ, а потомъ ночью зарѣзалъ его, вмѣстѣ съ другимъ евреемъ, Рабеемъ; причемъ братъ Лихан-

---

[1]) Грам. вел. кн. литовскихъ, стр. 110.

ки, Йцко, держалъ дитя за руки; сама Лиханна очень испугалась, вообразивъ, что рѣжутъ маленькаго брата ея, Зелька. Совершивъ убійство, участники сняли съ трупа кожу, добыли сердце и лизали его; по другому пересказу тѣхъ-же слуховъ, сердце было ими зажарено и съѣдено. При слѣдствіи, Лиханна отъ своихъ словъ вполнѣ отреклась, и дѣло было прекращено по недостатку уликъ.

Въ 1577 году въ мѣстечкѣ Войнѣ, того же берестейскаго староствства, скоропостижно умерло дитя мѣщанина Пашка, и въ убійствѣ дитяти заподозрѣнъ былъ еврей Нахимъ, такъ какъ на дитяти найдена была рана, вырѣзанная въ формѣ креста. При урядовомъ осмотрѣ трупа, вырытаго на другой день послѣ похоронъ, дѣйствительно оказалась на лбу рана такой формы; но присутствовавшій при осмотрѣ слуга мѣстнаго войта заявилъ, что онъ видѣлъ трупъ предъ погребеніемъ и тогда на немъ подобной раны не было. Дѣло окончилось освобожденіемъ Нахима въ силу грамоты 1564 года [1]).

Въ томъ же году обвиняла брестская мѣщанна Марина многихъ евреевъ въ убійствѣ, на улицѣ, ея мужа Оска, что подтверждено свидѣтельствомъ вознаго и представленіемъ въ урядъ избитаго и израненнаго трупа. Этотъ актъ важенъ тѣмъ, что, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его подробностей, убійство совершено было въ день праздника «Пуримъ», когда радостно воспоминается евреями смерть Амана. Именно жалобщица говоритъ, что мужъ ея убитъ «бохуромъ», который ходилъ въ «машкарѣ», изображая собой великаго князя московскаго, вмѣстѣ съ другими брестскими евреями. Извѣстно, что обычай ходить въ день «Пурима» въ маскарадномъ костюмѣ сохранился и до сихъ поръ меж-

[1]) «Акты виленской археогр.», т. V, 4.

ду западнорусскими евреями, а съ другой стороны, и по другимъ актамъ извѣстно, что истязаніе христіанъ относится къ этому именно времени. Въ жалобѣ Марины сказано, что убійство ея мужа произошло 3-го марта, но только спеціалисты въ хронологіи еврейскихъ праздниковъ могутъ опредѣлить, дѣйствительно ли въ этотъ день былъ праздникъ «Пуримъ» въ 1577 году [1]).

Евреи являются въ одномъ случаѣ пособниками къ бѣгству человѣка, замѣшаннаго въ дѣлѣ о пропажѣ ребенка, чѣмъ и навлекаютъ на себя подозрѣніе въ соучастіи или, вѣрнѣе, въ тайномъ руководительствѣ преступленіемъ.

Въ 1701 году, близъ м. Козина, въ Луцкомъ повѣтѣ, на Волыни, найденъ былъ трупъ дитяти, погибшаго насильственною смертью, что, конечно, возбудило самыя разнообразныя предположенія. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на крестьянина Матвѣя, который, узнавъ о находкѣ, немедленно бѣжалъ изъ Козина вмѣстѣ со своей женою. Къ сожалѣнію, актъ, въ которомъ заключаются извѣстныя намъ по этому дѣлу данныя, не довольно опредѣлененъ изложеніемъ и потому не совсѣмъ ясно, какое отношеніе имѣла находка дѣтскаго трупа къ берестейскому кагалу. Мы знаемъ только, что заподозрѣнный крестьянинъ Матвѣй бѣжалъ изъ Козина, бродилъ по окрестнымъ селамъ, скрываясь всегда у евреевъ. Наконецъ, когда онъ добрался до села Корытна и поселился у тамошняго «арендатора», т. е. содержателя корчмы, то послѣдній повезъ его и жену будто бы въ Берестъ, въ тамошній кагалъ, по дѣлу объ убитомъ ребенкѣ; но куда его въ дѣйствительности выпроводилъ,—неизвѣ-

---

[1]) «Акты виленской археогр.», ст. 3.

стно, самъ же отговаривался потомъ, будто Матвѣй съ женою бѣжалъ отъ него съ дороги въ лѣсъ [1]).

Позднѣйшій по времени архивный актъ, касающійся изслѣдуемаго предмета, относится къ 1764 году. Въ каменецъ-подольскомъ магистратскомъ судѣ разбиралось дѣло о скоропостижной смерти крестьянина Адамки изъ окрестностей мѣстечка Михалковецъ, и мы имѣемъ показанія двухъ свидѣтелей по этому дѣлу, излагающихъ его совершенно согласно, кромѣ нѣсколькихъ неважныхъ обстоятельствъ, о которыхъ одинъ изъ свидѣтелей отозвался незнаніемъ. По словамъ шляхтичей Ольшевскаго и Ошовскаго, доставившихъ еврея Мошка, обвиняемаго въ ускореніи смерти Адамки, дѣло происходило такъ. Въ воскресный день «Гамана» (Пуримъ), Адамка ходилъ къ Мошку въ корчму, пилъ тамъ сладкую водку, потомъ поѣхалъ съ Мошкомъ въ Михалковцы, иначе монастырь; вернувшись же домой въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, заболѣлъ и сталъ жаловаться на сильную боль въ боках. Передъ тѣмъ онъ былъ совершенно здоровъ, и одинъ изъ свидѣтелей видѣлъ, какъ онъ помогалъ хоронить двухъ своихъ родственницъ, умерщихъ за три дня до того. Сразу по пріѣздѣ, Адамко могъ еще ходить, былъ въ корчмѣ, гдѣ еврей давалъ ему лекарство: квасъ и водку съ перцемъ, а потомъ онъ пришелъ въ домъ своей сестры; здѣсь ему сдѣлалось хуже и онъ посылалъ еще разъ за водкой, которая и была Мошкомъ отпущена. Домашніе, видя усиленіе болѣзни, послали за священникомъ, и Адамко, поднявшись черезъ силу съ постели, хотѣлъ идти самъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, внезапно упалъ на землю и скончался. Когда явился священникъ съ

---

[1]) «Книга луцкая городская», 1701 г., № 2579, листъ 981 на оборотѣ.

хоругвями для погребенія, многіе стали требовать осмотра трупа; оказалось, что у Адамка бока и спина страшно избиты, словно обожжены раскаленнымъ желѣзомъ, почему священникъ отказался хоронить его. Еврей, узнавъ объ этомъ, сталъ допытываться у крестьянъ о причинахъ такого отказа и, получивъ въ отвѣтъ, что «какой же чортъ станетъ хоронить жидовскаго гамана» (diabeł będzie Żydowskiego hamana chowac), поблѣднѣлъ и до-того растерялся, что не захотѣлъ даже получить разсчета съ пришедшихъ для этого въ корчму крестьянъ. «И безъ того теперь у меня много хлопотъ, оставьте меня въ покоѣ!» Свидѣтели слышали отъ Станкевича, человѣка, заслуживающаго довѣрія и понимающаго по-еврейски, что михалковскіе жиды, хлопотавшіе въ пользу Мошка, упрекали его жену: «Плохо вы сдѣлали, что праздновали гаманъ въ деревнѣ, лучше бы въ городѣ». Когда Мошка взяли въ Каменецъ, то на ночлегѣ въ Татариновцахъ онъ отправился на молитву, отрѣзалъ серебряныя запонки отъ кафтана и отдалъ еврейкѣ, для передачи его дѣтямъ, такъ какъ онъ, по его словамъ, уже не надѣется вернуться изъ Каменца. Сыновья Мошка ѣздили вмѣстѣ съ нимъ праздновать гаманъ, а какъ только онъ былъ арестованъ — тотчасъ неизвѣстно куда бѣжали, равно какъ и его жена [1]).

Самый полный документъ, заключающій въ себѣ весь ходъ процесса отъ обвиненія до приговора, сохранился въ актахъ каменецкаго магистрата подъ 1747 годомъ. Дѣло это и по своей полнотѣ, и по заключающимся въ немъ фактамъ, и по оригинальной

---

[1]) Книга каменецъ-подольскаго магистрата 1519—1799 годовъ, № 4562, листъ 110б.

жестокости приговора, заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія, не въ той, конечно, крайне запутанной формѣ, въ какой его передаютъ магистратскіе протоколы.

III.

Дѣло Заславское.

29 марта 1747 года, мальчики-пастухи изъ с. Михнова, возлѣ г. Заславля, случайно нашли въ лозахъ, на болотѣ, близъ брода, называемаго Загалихой, трупъ неизвѣстнаго человѣка и дали знать объ этомъ лѣсничему, а тотъ подстаростѣ. Подстароста взялъ съ собою шесть человѣкъ михновскихъ крестьянъ и отправился за трупомъ, который найденъ втоптаннымъ въ болото, такъ что съ трудомъ могъ быть вытащенъ, совершенно нагой, только лицо завязано было тряпкой и на шеѣ найдена веревка. Трупъ былъ отвезенъ въ Михновъ и положенъ въ гумнѣ мѣстнаго священника, а на утро перевезенъ въ Заславль, гдѣ и произведенъ осмотръ въ присутствіи многихъ выборныхъ и бурмистровъ города Заславля и нѣсколькихъ михновскихъ крестьянъ. По осмотру оказалось: на правой рукѣ всѣ пальцы отрѣзаны, жилы распороты до локтя и кость раздроблена; на лѣвой рукѣ отрѣзаны три пальца, жилы вытянуты до самаго плечеваго сустава, кость раздроблена; на лѣвомъ плечѣ колотая рана; три пальца лѣвой ноги отрѣзаны, съ остальныхъ двухъ отрѣзаны ногти и они пробиты насквозь; на икрахъ жилы вырѣзаны до

колѣна, зубы выбиты: все тѣло страшно избито и посинѣло. Еще до перевозки тѣла въ Заславль, въ Михновѣ собирался народъ посмотрѣть на покойника; въ числѣ любопытныхъ было нѣсколько евреевъ, которымъ какой-то поповичъ изъ толпы замѣтилъ: «Это должно быть ваше жидовское дѣло». Евреи стали спорить и дѣло чуть не дошло до драки,—какъ вдругъ изъ ранъ трупа показалась кровь. Согласно общераспространенному повѣрью, это сочтено было за указаніе свыше, и въ убійствѣ были обвинены евреи, которые сначала ни въ чемъ не сознавались, отрицая даже то, что они знали о преступленіи. Въ числѣ арестованныхъ по подозрѣнію находился Зорухъ Лейбовичъ, служившій мельникомъ у арендатора оброчныхъ статей михновскаго имѣнія, еврея Хаскеля. Зорухъ, по словамъ его, служилъ честно у разныхъ евреевъ, а въ Михновѣ живетъ уже четвертый годъ; о преступленіи отозвался полнымъ незнаніемъ и былъ посаженъ въ тюрьму. Нѣсколько часовъ спустя, онъ потребовалъ, чтобы караульщикъ позвалъ къ нему подстаросту по важному дѣлу, и когда подстароста пришелъ, то обвиняемый заявилъ:

«Чѣмъ мучиться понапрасну—все равно, вѣдь придется разсказать на пыткѣ, лучше сознаюсь я во всемъ извѣстномъ мнѣ добровольно, тѣмъ болѣе, что я давно хотѣлъ оставить еврейскую вѣру и принять католическую. Какъ Богъ святъ, не имѣю я никакой злобы противъ евреевъ, ниже признаюсь изъ страха, а объявляю по чистой совѣсти, что преступленіе совершили сынъ Хаскеля, ключникъ (шафаръ) его же и корчмарь, что живетъ въ Заголихѣ надъ бродомъ. Думаю такъ потому, что когда михновскій арендаторъ посылалъ меня въ Бѣлгородку къ рѣзнику, рѣзать куръ, на второй недѣлѣ послѣ праздника пасхи, съ среды на

четвергъ, то пришлось мнѣ ѣхать на обратномъ пути мимо корчмы Заголихи: ворота были заперты, равно какъ двери и окна. Извнутри доносился чей-то вопль, словъ не было слышно, только глухіе стоны; я прислушивался подъ стѣной около часу, крикъ возобновлялся болѣе десяти разъ и снова замолкалъ, такъ что на меня напалъ страхъ и я поспѣшилъ въ Михновъ. Пріѣхавъ туда, я не засталъ дома ни сына арендатора, ни шафаря; вернулись они только на разсвѣтѣ, а на мой спросъ, гдѣ были, нерный сказалъ, что работалъ на винокурнѣ въ Покощовнѣ, а шафарь будто бы ѣздилъ въ Бѣлгородку на молитву. На обстоятельство это я тогда не обратилъ вниманія. На другой день былъ въ Михновѣ корчмарь изъ Заголихи; я спрашивалъ, что за крикъ былъ у него въ среду; онъ отвѣтилъ, что заѣзжали къ нему изъ лѣсу бѣлгородскіе мужики, пили водку и шутя причали и стонали. Я оставилъ безъ вниманія и это.

«Когда привезли во дворъ михновскаго священника найденный въ болотѣ трупъ, и народъ бѣжалъ взглянуть, пошелъ туда и я; трупъ я видалъ, кровь изъ него не шла, но черезъ часъ или больше собрались туда же шафарь и заголиховскій корчмарь, чтобы посмотрѣть, не былъ ли убитый изъ евреевъ. Едва пришли они, какъ полилась кровь невинной жертвы; слухъ объ этомъ разнесся въ народѣ, я самъ услыхалъ все отъ «громады». Въ шабашъ забрали евреевъ въ Заславлѣ въ замокъ, а послѣ шабаша, вечеромъ, арендаторъ, сынъ его и шафарь, куда-то втроемъ уѣхали, но сбились съ дороги, проблудили всю ночь и къ утру явились домой; отсюда арендаторскій сынъ поѣхалъ въ Покощовку, шафарь въ Любаръ, а арендаторъ приказалъ мнѣ сѣдлать и для себя коня, говоря, что хочетъ ѣхать въ Заславль къ Берку Аврусеву разузнать, что тамъ

дѣлается, и сказалъ мнѣ, чтобы я его проводилъ чрезъ броды. Мы отправились по дорогѣ чрезъ Мыслятинъ, а доѣхавъ до Мыслятина, арендаторъ приказалъ мнѣ вернуться въ Михновъ, сказавъ при томъ, что въ случаѣ надобности, его можно будетъ найти въ городѣ у Берка Аврусева».

Почти вполнѣ приведенное нами показаніе Зоруха Лейбовича послужило фактической основой для дальнѣйшаго разслѣдованія. Оговоренныхъ имъ оказалось трое: арендаторскій сынъ Герцонъ Хаскелевичъ, шафарь Мошко Маеровичъ и хозяинъ корчмы въ Заголихѣ Лейба Мордуховичъ; съ ними вмѣстѣ привлеченъ былъ къ суду и отецъ Лейбы, Мордко Янкелевичъ. Никто изъ обвиняемыхъ на первомъ допросѣ не сознался въ взводимомъ на нихъ преступленіи.

Въ виду оговора Зорухомъ исчисленныхъ лицъ и несознанія ихъ, судъ, въ засѣданіи 19 апрѣля, постановилъ допросить всѣхъ ихъ подъ пыткой, или, какъ говорилось, дать ихъ на «корпоральныя конфессаты», заключающіяся въ пятикратномъ встаскиваніи на дыбу и прижиганіи раскаленнымъ желѣзомъ. Собственно слѣдственными дѣйствіями считались только первые четыре раза, а пятый назначался для провѣрки данныхъ ранѣе показаній. При этомъ судъ постановилъ, что хотя по закону слѣдовало бы подвергнуть и Зоруха Лейбовича троекратной вискѣ, но судъ освобождаетъ его отъ пытки, принимая въ соображеніе заявленное имъ намѣреніе принять христіанскую вѣру; такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса, Зорухъ называется уже не обвиняемымъ, а «обвинителемъ по самому ходу вещей» (instygator naturalny). Особенно жестокая пытка была назначена старику Мордуху, такъ какъ онъ не только отъ всего отпирался, но еще, по выраженію судебнаго акта, «отвращалъ лицо свое отъ судей,

якобы Іуда проклятый». Мошко Маеровичъ, признанный «неспособнымъ къ корпоральнымъ конфессатамъ», отъ нихъ пока былъ освобожденъ,—но это «пока» длилось весьма недолго, ибо и его подвергли пыткѣ одновременно съ прочими подсудимыми.

На слѣдующій день, 20 числа, раньше чѣмъ начали пространный допросъ, Лейба Мордуховичъ сознался, что убійство совершено подсудимыми, въ томъ числѣ и имъ самимъ, съ уговора и согласія всего заславльскаго кагала, въ томъ числѣ и Зоруха Лейбовича, который однако вовсе при этомъ не былъ. Гершонъ Хаскелевичъ повинился въ томъ при началѣ пытки, а Мошко Маеровичъ уже послѣ ея окончанія, и всѣ они показали въ главныхъ обстоятельствахъ единогласно. Одинъ старецъ Мордухъ съ твердостію перенесъ жесточайшія мученія, ни въ чемъ не сознаваясь даже на очной ставкѣ съ обвинявшимъ его сыномъ, а только, по словамъ судебнаго акта, «подобно дикому звѣрю, опустилъ глаза внизъ и блудилъ языкомъ» (ale oczy opuscił na doł, jako zła bestia ięszyk ieden łądził).

Показаніе сознавшихся обвиняемыхъ, какъ изложено въ пространномъ допросѣ, представляетъ самый фактъ убійства въ такомъ видѣ. Въ корчму, содержимую Лейбою, зашелъ неизвѣстный прохожій, по имени Антоній, одѣтый въ гранатнаго цвѣта жупанъ и штаны, въ красной шапкѣ; сабли у него не было; онъ пьянствовалъ трое сутокъ у Лейбы, а евреи въ это время рѣшили убить его для полученія «пейсашной крови», поклявшись на библіи не сознаваться и не выдавать своихъ участниковъ, хотя бы пришлось за это потерпѣть мученическую смерть. Въ тотъ вечеръ, когда проѣзжавшій мимо корчмы Зорухъ слышалъ въ ней стоны и крики, собрались здѣсь всѣ участники. Тутъ показанія разногласятъ, такъ какъ, по словамъ Мошка

Маеровича, въ убійствѣ принимали участіе только четверо: онъ и его товарищи; Лейба же и Гершонъ сговорили еще нѣсколько лицъ, причемъ, по словамъ ихъ, при истязаніяхъ Антонія былъ и старшина заславльскаго кагала, Берка Авруоевъ; и они же разсказывали, что, по совершеніи убійства и скрытіи трупа, Мошко Маеровичъ отвозилъ часть собранной крови къ тому же Берку для передачи раввину. Въ большемъ ли, въ меньшемъ ли числѣ,—преступники затащили безчувственнаго отъ водки христіанина въ коморку, завязали ему лицо, а въ ротъ вложили кляпъ, оглушили его окончательно двумя или тремя ударами обуха и принялись вскрывать жилы на рукахъ и ногахъ, сбирая струившуюся кровь въ миски. Кровь была потомъ разлита въ бутылки и большая часть ея отвезена въ Заславль, какъ уже упомянуто, для раввина, а понемногу ея взяли участники убійства, чтобы примѣшать къ опрѣсокамъ, «пейсашной мацѣ». Такую мацу они будто бы ѣли только въ первыя двѣ ночи праздника пасхи, а въ остальное время употребляли обыкновенные опрѣсноки, безъ примѣси крови. По совершеніи убійства, трупъ былъ отнесенъ ими въ лозы, брошенъ въ болото и накрытъ полуизгнившимъ сѣномъ «podstożyuami», а платье убитаго сожжено въ печкѣ.

При вторичномъ допросѣ съ пыткой обвиняемые ничего новаго не прибавили, а Мордухъ по прежнему упорно молчалъ. Въ промежутокъ времени между первой и второй пыткой, судъ рѣшалъ дѣло о еврейскомъ парнѣ (подросткѣ) Герцѣ Маеровичѣ, пришедшемъ подслушивать показанія пытаемымъ или, какъ онъ говорилъ, подосланномъ для этой цѣли старшими членами заславльской синагоги. Герцу дали сто тридцать розогъ и выгнали изъ города. Затѣмъ 26-го апрѣля состоялся судебный приговоръ на основаніи сам-

сонскаго кодекса. Судъ приговорилъ «стараго дьявола» [1]), Мордуха Янкелевича, ни въ чемъ не сознавшагося, за упорное запирательство съ цѣлью оказаться невиннымъ мученикомъ въ глазахъ всѣхъ евреевъ, хотя виновность его вполнѣ доказывается показаніями прочихъ преступниковъ,—посадить живымъ на колъ и оставить тамъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ; если же кто изъ евреевъ, или подкупленныхъ христіанъ осмѣлится снимать его кости, или подбирать упавшія и хранить ихъ у себя, либо хоронить на еврейскомъ кладбищѣ, тотъ будетъ повиненъ такой-же самой казни какъ и Мордухъ.

Гершонъ Хаскелевичъ, который сознался на пыткѣ въ убійствѣ христіанина для полученія «пейсашной крови» и вина котораго подтверждается согласными показаніями прочихъ преступниковъ, долженъ быть казненъ такимъ образомъ: съ живаго палачъ сдеретъ четыре полосы кожи, потомъ вырветъ сердце, четвертуётъ тѣло и части его будетъ прибиты къ столбамъ вокругъ города; голову вздѣть на колъ, внутренности обмотать вокругъ висѣличной перекладины и оставить все это птицамъ на пожираніе.

Мошку Маеровича, какъ долѣе другихъ упорствовавшему на пыткѣ и виновному еще въ передачѣ христіанской крови въ Заславль, постановлено отрубить живому ноги и руки по локоть, а послѣ вздѣть его съ головой на колъ; отрубленные члены прибить къ перекладинѣ висѣлицы, въ видѣ кары за шинкованіе христіанской кровью, и такъ оставить.

Лейбу Мордуховичу, въ корчмѣ котораго совершено было преступленіе, притомъ зачинщика и главнаго руководителя, слѣдовало-бы, согласно магдебурскому пра-

---

[1]) Подлинное выраженіе судебнаго приговора.

ву, рвать на части раскаленными клещами: вырвать у него глаза, вытянуть языкъ и прибить послѣдній къ столбу; судъ однако освобождаетъ его отъ такого наказанія, а приговариваетъ четвертовать Лейбу живымъ, голову вздѣть на колъ, а внутренностями обмотать висѣлицу.

Что касается Зоруха Лейбовича, то, какъ онъ оказался невиннымъ въ учиненномъ убійствѣ и никѣмъ не оговоренъ, то судъ, независимо отъ заявленнаго Зорухомъ желанія принять христіанскую вѣру, объявляетъ его отъ суда и наказанія свободнымъ.

Въ концѣ акта находится приписка, что Мордухъ Янкелевичъ, согласно судебному приговору, посаженъ на колъ съ лаконической отмѣткой: «probatum» [1]).

Не выходя пока изъ предѣловъ содержанія изложенныхъ документовъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія двухъ обстоятельствъ. Первое, пока совершенно загадочное, относится къ послѣднему изъ нашихъ актовъ:—это та его часть, которая не имѣетъ значенія по отношенію къ тѣмъ или другимъ заподозрѣннымъ въ преступленіи лицамъ, ни къ цѣли, съ какой оно совершено, а только къ образу его совершенія. Это не было простое убійство съ корыстной цѣлью или изъ чувства злобы: это было систематическое истязаніе жертвы, и притомъ истязаніе крайне оригинальное по своимъ пріемамъ. Напомнимъ существеннѣйшія черты осмотра трупа неизвѣстнаго, найденнаго близъ Заголихи: главное отличіе нанесенныхъ убитому поврежденій отъ обыкновенно встрѣчающихся ранъ—это отрѣзанные пальцы на всѣхъ оконечностяхъ и открытые кровеносные сосуды. Это было убійство, выходящее изъ ряду вонъ, безпримѣрное по свирѣпости

[1]) Книга Кременецкаго магистрата 1746—1751 годовъ, № 1070, листъ 34 на оборотѣ.

преступниковъ, — кто бы они ни были—и все-же необъяснимое. Не въ качествѣ разгадки, а только какъ матеріалъ, слишкомъ, правда, недостаточный, необходимо указать актъ, 1696 года, судебнаго свидѣтельствованія тѣла убитаго дитяти райцы мѣстечка Кодни (Брестской), Тимоши Лукашевича. Это единственный (говоритъ г. Козловскій въ сочиненіи «Темный вопросъ) извѣстный намъ по актамъ случай, гдѣ на трупѣ оказались раны, аналогическія съ тѣми, какими былъ покрытъ трупъ, найденный близъ Заголихи, и не лишено своего рода интереса то обстоятельство, что и въ этомъ случаѣ обвинялись евреи. Вотъ что говоритъ возный: «на головѣ, близъ ушей, три раны, сдѣланныя ножемъ, близъ лѣваго уха три колотыхъ раны»; на заголихскомъ трупѣ такая-же на лѣвомъ плечѣ, правый глазъ вырванъ, затылокъ вырѣзанъ, все тѣло избитое, вдоль жилъ покрытое колотыми ранами на плечахъ, бокахъ и груди, пятки срѣзаны и проч. [1]).

Другое совпаденіе, уже указанное мимоходомъ выше, существуетъ между указаніями трехъ изъ приведенныхъ документовъ: убійство близъ Заголихи совершено, по словамъ Зоруха Лейбовича, вскорѣ послѣ праздника гамана; тоже находимъ и въ жалобѣ объ убійствѣ въ Берестьи крестьянина Орка, гдѣ прямо заявлено, что главнымъ виновникомъ былъ именно «бохуръ», наконецъ о смерти крестьянина Адамка, послѣдовавшей отъ нанесенныхъ ему побоевъ, и совпавшей по времени съ его поѣздкой съ евреемъ для празднованія этого дня. Крестьяне прямо мотивируютъ отказъ священника хоронить умершаго тѣмъ именно, что негодится хоронить по христіански «жидовскаго Амана». Мы замѣтили выше, что донынѣ еще сохранился у западно-русскихъ евреевъ обычай играть въ

[1]) Акты виленской коммисіи, т. V, стр. 83.

праздникъ «пуримъ» мистерію, представляющую, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, библейскую исторію Амана и Есфири. Вотъ что говоритъ объ этомъ празднованіи одинъ изъ новѣйшихъ еврейскихъ этнографовъ Поленковскій, именно о мистеріи «Пуримъ-шпиль»: «Взрослые парни-ремесленники составляли труппу комедіантовъ: кто представлялъ Артаксерикса (по еврейски Ахашверошь), кто Амана, кто Мордухая, кто Есфирь и другихъ придворныхъ пословъ. Одѣвшись въ соотвѣтственные будто бы каждой роли фантастическіе костюмы, эта труппа ходила по еврейскимъ домамъ, представляя историческое происшествіе во дворѣ «Ахашвероша» [1]). Понятно, что обычай, удержавшійся до нашего времени, въ XVI и XVIII вѣкѣ господствовалъ съ гораздо большей силой и былъ запечатленъ, какъ и всѣ вообще обычаи у евреевъ, религіозно-обрядовымъ характеромъ. Не претендуя на безошибочность, мы позволимъ себѣ, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ, высказать слѣдующее предположеніе: весьма вѣроятно, что въ прежніе время «Пуримъ-шпиль» праздновался съ гораздо большею реальностію, чѣмъ теперь, такъ что избіеніе «гамана» могло быть дѣломъ не шуточнымъ; при подобныхъ условіяхъ, конечно, эта роль не могла быть по вкусу никому изъ актеровъ-любителей, и ее, volens-nolens, приходилось принимать на себя какому нибудь «гою», т. е. невѣрному, какимъ былъ для евреевъ историческій Аманъ. Если историческая жизнь западно-русскихъ евреевъ могла отражаться на мистеріи въ томъ, что, вмѣсто гонителя ихъ, персидскаго «Ахашвероша», являлся недопускавшій ихъ въ свою землю «великій князь московскій», то почему не допустить, что еще ближе къ библейскому

[1]) «Труды экспедиціи въ западно-русскій край», И. Р. Геогр. Общества, отдѣлъ юго-западный, т. VII, вып. 1, стр. 71.

разсказу разыгрывалъ свою печальную роль Амана какой нибудь Адамко, Оско, или злополучный Антонъ? Не забудемъ при этомъ весьма важнаго обстоятельства: «на пиру въ праздникъ «Пуримъ» предаются безграничному веселью, даже талмудъ предписываетъ напиться въ этотъ вечеръ до того, чтобы своихъ пяти пальцевъ не счесть, и это дѣйствительно исполняется, особенно хасидами» [1]). Съ другой стороны, ненависть къ Аману такъ сильна въ евреѣ, что выражается даже во время богослуженія, хотя при чтеніи всѣ должны по закону сохранять благоговѣйное молчаніе и внимательность; но изстари установился странный обычай: при каждомъ произношеніи чтецомъ имени «Аманъ», присутствующіе, дѣти и даже взрослые фанатики поднимаютъ, хотя скоро-преходящій, но оглушительный гамъ, шумъ и вопль: дѣти стучатъ, гремятъ нарочно устроенными гремушками, а взрослые стучатъ просто ногами объ полъ [2]). При такой фанатической злобѣ къ одному имени Аманъ, возбужденной еще вдобавокъ обязательнымъ обвиненіемъ, ничего нѣтъ удивительнаго, если игравшему эту роль доставалось иногда сильно, даже больше, чѣмъ этого, быть можетъ, хотѣли сами участники мистеріи. Въ актѣ о скоропостижно умершемъ отъ «гамана» крестьянинѣ Адамкѣ, видно, что ѣздившій съ нимъ на праздникъ еврей оказывалъ ему даже, по своему разумѣнію, помощь, когда тотъ заболѣлъ.

---

[1]) «Труды экспедиціи въ западно-русскій край», И. Р. Географ. Общества, отдѣлъ ю.-з., т. VII, вып. 1.

[2]) «Труды экспедиціи въ западно-русскій край», И. Р. Географ. Общества, отдѣлъ ю.-з., т. VII, вып. 1.

IV.

Тайны турецкаго двора.

Соч. Ксено, переводъ съ греческаго (отрывокъ изъ XXVIII главы).

Причащеніе іудеевъ.

Султанъ Мурадъ издали слѣдовалъ за греками. Немного спустя они остановились; султанъ тоже остановился. Прошло нѣсколько минутъ и предъ ними блеснулъ яркій свѣтъ, внезапно освѣтившій дорогу и снова исчезнувшій; кто-то шелъ съ потайнымъ фонаремъ и освѣтилъ дорогу, чтобы видѣть, нѣтъ ли кого нибудь на улицѣ. Замѣтивъ грековъ, прохожій повернулъ назадъ. Двое изъ грековъ побѣжали за нимъ, схватили его и завязали ему ротъ, чтобы онъ не могъ кричать.

— Держи его хорошенько, Михаилъ, сказалъ одинъ изъ грековъ грубымъ и хриплымъ голосомъ. Зажми ему ротъ.

Несчастный еврей въ рукахъ пятерыхъ грековъ былъ похожъ на мышь, окруженную пятью кошками.

— Скажи намъ, куда ты идешь?

— Домой.

— Отъ куда?

— Отъ одного изъ моихъ друзей.

— Врешь; эта дорога въ хавру, ты идешь въ хавру? Если ты не скажешь мнѣ правды, то я зарѣжу тебя.

Еврей затруднился отвѣтить на этотъ вопросъ. Увидя, что ему угрожаютъ ножемъ, онъ замолчалъ.

— Если ты не отвѣтишь мнѣ, я прокелю тебя.

— Да, отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ еврей.

— Ты идешь въ хавру?

— Я вамъ сказалъ, да.

— Ты раввинъ?

— Разумѣется раввинъ, замѣтилъ другой грекъ... развѣ ты не видишь по его одеждѣ что онъ раввинъ.

— Кто теперь находится въ хаврѣ?

— Никого, я долженъ былъ подмести хавру и потому такъ долго остался тамъ.

— Ты говоришь никого, а мы знаемъ, что у васъ есть два мальчика для ворели... сейчасъ видно жида.

Послышался глухой стонъ. Греки зажали еврею ротъ и слегка кололи его ножами.

— Одно изъ двухъ: или ты намъ скажешь гдѣ мальчики, или мы сейчасъ покончимъ съ тобой. Мы разрѣжимъ тебя на тысячи кусковъ и каждый кусокъ положимъ предъ жидовскимъ домомъ.... говори... говори...

— Я ничего не знаю... оставьте меня.

— Если ты не скажешь сію минуту, то я перерѣжу тебѣ горло.

Стонъ свидѣтельствовалъ, что греки уже приставили ножи къ горлу несчастнаго еврея.

— Оставьте меня, я вамъ скажу!

— Говори скорѣй, гдѣ мальчики?

— Мальчики... въ хаврѣ.

— Въ какой хаврѣ?

— Въ хаврѣ, повторилъ, дрожа, раввинъ.

— Въ какой хаврѣ? дуракъ... ихъ много въ городѣ.

— Недалеко отъ сюда.

— Вы одного зарѣзали изъ нихъ?

— Да одинъ только и есть.

— Врешь!... мы хорошо знаемъ, что двое.

— Клянусь вамъ, одинъ! громко закричалъ еврей.

— Не кричи, негодяй... ты кричишь, чтобы тебя услышали и пришли на помочь... вотъ тебѣ за это, и его сильно ударили по головѣ.

— Веди насъ скорѣй въ хавру.

— Я не могу идти; вы перебили мнѣ ноги.

— Мы тебѣ поможемъ, ну, скорѣй!

Вслѣдъ затѣмъ греки отправились, ведя за собою еврея.

Султанъ слѣдовалъ за ними, опираясь на руку Даніила и говоря:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что дѣлалось въ этомъ городѣ во время моихъ предшественниковъ, когда распущенность была еще больше. Во время путешествія одинъ изъ грековъ снова обратился къ еврею:

— Слушай, негодяй! замѣть хорошенько, что если ты приведешь насъ не туда, гдѣ находятся мальчики, первымъ дѣломъ моимъ будетъ проткнуть тебя насквозь ножемъ.

Еврей застоналъ. Немного спустя, они остановились у низкой двери, въ которую еврей постучалъ; въ отвѣтъ на стукъ раздался голосъ, спрашивающій: «Кто тамъ»? Еврей проговорилъ нѣсколько словъ на халдейскомъ языкѣ, непонятномъ для грековъ и, внутри водворилась тишина.

— Что ты разсказываешь, негодяй? говоришь имъ, чтобы они спрятали мальчиковъ? Если не отопрутъ двери, то я выломаю ее.

— А я прямо зарѣжу тебя, прибавилъ другой.

— Я выломаю сейчасъ, сказалъ третій, ударивъ ногой въ дверь.

— Не стучи, синьоръ, они сейчасъ отворятъ, сказалъ раввинъ.

Дѣйствительно дверь отворилась.

— Отъ чего ты такъ скоро вернулся, Моисей? что имъ нужно? спросилъ привратникъ.

Не успѣлъ онъ кончить, какъ греки вошли въ синагогу и заперли дверь изнутри.

— Что изъ этого выйдетъ? сказалъ султанъ, надобно и намъ войти въ синагогу... Въ синагогѣ разыграется ужасная сцена. Если въ ней много раввиновъ, то они будутъ стараться, чтобы ни одинъ христіанинъ не вышелъ оттуда живымъ... Посмотримъ съ другой стороны, нѣтъ ли еще двери въ синагогу, если есть, то мы постучимъ въ нее и войдемъ насильно.

Не успѣлъ онъ окончить, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него отворилась дверь дома, сообщающагося съ синагогой, и изъ нея вышли четыре человѣка, неся носилки и тихо говоря: «Поскорѣе»!

— Падишахъ остановился въ нерѣшимости.

— Даніилъ, бѣги потихоньку за ними, посмотри, куда они пойдутъ. Замѣть дверь, въ которую они войдутъ и возвращайся скорѣй назадъ. Султанъ ожидалъ его, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ шуму, раздававшемуся въ синагогѣ. Даніилъ скоро вернулся.

— Ты видѣлъ куда они вошли?

— Видѣлъ, ваше величество, недалеко отсюда; я сдѣлалъ на двери замѣтку свинцовымъ карандашемъ.

— Никто не видалъ тебя?

— Никто: они были довольно далеко.

— Ну, теперь постучимъ.

— Ваше величество, позвольте мнѣ и Силихторъ-пашѣ; зачѣмъ вамъ подвергать себя опасности.

— Нѣтъ, я назовусь полицейскимъ офицеромъ. Я

хочу убѣдиться собственными глазами въ справедливости разсказовъ.

— Сюда подходятъ какіе-то люди съ фонаремъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что это за люди? Спрячемся и будемъ наблюдать. Султанъ съ путниками скрылись въ темномъ переулкѣ.

— Мнѣ кажется, что это главный раввинъ, братъ моего банкира... молчите... дѣйствительно это онъ и съ нимъ множество раввиновъ.

Водворилась глубокая тишина, и главный раввинъ, сопровождаемый соборомъ раввиновъ, вошелъ въ синагогу.

Когда исчезъ свѣтъ, султанъ приблизился къ двери синагоги, говоря:

— Слышите ли какая свалка внутри?

— Страшный шумъ и крикъ, сказалъ Даніилъ Каккала.

— Постучимся въ дверь... Однако главный раввинъ знаетъ меня и я боюсь, чтобы онъ не узналъ меня теперь... Даніилъ, возьми мою мантію и феску и ты будешь похожъ на гвардейскаго офицера. Дай мнѣ свою шляпу и плащъ. Султанъ сильно постучалъ въ дверь синагоги. Изнутри раздался голосъ:

— Это ты, Авессаломъ?

Даніилъ отвѣчалъ: Я!

Дверь отворилась, и государь со своими спутниками вошелъ во внутренность синагоги. Привратникъ хотѣлъ-было объясниться, но начальникъ тѣлохранителей схватилъ засовъ и сталъ около двери, чтобы не выпускать никого.

Синагога имѣла видъ большой залы, освѣщенной нѣсколькими свѣтильниками. Внутренность ея представляла любопытное зрѣлище. Четыре грека стояли съ обнаженными ножами; они были блѣдны и страшны.

Пятый лежалъ на полу; голова его была разбита. Около пятнадцати раввиновъ влѣзли на возвышенія, на стулья, на скамейки и, вооружась палками, приняли оборонительное положеніе. Въ углу сидѣлъ бѣленькій, полный мальчикъ одиннадцати лѣтъ.

Въ глубинѣ синагоги стоялъ главный раввинъ, окруженный раввинами, готовыми защищать его. По срединѣ синагоги были разбросаны вышитыя золотомъ облаченія православной церкви; недалеко отъ нихъ лежала архіерейская митра.

— Что это такое? спросилъ важно Даніилъ.

— Господинъ кавасъ-паша, заговорили разомъ всѣ евреи, возьмите пожалуйста этихъ разбойниковъ.

— Они ворвались сюда во время нашей молитвы, съ цѣлью ограбить синагогу и перерѣзать всѣхъ насъ. Если бы мы не приняли оборонительныхъ мѣръ, они бы умертвили насъ.

— Довольно... прервалъ ихъ Даніилъ. Что вамъ нужно здѣсь? спросилъ онъ грековъ.

— Пять мѣсяцевъ тому назадъ у насъ были похищены два мальчика, одинъ изъ Галаты, другой изъ Фанари. Первый изъ нихъ былъ единственный сынъ богатой вдовы. Она была неутѣшна, плакала и предлагала за розысканіе его 50 тысячъ грошей. Всѣ были увѣрены, что эти негодяи похитили его, чтобы употребить для ворели; сегодня въ нашу булочную (я служу работникомъ у булочника) пришли два раввина купить хлѣба. Въ это же самое время зашла и вдова съ маленькой дочкой, желая купить тортъ. Увидя ее, раввины начали шептаться по-еврейски. Въ эту минуту хозяинъ послалъ меня съ порученіемъ. Возвращаясь, я увидалъ невдалекѣ отъ нашей булочной обоихъ раввиновъ, о чемъ-то толкующихъ между собою. Мнѣ пришло на память похищеніе мальчи-

на вдовы, и я, не теряя времени, подкрался къ нимъ, чтобы подслушать ихъ разговоръ. Вотъ все, что я могъ разслышать: «Какъ только окончится свадьба у Бембенисты, придетъ главный раввинъ... Слуга главнаго раввина принесъ вчера вечеромъ ворели въ хавру». Я понялъ, что дѣло идетъ о мальчикахъ, и не имѣя возможности узнать въ какой хаврѣ находится ворели, собралъ нѣсколько друзей, одного изъ которыхъ вы видите здѣсь раненымъ, и условился съ ними поджидать главнаго раввина возлѣ дома Бембенисты. Мы долго ждали, наконецъ рѣшились отправиться въ главную синагогу, т. е. сюда, и произвести розыскъ; ежели бы все оказалось въ порядкѣ, то мы должны были поджидать главнаго раввина. Но, къ счастью, мы поймали вотъ этого раввина; онъ разсказалъ намъ все и привелъ насъ сюда. Когда мы вошли, насъ спросили, что намъ нужно; мы объяснили причину нашего прихода. Они закричали, что ничего подобнаго не существуетъ и что они совершенно невинны.

Приведшій насъ раввинъ, увидя, что они развернули принесенную связку съ священными одеждами, тоже началъ кричать, упрекая ихъ. Несчастный Михаилъ, увидѣвъ разбросанныя церковныя одежды, хотѣлъ собрать ихъ, но они закричали, что мы мѣшаемъ имъ молиться. Въ углу синагоги помѣщался большой столъ, покрытый чернымъ сукномъ. На этомъ столѣ сидѣлъ раввинъ; предъ нимъ лежала книга, и онъ читалъ ее такъ громко, что голосъ его раздавался по синагогѣ; онъ не обращалъ никакого вниманія на нашъ споръ и продолжалъ кричать. Михаилъ отправился, чтобы попросить его перестать кричать и чтобы мы могли начать обыскъ. Всѣ раввины вооружились палками и напали на насъ. Въ этой схваткѣ Михаилъ былъ тяжело раненъ. Между тѣмъ одинъ

изъ нашихъ добрался до стола, на которомъ сидѣлъ раввинъ; столъ этотъ заключалъ въ себѣ механизмъ, съ помощью котораго всякій, неосторожно приблизившійся къ нему, могъ быть изрубленнымъ. Къ счастію мы избѣжали этой участи.

— Ложь, ложь! прервали его хоромъ раввины.

— Молчите! крикнулъ Даніилъ.

— Ложь, ложь! продолжали они кричать. Моисей же отошелъ въ сторону и тайкомъ пробирался къ двери.

— Молчите, дурачье! снова закричалъ Даніилъ, топая ногою. Падишахъ закутался въ плащъ и надвинулъ на лобъ шляпу.

— Принесшій облаченіе хочетъ убѣжать, закричали греки.

— Остановись! сказалъ начальникъ тѣлохранителей Моисею, загораждая ему путь.

— Мы побѣжали къ столу, продолжали греки, и увидѣли несчастнаго мальчика, сына вдовы. Онъ кричалъ, но псалмопѣніе раввина заглушало его крики. Мы поняли, что раввинъ пѣлъ нарочно съ цѣлью, чтобы мы не услышали криковъ мальчика. Мы вытащили его и начали разспрашивать обо всемъ, но они....

— Ложь, ложь, они сами принесли мальчика и только клевещутъ на насъ! снова закричали раввины.

— Молчите, говорю я вамъ! Если вы не уйдетесь, я позову сюда весь обходъ, находящійся невдалекѣ отъ синагоги! закричалъ гнѣвно Даніилъ.

Услыша, что возлѣ синагоги находится обходъ, раввины замолчали; но видно было, что они испытываютъ живѣйшее безпокойство.

— Мы разспрашивали его о другомъ мальчикѣ, мы хотѣли разузнать, что они сдѣлали съ его товарищемъ; но что же мы увидѣли? Эти собаки отрѣзали

ему языкъ, для того, чтобы, если его найдутъ, онъ не могъ открыть ихъ преступленій.

— Наглая клевета!... клевета!... клевета!...

— Молчите!... закричалъ султанъ, не будучи въ состояніи сдержать своего гнѣва.

Даніилъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ не выдавалъ себя. Затѣмъ онъ приблизился къ мальчику и началъ его внимательно разсматривать. Какое-то неизвѣстное чувство волновало его душу. Мальчику было около одиннадцати лѣтъ. Свѣтло-русые волосы были мягки, какъ шелкъ; глаза его какъ будто съуживались по направленію къ щекамъ. Онъ былъ полный, что свидѣтельствовало о хорошей пищѣ, которою его кормили.

Поймавъ мальчика, евреи обыкновенно кормили его орѣхами, финиками и тому подобнымъ.

Когда несчастная жертва дѣлалась достаточно жирной, тогда они брали большой боченокъ, усаженный внутри гвоздями, сажали въ него мальчика и качали боченокъ до тѣхъ поръ, пока изъ мальчика не вытекала вся кровь. Затѣмъ они тайно погребали тѣло, а кровь раздавали по синагогамъ для причащенія. Они совершали этотъ страшный и отвратительный обрядъ на основаніи слѣдующаго разсужденія. Если Іисусъ Христосъ, говорили они, былъ истинный, обѣщанный Мессія, то мы буквально исполняемъ его заповѣдь: «пейте, это кровь моя, за васъ проливаемая». Если же онъ не былъ Мессіей, то мы насмѣхаемся надъ его ученіемъ.

Видя задумчивость Даніила, султанъ подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Что съ тобой?

— Ничего; неожиданное сходство, прошепталъ Даніилъ, невѣроятное сходство съ моею женой.

Даніилъ предложилъ мальчику нѣсколько вопросовъ, но несчастный только качалъ головой. Онъ прижался на груди Даніила, какъ бы прося не покидать его въ синагогѣ.

— Есть у тебя мать?

Мальчикъ сдѣлалъ знакъ:

— Да.

— Давно ты не видѣлъ ее?

Мальчикъ показалъ пять пальцевъ.

— Пять мѣсяцевъ?

Онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Гдѣ былъ ты въ теченіи этого времени?

Мальчикъ показалъ на одного изъ раввиновъ.

— Ложь! снова закричали всѣ, и опять раздались въ синагогѣ крикъ и шумъ.

— У него въ домѣ? продолжалъ Даніилъ.

Мальчикъ сдѣлалъ знакъ:

— Да.

— Ты былъ одинъ?

— Нѣтъ.

— Съ тобой былъ другой мальчикъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ теперь?

При этомъ вопросѣ ребенокъ задрожалъ и, схвативъ Даніила за шею, показалъ рукой, что другаго мальчика уже положили въ боченокъ.

— Его положили въ ворели?

— Да.

— Гдѣ же ворели?

Мальчикъ указалъ отдаленный уголъ синагоги.

— Пойдемъ, ты намъ покажешь.

— Остановись, синьоръ, закричалъ Даніилу главный раввинъ. Кто ты такой и по какому праву распоряжаешься здѣсь. Судья ли ты или простой оф-

церъ? Все это ложь: и то, что тебѣ разсказывали тѣ негодяи, и то, что тебѣ показываетъ принесенный ими мальчикъ.

— Не твое дѣло спрашивать, кто я такой, сказалъ твердымъ голосомъ Даніилъ.

— Остановись, синьоръ, постой, прошу тебя, говорилъ главный раввинъ, бѣжа за Даніиломъ. Позволь сказать тебѣ два слова, а послѣ дѣйствуй, какъ знаешь.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Даніилъ.

— Только два слова по секрету.

— Говори.

— Я дамъ тебѣ, сказалъ ему тихо раввинъ, сто тысячъ грошей, если ты выгонишь грековъ и оставишь насъ въ покоѣ.

— Не хочу, сказалъ, улыбаясь Даніилъ, и направился въ уголъ.

— 200,000, прибавилъ раввинъ, хватая его за руку.

— Я сказалъ тебѣ, что не хочу.

— 500,000, синьоръ.

— Оставь меня! Не хочу ничего! закричалъ Даніилъ.

— Милліонъ, синьоръ, два милліона, три, десять милліоновъ, шепталъ раввинъ, держа его за руку. Кто же ты, могущій оставаться равнодушнымъ къ такому количеству денегъ?

— Я голосъ Іисуса Христа, кровь котораго вы, негодяи, безчеловѣчно пролили, громко вскричалъ Даніилъ.

— Илія!.... закричали разомъ всѣ евреи, поднимая руки къ небу. Остановитесь, остановитесь, закричали Даніилу раввины. Смерть! смерть вѣрующимъ въ Распятаго!... смерть мусульманамъ,—и снова всѣ приняли оборонительное положеніе.

— Впередъ, закричали греки; насъ теперь семеро и мы скоро покончимъ съ вами! Съ этими словами они снова обнажили ножи.

— Послушайте, сказалъ спокойно Даніилъ, обратясь къ грекамъ, послушайте, глупцы, продолжалъ онъ, обращаясь къ евреямъ, сопротивленіе ваше напрасно. Въ тридцати шагахъ отъ синагоги находится падишахъ со своими служителями. Вотъ начальникъ его тѣлохранителей, продолжалъ онъ, указывая на Селихторъ-пашу. Я же самъ—Даніилъ Коккала; ты, кажется, знаешь меня? обратился онъ къ главному раввину.

Раввинъ взглянулъ на Даніила, на Селихторъ пашу и на султана. Смертная блѣдность покрыла лицо его и, сложивъ руки, онъ упалъ на колѣна, вскричавъ: Боже мой! Боже мой!

Прочіе раввины остановились какъ вкопанные.

Греки спрятали ножи.

Мальчикъ повелъ Даніила въ уголъ синагоги, гдѣ находилась маленькая дверь; здѣсь мальчикъ далъ понять, что ворели перешелъ въ сосѣдній домъ.

Даніилъ разсказалъ обо всемъ падишаху.

— Прикажи грекамъ удалиться, сказалъ султанъ, дай мнѣ всѣ свои наличныя деньги. Если у тебя не найдется пятидесяти тысячъ грошей, которые они разсчитывали получить за мальчика, то вели имъ придти завтра во дворецъ и получить деньги отъ Селихторъ паши; спроси мальчика, помнитъ ли онъ, гдѣ находится его домъ. Я самъ хочу отвести его къ матери.

Даніилъ исполнилъ приказаніе султана. Когда греки ушли и падишахъ остался одинъ со своими спутниками, онъ обратился къ евреямъ, говоря: Кто я такой? Кто я? спросилъ онъ у главнаго раввина, сбрасывая плащъ и шляпу.

— Помилуй, могущественный падишахъ! вскричалъ дрожа раввинъ.

При словѣ падишахъ, всѣ раввины съ ужасомъ смотрѣли на султана.

— Гдѣ ворели?

— Боже мой! закричали всѣ; ничего подобнаго не существуетъ!

— Гдѣ ворели? повторилъ султанъ, возвышая голосъ.

— Мы невинны!!

— Очень хорошо. Ты знаешь всѣхъ раввиновъ?

— Знаю, отвѣчалъ главный раввинъ.

— До полудня завтрашняго дня ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ выйти отсюда. Я надѣюсь, что мое приказаніе будетъ исполнено. Я не посажу васъ въ тюрьму потому, что не желаю разглашать это безсовѣстное и отвратительное дѣло; для чести моего государства, я обязанъ скрыть его; но я употреблю всѣ усилія, чтобы искоренить это злодѣяніе. И такъ, повторяю: вышедшій отсюда ранѣе назначеннаго срока будетъ тотчасъ же убитъ.

Даніилъ подобралъ облаченія и принесъ ихъ султану.

— Откуда это у васъ? спросилъ султанъ, взявъ въ руки митру и стараясь прочесть вырѣзанное имя; Даніилъ, чье это имя?

— Гавріилъ Никодимъ; прочелъ Даніилъ.

— Она принадлежала патріарху, откуда ты взялъ ее? спросилъ султанъ у Моисея.

Моисей задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ отвѣчать.

— Ты молчишь!? строго спросилъ падишахъ.

— Мнѣ ее продалъ греческій священникъ, прошепталъ еврей.

— Тебѣ ее продалъ священникъ? Православный священникъ, какъ бы ни былъ развращенъ, никогда не отдастъ въ руки евреевъ священныхъ облаченій. Нѣтъ! закричалъ съ негодованіемъ Даніилъ. Развѣ онъ сдѣлалъ бы это только тогда, когда бы ты обратился въ христіанство.

— Богохульство! богохульство!

— Величайшимъ преступленіемъ со стороны греческаго священника была бы продажа за деньги святаго креста, продолжалъ Даніилъ, указывая на находящійся на митрѣ крестъ, вамъ, которые безчеловѣчно пролили кровь Господа нашего... Нѣтъ! одежды эти не куплены, а украдены.

— Главный раввинъ и ты отправьтесь съ нами, сказалъ султанъ, обращаясь къ Моисею. Даніилъ, возьми облаченія.

Главный раввинъ подошелъ къ султану.

Даніилъ спросилъ мальчика, знаетъ ли онъ дорогу.

Мальчикъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Даніилъ, проведи насъ въ извѣстный тебѣ домъ, сказалъ султанъ.

Вскорѣ они достигли двери, въ которую незадолго передъ тѣмъ вошли четыре раввина съ носилками.

— О горе! воскликнулъ главный раввинъ, они знаютъ все!

— Чей это домъ? спросилъ его султанъ.

— Мой, ваше величество.

— Прикажи отворить.

Войдя, падишахъ обратился къ главному раввину съ лаконическимъ вопросомъ.

— Гдѣ ворели?

— Не вѣрьте, ваше величество.

— Какъ пройти въ подземелье, глупецъ? закричалъ разъяренный султанъ, схвативъ жида за горло.

— Пощадите! пощади, падишахъ! здѣсь.... пощади!

— Пошелъ впередъ, негодяй!

По потайной лѣстницѣ они сошли въ глубокое подземелье, въ которомъ помѣщалась ворели. Боченокъ былъ помѣщенъ на оси, концы которой опирались на подставки, такъ что его можно было свободно вертѣть. Падишахъ открылъ отверстіе, поднесъ свѣчу и съ ужасомъ увидѣлъ плавающій въ крови трупъ невиннаго мальчика.

Страшное зрѣлище смутило султана. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на главнаго раввина и наконецъ заговорилъ:—Видишь...

— Даніилъ, Селихторъ-паша, посмотрите сюда, посмотрите на меня; у меня волосы встали дыбомъ. Въ прошломъ году весь Золотой Рогъ, весь Босфоръ былъ покрытъ трупами янычаръ; клянусь, что я не испыталъ тогда такого ужаса, какой я чувствую въ настоящую минуту.

— Ваше величество! началъ главный раввинъ, многіе евреи заплатятъ завтра головами за это преступленіе. Мы готовы подвергнуться казни, но, ваше величество, преступникъ пользуется правомъ просить въ послѣднюю минуту какой нибудь милости, позвольте и мнѣ просить у васъ милости.

— Какой? говори.

— Оставьте это дѣло въ-тайнѣ. Не разглашайте его. Мы совершаемъ его уже въ теченіи многихъ вѣковъ и совершаемъ съ величайшею тайною.

— Значитъ, этотъ отвратительный обычай издавна существуетъ у васъ? спросилъ съ злою улыбкой падишахъ.

— Издавна, ваше величество; но только не у всѣхъ

іудеевъ, а у одной секты. Мы принадлежимъ къ этой сектѣ.

— Совершая это дѣло, ты считаешь себя правымъ предъ Всемогущимъ?

— Религія наша повелѣваетъ намъ поступать такимъ образомъ.

— Я уважаю постановленія какой бы то ни было религіи. Но я ненавижу и презираю васъ, служителей вашей религіи, людей, изобрѣтающихъ тысячи средствъ для своего обогащенія и развращающихъ народъ. Честь моего государства заставляетъ меня скрыть это злодѣяніе.

Затѣмъ султанъ приказалъ предать погребенію тѣло и кровь мальчика, и вышелъ, взявъ съ собою главнаго раввина и Ходжи Моисея. Прибывъ къ воротамъ Фанари, падишахъ приказалъ начальнику тѣлохранителей перевезти брата Бембенисты въ Сирой Бурну, самъ же, въ сопровожденіи Даніила, повелъ мальчика къ его матери.

V.

Дѣло объ убійствѣ отца Ѳомы и его слуги Ибрагима въ Дамаскѣ.

Убійство ребенка Рафаиломъ Леви. — Распятіе христіанина въ Шампани.— Убійство Вернера, Андрея, Симеона и другихъ. — Подробности убійства отца Ѳомы и его слуги. — Фирманъ по этому дѣлу. — Подробности допроса убійцъ отца Ѳомы.—Свидѣтельство Бенъ-Ну.

Имѣя въ виду многочисленную партію прогрессистовъ и либераловъ во что бы то ни стало, которая изъ одного отвлеченнаго принципа гуманности принимаетъ за безсовѣстныя выдумки и наглую клевету всякую рѣчь о предметѣ нашей книги, какъ бы она ни была хладнокровна и разсудительна и на какихъ бы твердыхъ историческихъ фактахъ ни основывалась, мы считаемъ необходимымъ объяснить представителямъ этого воззрѣнія, что вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови интересуетъ далеко не однихъ насъ и рѣшается утвердительно не одними нами. Убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ служитъ книга [1]).

Шестая глава этой книги, носящая характеристическое заглавіе: Талмудистское убійство [2]), специ-

[1]) Le juif, le judaisme et la judaisation des peuples chretiens, par le chevalier Gougenot des Mousseaux, изданная въ Парижѣ въ 1869 г.

[1]) L'assassinat talmudique.

ально трактуетъ о еврейскихъ убійствахъ съ религіозною цѣлью и представляетъ, между прочимъ, столь поразительный фактъ такого преступленія (убійство отца Ѳомы въ Дамаскѣ),—фактъ, котораго опровергнуть не въ состояніи даже само іудейство со всѣмъ своимъ могуществомъ, что мы сочли не лишнимъ сдѣлать для нашей книги переводъ этой главы съ нѣкоторыми лишь незначительными сокращеніями, который и представляемъ вниманію читателей.

Будемъ имѣть въ виду, что талмудъ — это совѣсть правовѣрнаго еврея, а каббалистика, мать сокровенныхъ знаній—это душа талмуда, и этихъ двухъ соображеній будетъ достаточно, чтобы разсѣять всѣ возраженія, какія возбуждаются вслѣдствіе необычайности фактовъ, о которыхъ мы будемъ говорить. Кстати прибавимъ и то разсужденіе, что, если со дня смерти Іисуса Христа, еврей предается нѣкоторымъ дѣйствіямъ религіознаго звѣрства и кровожаднаго фанатизма, въ которыхъ исторія обвиняетъ его, онъ только продолжаетъ слѣдовать примѣру своихъ отцевъ, подражая имъ въ совершеніи таинственныхъ идолослуженій и религіозныхъ убійствъ, которыхъ предки его, будучи сначала гонителями, сдѣлались потомъ ревностными подражателями.

Живое и возмутительное описаніе всѣхъ этихъ ужасовъ сохранилось для насъ въ величайшей изъ книгъ, въ Библіи, т. е. въ той книгѣ, которой евреи во всѣ времена были наиревностнѣйшими хранителями, и истинность которой, вопреки постояннымъ на нее нападкамъ, одерживаетъ блистательную побѣду надъ всякой критикой [1]). Что касается религіознаго ученія, то

---

[1]) Библія, Книга Премудрости, гл. XII. «Древніе христіанскіе жители предавались отвратительнымъ дѣйствіямъ колдовства и нечестивыхъ жертвоприношеній: они убивали безпощадно своихъ дѣтей, пожирали тѣла ихъ,

есть талмудистскаго ученія, вполнѣ правовѣрныхъ евреевъ, то оно, предписывая имъ, въ отношеніи къ христіанамъ, лихоимство, воровство, грабежъ, хищничество, человѣкоубійство, представляетъ полнѣйшее извращеніе какъ естественнаго закона, такъ и закона 10-ти заповѣдей Божіихъ, полученныхъ Израилемъ изъ рукъ Моисея, и унаслѣдованныхъ у синагоги церковію.

Поэтому, согласно-ли будетъ съ здравымъ смысломъ удивляться тѣмъ безчеловѣчнымъ религіознымъ убійствамъ, въ которыхъ евреи всѣхъ временъ обвиняются какъ магометанскимъ, такъ и цивилизованнымъ міромъ? Впрочемъ въ настоящее время подъ іудейской кровлей въ центрахъ европейской цивилизаціи, эта ненавистная принадлежность іудейской религіи, это убійство для религіозныхъ цѣлей исчезло и о немъ болѣе нѣтъ уже и помину. Не станемъ сомнѣваться въ такомъ прогрессѣ и при случаѣ готовы подтвердить его, несмотря на значительное число (значительнѣе нежели предполагаютъ) мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которые въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ нашей Европы исчезаютъ навсегда, не оставляя по себѣ, къ удивленію и ужасу своихъ ближнихъ, никакихъ слѣдовъ.

Въ виду этого факта примемъ въ разсчетъ и участіе загадочныхъ приключеній, и случаи частной единичной мести, и роковыя послѣдствія разврата; и умолчавъ о вещахъ намъ неизвѣстныхъ, ограничимся лишь взглядомъ на времена давнопрошедшія, чтобы держаться на твердой почвѣ историческихъ документовъ, критику которыхъ предоставляемъ читателю.

а также съѣдали внутренности человѣческія и пили кровь». Будучи прежде истребителями этихъ нечестивцевъ, евреи впослѣдствіи сдѣлались ихъ послѣдователями.

Всѣ эти документы извѣстны евреямъ, но они съ свойственной имъ осторожностію отвѣчаютъ на нихъ такъ: «свидѣтельство Церкви и исторіи по обвиненію евреевъ въ хищничествѣ и лихоимствѣ во все продолженіе вѣковъ—ничто иное какъ историческая клевета; тѣмъ болѣе клевета и обвиненіе ихъ въ убійствѣ христіанъ по требованію, будто бы, ихъ вѣроисповѣданія». Но въ виду такого отвѣта прислушаемся къ исторіи. Еврей, ѣдучи верхомъ, на дорогѣ видитъ ребенка лѣтъ трехъ: будучи одинъ, не предполагая свидѣтелей, онъ похищаетъ его; вслѣдъ за тѣмъ прибѣгаетъ въ отчаяніи отецъ ребенка. «Вы ищете вашего сына?» спрашиваютъ его не замѣченные виновникомъ похищенія свидѣтели: «вамъ будетъ легко его отыскать; бѣгите по этой дорогѣ, мы видѣли, какъ Рафаилъ Леви сейчасъ проѣхалъ здѣсь верхомъ, держа подъ плащемъ ребенка».

Эти слова навели сыщиковъ на слѣдъ пропавшаго дитяти, но — увы!—нашли одинъ лишь трупъ его, брошенный въ лѣсу близъ того мѣста, гдѣ его похитилъ Рафаилъ.

Освидѣтельствованіе тѣла показало, что ребенокъ не былъ растерзанъ звѣремъ, какъ утверждали то въ одинъ голосъ евреи, но что рука человѣческая совершила это преступленіе. Сильныя обвинительныя улики возникли противъ Рафаила, а позднѣе было перехвачено письмо, писанное самимъ убійцею въ Метцъ, въ синагогу, такого содержанія: «Я приму смерть, какъ вѣрный сынъ Израиля, для прославленія имени Божія; я принесъ себя въ жертву для того, чтобы сослужить службу общинѣ, и Господь меня не оставитъ».

Ученый изслѣдователь де Лобъ разсказываетъ о событіи, совершившемся въ 1192 г. въ одномъ изъ вассальныхъ владѣній графини Шампаньи, Маріи де-

Франсъ, Агнессы де-Бренъ, графини де-Дре. Евреи изъ Брена надѣли на одного христіанина терновый вѣнецъ и водили его по улицамъ, стегая плетьми, потомъ распяли; все это творили они съ разрѣшенія Агнессы, которая сама предала въ ихъ руки этого христіанина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ и кражѣ.

Негодованіе поднялось всеобщее. Немедленно Филиппъ Августъ, братъ Маріи, возвратившійся изъ Іерусалима, отправился въ Бренъ и тамъ, въ знакъ возмездія, сжегъ 80 евреевъ.

Король Филиппъ Августъ ненавидѣлъ евреевъ и доказывалъ имъ это на дѣлѣ, хотя въ его государствѣ, особенно въ Парижѣ, они имѣли большое значеніе. Однажды королю было донесено, что евреи ежегодно въ великій четвергъ распинаютъ христіанина. Дѣйствительно со всѣхъ сторонъ, если вѣрить исторіи, раздается всеобщій за то ропотъ противъ евреевъ.

Въ 1171 г. аббатъ Сенъ-Мишель сильно жалуется на нихъ и ему вторитъ графъ Тибо де Шартръ, предавая сожженію нѣсколькихъ евреевъ, уличенныхъ въ распятіи ребенка во время Пасхи. Тогда же погибла подъ стѣнами Парижа, въ Понтуазѣ, другая жертва, не менѣе знаменитая въ лѣтописяхъ римскихъ мучениковъ, какъ и юный Вильгельмъ Англійскій, и Англія, хотя и отдѣленная отъ Франціи моремъ, такъ же громко вопіяла противъ евреевъ. Тѣже неистовыя преступленія совершались и тамъ, и сама церковь подтверждаетъ факты, которыхъ эти два враждебныхъ государства были свидѣтелями и о которыхъ передаютъ намъ историческія сказанія.

Нѣтъ выше и сильнѣе авторитета въ ученомъ мірѣ на почвѣ исторіи, какъ авторитетъ Болландистовъ; эти могучіе изслѣдователи пріобрѣли, строгой и неподкуп-

ной критикой, удивленіе всѣхъ серьезныхъ мыслителей даже изъ противоположныхъ съ ними ученыхъ лагерей. Вотъ почему большая часть такого рода фактовъ, избранныхъ нами, имѣютъ за себя ихъ неопровержимое свидѣтельство, подкрѣпленное сверхъ того подтверждающими свидѣтельствами другихъ авторитетныхъ писателей, иногда даже скептическихъ.

Въ 1287 г., разсказываютъ Болландисты, — одинъ молодой христіанинъ изъ Тревезской епархіи погибъ въ Везелѣ отъ ножа евреевъ. Это былъ бѣдный поденщикъ лѣтъ 14, по имени Вернеръ. Поклонники талмуда наняли его вырыть яму для погреба; хозяйка, у которой квартировалъ Вернеръ, узнавъ о такой работѣ, встревожилась за него и сказала ему: «Берегись, Вернеръ, евреевъ,—приближается великая пятница, и я боюсь за тебя».—«Ничего, я надѣюсь на Бога», отвѣчалъ юноша. И въ великую субботу онъ пріобщился Св. Таинъ; когда узнали объ этомъ евреи, то въ тотъ же день затащили Вернера въ этотъ самый погребъ, завязавъ ему ротъ, чтобъ заглушить крикъ, и черезъ минуту повѣсили его на косякъ головой внизъ, въ надеждѣ, что его стошнитъ и они такимъ образомъ воспользуются Святыми Дарами. Но ожиданія ихъ не оправдались. Тогда они начали съ ожесточеніемъ сѣчь плетьми исповѣдника Христова. Послѣ этого ему подрѣзали ножемъ жилы, чтобы выпустить изъ нихъ всю кровь. Впродолженіе трехъ сутокъ тѣло несчастнаго страдальца висѣло, измѣняясь въ своемъ положеніи, то головой, то ногами внизъ: это дѣлалось для того, чтобы не осталось въ немъ ни одной капли крови.

Изъ времени полутора вѣками позднѣе, Болландисты даютъ намъ описаніе страданій мученика Андрея, Тирольца, убитаго въ окрестностяхъ Бальзано. Это былъ ребенокъ необыкновенной красоты; евреи, пора-

женные ею, похитили его, обрѣзали, изранили все его тѣло и выпустили изъ него всю кровь, а послѣ этого распяли на деревѣ, ругаясь именемъ Христовымъ.

Современникъ Вольтера, одна изъ знаменитостей въ ученомъ мірѣ того вѣка, Бенедиктъ XIV, передавши объ этомъ событіи и дополнивъ его другимъ подобнымъ же случаемъ, въ своей буллѣ Beatus Andreas упоминаетъ о св. мученикѣ Лорентинѣ (Lorenzino), замученномъ евреями въ Виченцѣ, и о св. Урсулѣ, молодой дѣвушкѣ, сдѣлавшейся тоже жертвой хищниковъ синагоги. Такія преступленія однакожъ не слишкомъ сильно возмущали народъ, съ одной стороны потому, что въ тѣ времена христіане съ презрѣніемъ относились къ изученію талмуда, а съ другой потому, что не существуетъ другаго племени на землѣ, которое бы въ религіозномъ быту было такъ же неизмѣнно какъ іудейское, и общее мнѣніе о евреяхъ таково, что стоитъ ознакомиться съ ними одинъ разъ, чтобы узнать ихъ навсегда, и что какими они были въ древніе вѣка, точно такими остаются и въ наше время; убѣжденіе это подтверждается само собой, когда мы ознакомимся съ двумя эпизодами, которые хотя и раздѣлены между собою четырьмя вѣками, но съ религіозной и нравственной точки зрѣнія кажутся одинъ другому современными. Второй изъ нихъ, огласившійся такъ громко подъ именемъ дѣла отца Ѳомы, совершился на нашихъ глазахъ, а 1475 г. положилъ начало первому. Съ него мы и начнемъ наше описаніе.

Въ центрѣ города Тріента, столь прославленнаго въ церковныхъ лѣтописяхъ послѣднимъ Вселенскимъ Соборомъ, жило три еврейскихъ семейства, изъ которыхъ главные члены назывались Товій, Ангелъ и Самуилъ, а у этого послѣдняго жилъ сѣдовласый старецъ, по имени Моисей.

Во вторникъ страстной недѣли, т. е. 21 апрѣля 1475 г., эти израелиты собрались въ домѣ Самуила, въ которомъ главную половину занимала синагога. Среди общаго разговора Ангелъ вдругъ сказалъ: «у насъ все готово ко дню Пасхи, кромѣ одной вещи!»— Какой же?—Переглянувшись между собой, они поняли: недостающая вещь былъ христіанскій младенецъ, котораго евреи имѣли привычку убивать изъ ненависти къ Христу и съѣдать его кровь, смѣшанную съ опрѣсноками...

Жертва нашлась безъ труда. Но гдѣ же совершить это достойное Израиля приношеніе? у Товія? у Ангела? Нѣтъ; всѣ отказались: дома ихъ по тѣснотѣ не представляли удобства къ тому, чтобы скрыть отъ прислуги такой важный и продолжительный процессъ. Предпочли всѣ домъ Самуила.

«Лазарь, сказалъ Самуилъ своему слугѣ: если ты ухитришься достать мнѣ христіанскаго ребенка, ты за это получишь два золотыхъ». Но Лазарь испугался и собравъ свои пожитки, бѣжалъ въ чужую землю.

Въ четвергъ іудеи, собравшись въ синагогѣ, предложили Товію, который занимался медициною:—«никто лучше тебя не можетъ намъ оказать этой услуги; ты постоянно находишься въ сношеніи съ христіанами, и не навлечешь на себя подозрѣнія, а мы тебя за это щедро наградимъ»...

Въ виду опасности Товій отказался. Тогда все жидовское общество поклялось отмстить ему и отлучить навсегда отъ синагоги, если онъ не покорится ихъ желанію. Лестное обѣщаніе золота, смѣшанное съ угрозами, поколебало твердость Товія и онъ согласился. Тогда между евреями сдѣлано было условіе, чтобы до совершенія заговора двери еврейскихъ домовъ были

отперты и день и ночь, съ цѣлію способствовать медику въ кражѣ ребенка.

Вечеромъ того же дня Товій нашелъ двухъ-лѣтняго ребенка, по имени Симеона. Бѣдное дитя было завлечено ласками и потомъ скрыто со всею осторожностію; но родители его и сосѣди вскорѣ замѣтили его отсутствіе, начались розыски, все подозрѣніе пало на евреевъ. Наступила ночь. Когда все стихло, евреи вывели ребенка въ сѣни, Моисей (знавшій, по мнѣнію евреевъ, о времени пришествія Мессіи) посадилъ его къ себѣ на колѣни, и тогда совершилось невообразимое мученіе младенца! Прежде всего его обрѣзали, затѣмъ клещами рвали его тѣло и куски бросали въ приготовленную посуду, а кровь сбирали въ особенную чашу. Мало этого, каждый изъ присутствующихъ евреевъ, по очереди, шиломъ прокалывалъ тѣло, начиная отъ головы и до ногъ, произнося при этомъ неистовыя слова: «Вотъ такъ мы мучили Христа, христіанскаго Бога; да будутъ также уничтожены всѣ наши враги!..» Послѣ ужасныхъ страданій, продолжавшихся болѣе часа, въ неописанныхъ мученіяхъ младенецъ испустилъ духъ. Евреи поспѣшили смыть кровь съ его тѣла, и этой окровавленной водой окропили стѣны домовъ своихъ, и каждый изъ нихъ почиталъ за счастіе умыть ею руки и лице.

Считаемъ необходимостью прекратить на минуту нашъ разсказъ, чтобы передать размышленія современныхъ фарисеевъ, посредствомъ которыхъ они желаютъ зарекомендовать себя передъ нами публично, по примѣру евангельскаго фарисея, считавшаго обязанностью явить себя передъ Богомъ [1]).

Вотъ какъ защитники фарисеевъ отзываются объ нихъ въ 1867 г. «Суровость и жестокость встрѣчают-

[1]) Еванг. Луки гл. XVIII, 11—13.

ся только въ язычникахъ, но потомки Авраама, Израильтяне, которыхъ самъ Богъ озарилъ свѣтомъ истины и предписалъ имъ прямой законъ, одушевлены милосердіемъ ко всѣмъ тварямъ. Богъ, Которому должны мы подражать, не есть ли высшее милосердіе?... Таковъ въ дѣйствительности преобладающій характеръ въ Израилѣ, и хотя дали ему прозвище жестоко-сердечнаго, но справедливѣе было бы назвать его мягкосердечнымъ. Всѣ его пороки искупаются его достоинствами, которыя будутъ до скончанія вѣка говорить въ его пользу... Да, этотъ народъ проникнутъ человѣколюбіемъ!»...

По совершеніи убійства младенца Симеона, евреевъ разлучили и допрашивали по очереди: всѣ ихъ отвѣты были разногласная ложь, и лица ихъ выражали душевную борьбу.

Всѣ посторонніе улики были приняты къ свѣдѣнію главнымъ обвинителемъ, который вызвалъ къ себѣ для допроса одного еврея, Ивана, за 7 лѣтъ до совершенія преступленія принявшаго христіанскую вѣру. Этотъ Иванъ далъ свѣдѣніе такого рода: «Есть обычай у евреевъ въ среду на страстной недѣлѣ печь опрѣсноки, прибавляя къ нимъ кровь христіанскаго младенца; а въ четвергъ и пятницу они мѣшаютъ эту кровь съ виномъ. Во время благословенія хлѣбовъ они проклинаютъ Христа Спасителя и христіанскую вѣру, молясь Богу, чтобы Онъ послалъ на христіанъ тѣ язвы, которыми были покрыты Египтяне».

Эти слова усилили дѣятельность правосудія; во избѣжаніе угрожающей опасности, евреи прибѣгли къ хитрости, употребивъ въ дѣло коварные доносы; но и этимъ не отклонили отъ себя подозрѣній.

Чужеземная братія тщетно старалась блескомъ зо-

лота ослѣпить глаза правосудія, самаго епископа и принца Сигизмунда Австрійскаго.

Подобно какъ и въ дѣлѣ отца Ѳомы, евреи перевернули свѣтъ на изнанку своими происками; всѣ лучшіе юристы предложили къ ихъ услугамъ свои знанія и коварство; но Богъ не попустилъ такому гнусному злодѣйству остаться безъ наказанія.

Виновные были осуждены, колесованы и сожжены. Двое изъ нихъ пожелали, будучи менѣе виновны, крещенія, и по окончаніи обряда были разстрѣляны.

Цари исторической вѣрности, Болландисты, передали эту драму съ многочисленными подробностями, въ высшей степени интересными, которыхъ нѣтъ возможности передать здѣсь. Почти четыре вѣка протекло со дня этого преступленія, какъ совершилось другое, подобное ему—это именно варварское убійство о. Ѳомы Дамасскаго и его слуги Ибрагима-Амурата.

Востокъ, отечество еврейской націи и талмуда, есть страна неподвижности, а потому покажется очень естественнымъ, читая сочиненіе подъ заглавіемъ «Египетъ при Магометѣ-Али» (1843 г.), что трагическая смерть о. Ѳомы не произвела никакого удивленія въ Египтѣ, потому что жители его увѣрены, и таково всеобщее убѣжденіе, что евреи иногда убиваютъ христіанскихъ невольниковъ и пользуются ихъ кровью для употребленія ея въ опрѣсноки [1]), и такіе поступки никого нимало не удивляютъ.

Одинъ изъ членовъ Восточнаго Общества, Ахиллъ Лоранъ, даетъ другой ободродъ этой мысли: «Есть ли, говоритъ онъ, хотя одинъ путешественникъ, который

[1]) Ахиллъ Лоранъ, Сирійскія дѣла, т. II, стр., 264. Эта интересная книга сдѣлалась величайшей рѣдкостью: ее нигдѣ нельзя достать, не смотря на всѣ старанія книгопродавцевъ. Говорятъ, что исчезновеніе этой книги покрыто тайной...

объѣхавъ Анатолію, Архипелагъ, Малую Азію, Салонику, Смирну и Константинополь, не услыхалъ разсказовъ объ убійствахъ, подобныхъ убійству отца Ѳомы?»

Стараясь о возможной краткости разсказа, мы сохранимъ, однакожъ, точность относительно наиболѣе выдающихся фактовъ, которые подтверждаются серьезными авторитетами. Мы начнемъ извлеченіемъ, изъ обширной Исторіи Церкви Рорбахера, краткаго разсужденія, сопровожденнаго столь же краткимъ выводомъ относительно ужасной Дамасской драмы.

«Талмудъ, говоритъ этотъ историкъ въ 1851 г., не только что допускаетъ еврея, но и предписываетъ ему обманывать и убивать христіанъ, когда ему это удастся. Этотъ неопровержимый фактъ заслуживаетъ вниманія царей и народовъ». 1840 года, 5 февраля, отецъ Ѳома былъ приглашенъ въ одинъ еврейскій домъ подъ предлогомъ привитія оспы ребенку, потому что онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность по части этой операціи. Но ребенокъ былъ боленъ, и отецъ Ѳома намѣревался уйти. По неотступному приглашенію и убѣдительной просьбѣ онъ согласился, однакожъ, войти въ сосѣдній домъ, къ Д., самому набожному изъ Дамасскихъ евреевъ, на котораго всѣ христіане смотрѣли какъ на почтеннѣйшаго человѣка во всемъ городѣ, и котораго самъ отецъ Ѳома считалъ въ числѣ своихъ друзей.

Его ласково принимаютъ; вскорѣ пришли два брата Д., потомъ одинъ изъ ихъ родственниковъ и еще два еврея, первостатейные граждане Дамаска. Все шло очень хорошо, какъ вдругъ эти люди кидаются на отца Ѳому, связываютъ его, увлекаютъ въ отдаленную отъ улицы комнату и тамъ, связаннаго, оставляютъ до вечера. Ночью приходитъ раввинъ въ со-

провожденіи цирюльника С., которому жертвоприносители довѣрили свое намѣреніе.

«Иди скорѣй, С., мы тебя давно ждемъ, зарѣжь намъ этого попа». Цирюльникъ остолбѣнѣлъ, у него недостало на это силы, и онъ отказался. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, злодѣи рѣшились дѣйствовать одни. Поваливъ на полъ отца Ѳому, набожнѣйшій изъ евреевъ, честнѣйшій Д., противъ своего желанія рѣшается разрѣзать ножемъ горло несчастнаго. Руки его однакожъ дрогнули, и братъ его А. вынужденъ былъ замѣнить его; цирюльника заставили держать бороду мученика; кровь его была собрана въ сосудъ, для отправленія къ главному раввину. Оставалось уничтожить слѣды злодѣйства.

Присутствующіе начали сжигать все платье жертвы, трупъ которой былъ изрѣзанъ въ куски, а кости истолчены въ ступѣ, послѣ чего вся эта масса человѣческаго тѣла была брошена въ водосточную трубу.

Однако же розыски, начатые слугою отца Ѳомы, встревожили евреевъ, и семь изъ знатнѣйшихъ гражданъ города, въ томъ числѣ три раввина, отдали тайный приказъ уничтожить и этого человѣка Его подстерегли, схватили и принесли въ жертву такимъ же образомъ, какъ и господина его, сохранивъ его кровь, какъ вещь необходимую для нихъ.

Уже нѣсколько подобныхъ покушеній, говоритъ тотъ же историкъ, хотя извѣстныхъ и доказанныхъ, были оставлены безъ преслѣдованія со стороны правосудія; но на этотъ разъ правосудіе, предупрежденное французскимъ консуломъ Ратти-Ментономъ употребило свою власть, и обычнымъ порядкомъ, по законамъ той страны, достигло почти полнаго сознанія виновныхъ въ преступленіи. При такомъ поражительномъ извѣстіи, европейскіе евреи возстали, но не

противъ виновныхъ, а противъ самихъ жертвъ, противъ консула и правосудія.

Достойный представитель своего государства, французскій консулъ исполнилъ долгъ свой вопреки всѣмъ предложеніямъ, обѣщаніямъ и угрозамъ евреевъ.

Тогда разъяренные защитники преступленія рѣшились обратиться къ правительству, требуя удаленія консула, предлагая въ тоже время огромныя суммы чиновникамъ, чтобы уничтожить всѣ обвинительные акты по слѣдствію; но и это имъ не удалось, и правда взяла верхъ надъ ихъ усиліями.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя отличительныя подробности этого чудовищнаго событія, ибо никогда еще и ни въ чемъ евреи съ такимъ дерзкимъ единодушіемъ не запирались, какъ въ этомъ убійствѣ.

Заимствуемъ наши свѣдѣнія изъ самыхъ документовъ слѣдствія, за ручательствомъ г. Лароша, публиковавшаго весь ходъ процесса.

Цирюльникъ С. первый явился къ допросу. Послѣ долгихъ запирательствъ, онъ наконецъ во всемъ признался: «Когда я былъ призванъ къ Д., показалъ онъ, я нашелъ у него хахама (раввина) М. и отца Ѳому связаннаго. Д. и братъ его А. мнѣ сказали: «зарѣжь этого попа». Я отвѣчалъ, что не могу; они сказали: подожди, — и принесли ножъ. Я повалилъ на полъ отца Ѳому, и держа его вмѣстѣ съ однимъ изъ присутствующихъ, положилъ голову его надъ большой чашей. Тогда Д. взялъ ножъ и началъ рѣзать горло, а братъ его А. докончилъ. Кровь была собрана въ эту чашу до послѣдней капли; послѣ того трупъ вытащили изъ этой комнаты въ другую; тамъ мы его раздѣли и сожгли все платье; потомъ пришелъ слуга М. и семь участниковъ; насъ заставили разрѣзать

трупъ на части и бросить куски въ водосточную трубу. Окончивши эту послѣднюю операцію, мы положили всѣ куски въ мѣшокъ, и понемногу перекидали въ яму. За эту работу слугѣ обѣщали устроить его женитьбу, а меня наградить деньгами».

— Куда же вы дѣвали кости?

— Мы ихъ истолкли въ ступкѣ.

— А голову?

— Ее тоже раздавили.

— Что вамъ заплатили за это?

— Мнѣ обѣщали денегъ, пригрозивъ при этомъ, что если я проговорюсь, то объявятъ убійцей именно меня. А слугѣ обѣщали женить его.

— Какого рода былъ мѣшокъ, въ который вы клали рѣзаныя куски?

— Какъ и всѣ мѣшки изъ подъ кофе,—сѣрой парусины.

— Куда вы дѣвали внутренности?

— Изрѣзали и бросили въ одно мѣсто.

— Когда вы рѣзали тѣло, сколько было васъ, много ли было ножей и какого они были сорта?

— Мы рѣзали вдвоемъ съ слугою, а остальные семеро указывали, какъ рѣзать. Мы исполняли эту обязанность поочередно съ слугой, а ножъ былъ одинъ, такой какъ у мясниковъ.

— Гдѣ вы ломали кости?

— На полу между двухъ комнатъ.

— Куда дѣвался мозгъ изъ раздавленной головы?

— Мы отнесли все вмѣстѣ съ костями.

— Въ которомъ часу совершилось убійство, и сколько прошло времени до истеченія послѣдней капли крови?

— Кровь стекала впродолженіи получаса; когда же мы совершенно все покончили, было около 8 часовъ.

При допросѣ слуги, отвѣты его были во всемъ согласны съ отвѣтами цирюльника и другихъ подсудимыхъ. Тогда освидѣтельствовали то мѣсто, куда евреи бросили части тѣла убитаго, открыли яму и нашли въ ней слѣды крови и куски мяса, всѣ остальныя части, нѣсколько обломковъ костей и половину скуфьи отца Ѳомы.

Всѣ эти останки собраны были въ корзину и отправлены къ консулу для медицинскаго освидѣтельствованія, предварительно бывъ предъявлены для осмотра пашѣ, который показалъ ихъ подсудимымъ для безспорнаго удостовѣренія несомнѣнной дѣйствительности факта.

— Но—увы!—перечитывая внимательно все то, что извѣстно въ печати по дѣлу объ исчезновеніи отца Ѳомы, испытываешь въ высшей степени тягостное чувство!... Достопочтенный представитель Франціи настаиваетъ предъ намѣстниками Мегметъ-Али на необходимости справедливаго суда—и что же? Европейскіе евреи возстаютъ противъ г. Ратти-Ментона, еврейская община, покровительствуемая австрійскимъ консуломъ Мерлато, поднимаетъ плачъ и стонъ.... на томъ единственномъ основаніи, что сыны Израиля пришли изъ Европы въ Египетъ.... Густое покрывало накрыло это кровавое событіе [1]), и правосудіе прекратило свою дѣятельность.

Дамасскіе евреи предлагали золото Ментону—онъ отвергъ его; Лоранъ утверждаетъ, что всѣ защитники были куплены дорогой цѣной; одинъ изъ старѣйшихъ раввиновъ, Драхъ, не устыдился произнести тяжкое для евреевъ признаніе: «Убійцы отца Ѳомы, сознавшіеся въ своемъ преступленіи, были освобождены отъ преслѣдованія законовъ при посредствѣ усилій евре-

[1]) Лоранъ.

евъ всѣхъ государствъ. Золото играло важнѣйшую роль въ этомъ дѣлѣ». А вотъ содержаніе фирмана Метемета, которымъ евреи вынуждены были удовлетвориться.

«Изъ представленнаго намъ отъ лица всѣхъ европейцевъ, исповѣдующихъ законъ Моисея, ихъ представителями, гг. Монтефіори и Кремье, прошенія, мы усматриваемъ, что они желаютъ освобожденія заключенныхъ и обезпеченія безопасности евреевъ, бѣжавшихъ отъ суда по дѣлу о Ѳомы, монаха пропавшаго изъ Дамаска [1]) и его слуги Ибрагима. А такъ какъ, въ виду ихъ многочисленности, неудобно будетъ отказать ихъ просьбѣ, то и повелѣваемъ: освободить еврейскихъ узниковъ, и дозволить бѣжавшимъ свободный въѣздъ обратно, и пр. и пр.

Послѣ убійства о. Ѳомы, евреи рѣшили избавиться и отъ его слуги, розыски котораго о своемъ господинѣ начинали ихъ тревожить.

Пользуясь свѣдѣніями, собранными г. Ларошемъ относительно еврейскаго заговора съ цѣлію положить конецъ ихъ опасеніямъ, мы воспроизведемъ нѣкоторыя подробности допросовъ и отвѣтовъ касательно второго дѣйствія этой трагедіи.

Такъ напримѣръ, одинъ изъ подсудимыхъ, М., понужденный къ отвѣту, боясь скомпрометировать себя, спрашиваетъ: «Сознался ли кто другой до меня?» Конечно всѣ сознались, отвѣчаютъ ему: теперь ваша очередь сказать правду.

«Когда я возвратился къ моему господину, онъ спросилъ меня: распорядился-ли ты на счетъ слуги? Когда я отвѣтилъ утвердительно, онъ послалъ меня обратно, чтобъ узнать, взятъ-ли онъ и что съ нимъ

---

[1]) Но котораго трупъ найденъ.

сдѣлали. Я отправился; придя туда я нашелъ дверь запертою, постучался и мнѣ отворили Майлемъ М. и П. Онъ здѣсь, въ нашихъ рукахъ, сказали они: хочешь войти или нѣтъ? Я отвѣтилъ, что хочу видѣть. Войдя, я увидѣлъ А., Р. и I., связывавшихъ назадъ руки слугѣ; потомъ они завязали ему ротъ полотенцемъ; это происходило внутри двора, гдѣ находилось отхожее мѣсто, куда и было брошено тѣло и кости Ибрагима; дверь на этотъ дворъ была заперта засовомъ. Семь человѣкъ присутствовали при этой операціи, но нѣкоторые изъ нихъ были только свидѣтелями; принесли мѣдный тазъ, на край котораго положили голову Ибрагима; М. и П. своими руками надрѣзали ему горло другіе держали его крѣпко за ноги, чтобы онъ не шевелился до тѣхъ поръ, пока не вышла изъ него кровь. Я пробылъ тамъ съ четверть часа; при мнѣ онъ и умеръ. Возвратившись къ господину моему, я отдалъ ему подробный отчетъ».

— Изъ семи присутствующихъ отлучался-ли кто въ это время? «Никто, до самаго конца».

— Какимъ образомъ заманили слугу? «Заранѣе все было подготовлено, и пять человѣкъ за дверью ожидали, что онъ придетъ, чтобы узнать о своемъ господинѣ. Когда онъ пришелъ и спросилъ, ему отвѣчали: твой господинъ здѣсь, онъ прививаетъ оспу ребенку; если хочешь его подождать, войди сюда. Такимъ образомъ его взяли и все кончилось, какъ я говорилъ».

— Что сдѣлали съ кровью, и кто ее взялъ? Послѣ нѣкотораго замѣшательства, подсудимый отвѣчалъ. «Говорю истинную правду. А. I. налилъ кровью бутылку, которую держалъ въ рукахъ, чрезъ новую жестяную воронку, прямо изъ таза; воронка была такая, какую употребляютъ торговцы масломъ. Наполнивъ бутылку кровью, А. I. отдалъ ее У. А.».

Вообще трудно себѣ представить все изобиліе ясныхъ подробностей, выходившихъ изъ устъ свидѣтелей. Но мы предоставляемъ любопытнымъ читателямъ самимъ просмѣдить весь ходъ процесса. Всѣ документы относительно изслѣдованія, направленнаго противъ Дамасскихъ евреевъ по дѣлу о двойномъ убійствѣ о. Ѳомы и слуги его Ибрагима-Амурата, находятся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ при французскомъ дворѣ.

Оффиціальныя записки о допросѣ убійцъ отца Ѳомы открываютъ намъ религіозную тайну евреевъ.—Что дѣлаютъ съ кровью? спрашиваютъ у одного изъ подсудимыхъ. «Ее употребляютъ для праздника опрѣсноковъ», отвѣчаетъ онъ [1]). — Съ какою цѣлью вы убили отца Ѳому? спрашиваютъ другаго. «Чтобы имѣть его кровь; мы собрали ее въ бѣлую бутылку (Khalabiets), которую послали къ хахаму А***; кровь эта была намъ необходима для отправленія нашихъ религіозныхъ обрядовъ».—На что употребляется кровь въ вашей религіи? «Ее употребляютъ для опрѣсноковъ, раздаютъ эту кровь вѣрующимъ».—Открыто? «Нѣтъ, ее отдаютъ главному хахаму».—Отчего вы не оставили ее у себя? «Обычай требуетъ, чтобы кровь хранилась у хахама, (раввина). — Зачѣмъ же вы убили этого отца? «Для полученія крови, потому что она намъ нужна». Спрашиваютъ хахама А***: — Кто доставилъ вамъ кровь? — Хахамъ У*** согласился съ А*** и съ другими достать бутылку человѣческой крови, послѣ чего упомянутый хахамъ увѣдомилъ меня объ этомъ. А*** обѣщалъ ему достать крови во что бы то ни стало. Затѣмъ они увѣдомили меня, что привели человѣка, чтобы зарѣзать его и взять его кровь, и сказали мнѣ: такъ какъ вы самый разсудительный, то отнесите ее къ хахаму

[1]) Лоранъ (Laurent, т. II, стр. 34—5).

У***». — Освѣдомлялись вы у хахама У***, отсылаетъ ли онъ эту кровь въ другія мѣста? «Хахамъ увѣдомилъ меня, что онъ долженъ былъ отослать ее въ Багдадъ». — Приходили-ли изъ Багдада письма съ просьбою на счетъ крови? «Хахамъ У. говорилъ мнѣ, что приходили».—Правда ли, что цирюльникъ держалъ отца Ѳому во время убійства! «Я видѣлъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ на немъ, такъ же какъ и С. и слугу М. Убивая его, они были очень довольны, потому что исполняли религіозный обрядъ».—Намѣревались ли вы убить именно отца Ѳому или другаго какого-нибудь христіанина? «Хахамъ У. сказалъ, и намъ всѣмъ было извѣстно, что нужно достать кровь для опрѣсноковъ и что надо позвать, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отца Ѳому, такъ какъ онъ живетъ по сосѣдству, убить и добыть его кровь» [1]).

— Для чего нужна кровь? спрашиваетъ судебная власть раввина А***: примѣшиваютъ-ли ее къ опрѣсноками и всѣ ли ѣдятъ этотъ хлѣбъ? Раввинъ отвѣчаетъ: «По нашему обычаю опрѣсноки съ кровью раздаются не всему народу, а лишь ревностнымъ послѣдователямъ закона. Наканунѣ праздника опрѣсноковъ, хахамъ У*** стоитъ у хлѣбной печи. Туда ревностные евреи присылаютъ ему муку, изъ которой онъ приготовляетъ хлѣбы; онъ самъ мѣситъ ихъ, такъ что никто не знаетъ, что онъ въ нихъ примѣшиваетъ кровь, и разсылаетъ эти хлѣбы тѣмъ, отъ кого присылается мука»..... — Какимъ образомъ употребленіе крови считается у васъ позволительнымъ? «Это тайна великихъ хахамовъ, они знаютъ это дѣло и способъ употребленія крови. Что же касается насъ, то мы знаемъ только то, что употребленіе крови чрезвычайно разнообразно и имѣетъ

[1]) Лоранъ, т. II, стр. 299—300.

обширное примѣненіе; кромѣ того мы знаемъ еще, что кровь въ опрѣсноках не всегда смѣшивается съ тѣстомъ, а иногда ограничиваются тѣмъ, что намазываютъ только сверху хлѣбъ, какъ будто чтобы позолотить его».

Эти показанія помогутъ намъ понять нѣсколько словъ еврейки Бенъ-Ну (Ben-Noud) касательно этого предмета.

Разсказъ ея переданъ однимъ знаменитымъ путешественникомъ по Востоку, де-Дюрфоръ, графъ-Сивракъ (de Durfort-Civrac), въ его письмѣ, адрессованномъ французскому консулу г-ну де-Ратти-Ментонъ (M. de Ratti-Menton). Въ этомъ письмѣ мы читаемъ слѣдующее: «Еврейка Бенъ-Ну, дочь Мурада, уроженца Алеппо, увѣряетъ насъ, что она отлично помнитъ, что, бывъ шести или семи лѣтъ, она видѣла въ одномъ антіохійскомъ городѣ, въ томъ домѣ, гдѣ жила, двухъ дѣтей, привѣшенныхъ къ потолку за ноги. Испуганная, она побѣжала предупредить объ этомъ свою тетку; тетка отвѣчала, что эти дѣти наказаны и велѣла ей уйти, чтобы отвлечь ея вниманіе. При ея возвращеніи тѣла уже исчезли, но она видѣла кровь въ сосудѣ, употребляемомъ для мытья бѣлья [1]).

«Восемь лѣтъ спустя, въ 1884 г., она жила въ Триполи у одной своей родственницы и была свидѣтельницею ужасной сцены, ни одна подробность которой не забыта ею.

«Съ террасы, гдѣ оставалась ни кѣмъ незамѣченною, она видѣла христіанина, старика съ сѣдою бородою, приглашеннаго евреями, которымъ онъ продавалъ апельсины, на маленькій дворъ, примыкающій къ синагогѣ. Ему поднесли водки и кофе, потомъ, среди этихъ угощеній, четверо изъ евреевъ бросились на

[1]) Ibidem.

него, завязали ему ротъ платкомъ, связали его и повѣсили за ноги; въ такомъ положеніи онъ былъ оставленъ съ девяти часовъ утра до двѣнадцати, потому что нужно было, чтобы него изъ носа и изо рта вытекла вода, что необходимо для сообщенія крови чистоты, требуемой тѣмъ употребленіемъ, на которое она предназначается. Въ ту минуту, какъ старикъ готовился испустить духъ,—минуту, за которою евреи слѣдятъ особенно старательно, они перерѣзали ему горло однимъ изъ ножей, употребляемыхъ раввинами для умерщвленія своихъ жертвъ, послѣ чего тѣло висѣло до тѣхъ поръ, пока вся кровь стекла въ большую чашу.

«По прошествіи трехъ лѣтъ Бенъ-Ну (Ben-Noud) переѣхала въ Латакье къ своему дядѣ, и все время, пока она тамъ жила, имъ аккуратно присылали изъ Алеппо опрѣсноки, нужные для Пасхи. Опрѣсноки бываютъ двухъ сортовъ, говоритъ она: *мосса* и *мосса гезира* (le mossa et le mossa gesira) [1]).

«Второй сортъ похожъ на первый и отличается только тѣмъ, что онъ и сверху покрытъ слоемъ человѣческой крови, но въ слишкомъ маломъ количествѣ, чтобы сообщить тѣсту острый вкусъ. Евреи ѣдятъ эти опрѣсноки впродолженіи семи дней своей пасхи; моссу (mossa) они употребляютъ только тогда, когда у нихъ недостаетъ моссы гезира.

«Почаще, наканунѣ своей пасхи, почти всѣ еврейскія семейства распинаютъ индѣтуха. Крылья его они приколачиваютъ гвоздями къ стѣнѣ и всячески мучатъ; каждый изъ присутствующихъ пронзаетъ его желѣзнымъ остріемъ, и такъ какъ все это дѣлается съ цѣлью посмѣянія надъ страданіемъ Іисуса Христа,

---

[1]) Гезира, говорятъ, по сирійски значитъ убивать.

то они предаются этому отъ всей души, и все это сопровождается сильными взрывами общаго хохота.

«Эта варварская церемонія происходила, между прочимъ, въ домѣ г. Белье (M. Bélier), гдѣ находилось семейство мужа Бенъ-Ну и одинъ раввинъ.

—«Ахъ! какъ бы пріятна была евреямъ возможность, говорили они, принести въ жертву христіанина вмѣсто пѣтуха!»

«У нихъ два праздника, въ которые они проклинаютъ христіанъ, и самые робкіе съ виду евреи выказываютъ при этихъ ужасныхъ сценахъ наиболѣе ожесточенія и жестокости» [1]).

Мы видимъ, что при совершенія этихъ гнусныхъ обрядовъ, мельчайшія подробности которыхъ отличаются ужасающею точностью, цѣль ихъ остается постоянно одна и таже, будетъ ли жертва, требуемая ихъ вѣрою и преданіями, христіанинъ, пѣтухъ, ягненокъ или какое другое животное. Другими словами, ихъ вѣра предписываетъ имъ убивать христіанъ для жертвоприношеній и собирать ихъ кровь; и приносящій жертву только въ такомъ случаѣ допускаетъ замѣну человѣческой жертвы какою-нибудь другою, если ему невозможно принести настоящую жертву. «Если же потомки людей, распявшихъ Іисуса Христа, не могутъ купить дѣтей, рожденныхъ въ христіанствѣ, говорятъ Египтяне, то они выбираютъ очень жирнаго барана и поочередно пронзаютъ его, намекая такимъ образомъ на смерть Спасителя міра» [2]).

---

[1]) Графъ де-Дюрфоръ-Сивракъ (de Durfort Sivrac), т. II, стр. 320 — 325; большое соч. о полиціи, т. I, стр. 280, Парижъ 1705 г. и проклятіе Бароніуса 1320 г., т. VII, гл. XXIV, стр. 139.

[2]) Аммонъ: «Египетъ въ царствованіе Мехмедъ-Али», стр. 367. Парижъ, 1843 г. Кто пожелаетъ узнать объ этомъ подробнѣе, говоритъ Лораръ, пускай прочитаетъ главу XXXIII сочиненія врача Паоло, подробно описывающаго ненависть евреевъ къ христіанству и убійства христіанскихъ дѣтей (т. II, стр. 382).

Баранъ избирается потому, что въ христіанскомъ религіозномъ значеніи І. Христосъ изображается агнцемъ, на основаніи словъ Іоанна Предтечи: Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.

VI.

Дѣло Велижское.

Начатое въ 1823 году въ Велижской городской полиціи и оконченное въ 1835 г., чрезъ 12 лѣтъ, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, Велижское дѣло замѣчательно большими подробностями, многократно возобновлявшимися розысками и ясностью всѣхъ уликъ, не исключая даже и собственнаго сознанія нѣкоторыхъ подсудимыхъ, хотя и не вполнѣ высказаннаго. Впрочемъ не было и разсчетовъ евреямъ сознаваться въ преступленіи, составляющемъ тайну ихъ религіознаго фанатизма, да и опытъ прежнихъ временъ доказывалъ, что упорное, наглое и голословное запирательство почти всегда ихъ спасало, какъ спасло и на этотъ разъ.

Сущность дѣла заключалась въ слѣдующемъ: 22-го апрѣля 1823 года, солдатскій сынъ Ѳедоръ Емельяновъ, двухъ съ половиною лѣтъ отъ рожденія, пропалъ въ Велижѣ безъ вѣсти. Это было въ самый день Свѣтлаго Воскресенья. Трупъ мальчика найденъ, на Ѳоминой недѣлѣ, за городомъ въ лѣсу, въ такомъ видѣ, что никто изъ жителей не могъ сомнѣваться въ справедливости возникшаго подозрѣнія и распространившихся, чрезъ какую-то ворожею, глухихъ слуховъ, что

мальчикъ былъ звѣрски замученъ евреями: по всему тѣлу были наложныя ссадины, будто кожу чѣмъ-нибудь сильно терли, ногти были острижены вплоть до тѣла, по всему тѣлу множество небольшихъ ранъ, будто протянутыхъ гвоздемъ; синія, затекшія кровью ноги доказывали, что подъ колѣнами подложена была крѣпкая повязка, носъ и губы приплюснуты также отъ давившей ихъ повязки, которая оставила даже багровый знакъ на затылкѣ отъ узла, и наконецъ надъ мальчикомъ совершено было еврейское обрѣзаніе. Все это доказывало неоспоримо, какъ отозвался подъ присягою врачъ, что ребенокъ замученъ съ умысломъ, намѣренно; изъ состоянія же внутренностей видно было, что онъ содержался нѣсколько дней безъ пищи. Злодѣяніе совершено было, сверхъ того, надъ обнаженнымъ ребенкомъ, и тѣло обмыто и одѣто впослѣдствіи, ибо на бѣльѣ и платьи не было никакого признака крови; по слѣдамъ и колеямъ около того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, было видно, что парная повозка или бричка подъѣзжала съ дороги къ этому мѣсту, а трупъ отнесенъ оттуда къ болоту пѣшкомъ. Родителями и посторонними лицами подозрѣніе заявлено было на евреевъ, другой же причины мученической смерти младенца никто не могъ придумать. Между тѣмъ обнаружилось, что солдатка Марья Терентьева еще прежде, чѣмъ трупъ былъ найденъ, ворожила и объявила матери, будто сынъ ея еще живъ, сидитъ въ погребѣ у евреевъ Берлиныхъ и ночью будетъ замученъ; тоже предсказала 12-ти-лѣтняя больная дѣвочка Анна Еремѣева, которая, по толкамъ, ходившимъ о ней въ городѣ, обмирала и славилась въ народѣ тѣмъ, что дѣлала предсказанія.

У Берлиныхъ произведенъ былъ въ домѣ обыскъ, но ничего подозрительнаго не найдено; хозяинъ объя-

вилъ, что погребовъ у него въ домѣ нѣтъ, но ихъ нашлось два, хотя находка эта и ни къ чему не послужила; осмотръ же дѣлали одинъ квартальный надзиратель съ ратманомъ-евреемъ, близкимъ родственникомъ Берлиныхъ, у котораго въ домѣ мальчикъ былъ скрытъ на время обыска. Шмерка Берлинъ былъ купецъ, человѣкъ весьма зажиточный, уважаемый евреями и жилъ хорошо; теща его Мирка слыла также богатой и домъ этотъ составлялъ большое зажиточное семейство; Берлины даже владѣли населеннымъ имѣніемъ Краснымъ и крѣпостными людьми, купленными на имя уѣзднаго казначея Сумии; ближайшими родственниками Берлиныхъ были Аронсоны и Цетлины, а затѣмъ еще множество другихъ семей въ Велижѣ, Витебскѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ. Семь женщинъ показали подъ присягой, что рано утромъ въ тотъ же день, когда найденъ трупъ, видѣли парную жидовскую бричку, проскакавшую во всю прыть по той дорогѣ, гдѣ найдено тѣло, и возвратившуюся вскорѣ опять въ городъ, а одна свидѣтельница утверждала положительно, что въ бричкѣ сидѣлъ Іосель, приказчикъ Берлиныхъ, съ другимъ евреемъ; Берлины, приказчикъ ихъ и кучеръ утверждали, что никуда не ѣздили и что у нихъ даже и кованной брички нѣтъ, а между тѣмъ обнаружилось, что Іосель точно пріѣзжалъ въ это время самъ-другъ въ Берлину въ кованной бричкѣ, которая и стояла у послѣдняго на дворѣ. Но два ратмана—евреи (въ томъ числѣ Цетлинъ), стараясь отвести подозрѣніе, съ огромною толпою евреевъ ворвались на дворъ, гдѣ остановился проѣзжій ксендзъ, стали измѣрять ширину хода колесъ и утверждали, что переѣхалъ мальчика ксендзъ, между тѣмъ какъ другіе евреи и Орликъ распространяли слухъ, что ребенка переѣхали или же застрѣлили нечаянно изъ ружья дробью, отъ чего и ра-

ночки по всему тѣлу, а потомъ и бросили, чтобы возбудить подозрѣніе на евреевъ.

Слѣдователи ничего болѣе не открыли, не обративъ вниманія на чрезвычайно важное обстоятельство—на предварительное показаніе двухъ женщинъ, Терентьевой и Еремеевой, что мальчикъ въ рукахъ евреевъ и даже именно у Берлиныхъ и что онъ вскорѣ погибнетъ; одна изъ нихъ, Терентьева, жила въ самомъ Велижѣ, другая, Еремеева, въ Сентюрахъ, въ 12-ти верстахъ отъ города. Это таинственное предсказаніе непремѣнно должно бы было дать ключъ для всѣхъ розысковъ, потому что оно явно и несомнѣнно доказывало прикосновенность поименованныхъ двухъ лицъ къ этому происшествію. Дѣло было передано въ Велижскій уѣздный судъ, который 1824 года іюня 16 дня заключилъ: по недостатку уликъ, евреевъ освободить отъ обвиненія въ убійствѣ мальчика, но Ханну Цетлинъ и Іоселя оставить въ подозрѣніи, а Шмерку Берлина съ товарищами обвинить въ распространеніи ложныхъ слуховъ о смерти мальчика, который вѣроятно погубленъ евреями. Главный судъ 22 ноября согласился съ этимъ рѣшеніемъ, присовокупивъ однакожъ, что какъ ребенокъ явно умерщвленъ умышленно, то стараться раскрыть виновныхъ; губернаторъ утвердилъ рѣшеніе и дѣло было окончено.

Между тѣмъ въ 1825 году, во время проѣзда блаженной памяти Государя Императора Александра I чрезъ Велижъ, солдатка Терентьева подала Его Величеству просьбу, въ коей, называя мальчика Ѳедора Емельянова сыномъ своимъ, жаловалась на то, что онъ погибъ отъ руки евреевъ: по сему поводу дѣло было возобновлено; слѣдствіе поручено сначала особому чиновнику подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, потомъ присланъ былъ по Высочайшему повелѣнію флигель-адъю-

тантъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ) Шкуринъ, образована цѣлая слѣдственная коммисія, а подъ конецъ еще присланъ отъ сената оберъ-прокуроръ и дѣло повелѣно внести прямо въ правительствующій сенатъ.

Будучи уже само по себѣ обширно и чрезвычайно запутанно, оно сдѣлалось еще болѣе сложнымъ, когда раскрылось, по поводу его, шесть или семь другихъ подобныхъ дѣлъ: о похищеніи евреями антиминса, о поруганіи надъ нимъ и надъ Святыми Тайнами, объ обращеніи трехъ христіанъ въ еврейскую вѣру и объ умерщвленіи еще нѣсколькихъ младенцевъ. Покрывало было сдернуто съ цѣлаго ряда ужаснѣйшихъ преступленій, но здѣсь предлагается прослѣдить только одно изъ нихъ, главнѣйшее, убійство солдатскаго сына Емельянова.

У Берлиныхъ была работницей Прасковья Пиленкова (впослѣдствіи по мужѣ Козловская), у Цетлиныхъ—Авдотья Максимова, у Аронсоновыхъ—Марья Ковалева, всѣ три хотя и христіанки, но пообжившіяся съ евреями, привыкшія къ быту ихъ, обычаямъ и обрядамъ; Козловская была еще очень молода во время происшествія и скоро потомъ вышла замужъ за шляхтича; Ковалева была съ дѣтства безотвѣтною крѣпостною Аронсоновыхъ,— безотвѣтною до того, что, какъ показала впослѣдствіи, не смѣла даже объявить о весьма основательномъ подозрѣніи своемъ относительно умерщвленія хозяевами ея роднаго брата; Максимова была энергичная и безнравственная женщина, вѣрная слуга евреевъ за деньги и за вино; Марья Терентьева, крестьянка или солдатка, сомнительной репутаціи, также жила въ Велижѣ, прислуживая по временамъ гдѣ придется, и большею частію у евреевъ. и также была готова на все, какъ и Максимова, за тѣже деньги и

водку и издавна была главною пособницей евреевъ во всѣхъ подозрительныхъ дѣлахъ.

Терентьева при новомъ слѣдствіи сначала показала, что видѣла, какъ Ханна Цетлина въ Свѣтлое Воскресенье привела ребенка съ улицы домой; что по своей надобности пошла за Ханной, которая напомнила ее виномъ, что вечеромъ велѣли ей вмѣстѣ съ Максимовой отнести ребенка къ Берлинымъ, гдѣ Мирка посадила его въ погребъ; что въ четвергъ на Святой она видѣла мальчика уже мертвымъ, а кровь его стояла въ новомъ корытѣ; что евреи обмыли и одѣли трупъ, а Ханна поручила ей, Терентьевой, въ Ѳоминъ понедѣльникъ отнести мальчика, вмѣстѣ съ Максимовой, ночью въ лѣсъ, что и было ими исполнено. Ее передопрашивали много разъ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и она сперва созналась, что сама была у Берлиныхъ вмѣстѣ съ Максимовой и Козловской, когда истязали и замучили ребенка; потомъ — что сама привела его, по неотступной просьбѣ жидовъ, къ Цетлинымъ, что послѣ принесли его къ Берлинымъ и тамъ въ понедѣльникъ замучили: раздѣли, посадили въ бочку, катали, положили на столъ, остригли ногти, сдѣлали обрѣзаніе, перевязали ремнями ноги подъ колѣнами (кровопускатели всегда дѣлаютъ перевязку крѣпко, чтобы кровь шла больше, напримѣръ цирюльники), положили въ корытце; что всѣ жиды кололи мальчика гвоздями, выпустили кровь и передали его Терентьевой и Максимовой, чтобы занинуть въ лѣсъ, но какъ страдалецъ дышалъ еще, то ему завязали ротъ и носъ. Когда же вынесли, то, снявъ платокъ, увидѣли, что ребенокъ уже мертвъ, и тогда положили тамъ, гдѣ онъ найденъ. Затѣмъ Терентьева, объяснивъ, что такъ какъ прошло уже три года со времени происшествія и она постоянно ведетъ жизнь нетрезвую, заявила, что ошиблась въ

нѣкоторыхъ подробностяхъ, а теперь припомнила, что ногти остригъ ребенку не поселенный еврей, который дѣлалъ обрѣзаніе, а Шмерка Берлинъ; что она сама вынимала мальчика изъ бочки и носила въ еврейскую школу, что ее же заставили привязать ноги и уколоть его гвоздемъ, что наконецъ ее и Максимову одѣли въ жидовское платье, приказавъ имъ вынести трупъ въ болото; что она и на другой день была съ жидами въ школѣ, разбалтывала и разливала по ихъ приказанію кровь мученика, а въ остаткѣ намочила кусокъ холста, который еврей Орликъ разрѣзалъ на лоскутки и роздалъ всѣмъ по кусочку; боченокъ же съ кровью отнесла она въ угольный домъ съ зеленою крышей. Въ другой разъ она показала, что ребенка принесла не къ Миркѣ, а въ комнату дочери ея Славки въ томъ же домѣ, что его держали не въ погребѣ, а въ коморкѣ, что всѣ жиды долго катали бочку, перемѣняясь по парно, что она, Терентьева, возила боченокъ съ засохшею кровью, по настоянію евреевъ, въ Витебскъ; что ѣздила туда вмѣстѣ съ жидами, которыхъ называла поименно (изъ показаній ея было очевидно, что эти послѣдніе, слѣдуя общему правилу своему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, и на сей разъ выбрали христіанку, и притомъ пьяную, распутную бабу, какъ подставную преступницу, навязавъ ей на руки боченокъ съ кровью, чтобы въ случаѣ бѣды отречься отъ него и оставить одну ее въ отвѣтѣ); что въ Витебскѣ останавливались у жидовъ, такихъ-то лѣтъ и примѣтъ, которые распустили кровь въ водѣ и намочили въ ней холстъ, а остальную розлили въ бутылки, одарили и напоили Терентьеву и отправили съ нею одну бутылку съ кровью въ мѣстечко Лезну, гдѣ жиды также намочили холстъ, разрѣзали и раздѣлили его. Терентьева добавила, что жиды, лестью и угрозами ссылки въ Си-

бирь за убійство мальчика, заставили ее принять еврейскую вѣру, и описала весь обрядъ обращенія въ подробности: ее, между прочимъ, поставили на раскаленную сковороду, заставивъ клясться, зажимали ротъ, чтобы не кричала, потомъ перевязали обожженныя подошвы, намазавъ мазью.

Солдатка Авдотья Максимова, работница Цетлиныхъ, въ теченіи допроса, который продолжался почти цѣлый годъ, въ разное время показала, что видѣла ребенка въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ у хозяйки своей въ углу за кроватью, въ среду видѣла его въ коморкѣ, въ сундукѣ, изъ коего все съѣстное было для этого выставлено на полъ; далѣе показала, что Ханна Цитлина принесла мальчика на дворъ, а она, Максимова, сама—въ комнату, потомъ Терентьева отнесла его къ Миркѣ Берлинъ; такимъ образомъ переносили его, скрывая, взадъ и впередъ. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой увидѣла его въ погребѣ Мирки мертвымъ; ночью Іосель съ другимъ евреемъ отвезли его въ бричкѣ къ Цетлинымъ; Максимовой велѣли обмыть его, одѣть и вмѣстѣ съ евреями отвезти трупъ за городъ. На очной ставкѣ съ Терентьевой, Максимова сознались однакоже во всемъ и подтвердила всѣ подробности (явно, что обѣ эти женщины, обнаруживая преступленіе и главныхъ его дѣятелей, хотѣли сначала сами остаться въ сторонѣ, чѣмъ и объясняются какъ разнорѣчіе, такъ и первоначальныя ихъ показанія).

Далѣе Максимова показала, что когда ратманъ Цетлинъ, мужъ Ханны, обыскивалъ съ квартальнымъ домъ Берлина, то жиды смѣялись, потому что ребенокъ находился въ это время въ домѣ самого ратмана Цетлина, что и ее, Максимову, заставили принять еврейскую вѣру, напоивъ пьяною, и проч. Она во всей

подробности разсказала весь этотъ обрядъ и прибавила, что со времени убійства мальчика, имѣла полную власть въ домѣ Цетлиныхъ, которые изъ боязни угождали ей, поили, хорошо кормили и со слезами упрашивали остаться, когда она грозилась уйдти на другое мѣсто. Это обстоятельство подтвердила и дочь Максимовой, Меланья, сказавъ, что съ 1823 года не хозяйка, а мать ея была старшею въ домѣ; это же подтвердили подъ присягой сторонніе свидѣтели, слышавшіе не разъ, какъ Максимова пьяная хвалилась, что Цетлина не смѣетъ ее сослать, хотя бы и хотѣла, потому что она, Максимова, знаетъ такое дѣло, которое Ханну погубитъ. Ханна сказала, Максимова точно говорила подобныя слова, но она не понимаетъ ихъ значенія.

Прасковья Козловская (Пиленкова), работница Берлиныхъ, показала: ночью на первый день Пасхи было тайное собраніе евреевъ у Славки Берлинъ (дочери Мирки); въ среду видѣла она въ сѣняхъ какого-то мальчика, который плакалъ. На очной ставкѣ съ первыми свидѣтельницами созналась и показала, что мальчика носили взадъ и впередъ къ Берлинымъ и къ Цетлинымъ, что Терентьева и Максимова были при ночныхъ сборищахъ, но ея, Козловской, не было, ее посылали въ понедѣльникъ вечеромъ въ питейную контору; подошедши къ ставнѣ снаружи, она видѣла въ щель бочку, мальчика и евреевъ, видѣла, кто раздѣвалъ, укладывалъ его, стригъ ногти и пр., видѣла затѣмъ, какъ мальчика носили въ школу, при чемъ сама спряталась и пошла слѣдомъ, а въ окно школы видѣла, какъ его кололи, поворачивали въ корытцѣ, вынули, обмыли, одѣли; Терентьева и Максимова одѣлись въ жидовское платье, взяли мальчика и понесли изъ школы, а она, Козловская, убѣжала. Позже она

сознавалась, что боялась говорить правду, желая устранить себя, но что точно, по приказанію Мирки, сама участвовала въ этомъ злодѣяніи и была въ этой комнатѣ, а послѣ и въ школѣ, подавала воду, катала въ свою очередь бочку, переодѣвалась вмѣстѣ съ Терентьевой и Максимовой, изъ которыхъ первая завязала мальчику ротъ, когда его понесли въ школу, а ей Іосель далъ нести бутылку и самъ несъ двѣ; Терентьеву первую заставили уколоть мальчика въ вискѣ, потомъ передали гвоздь Максимовой и ей, Козловской; она уколола ребенка въ плечо и передала гвоздь Іосели; этотъ передалъ гвоздь далѣе, повелъ ее къ шкапчику, гдѣ хранятся заповѣди, заставилъ клясться въ вѣрности, обратилъ въ жидовскую вѣру и назвалъ ее Лія. Когда же обрядъ этотъ былъ конченъ и Козловская воротилась къ столу, то мальчикъ былъ уже не живой; намочивъ колотъ въ крови, Терентьева и Максимова обмыли трупъ, одѣли; Іосель привелъ всѣхъ трехъ женщинъ по еврейски къ присягѣ въ томъ, что будутъ хранить тайну; первыя двѣ понесли трупъ, а она бутылку съ кровью къ Слевиѣ вслѣдъ за прочими жидами. Когда тѣ воротились, сказавъ, что бросили трупъ въ болото, то Слевиа далъ имъ денегъ и всѣ евреи предостерегали ихъ, чтобы пьяныя поссорившись, не проговорились какъ-нибудь, при чемъ объяснили, что если это случится, то сами же онѣ останутся виноватыми и ихъ выѣдутъ кнутомъ, а они, евреи, всѣ отопрутся останутся правы.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ увѣщаній и неоднократныхъ очныхъ ставокъ, по разнорѣчію (кому, три года спустя послѣ происшествія, и притомъ отъ пьяныхъ женщинъ, пьяныя и удивляться), Максимова сказала, что давно уже покаялась на духу названнымъ ею тремъ уніатскимъ священникамъ въ соучастіи въ

этомъ преступленіи, а затѣмъ всѣ три: Терентьева, Максимова и Козловская, сдѣлали совершенно единогласное показаніе, удостовѣренное во всѣхъ подробностяхъ взаимнымъ подтвержденіемъ доносящихъ, съ полною откровенностію разсказавъ все, напоминая другъ другу разныя обстоятельства и исправляя то, что, по забывчивости или другимъ причинамъ, было сначала показано ими иначе. Вотъ общее единогласное и подробное ихъ показаніе.

Великимъ постомъ 1823 года, за недѣлю еврейскаго пейсаха, шинкарка Ханна Цетлина напоила Терентьеву, дала ей денегъ и просила достать христіанскаго мальчика. На первый день праздника Терентьева увидала мальчика Емельянова у моста (сестра мальчика, вышедшая вмѣстѣ съ нимъ изъ дома, показала, что онъ не хотѣлъ съ нею идти далѣе и сѣлъ у моста) и сказала объ этомъ Ханнѣ. Эта, напоивъ ее, дала денегъ и кусокъ сахару, чтобы заманить мальчика; Максимова была въ это время тутъ же, все видѣла и слышала. Терентьева привела мальчика, и Ханна встрѣтила ихъ на улицѣ передъ домомъ. Постороннія показали, что видѣли въ это время Ханну стоявшею у калитки своего дома, а одна женщина, Косачевская— что видѣла, какъ Ханна вела за руку мальчика, ввела на дворъ и передала Максимовой, которая внесла его въ комнаты; тутъ же были: мужъ Ханны, Евзидъ, дочь Илька и работница Риса; Терентьеву и Максимову напоили, дали имъ денегъ и онѣ уснули; вечеромъ велѣли Терентьевой отнести ребенка къ Миркѣ Берлинъ, которая и принесла его въ комнату дочери ея Славки, гдѣ было много евреевъ; мальчика отнесли въ коморку, а женщинъ напоили виномъ и дали имъ денегъ».

Терентьева видѣла ребенка у Берлиныхъ всю недѣлю

кромѣ среды, когда обращали ее въ еврейскую вѣру и обмывали ей ноги. Максимова носила его обратно къ Цетлинымъ въ понедѣльникъ на Святой, что видѣла и Козловская, а во вторникъ рано утромъ опять назадъ; она заходила съ ребенкомъ въ кухню спросить, встали-ли Берлины, и тамъ видѣла ее и ребенка Козловская, кухарка Бася и еще одна еврейская дѣвушка; Славка отперла Максимовой дверь настежъ, взяла ребенка и велѣла приходить за нимъ вечеромъ, а его понесла опять къ Цетлинымъ, гдѣ онъ и остался.

Въ среду Ханна при Максимовой выставила изъ сундука въ свѣтелкѣ съѣстные припасы и въ сундукъ положили ребенка соннаго и покрыли простыней (дочь Максимовой, по мужу Жельнова, приходившая въ это время за чѣмъ-то къ Цетлинымъ, видѣла ребенка въ сундукѣ въ рубашкѣ или накрытымъ чѣмъ-то бѣлымъ). Ханна велѣла при этомъ неплотно закрывать крышку, чтобы мальчикъ не задохся, и сказала, что въ полдень мужъ ея, ратманъ, съ полиціею будетъ обыскивать домъ у Берлиныхъ, а вечеромъ говорила, смѣясь, что тамъ ничего не нашли; въ четвергъ Максимова отнесла ребенка опять къ Миркѣ и Козловская видѣла его тамъ и спросила у кухарки Баси, чей онъ. Максимова не видала, чтобы мальчика въ послѣдніе дни кормили (въ докторскомъ свидѣтельствѣ сказано, что желудокъ и кишки у мальчика были пусты, хотя самъ онъ хорошо кормленъ, изъ чего и должно заключить, что онъ въ послѣдніе дни предъ смертью ничего не ѣлъ).

Въ понедѣльникъ на Ѳоминой Ханна напоила обѣихъ женщинъ виномъ, отвела ихъ къ Берлинымъ, гдѣ у Славки было въ сборѣ много евреевъ, Мирка также поила ихъ и просила, чтобы онѣ ночью утопили трупъ мальчика въ рѣкѣ; онѣ принесли его изъ

коморки, раздѣли по приказанію жидовъ и положили на столъ; поселенный еврей сдѣлалъ обрѣзаніе (это также вполнѣ согласно частію съ свидѣтельствомъ врача и частію съ показаніемъ подъ присягой 11 свидѣтелей), а Шифра Берлинъ остригла ему ногти вплоть до мяса. Въ это время Козловская возвратилась изъ винтейной конторы; Славка вышла было къ ней въ сѣни, но замѣтивъ, что она уже видѣла кое-что, позвала ее въ комнату, гдѣ жиды стращали ее, что если она гдѣ-нибудь проговорится, то съ нею сдѣлаютъ тоже, что съ мальчикомъ; она поклялась, что будетъ молчать. По дальнѣйшимъ собственнымъ ихъ показаніямъ, Терентьева держала ребенка надъ тазомъ, Максимова обмывала его, затѣмъ его положили, головою впередъ, въ бочку, въ которой половина дна вынималась; Іосель, заложивъ опять дно, сталъ вмѣстѣ съ Терентьевой катать бочку по полу, а потомъ и всѣ дѣлали тоже, смѣняясь попарно каждые два часа; ребенка вынули краснаго, какъ бы обожженнаго (это также вполнѣ согласно частію съ свидѣтельствомъ врача, частію съ показаніемъ свидѣтелей), Терентьева завернула его и положила на столъ, всѣ три женщины одѣлись въ жидовское платье, понесли ребенка, завязавши ему ротъ платкомъ, въ школу; за ними пошли и евреи. Въ школѣ застали они толпу евреевъ, которые положили мальчика на столъ въ корыто, развязавъ ему ротъ; тутъ распоряжался Орликъ Девирцъ, поселенный подавалъ ремни, Терентьева связала мальчику ноги подъ колѣнами, но слабо, и поселенный самъ ихъ перевязалъ потуже; Терентьевой велѣли ударить ребенка слегка по щекамъ, а за нею всѣ прочіе сдѣлали тоже; потомъ подали свѣтлый, большой и острый гвоздь и велѣли ей же уколоть ребенка въ високъ и въ бокъ; Максимова, Козловская, Іосель и всѣ евреи и еврейки одинъ за

другимъ дѣлали тоже. Между тѣмъ Козловскую повели къ шкафику съ заповѣдями и обратили въ еврейскую вѣру, назвавъ Лiей. Орликъ поворачивалъ въ корытцѣ младенца, который сперва кричалъ, а потомъ смолкъ, смотрѣлъ на всѣхъ и тяжело вздыхалъ, но вскорѣ истекъ кровью и испустилъ духъ.

Терентьева вынула мальчика изъ корытца, развязала ему ноги, держала надъ другимъ корытцемъ, стоявшимъ на полу; Козловская подавала бутылку съ водой, Iосель обмывалъ трупъ, а Максимова обмывала его самого. Когда на тѣлѣ крови ничего уже не было и только остались видны ранки величиною въ горошину (это также согласно съ свидѣтельствомъ врача и съ показанiемъ свидѣтелей), трупъ велѣли одѣть, обуть и положить на столъ. Iосель повелъ всѣхъ трехъ женщинъ къ шкафику и сказалъ, что такъ какъ онѣ всѣ приняли еврейскую вѣру, то должны по ней клясться и читалъ имъ что-то изъ большой жидовской книги.

Затѣмъ евреи ругались надъ похищеннымъ Терентьевой, изъ Ильинской церкви, антиминсомъ, плевали на него, топтали его ногами и пр. (По справкѣ въ церкви оказалось, что ветхiй антиминсъ дѣйствительно былъ похищенъ, а Терентьева показала со всею подробностiю, какимъ образомъ она его украла). Между тѣмъ начинало уже разсвѣтать, и Терентьева съ Максимовой боялись нести мальчика на рѣку, гдѣ и ночью и рано утромъ бываетъ народъ, а потому понесли его въ лѣсъ, въ болото у Гуторова Крыжа, гдѣ онъ и найденъ. По уходѣ ихъ Iосель налилъ крови въ въ одну бутылку и велѣлъ Козловской отнести къ Славкѣ; остатки крови оставались въ корытцѣ, въ школѣ. Возвращаясь изъ лѣсу, Терентьева и Максимова встрѣтили Iоселя, самъ-другъ, парой въ бричкѣ (семь свидѣтелей подтвердили подъ присягой, что ви-

дѣли, какъ бричка эта на зарѣ проскакала взадъ и впередъ, а одна женщина—что въ ней сидѣлъ именно Іосель); они поѣхали наблюдать за женщинами и Іосель сошелъ съ брички и посмотрѣлъ, гдѣ былъ положенъ трупъ; потомъ евреи опять ускакали въ городъ: Мирка напоила обѣихъ женщинъ виномъ, Славка дала денегъ и наказывала, чтобы онѣ пьяныя, поссорясь, не проговорились, потому что евреи всѣ отопрутся, и онѣ однѣ будутъ виноваты. Обѣ сняли съ себя еврейское платье и пошли домой. Фратка, жена цирюльника Орлика, напоила Терентьеву виномъ, одѣла ее въ еврейское платье и повела въ школу, гдѣ были тѣже жиды и жидовки и кромѣ того Козловская. Корытце съ кровью стояло еще на столѣ, а подлѣ двѣ пустыя бутылки, въ коихъ наканунѣ приносили воду для обмыванья; третья же бутылка еще наканунѣ была отправлена къ Славкѣ. Тутъ же лежалъ свертокъ холста. Пришла Ханна съ Максимовой, которая принесла еще бутылку, чарку и воронку; Терентьева размѣшала кровь лопаткой, а Іосель розлилъ ее, чаркой чрезъ воронку, въ бутылки и небольшой, плотно сбитый обручами, боченокъ, который былъ поданъ Орликомъ. Въ остаткѣ крови намочили аршина два холста, велѣли Терентьевой расправить его и провѣтрить, а Іосель искрошилъ его на маленькіе лоскутья. Орликъ обмакивалъ гвоздь въ остаткѣ крови, капалъ на каждый лоскутъ и разводилъ по немъ разводы. Каждому изъ присутствующихъ дали по лоскутку, также какъ и тремъ участвовавшимъ русскимъ женщинамъ. Всѣ разошлись: Максимова понесла за Цетлинымъ одну бутылку, Козловская за Берлинымъ двѣ, Терентьева за Орликомъ боченокъ. Максимова отдала свой лоскутъ впослѣдствіи Ханнѣ, Козловская потеряла его, а Терентьева сказала, что онъ должно

быть у нея въ китайчатомъ карманѣ, который переданъ ею на сохраненіе съ другими вещами солдаткѣ Ивановой, когда она была взята подъ стражу. Слѣдователи немедленно отправились туда и нашли въ указанномъ мѣстѣ трехугольный лоскутъ холста, красноватый и признанный всѣми тремя раскаявшимися женщинами за тотъ самый, о коемъ онѣ говорили.

Насчетъ домовъ Берлина, Цетлина и школы, всѣ три женщины порознь показали вполнѣ согласно, гдѣ, какъ и что дѣлалось. Подробности эти и мѣстность, гдѣ было совершено ужасное преступленіе, смущали ихъ сильно и онѣ едва могли говорить.

Фратка сказала Терентьевой, что кровавымъ лоскутомъ протираютъ глаза новорожденнымъ, а кровь кладутъ въ мацу (опрѣсноки), что вполнѣ согласно съ помѣщенными выше свѣдѣніями и показаніями относительно подобныхъ происшествій. На другой годъ послѣ того Терентьева пекла съ Фраткою и другими жидовками мацу съ этою кровью. Максимова подробно описываетъ, какъ сама она дѣлала тоже самое у Ханны, размочивъ засохшую въ бутылкахъ кровь и смѣшавъ съ шафраннымъ настоемъ. Ханна положила также немного этой крови въ медъ, который пили; Козловская говоритъ, что тоже дѣлали и у Берлиныхъ: вытряхнувъ изъ бутылки сухую кровь, растерли ее и высыпали въ шафранный настой, который вылили въ тѣсто.

Генералъ-маіоръ Шкуринъ взялъ съ собою Терентьеву и Максимову и поѣхалъ въ Вятебскъ и въ Лезну, куда онѣ, по ихъ показаніямъ, возили кровь, и Максимова указала въ Витебскѣ домъ, куда привозила кровь съ Мовшей Бѣленецкимъ, и узнала хозяина; Терентьева не могла на первый день опознаться и просила дать на это время, а на другой день объяви-

ла, что далеко искать нечего: коммисія остановилась въ томъ самомъ домѣ и даже въ той самой комнатѣ, куда она въ 1823 г. привозила кровь; она доказала это тѣмъ, что указала скрытый въ стѣнѣ каминъ, гдѣ въ то время сожгли обручи и силепки боченка, разсказала все расположеніе дома, хотя провела ночь подъ карауломъ и никуда не выходила, сказала, что тутъ была еще другая дверь, ведущая прямо на кухню, и это оказалось справедливымъ, узнала всѣхъ хозяевъ, которыхъ описала впередъ, еще при допросѣ въ Велижѣ: Мовшу, его жену, Зелика и мать его, Ривку, Арона и жену его Рису. Ривка въ то время сама приняла у нея боченокъ съ кровью; прочихъ домовъ, гдѣ ее угощали, припомнить она не могла. Въ мѣстечкѣ Лезнѣ, Могилевской губерніи, Терентьева не могла сдѣлать положительныхъ указаній, такъ какъ прошло уже пять лѣтъ и она болѣе тамъ не бывала.

Меланья Жельнова, дочь Максимовой, показала, что, пришедши къ матери на Святой, была послана еврейкой Рисой, служившей въ домѣ вмѣстѣ съ Максимовой, въ особую свѣтелку или коморку, гдѣ стоялъ сундукъ съ провизіей, заглянувъ въ который мелькомъ, увидала въ немъ спящаго мальчика въ бѣлой рубашкѣ или накрытаго чѣмъ-то бѣлымъ; а затѣмъ показала, что видѣла мальчика и въ спальнѣ у Цетлиной.

Мѣщанка Дарья Косачевская показала, что ходивши въ Свѣтлый день за пивомъ, видѣла какъ Ханна Цетлина вела за руку къ своему дому 3-хъ лѣтняго мальчика въ такой точно одеждѣ, въ какой былъ пропавшій сынъ Емельяновой; при очной ставкѣ съ Цетлиной, Дарья подняла обѣ руки, обратясь къ образу, и сказала: «помилуй, Ханна, ты мнѣ зла никогда не

дѣлала, сердиться мнѣ не за что, убей меня Богъ, если я сказала хотя одно слово неправды».

Работница Марья Ковалева, на которую сослались Терентьева и Максимова по другому подобному дѣлу, гдѣ замѣшаны были тѣже самые евреи, послѣ долгихъ запирательствъ, созналась наконецъ во всемъ, разсказавъ всѣ подробности согласно съ первыми свидѣтельницами; но потомъ, испугавшись своего сознанія, протосковавъ и проплакавъ нѣсколько времени, сказала, что сама себя сгубила, что ей нигдѣ житья не будетъ, и удавилась.

Затѣмъ обнаружено, что у Берлиныхъ во время происшествія ночью горѣлъ огонь, что у нихъ и у сосѣда ихъ, Нахимовскаго, были въ тѣ ночи на дворѣ караульные евреи, тогда какъ ни того ни другаго, ни прежде ни послѣ происшествія не бывало. Берлинъ не могъ дать никакого объясненія насчетъ того, для чего у него были ночные сторожа, сказавъ только, что это было сдѣлано изъ предосторожности, чтобы не вымазали у него ворота кровью или не сдѣлали другой какой-либо пакости; сторожа, будучи отысканы и уличены, послѣ запирательства, увѣряли, что были поставлены такъ, безъ всякой надобности, соглашаясь, что въ то время не было въ Вѣлиже ни воровства, ни пожаровъ.

Ратманъ Цетлинъ съ другимъ евреемъ, какъ упомянуто выше, ворвались насильно съ толпою жидовъ на чужой дворъ и обмѣряли колеса у брички ксендза, распространяя слухъ, что онъ дорогой переѣхалъ ребенка. Устраненный вслѣдствіе этого отъ участія въ дѣлѣ, Цетлинъ всѣми силами старался попасть опять депутатомъ въ коммисію и требовалъ этого даже письменно. Берлинъ увѣрялъ, что мальчикъ былъ отданъ на излеченіе доктору Левину, который свя-

дѣтельствовалъ трупъ, и что докторъ, уморивъ его, вывезъ въ болото и бросилъ. Цирюльникъ Орликъ распускалъ слухъ, что ребенокъ убитъ нечаянно изъ ружья дробью, отчего и произошли раночки по всему тѣлу, а послѣ закинутъ.

Орликъ забылъ только объяснить, какъ и для чего ребенокъ былъ предварительно раздѣтъ, потомъ обмытъ и опять одѣтъ, потому что платье было цѣло и на бѣльѣ не было ни капли крови; относительно обрѣзанія евреи говорили, что это было сдѣлано съ цѣлью обратить подозрѣніе на евреевъ.

При повальномъ допросѣ, 12-ть человѣкъ христіанъ ничего дурнаго о Берлинѣ не показали, но объявили подъ присягой увѣренность свою, что мальчикъ погубленъ жидами, и что по общимъ слухамъ, въ этомъ участвовали Берлины и Цетлины, которые теперь чрезвычайно заботятся и хлопочутъ по сему дѣлу.

Всѣ три женщины, оговоривъ до 50-ти человѣкъ евреевъ, какъ участниковъ злодѣйства, узнавали ихъ на очныхъ ставкахъ въ лицо; когда же онѣ оговорили такимъ образомъ какого-то Абрама, и по этому оговору былъ взятъ Абрамъ Возшенскій, то всѣ три женщины, каждая порознь, объявили, что это не тотъ, и что онѣ его не знаютъ.

Уніатскій священникъ Мартусевичъ былъ увѣщателемъ трехъ докащицъ: евреи старались подкупить его, подославъ къ нему еврея-портнаго съ предложеніемъ склонить женщинъ отречься отъ своихъ показаній, что доказано положительно показаніемъ самого священника, жены его и еще третьяго свидѣтеля.

Терентьева и Максимова, будучи приведены на мѣсто преступленія, въ школу и домъ Цетлиныхъ, приглашенныя разсказать со всѣми подробностями, гдѣ и какъ что происходило, оглядывались со страхомъ, дро-

жали и плакали, перекорялись между собой, бранились въ присутствіи коммисіи, упрекали другъ друга, припоминая старое, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могли выдумать все, что показывали.

Выше уже было упомянуто, что все дѣло это началось изъ за вражды Терентьевой, по просьбѣ матери младенца и вслѣдствіе предсказанія дѣвочки Еремеевой. Первое неудивительно, потому что Терентьева хорошо знала гдѣ ребенокъ, но второе требуетъ объясненія. Анна Еремеева ходила по міру, была сирота, подвержена какимъ-то болѣзненнымъ припадкамъ, обмирала, чуть не была похоронена, очнулась послѣ того, и разсказавъ какой-то чудный сонъ или видѣніе, этимъ прославилась и предсказывала легковѣрнымъ за кусокъ хлѣба. Она при допросѣ объяснила загадку, явившись вмѣсто предвѣщательницы свидѣтельницею. Зашедши въ великій постъ въ сѣни Берлиныхъ просить милостыню, она услышала, что Терентьева, смѣясь громко, говорила: «какъ я дала вамъ клятву служить вѣрно, то и увѣряю, что въ первый день праздника достану». Зная съ малолѣтства, что евреи въ пасху мучатъ и убиваютъ дѣтей, Еремеева тотчасъ поняла этотъ разговоръ и испугалась, тѣмъ болѣе, что въ то время три еврея вышли въ сѣни, взглянули на нее и другъ на друга и стали ее допрашивать, кто она. Во весь день она все думала о томъ, что слышала, и вечеромъ опять подкралась къ дому Берлиныхъ и притаилась въ сѣняхъ у дверей; евреевъ, повидимому, на этой половинѣ не было, а разговаривали Терентьева съ Максимовой, и послѣдняя между прочимъ сказала: «наши евреи хотѣли было заманить дѣвочку, которая утромъ приходила, но я имъ отсовѣтовала, потому что опасно». Первая отвѣчала: «я и сама видѣла, что они на нее зубы острили,—но точно опасно.

Я обѣщала достать, такъ ужъ достану изъ солдатской слободы, пусть обождутъ; надо дѣлать съ толкомъ, чтобы концы схоронить, какъ мы съ тобою, Авдотьюшка, и прежде дѣлывали». Еремеева, испугавшись, потихоньку ушла, имѣя намѣреніе придти подсматривать на другой день, но заболѣла, едва добрела до деревни Сентюръ, гдѣ жила у одного мѣщанина, набожнаго человѣка, который приврѣлъ ее. Боясь евреевъ, она опасалась сказать тотчасъ о томъ, что видѣла и слышала, и только впослѣдствіи, когда дѣйствительно въ Велижѣ пропалъ ребенокъ и мать его обратилась къ ея услугамъ, какъ предсказательницы, она, Еремеева, сказала ей, что видѣла сонъ, въ которомъ явился къ ней Архангелъ Михаилъ, а мальчикъ сидѣлъ въ цвѣтахъ и на него шипѣла змѣя (т. е. Терентьева, поясняетъ Еремеева); Архангелъ же сказалъ ей, что младенцу суждено быть страдальцемъ отъ евреевъ за христіанскую вѣру; далѣе она описала по примѣтамъ домъ Берлиныхъ и прибавила, что если не успѣютъ спасти мальчика, онъ погибнетъ. Еремеева не объясняетъ, почему она не сказала матери, что ходила въ тотъ домъ, гдѣ сынъ ея содержится, но можно полагать, что огорченная мать, заговорясь, забыла объ этомъ, а Еремеева этимъ воспользовалась.

Терентьева и Максимова сознались впослѣдствіи въ нѣсколькихъ подобныхъ злодѣйствахъ, совершонныхъ вмѣстѣ съ евреями, какъ о томъ и было упомянуто выше.

Таковы были обвиненія противъ евреевъ,—остается посмотрѣть, каковы были ихъ оправданія.

Общимъ во всѣхъ отвѣтахъ евреевъ было наглое и голословное запирательство почти во всемъ, о чемъ ихъ спрашивали, почему большая часть изъ нихъ были уличены въ ложныхъ отзывахъ и показаніяхъ;

такъ напримѣръ, многіе изъ нихъ, увѣряя, что вовсе не знаютъ Терентьевой, были положительно уличены во лжи. Ханна Цетлина упорно утверждала, что была въ то время больна и не выходила изъ комнаты, но уличена въ противномъ; общая и очевидно заранѣе условленная отговорка евреевъ состояла въ слѣдующемъ: если докащицы все это сами на себя принимаютъ, такъ нечего и розыскивать виновныхъ, стало быть онѣ и дѣлали это,—онѣ и виноваты. Самое происшествіе было извѣстно по всей губерніи, занимало всѣхъ, и несмотря на это, нѣкоторые евреи увѣряли, что даже и не слыхали объ немъ; тогда какъ весь городъ ходилъ смотрѣть изъ состраданія тѣло мученика, ни одинъ еврей туда не показывался, вопреки своимъ привычкамъ, по крайнему любопытству, сходиться толпою и глазѣть на всякій самый простой случай и толковать о немъ.

Подсудимые показали, что они ни къ какой сектѣ не принадлежатъ, тогда какъ всѣ Великіе евреи дѣлились на миснотидовъ и хасидовъ, и подсудимые всѣ принадлежали къ симъ послѣднимъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что обращенный еврей Неофитъ, о коемъ говорено въ началѣ книги, объясняетъ именно, что звѣрскій обычай, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ собственно однимъ хасидамъ. Вообще евреи ничѣмъ не могли опровергнуть обвиненія, какъ только голословнымъ запирательствомъ, то упорнымъ и злобнымъ молчаніемъ, то крикомъ и неистовою бранью, или же разсужденіями, что этого быть не могло: «на что евреямъ кровь? имъ крови не нужно; мучить мальчика не нужно,—этому даже вѣрить запрещено повелѣніями разныхъ королей, а также Государя Императора Александра I отъ 6 марта 1817 года». Изъ протоколовъ коммисіи видно, что допрашиваемые

показывали крайнее смущеніе и страхъ, дрожали, вздыхали, путались и заговаривались, измѣняли показанія, не хотѣли ихъ подписывать, увѣряли, что больны и не помнятъ сами, что говорятъ; многіе выходили изъ себя и не только послѣ самой неприличной брани бросались въ ярости на докащицъ, но кричали на членовъ, бранили ихъ скверными словами, бросались на полъ, кричали караулъ, тогда какъ ихъ никто не трогалъ даже пальцемъ и пр. Не таково, конечно, должно быть поведеніе невинныхъ, оговариваемыхъ въ подобномъ ужасномъ злодѣяніи. Иные прикидывались сумасшедшими, другіе по нѣскольку разъ пытались бѣжать изъ подъ караула, а нѣкоторые дѣйствительно бѣжали и не были отысканы.

Во время слѣдствія перехвачена переписка между содержавшимися и свободными евреями на лоскуткахъ, лучинахъ, на посудѣ, въ которой имъ носили ѣсть и пр. Несмотря на темноту смысла этихъ записокъ и на безпрестанно встрѣчающееся слово «вѣдалъ», т. е. смѣкай, догадывайся, ясно и неоспоримо видно, что между евреями была стачка, что они условливались какъ и что отвѣчать и увѣдомляли объ этомъ другъ друга. Такъ Ицка Цетлинъ въ нѣсколькихъ запискахъ писалъ о томъ, кого еще взяли, и что еще многіе будутъ задержаны. «Худо будетъ, но можно жертвовать собою для прославленія Божьяго имени».— «Дѣлайте то, что знаете, ибо терять нечего, очень худо; три бабы говорили до того, что у меня потемнѣло въ глазахъ; сначала я держался твердо, покуда не свалился съ ногъ. Коротко сказать, очень худо, старайтесь дѣлать это для прославленія Божьяго имени, и пожертвуйте собою, терять нечего; на насъ на всѣхъ надежды мало; всѣмъ очень худо будетъ». — Хаимъ Хрипунъ писалъ: «Если вы рѣшите, чтобы женѣ моей

не бѣжать, то ради Бога увѣщевайте ее, чтобы она знала, какъ ей говорить, если будетъ взята. Увѣдомьте меня, хорошо ли я говорилъ при допросѣ. Дайте знать пальцемъ, сколько человѣкъ еще взято. Старайтесь всѣ за насъ, весь Израиль, не думай никто; «если меня не трогаютъ, такъ мнѣ и нужды нѣтъ; мы содержимся ради смертнаго приговора. На допросѣ я сказалъ, что не слыхалъ и не знаю, нашли ли мальчика живымъ или мертвымъ. Бѣгите всюду, гдѣ разсѣянъ Израиль, взывайте громко: горе горе!—чтобы старались свидѣтельствовать за насъ. У насъ не достаетъ болѣе силъ, но пугайте докащицъ чрезъ сторожей, скажите имъ, что есть повелѣніе Государя такое: если онѣ первыя отступятся отъ словъ своихъ, то будутъ прощены, а если нѣтъ, то будутъ наказаны», и проч.

Подобная переписка едва ли можетъ сколько-нибудь расположить въ пользу обвиняемыхъ, изобличая скорѣе ихъ виновность. Наконецъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ, упавъ духомъ и не видя болѣе возможности запираться при такихъ явныхъ уликахъ, сознались, но впослѣдствіи опять отреклись отъ своихъ показаній; таковы — Фейга Вульфсонъ, Нота Прудковъ, Зеликъ Брусованскій, Фратка Девирцъ, Ицко Нахимовскій. А между тѣмъ все общество евреевъ, оставшихся на свободѣ, старалось всевозможными происками замедлять и путать дѣло, подавая просьбы за подсудимыхъ, требуя настоятельно допуска къ нимъ, жалуясь на пристрастіе къ нимъ, объявляя ихъ то больными, то помѣшанными, требуя устраненія слѣдователей и назначенія новыхъ, и т. п. Вся надежда евреевъ, которые нѣсколько разъ проговаривались объ этомъ въ коммисіи, состояла въ томъ, что дѣло не можетъ быть здѣсь рѣшено окончательно, и что

тамъ, куда оно пойдетъ, они дадутъ отвѣтъ и оправдаются, а докащицы будутъ однѣ виноваты. Для примѣра приведемъ нѣкоторые отвѣты евреевъ.

Шмерка Берлинъ далъ хитрый и обдуманный отвѣтъ, доказывая, что все это несбыточно, невозможно, что такимъ сказкамъ и бреднямъ давно уже запрещено вѣрить. У него найденъ полный запасъ бумагъ, относящихся къ подобнымъ случаямъ: копіи съ указовъ, переписка, гдѣ онъ требуетъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончилось подобное дѣло въ Могилевѣ, и проч. Все это доказываетъ, что онъ, будучи задержанъ внезапно, приготовлялся однакожъ къ тому и обдумывалъ свою защиту.

Братъ его Насонъ Берлинъ на допросахъ мѣшался, путался, не отвѣчалъ изъ упрямства по часу и болѣе на вопросы, отказывался, безъ всякой причины, подписывать свои показанія, на очныхъ ставкахъ дрожалъ отъ злости, — поносилъ всячески докащицъ, и вообще былъ такъ грубъ и наглъ, что коммисія не могла съ нимъ справиться Неоднократно изобличенный въ явной лжи, послѣ долгихъ убѣжденій подписать свои показанія, подписалъ наконецъ, что не утверждаетъ ихъ, хотя въ показаніяхъ этихъ ничего не заключалось, какъ только утвержденія его, что онъ ничего не знаетъ и не вѣдаетъ.

Гиршъ Берлинъ ломалъ отчаянно руки, не зная что отвѣчать на улики, закричалъ на Терентьеву: «врешь, я тебя никогда не зналъ»,—и забывшись, прибавилъ: «ты была нищая, ходила по міру».

Мейеръ Берлинъ неистово ругалъ Терентьеву въ присутствіи коммисіи; когда же его остановили, а Терентьева стала его уличать всѣми подробностями происшествія, то онъ только отчаянно ломалъ руки,

дико оглядывался, тяжело вздыхалъ и утверждалъ, что женщины этой не знаетъ.

Ривка Берлинъ (Сундулика) до того нагло и голословно запиралась, что сама себѣ безпрерывно противорѣчила и наконецъ должна была сознаться во лжи; она утверждала, что еврейка Лія никогда у нея не служила и что Терентьевой она не знаетъ, такъ что Лія сама уличила ее въ томъ, что служила у нея нѣсколько лѣтъ; а о Терентьевой Ривка, забывшись, сказала послѣ, что она знала ее, какъ негодную пьяницу, давно, когда еще она жила у капитана Польскаго.

Славка Берлинъ, вошедъ въ присутствіе, сама съ удивленіемъ стала разсказывать, что встрѣтила сейчасъ въ передней какую-то бабу (Терентьеву), которая поклонилась ей и назвала ее по имени, тогда какъ она, Славка, вовсе ее не знаетъ; путалась, говорила, потомъ опять отпиралась, была въ такомъ замѣшательствѣ, что, сказавъ слово, вслѣдъ за тѣмъ увѣряла цѣлое присутствіе въ глаза, будто никогда этого не говорила, отпираясь такимъ образомъ безпрестанно отъ собственныхъ своихъ словъ безъ всякой нужды и цѣли; отрекшись отъ всего и показавъ только, что ни о чемъ не знаетъ и не вѣдаетъ,—на другой день требовала уничтоженія допроса, увѣряя, что она вчера наговорила на себя отъ испуга. Съ трудомъ можно было кончить допросъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, потому что Славка каждый разъ увѣряла, что ее обманываютъ и пишутъ не то. Терентьева сказала ей, раздая: «какъ тогда говорила, что отъ всего отопрешься, такъ теперь и дѣлаешь!» Когда ребенокъ пропалъ и никто еще не зналъ куда онъ дѣвался, Терентьева и Еремеева сказали уже, что онъ содержится у Славки или у матери ея Мирки. На дворѣ ея стоялъ ночной сторожъ впродолженіи нѣсколькихъ ночей, тогда

какъ ни прежде, ни послѣ происшествія у нея ночнаго караула никогда не бывало. О докащицахъ она уверждала, что во всякомъ случаѣ онѣ однѣ виноваты, не объявивъ объ этомъ происшествіи, если только оно было, въ то самое время, какъ оно случилось.

Бася Аронсонъ сказала, между прочимъ, путаясь въ показаніяхъ: «я не такая набожная, чтобы мнѣ быть при такомъ дѣлѣ». Слѣдовательно, она смотрѣла на истязаніе христіанскаго мальчика, какъ на богоугодное дѣло, и во всякомъ случаѣ, какъ на дѣло, въ дѣйствительности случающееся.

Евзикъ Цетлинъ, ратманъ, увѣдомлялъ своихъ о томъ, когда будетъ обыскъ въ домѣ, а послѣ о ходѣ дѣла; будучи устраненъ отъ участія въ немъ, домогался опять быть допущеннымъ въ коммисію въ качествѣ депутата, старался возбудить подозрѣніе на ксендза, на очныхъ ставкахъ выходилъ изъ себя, то метаясь со злобою и угрозами, то упрашивая докащицъ и льстя имъ, терялся, забывался, кричалъ и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ,—не подписывалъ своихъ показаній, не объясняя причины на то, притворялся сумасшедшимъ, бѣсновался, а послѣ просилъ въ томъ прощенія, сказавъ между прочимъ: «что вы меня спрашиваете? Въ Россіи всякая вѣра терпима». Когда, въ виду его запирательства, Терентьева, уличая его, положила руку на сердце и сказала, глядя ему въ глаза: «и ты правду говоришь?»—Цетлинъ отвѣчалъ робко: «я не говорю, что это правда, а говорю только, что ничего не знаю». Вообще, вмѣсто того чтобы оправдаться въ убійствѣ, онъ старался только убѣдить всѣхъ, что жидамъ кровь не нужна и что этому запрещено вѣрить.

Ханна Цетлина, жена Евзика, утверждала, что во время пропажи мальчика всю недѣлю не выходила со

двора по болѣзни своей и сына, а свидѣтели показали подъ присягой, что видѣли ее на улицѣ; посторонняя женщина видѣла даже, что она вела погибшаго ребенка за руку близъ своего дома, а Терентьева показала, что она тутъ и передала ей мальчика. Уѣздный докторъ, на котораго она сослалась относительно тяжкой болѣзни сына, показалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Далѣе она увѣряла, что вовсе не слыхала о пропажѣ мальчика, что даже Терентьевой вовсе не знаетъ, тогда какъ уже при первомъ слѣдствіи сказала, что нищую эту неоднократно выгоняла изъ своего дома; на очныхъ ставкахъ блѣднѣла, дрожала, лишалась чувствъ и падала, то вдругъ выходила изъ себя и неистово голосила, бранилась, не давала отвѣтовъ, а только кричала, что все это ложь, что бабъ научили, онѣ врутъ, пусть сами и отвѣчаютъ; въ присутствіи коммисіи стращала доящицъ кнутомъ и уговаривала ихъ отречься отъ своихъ словъ; наконецъ стала кричать и молить внѣ себя, безсвязно, такъ что ничего нельзя было записывать. Максимова сказала ей въ глаза, что послѣ этого происшествія имѣла полную волю въ домѣ, и что Цетлина ея боялась. Тоже подтвердили дочь Максимовой, Жельнова, и еврейка Ривка; да и сама Ханна, называя Максимову пьяною и буйною, призналась, что работница эта часто стращала ее, хотя и не понимаетъ чѣмъ.

Риса Янкелева, работница Цетлиныхъ, при каждомъ допросѣ говорила иное, путалась, оттовариваясь слабою памятью; сама послѣ допроса опять просилась въ присутствіе, и не показавъ ничего новаго, отпиралась въ прежнемъ, повторяя, между тѣмъ, опять тоже.

Руминъ Нахимовскій сталъ при допросѣ въ уголъ, схватился за животъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ и тяжело вздыхая, едва отвѣчалъ, но когда вошла Терен-

тьева, то сталъ кричать на нее и бранить ся; Козловской сказалъ, что «она была тогда еще молода и ее бы въ такое дѣло не пустили»; а при сильныхъ и подробныхъ улинахъ докащицъ, схватилъ себя обѣими руками за голову, отвернулся отъ присутствія, опершя головою о печь и упорно молчалъ, сказавъ только, что нездоровъ и говорить не можетъ. Ицка Нахимовскій, братъ его, сказалъ генералу Шкурину, что хочетъ объявить всю правду, и будучи призванъ въ коммисію, началъ было: «Богъ мучитъ меня уже другой годъ въ неволѣ, а Богъ знаетъ правду, видно для того мучитъ, чтобы Государь узналъ правду»,—но потомъ одумался и увѣрялъ, что по глупости самъ не зналъ что говорилъ, и настоятельно просилъ уничтожить первое показаніе. Затѣмъ онъ бѣжалъ, и будучи пойманъ, стоя на колѣняхъ предъ зерцаломъ, сказалъ: «Самому Государю открою всю правду объ убійствѣ мальчика», и далъ въ томъ подписку; послѣ же опять отрекся и притворился помѣшаннымъ.

Іосель Мирласъ, прикащикъ Берлина, ссылался на повелѣніе польскаго короля Сигизмунда и на Высочайшее повелѣніе 1817 года (коимъ запрещалось вѣрить такимъ извѣтамъ), былъ внѣ себя, дрожалъ, кричалъ: «ахъ, Богъ мой, что это будетъ!» прислонился къ стѣнѣ, поддерживая животъ руками и говорилъ: «самъ не знаю, что со мною дѣлается, и тутъ совсѣмъ дѣлалось болѣнъ; когда она (Терентьева) говоритъ это, такъ стало быть она и дѣлала», потомъ замолчалъ и упорно отказывался отвѣчать на какіе бы то ни было вопросы.

Іосель Гликманъ полагалъ, что мальчика испололи евреямъ на зло; при очныхъ ставкахъ кинулся въ отчаяніи на колѣни, кричалъ: помилуйте, помилуйте! — за-

кривалъ лице руками, дрожалъ, отворачивался и объявилъ, что не хочетъ смотрѣть на уличительницъ.

Ормикъ Девирцъ, еврейскій цирюльникъ, увѣрялъ, что мальчикъ убитъ дробью, но отпирался даже и отъ этого, и противъ пяти свидѣтелей отвѣчалъ робко, медленно, думалъ послѣ каждаго, самаго простаго вопроса, вздрагивая и посматривая на дверь, откуда ожидалъ уличительницъ; путался, увѣрялъ, что у него во рту засохло и онъ не можетъ говорить; показалъ, что знаетъ Терентьеву съ тѣхъ поръ, какъ она жила у купца Бобка, и что она таскалась по домамъ, отрекся опять отъ словъ своихъ и увѣрялъ, что вовсе ея не знаетъ, кричалъ, что съ бабами вовсе говорить не хочетъ, и не подписалъ показаній своихъ на томъ основаніи, что не помнитъ, что говорилъ. У него нашли заготовленныя свидѣтельства въ томъ, что онъ испуганный фельдшеръ; при спросѣ, для чего онъ заготовилъ ихъ, Ормикъ отвѣчалъ: «когда пошлютъ въ Сибирь, то покажу ихъ тамъ, можетъ быть хоть не заставятъ зелию копать».

Жена его Фрагка объявила, вошедши въ коммиссію, что вовсе не станетъ отвѣчать и долго молчала, потомъ начала браниться, бѣгать взадъ и впередъ, кричала въ изступленіи: «чего вы отъ меня хотите? зачѣмъ не зовете другихъ? Не одинъ мой мужъ былъ, когда кололи мальчика; всѣ говорятъ, что Ханна Цетлина виновата, ее спрашивайте, а не меня»... Послѣ же сказала, что не была сама при убійствѣ, но будто Руминъ Нахимовскій признался ей, что мальчикъ былъ умерщвленъ при немъ въ школѣ Берлинами, что при этомъ были еще Мирка, Славка, Шмерка, Гиршъ, Шифра, Янкель, Бася, Евзикъ, Ханна и проч., что послѣ этого происшествія евреи завели свою особую школу, потому что боялись попасться, и слѣдствіемъ обнаружено, что

дѣйствительно въ это время была заведена отдѣльная небольшая школа. Это же повторяла она сторожамъ и караульнымъ, била себя полѣномъ, приговаривая: «такъ бы всѣхъ, кто кололъ мальчика», а затѣмъ прибавила: «я бы разсказала, кто и какъ кололъ, да боюсь, затаскаютъ меня, и своихъ евреевъ боюсь». Тоже подтвердила она и въ коммисіи, но болѣе говорить не хотѣла и прибавила: «если евреи это узнаютъ, то я пропала». По ея указанію отысканъ особый ножъ въ серебряной оправѣ и сафьянныхъ ножнахъ, коимъ, по словамъ ея, сдѣлано было надъ мальчикомъ обрѣзаніе; докащицы тоже полагали, что это долженъ быть тотъ самый ножъ. Два раза пыталась она бѣжать, а пойманная выбила стекло и хотѣла зарѣзаться осколкомъ его, потомъ опять отъ всего отреклась, и когда въ коммисіи рѣчь зашла о ножѣ, коимъ убійство совершено, сказала: «тутъ надобно не ножъ, а гвозди», — кричала, что одному Государю всю правду скажетъ; караульному унтеръ-офицеру сказала въ разговорѣ, что кровь была нужна Берлиной, для дѣтей; наконецъ, выйдя изъ себя, сказала въ коммисіи: «можетъ быть прежде наши это и дѣлали, но только не теперь, а что Терентьева колола мальчика, такъ это правда. Бейте меня, сѣките меня кнутомъ: я этого хочу и все на себя беру; а ужъ вамъ правды не скажу».

Зеликъ Брусованскій, въ виду сильныхъ уликъ, сказалъ: «если кто изъ семьи моей, или хоть другой еврей, признается, тогда и я скажу, что правда».

Ицка Бѣляевъ дрожалъ то отъ страха, то отъ злости, бросался и кричалъ, такъ что коммисія не могла съ нимъ справиться, а когда Терентьева во время очной ставки сказала, что у нея и теперь еще болятъ ноги, обожженныя на сковородѣ, то спросилъ, улыбнувшись:

«какъ, въ три года не могли у тебя поджить твои обожженныя ноги?»

Янкель Черномординъ (настушокъ) ничего не слушалъ, кричалъ: «это бѣда, это напасть!» — потомъ, упавъ ницъ и закрывши лице руками, сказалъ: «помилуйте! Я не знаю, что она (Максимова) говоритъ», — и не хотѣлъ на нее смотрѣть.

Жена его Эстеръ показала, что вовсе не знаетъ Терентьевой, а послѣ запуталась сама и созналась въ противномъ; въ изступленіи бросилась на уличительницъ и поносила ихъ бранью.

Хайка Черномордина увѣряла, что ни одной изъ докладчицъ не видывала и вовсе не слыхала объ убійствѣ мальчика, блѣднѣла и дрожала, не могла стоять на мѣстѣ, мялась, отворачивалась, молчала упорно или злобно кричала и отнюдь не хотѣла смотрѣть на показываемый ей кровавый лоскутъ холста, о коемъ упомянуто было выше.

Хаимъ Черный (Хрипунъ) кричалъ, бранился, дрожалъ, не отвѣчалъ на вопросы и путался: «пусть бабы говорятъ что хотятъ, сказалъ онъ, ни одинъ еврей этого не скажетъ вамъ, сколько ни спрашивайте», — злобно отпирался, что при обращеніи Терентьевой лежалъ на одной съ нею кровати, а въ перехваченной переписке умолялъ евреевъ не ругаться надъ нимъ за это, а то онъ съ ума сойдетъ отъ стыда и срама, тогда какъ онъ готовъ жертвовать за нихъ жизнію; велъ себя предъ коммисіей въ высшей степени нагло, требуя каждый разъ, чтобы ему были напередъ снова прочитаны прежнія показанія его; сказавъ на отрѣзъ, что даже не слыхалъ объ этомъ происшествіи, проговорился послѣ, что зналъ о немъ тогда же, когда оно случилось, и наконецъ до того забылся и вышелъ изъ себя, что ругалъ въ глаза всѣхъ членовъ, въ полномъ присутствіи, кри-

чалъ предсѣдателю, генералу Шкурину, указывая на него пальцемъ: «я тебѣ, разбойнику, глаза выколю, ты злодѣй» и проч. Хаимъ былъ еще прежде, въ 1896 г., подъ судомъ вмѣстѣ съ другими евреями по подозрѣнію въ истязаніи и убійствѣ мальчика помѣщика Мердвинова, но по недостатку улинъ дѣло это было тогда предано волѣ Божіей.

Абрамъ Ковинъ путался, самъ себѣ противорѣчилъ и былъ уличенъ во многихъ ложныхъ показаніяхъ; такъ напримѣръ, онъ сказалъ сперва, что до сихъ поръ ничего не зналъ и не слыхалъ о происшествіи, а потомъ оказалось, что онъ былъ уже по этому же дѣлу допрашиваемъ при первомъ слѣдствіи, три года тому назадъ; одинъ разъ показалъ, что безграмотенъ, а другой, что знаетъ читать и писать по еврейски и по русски; сказалъ, что вовсе не родня Берлинымъ, на самомъ дѣлѣ состоя въ близкомъ родствѣ съ ними; сказавъ, что Терентьевой не знаетъ вовсе, и что если она призналась, такъ стало быть она и убійца,—былъ уличенъ въ томъ, что знаетъ ее давно; наконецъ зарыдалъ, смотрѣлъ дико, какъ помѣшанный, упалъ ницъ на полъ и кричалъ: «помилуйте, ратуйте, мнѣ дурно, я не могу говорить!»; его начало кидать и ломать, и притворившись сумасшедшимъ онъ всячески неистовствовалъ и бѣсновался.

Нота Прутковъ силился доказать, что былъ во время происшествія въ Сергіевской пристани, но было доказано, что онъ былъ тогда въ Велижѣ и сверхъ того еще перехвачена переписка его, гдѣ онъ просилъ достать за деньги свидѣтельство, что былъ въ Сергіевской, и составить подложный договоръ съ мужиками; увѣрялъ, что изъ уличительницъ ни одной не знаетъ, тогда какъ въ письмахъ къ женѣ называетъ всѣхъ трехъ поименно и въ коммисіи назвалъ Терентьеву

распутной; сказался больнымъ, и подвязавъ бороду, требовалъ на очныхъ ставкахъ, чтобъ уличительницы говорили, какого цвѣта у него борода, и послѣ множества такихъ несообразныхъ выходокъ, наконецъ сказалъ генералу Шкурину, что если бы самъ Государь обѣщалъ евреямъ помилованіе, то они бы конечно сознались; что точно жиды погубили мальчика, что прочіе ропщутъ теперь на Берлиныхъ и Цетлиныхъ за это опасное дѣло, что они теперь всюду собираютъ деньги, надѣясь, что дѣло здѣсь не кончится, и что онъ, Прутковъ, въ коммисіи ни въ чемъ не сознается». Между тѣмъ у генерала Шкурина были спрятаны три чиновника, которые все это слышали и подтвердили подъ присягой. Три раза Прутковъ пытался уйти изъ подъ стражи, хотѣлъ креститься, потомъ раздумалъ; вызвался сознаться во всемъ генералъ-губернатору и былъ отправленъ въ Витебскъ, но обманулъ этимъ обѣщаніемъ; при допросахъ шумѣлъ, ударилъ въ щеку караульнаго унтеръ-офицера, былъ наказанъ за это, но не унимался; когда ему показали перехваченныя его записки, то онъ озлобился до неистовства, кричалъ, бранился, не давалъ отвѣта. «Въ законѣ ничего не сказано, говорилъ онъ, что будетъ за то, если кто закаетъ мальчика, мы ничего не боимся, только бы дѣло вышло изъ коммисіи; вы всѣ разбойники, намъ ничего не будетъ, а васъ же судить будутъ, вотъ увидите!»

(Со времени этого дѣла въ Витебскѣ и окружныхъ мѣстахъ сохранилась въ народѣ молва, что послѣ солдатскаго сына, ни у одной Велижской еврейки не осталось на головномъ уборѣ ни зерна жемчуга; это можно слышать и донынѣ).

Ицко Вульфсонъ, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Іоселемъ Мирласомъ осматривать выброшенный въ лѣсъ

трупъ младенца, до того запирался, что показавъ, будто бы не знаетъ грамотѣ, самъ подписалъ по русски допросъ свой; увѣряя, что Терентьевой вовсе не знаетъ и никто не обращалъ ее въ еврейскую вѣру, тотчасъ же прибавилъ: «по крайней мѣрѣ при отъѣздѣ моемъ въ Динабургъ она еврейкой не была»,—а отсюда слѣдуетъ, что онъ зналъ ее и тогда.

Жена его Фейга показала, что не была въ то время въ Велижѣ, тогда какъ мужъ ея объявилъ, что она была тамъ; на очныхъ ставкахъ Фейга едва не обмирала, не могла стоять, ложилась на стулъ, жаловалась на дурноту и упорно молчала, не подписала показаній своихъ безъ всякой причины, потомъ выразила готовность во всемъ сознаться, спросивъ предварительно: есть-ли такой законъ, что кто во всемъ сознается, то будетъ прощенъ? Когда ей сказали, что законъ въ такомъ случаѣ облегчаетъ наказаніе, она проговорила въ отчаяніи: «я попалась съ прочими по своей глупости»,—и затѣмъ умолкла; хотѣла креститься, а потомъ опять раздумала. «Мнѣ нельзя уличать мать свою, сказала она также, да и тогда должны пропасть всѣ евреи».

Лія Рудникова, бывшая работница Ривки Берлинъ, сперва отреклась, что когда-либо у Ривки служила, потомъ, уличенная во лжи, созналась и поневолѣ уличила въ томъ Ривку; увѣряя, что Терентьевой вовсе не знаетъ, сказала между прочимъ, что она была нищая и ходила по міру. Во время допросовъ Лія чертила пальцемъ на спинѣ бывшаго у нея на рукахъ ребенка какіе-то знаки, и будучи спрошена, что она дѣлаетъ, отвѣчала: «это Ривкѣ по еврейски». Когда показали ей кровавый лоскутъ холста, то она сильно испугалась, зарыдала и начала поносить Терентьеву самою непристойною бранью.

Зуся Рудниковъ, мужъ Ліи, также увѣрялъ, что даже не слыхалъ о происшествіи (о которомъ толковали въ Велижѣ три года на всѣхъ перекресткахъ), смотрѣлъ въ землю, говорилъ отрывисто, отпирался отъ всего, задрожалъ, увидавъ кровавый лоскутъ, отвернулся, не хотѣлъ смотрѣть на него и подойти къ столу, не подписалъ очной ставки, будто потому, что у него закружилась голова и онъ самъ не понимаетъ, что ему читаютъ и не знаетъ, то ли это, что онъ говорилъ.

Блюма Нафанова, когда Терентьева сказала ей: «напрасно ты отъ меня отпираешься, ты знала меня давно, еще когда убила Хорьку»,—закричала: «а что тебѣ теперь до Хорьки? Тогда былъ судъ».... Оказалось, что Блюма въ числѣ другихъ подозрѣвалась въ 1821 году въ убійствѣ Христины Слѣповронской, также замученной въ жидовской школѣ.

Рохля Фейтельсонъ, вошедши въ присутствіе и не дождавшись вопроса, начала кричать: «я не знаю, за что меня взяли, меня не спрашивайте ни о чемъ, я ничего не знаю, нигдѣ не была и ничего не видѣла»,—и въ отвѣтахъ также путалась, терялась и дрожала.

Таковы главнѣйшіе отвѣты и оправданія евреевъ (если только можно назвать ихъ отвѣтами и оправданіями), передаваемые нами вкратцѣ, но съ точностію и безъ упущеній хотя одного слова, которое бы могло служить къ оправданію подсудимыхъ; да такого слова и не было произнесено ни однимъ: одно только отрицаніе, нерѣдко явная ложь, страхъ и злоба, — вотъ все, что обнаружилось при допросахъ.

Между тѣмъ дѣло тянулось и коммисія, несмотря на все стараніе свое, не могла подвинуть впередъ дѣла; евреи, явно и несомнѣнно уличенные, молчали, упорствовали, грубили; генералъ-губернаторъ князь Хован-

скій донесъ объ этомъ Государю и велѣно было увѣщевать евреевъ, а буйныхъ наказывать.

По поводу открывшихся въ 1827 году чрезъ тѣхъ же доящицъ нѣсколькихъ подобныхъ дѣлъ, повелѣно было изслѣдовать той-же коммисіи всѣ эти дѣла; въ 1828 году командированъ въ коммисію чиновникъ отъ Правительствующаго Сената, а затѣмъ повелѣно спросить подсудимыхъ, не было-ли имъ пристрастія; нѣкоторые показали, что не было; но другіе жаловались на пристрастіе, не будучи однакожъ въ состояніи объяснить, въ чемъ именно оно состояло, говоря только въ общихъ словахъ, что ихъ не такъ допрашивали, не тѣми словами писали отвѣты, спрашивали какъ преступниковъ, тогда какъ три женщины сознались и слѣдовательно были настоящими преступницами, что не отстраняли по ихъ требованію слѣдователей и членовъ коммисіи и т. п.

Въ 1829 году коммисія представила, наконецъ, полный обзоръ этихъ ужасныхъ происшествій, обвиняя евреевъ во всемъ и считая ихъ уличенными. Кромѣ умершихъ и бѣжавшихъ ихъ осталось еще подъ стражей 42 человѣка обоего пола.

Генералъ-губернаторъ, будучи того-же мнѣнія какъ и предшественникъ его, представилъ обстоятельный всеподданнѣйшій рапортъ, въ коемъ также положительно обвинялъ евреевъ и считалъ ихъ изобличенными.

И по справедливости, сообразивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, нельзя не согласиться съ заключеніемъ коммисіи и генералъ-губернатора: обѣщаніе Терентьевой, принявшее, въ устахъ Еремеевой, форму предвѣщанія, согласно съ коимъ происшествіе исполнилось, — предвѣщанія, совершенно необъяснимаго, если не повѣрить, что одна сама предала мальчика, а другая подслушала

разговоръ; согласныя показанія Терентьевой, Максимовой и Козловской обо всѣхъ подробностяхъ убійства, и согласныя съ ними подробныя обстоятельства, подтвержденныя показаніями подъ присягою стороннихъ свидѣтелей; совершенная невозможность сдѣлать такое во всемъ согласное показаніе и не измѣнять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, если бы это не была одна истина, особенно въ виду того, что двѣ изъ этихъ женщинъ жили въ постоянной враждѣ и не могли говорить между собой равнодушно даже въ присутствіи коммисіи, а третья была уже замужемъ за шляхтичемъ и не могла имѣть никакого повода къ такой ужасной напраслинѣ на себя и на другихъ; далѣе, показаніе стороннихъ свидѣтелей, изъ коихъ иные видѣли, какъ евреи проскакали на зарѣ въ бричкѣ по тому направленію, гдѣ найденъ трупъ, одна свидѣтельница видѣла мальчика въ рукахъ Цетлиной, двѣ другихъ видѣли въ домѣ ея, въ спальнѣ и ларѣ; состояніе, въ коемъ найденъ трупъ: накожныя ссадины, ранки, затекшія и побагровѣвшія ноги, приплюснутые ротъ и носъ, синякъ на затылкѣ, вплоть остриженные ногти, еврейское обрѣзаніе и прочіе признаки, вполнѣ согласовавшіеся съ показаніемъ трехъ женщинъ о томъ, какимъ образомъ замученъ ребенокъ; поведеніе подсудимыхъ при допросахъ, обнаруженная стачка ихъ, наглое и безсмысленное запирательство во всемъ относящемся къ дѣлу, изобличеніе каждаго изъ нихъ во многихъ ложныхъ показаніяхъ, притворство нѣкоторыхъ больными и сумасшедшими, бѣгство однихъ и попытка къ тому другихъ, стараніе подкупить священника-увѣщателя докащицъ, ночной караулъ и сборища у Берлиныхъ, Нахимовскихъ и Цетлиныхъ, въ чемъ они сначала также запирались, и наконецъ собственное сознаніе Ноты Пруткова, Зелика Брусо-

ванскаго, Фратки Девирцъ, Фейги Вульфсонъ и Ицки Нахимовскаго въ преступленіи и явное колебаніе другихъ, а равно и изобличающая виновныхъ, перехваченная у нихъ переписка—вотъ улики и доказательства, на коихъ коммисія и генералъ-губернаторъ основывались, считая евреевъ до того уличенными, что находили уже собственное сознаніе ихъ не нужнымъ, тѣмъ болѣе, что въ пользу евреевъ не говорило равно ни одно обстоятельство, и никакихъ оправданій или доказательствъ невинности своей ниодинъ изъ нихъ не могъ представить кромѣ явной лжи и наглаго запирательства. Результатомъ трудовъ коммисіи и генералъ-губернатора былъ, при общемъ и подробномъ донесеніи, именной списокъ подсудимыхъ евреевъ, гдѣ степень вины каждаго была въ подробности обозначена.

Въ Правительствующемъ Сенатѣ, при разсмотрѣніи этого дѣла произошло разногласіе. Нѣкоторые сенаторы соглашались съ заключеніемъ коммисіи и присуждали евреевъ къ наказанію, другіе колебались, третьи оправдывали ихъ; иные желали только принять предупредительныя мѣры на будущее время, высказывая различныя на сей предметъ предположенія, почему дѣло внесено было въ Государственный Совѣтъ, гдѣ состоялось, 18 января 1835 года, Высочайше утвержденное мнѣніе, что показанія доносщицъ, заключая въ себѣ многія противорѣчія и несообразности безъ всякихъ положительныхъ уликъ или несомнѣнныхъ доводовъ, не могутъ быть приняты судебнымъ доказательствомъ къ обвиненію евреевъ. А потому и было постановлено:

1) Евреевъ, подсудимыхъ по дѣлу объ умерщвленіи солдатскаго сына Емельянова и по другимъ подобнымъ дѣламъ, заключающимся въ Велижскомъ производствѣ, а равно по дѣламъ о поруганіи надъ христіанскою

святыней, какъ положительно не уличенныхъ, отъ суда и слѣдствія освободить.

2) Докащицъ-христіанокъ: крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и шляхтянку Козловскую, не доказавшихъ тѣхъ ужасныхъ преступленій и отступленій отъ вѣры, которыя онѣ сами на себя взводили, но виновныхъ въ извѣтахъ, коихъ впослѣдствіи ничѣмъ не могли подтвердить,—выслать въ Сибирь на поселеніе, лишивъ Козловскую шляхетства.

Затѣмъ Еремееву и прочихъ освободить, предавъ первую церковному покаянію.

Такъ, и для многихъ совершенно неожиданно, окончилось знаменитое въ лѣтописяхъ русскаго уголовнаго судопроизводства Велижское дѣло, въ свое время занимавшее умы и привлекавшее вниманіе не только мѣстнаго населенія и ближайшихъ къ мѣсту округовъ, но и всей образованной русской публики.

VII.

Дѣло Ворненское объ умерщвленіи евреями христіанскаго мальчика Августина Жуковскаго.

Для ознакомленія читателя съ способомъ производства дѣлъ въ старыя времена, представляемъ слѣдующее:

Въ 1831 году, марта 16 дня, по указу Его Императорскаго Величества, 1-го департамента Виленскаго Главнаго Суда, слушали дѣла: 1) о смерти семилѣтняго мальчика Іосифа Піотровича и о проистекшихъ изъ онаго обстоятельствахъ; 2) объ убійствѣ еврея Копеля Гиршовича Геца, и 3) о смерти еврея Калмана Гримберга или Блюмберга.

Обстоятельство и ходъ сего дѣла суть слѣдующіе: 8-го апрѣля 1827 года, пастухъ имѣнія Зданишекъ, состоящаго въ Тельшевскомъ повѣтѣ, помѣщиковъ Петра и Амаліи Дымшевъ, крестьянскій сынъ Августинъ Жуковскій (коему въ то время было отъ роду 16 лѣтъ), далъ знать крестьянину того же имѣнія Викентію Степонкусу и крестьянкѣ Маріаннѣ Піотровичевой, а они во дворъ, что сына сей послѣдней, семилѣтняго возраста, Іосифа Піотровича, евреи схватили съ поля

(на картѣ, составленной по порученію совѣтника Виленскаго губернскаго правленія Новицкаго, Шавельскаго повѣтоваго хорунжія Савицкаго и стряпчаго Вродовскаго, Тельшевскимъ землемѣромъ Двендолетомъ, мѣсто это обозначено цифрою 1) и понесли въ лѣсъ Швентвалисъ (на картѣ цифра 18). Помѣщикъ Дымша тотчасъ разослалъ для поисковъ дворовыхъ и находившихся на барщинѣ людей и отправилъ къ ключвойтамъ Ворненскому—шляхтича Игнатія Шволкуна и лавея Петра Петровскаго, а къ Повенденскому—Фабіяна Станишевскаго, съ донесеніемъ о таковомъ происшествіи. Разосланные для поисковъ никого не настигли, только изъ нихъ крестьянинъ Бонифацій Вальтеръ, гонясь, какъ показываетъ, слѣдомъ до дороги изъ Ворнь до Повенденя (на картѣ цифра 4), встрѣтилъ трехъ мальчиковъ, кои на спросъ его отвѣчали, что видѣли трехъ евреевъ, ѣхавшихъ весьма поспѣшно въ направленіи къ Повенденю (на кар. ц. 3), а крестьянинъ Матвѣй Даргушъ замѣтилъ въ лѣсу Швентвалисъ (на кар. ц. 2) слѣдъ кованной повозки, проложенный просто къ дорогѣ изъ Ворнь къ Повенденю. Столь важное происшествіе было извѣстно только въ кругу имѣнія Зданишекъ и полицейскихъ ключвойтовъ Ворненскаго и Повенденскаго, а ни главная земская полиція, ни засѣдатель, въ коемъ участкѣ это случилось, объ ономъ не знали, ибо помѣщикъ Дымша довольствовался донесеніемъ ключвойтамъ. Ключвойты же—Ворненскій, Іосифъ Стецковичъ не счелъ обязанностью своею доносить потому, что имѣніе Зданишки не въ его вѣдомствѣ, а Повенденскій—крестьянинъ Матвѣй Мацукно, при всей изворотливости, употребленной имъ въ объясненіи, не успѣлъ представить увѣдомительныхъ причинъ оправданія оплошности своей, относительно недонесенія имъ о таковомъ проис-

шествіи, а напротивъ, по ложнымъ изъясненіямъ его замѣчается, что означенное упущеніе могло быть допущено имъ умышленно. Онъ въ оправданіе свое между прочимъ показывалъ, что послѣ перваго свѣдѣнія, дошедшаго къ нему о похищеніи Піотровича, былъ въ имѣніи Зданишкахъ, объявилъ помѣщицѣ Дымшиной какое то циркулярное предписаніе, но какъ ему никто ничего о Піотровичѣ не упоминалъ, то онъ прежнее донесеніе считалъ неосновательнымъ. Но когда противъ сего открылось, что помѣщица Дымшина въ означенное время была больна, то Мажухно отозвался, что въ показанную бытность въ имѣніи Зданишкахъ, будто ни съ кѣмъ не видался и отправился далѣе. Съ одной стороны неправдоподобно, чтобы Мажухно, бывшій въ томъ имѣніи за дѣломъ, ни съ кѣмъ не видался, а съ другой, самимъ имъ обнаруженная ложь, доказываютъ извороты его же, Мажухно, къ коимъ прибѣгать не имѣлъ бы повода въ случаѣ прямыхъ дѣйствій. И такъ изъясненное событіе оставалось земской полиціи неизвѣстнымъ до послѣднихъ чиселъ того же апрѣля мѣсяца, почему никакихъ розысканій дѣлаемо не было кромѣ вышеупомянутыхъ и развѣдыванія Ворненскимъ ключвойтомъ въ мѣстечкѣ Ворняхъ, по коему ничего не открыто. 26 числа того же апрѣля мѣсяца, дочь крестьянина помѣщиковъ Дымшевъ, Антонія Зубоса Уршуля, донесла отцу своему о замѣченномъ ею на полѣ (на картѣ цифра 17) мертвомъ тѣлѣ, которое по осмотрѣ Зубосою и крестьяниномъ Іосифомъ Жуковскимъ, а потомъ Маріанною Піотровичевою, оказалось трупомъ мальчика Петровича. По донесеніи о семъ ключвойтомъ Мажухною Тельшевскому нижнему земскому суду, рапортомъ 27 числа того же апрѣля, вслѣдствіе распоряженія того суда, должно было тамошнему повѣтовому лекарю Таратуѣ, учинить ревизію

мертвому тѣлу Піотровича, при бытности засѣдателя того же суда Лунскаго и военнаго чиновника. Но лекарь Таратута, пріѣхавъ въ имѣніе Здапишки прежде тѣхъ чиновниковъ, велѣлъ обмыть означенный трупъ, а на другой день, то есть 30 апрѣля составилъ актъ осмотра, въ коемъ написалъ, что тѣло Піотровича вымазано было землею съ какимъ то клейстымъ веществомъ, такъ что полтора часа обмывали оное въ теплой водѣ, что поверхности тѣла были неодинаковаго цвѣта, ибо лицо больше подвергшись было гнили, чѣмъ другія мѣста, что на немъ найдено 8 ранъ разной величины, сдѣланныхъ круглымъ желѣзнымъ орудіемъ, какъ будто по опредѣленнымъ мѣстамъ сдѣланныхъ, шириною въ гороховое зерно, а глубиною нѣкоторыя болѣе вершка, что вокругъ двухъ ранъ, сдѣланныхъ на лицѣ, мышицы подъ глазами были воспалительнаго состоянія, по раскрытіи ранъ крови ни капли въ нихъ не найдено: по всему этому онъ, лекарь, заключилъ, что таковыя мучительно нанесенныя раны были истинною причиною смерти Піотровича. Хотя засѣдатель Лунскій и поручикъ Сумскаго гусарскаго полка Гертинъ не видѣли въ какомъ состояніи было тѣло Піотровича до обмытія онаго, однакожъ прописанный актъ безпрекословно подписью своею засвидѣтельствовали и сверхъ того рѣшились особо свидѣтельствовать еще и о томъ, въ какой позиціи его тѣло лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ оно найдено, тогда какъ оно до пріѣзда ихъ внесено было въ крестьянскій домъ, почему вышли несообразности въ описаніи сего предмета, ибо они въ одномъ мѣстѣ того акта сказали, что тѣло Піотровича лежало бокомъ, а въ другомъ, что навзничь, изъясняютъ впослѣдствіи, что это произошло отъ ошибки писца, тогда какъ сіе случилось видимо потому, что они таковой актъ составляли наобумъ, по чьимъ либо разсказамъ,

о чемъ однако въ томъ актѣ не сказали. Засѣдатель же Лунскій въ рапортѣ въ нижній земскій судъ, безъ всякаго основанія включилъ, что раны нанесены Піотровичу тупымъ орудіемъ. Лекарь Таратута хотя представилъ виленской врачебной управѣ копію выше означеннаго акта осмотра тѣла Піотровича, но управа, не оговоривъ онаго, положила пріобщить къ дѣлу, а когда впослѣдствіи и именно 1-го февраля 1828 года былъ препровожденъ сей актъ къ ней на разсмотрѣніе, то она сказала, что по неимѣнію въ ранахъ крови, родится сомнѣніе не подѣланы ли раны на мертвомъ уже тѣлѣ, почему слѣдовало лекарю приступить къ анатомическому изслѣдованію. Виленскій же медицинскій факультетъ, къ коему главный судъ обращался съ нѣкоторыми вопросами на счетъ ранъ, найденныхъ на Піотровичѣ, отозвался, что по упущеніямъ, замѣченнымъ имъ въ актѣ осмотра того тѣла, онъ ничего заключить по сему обстоятельству не можетъ. Сверхъ того лекарь Таратута не учинилъ химическаго изслѣдованія веществу, коимъ вымазано было тѣло Піотровича; каковое обстоятельство могло бы быть довольно важнымъ руководствомъ къ дослѣдованію по сему дѣлу истины. Поелику ревизія часто упоминаемому тѣлу Піотровича произведена въ четвертой день послѣ того, какъ оно найдено, то слѣдовало бы обратить вниманіе на показанія лицъ, видѣвшихъ оное тѣло до означенной ревизіи, но показанія о семъ не согласны и по нимъ значитъ, что въ то время, какъ найденъ Піотровичъ мертвымъ, будто у него ртомъ, носомъ и ушами бросилась кровь, что подтверждается и показаніемъ настоятельницы Оршанскаго монастыря Мофіавитокъ, Александры Бальцевичевны, бывшей на то время, какъ найденъ Піотровичъ мертвымъ, въ имѣніи Зданцикахъ. Нѣкоторые изъ допрашиваныхъ людей показали, по слу-

хамъ, что задній проходъ Піотровича заколоченъ былъ какимъ то клиномъ, но обстоятельство сіе ничѣмъ не оправдано, къ слухамъ же о семъ, основаніемъ былъ разговоръ помѣщицы Амаліи Дымшиной, хотя впрочемъ она отъ того отреклась. По замѣчаніямъ нѣкоторыхъ людей наводилось подозрѣніе, что мальчикъ Піотровичъ послѣ похищенія его могъ быть спрятанъ въ ледникѣ (на картѣ цифра 32), состоящемъ при корчмѣ Лѣнкяхъ потому, что арендаторъ сей корчмы воспрещалъ пастьбу около того ледника, до того времени свободную и потому, что сей ледникъ, прежде состоявшій въ опустошеніи, въ то время какъ Піотровичъ пропалъ, былъ починенъ и бывшіе въ немъ дыры заколочены, но сіе обстоятельство не доставило средствъ къ открытію истины, ибо еврей Мовша Абрамовичъ объяснялся, что воспрещалъ пастьбу, чтобы не топтали луговъ (хотя сія предосторожность была заблаговременна, ибо въ началѣ апрѣля мѣсяца въ здѣшнемъ климатѣ еще не растутъ травы на лугахъ), а о починкѣ ледника отзывался, что тогда къ тому приспособилъ матеріалъ. Еще нѣкоторыя замѣчанія по сему предмету представляли крестьяне Норкусы, но оные въ своемъ существѣ нетверды и по большей части евреемъ Мовшею Абрамовичемъ и его семействомъ оспорены.

И такъ этотъ предметъ, заботившій слѣдователей розыскомъ объ немъ, не объяснилъ происшествія, равно какъ и выводившаяся изъ сего обстоятельства секретаремъ Тельшевскаго межеваго суда Мацкевичемъ догадка, что клеистое вещество, бывшее на мертвомъ тѣлѣ Піотровича, могло быть рыбьимъ клеемъ, такъ какъ въ Ленковскомъ ледникѣ хранили рыбу. По произведеннымъ четыремъ слѣдствіямъ на мѣстѣ происшествія и дѣланнымъ дополнительнымъ изыска-

ніямъ значитъ: 1) при первомъ слѣдствіи, которое производилъ засѣдатель Телышевскаго нижняго земскаго суда Лунскій и при переизслѣдованіи, дѣланномъ Засѣдателемъ Ватманомъ обще съ военнымъ депутатомъ, крестьянскій сынъ Августинъ Жуковскій объявлялъ, что дѣйствительно мальчика Піотровича схватили и унесли въ лѣсъ евреи, и когда жительствовавшіе въ окрестности мѣста происшествія евреи ставлены были на очно Жуковскому, не познаетъ ли онъ кого изъ нихъ, то изъ числа 16 евреевъ Жуковскій призналъ похитителемъ Піотровича еврея Гиршу Лейбовича Каца и въ томъ его на очно уличалъ. Сей еврей хотя въ томъ не признавался, но сверхъ улики со стороны Жуковскаго, онъ подвергся подозрѣнію по ложному показанію о мѣстѣ пребыванія его въ тотъ день, въ который похищенъ Піотровичъ. Онъ, Кацъ, при первомъ спросѣ объявилъ, что того числа весь день былъ дома и никуда не отлучался. На очной ставкѣ, по вышедшей нѣкоторой несходственности въ показаніяхъ, данныхъ Кацемъ и евреемъ Лейбою Мееровичемъ Штейномъ, у коего онъ, Кацъ, жилъ. Штейнъ сказалъ ему въ глаза, что онъ, Кацъ, въ означенное число ходилъ въ мѣстечко Ворни и возвратился къ обѣду, но Кацъ оспорилъ сіе и Штейнъ, видимо не опровергая Каца во лжи его, отозвался запамятованіемъ. Когда же и жена Каца Куня на допросѣ объявила, что мужъ ея въ означенный день отлучался въ Варни и въ 12 часовъ по утру возвратился, то Кацъ, послѣ вышепоказаннаго рѣшительнаго въ томъ запирательства, уличенный женою своею, показалъ, что былъ въ Ворняхъ за покупкой серегъ, которыя отданы еврейкѣ Либѣ Іоселевой. Фактъ бытности Каца въ Ворняхъ хотя подтвержденъ тамошнимъ лавочникомъ Берелемъ Мовшовичемъ и Іоселевой, но важнѣйшее

обстоятельство Каца осталось сомнительнымъ, потому что Мошковичъ и Іоселева отозвались запамятствованіемъ, котораго числа покупка и отдача серегъ происходили. О случаѣ, по которому Кацъ ходилъ въ Ворни за покупкою серегъ для Іоселевой, онъ, Кацъ, не показалъ, и слѣдователи, прежде засѣдатель Лунскій, а потомъ засѣдатель же Ватманъ упустили спросить его о томъ, хотя по показанію Іоселевой, что серьги даны ей Кацомъ отъ незнакомаго ей жениха, слѣдовало требовать и показанія отъ Каца, кто тотъ женихъ, для изслѣдованія и сей ссылки. По таковому упущенію означенный женихъ, которымъ былъ еврей Лейба Янкелевичъ Мандель, не былъ въ виду при производствѣ по настоящему дѣлу слѣдствій и именно до того времени, когда по распоряженію главнаго суда дѣлаемо было на мѣстѣ происшествія дополнительное изысканіе. При семъ изысканіи крестьянинъ помѣщика Дымши Матеушъ Даргужисъ показалъ, что въ тотъ день какъ схваченъ Піотровичъ, когда онъ возвращался изъ корчмы Ришкиской и настигъ кучера помѣщика Дымши, Фабіана Станишевскаго, то слѣдуя съ нимъ по дорогѣ въ имѣніе Зданишки, встрѣтили (на картѣ цифра 5) весьма шибко бѣжавшихъ босикомъ евреевъ Гиршу Каца и Лейбу Манделя, которые увидѣвъ ихъ, насунули на глаза шапки, а Кацъ не отвѣчалъ ничего Станишевскому, который звалъ его по имени. Вслѣдствіе сего Мандель показалъ, что въ означенное время онъ былъ въ м. Ворняхъ для отысканія портной работы и сошедшись тамъ съ Гиршей Кацомъ возвращался съ нимъ домой, но не повстрѣчали никого болѣе, кромѣ крестьянина Симона Поцюса. Противу сего Кацъ показалъ и на очной ставкѣ утверждалъ, что въ Ворняхъ съ Манделемъ не видѣлся и съ нимъ не возвращался; но однакожъ съ тѣмъ вмѣстѣ объявилъ,

что на обратномъ пути встрѣтилъ крестьянина Поцюса и о предметѣ разговора съ нимъ сходно показалъ съ Манделемъ, почему отрицательство Каца подозрительно, ибо Мандель, не бывъ съ нимъ вмѣстѣ, не могъ бы знать съ кѣмъ встрѣчался Кацъ, а тѣмъ болѣе приводить въ доказательство обстоятельства разговоровъ съ Поцюсомъ, хотя впрочемъ таковая встрѣча сомнительна на счетъ того, что послѣдовала она точно съ Кацемъ и Манделемъ, а не съ какими либо другими евреями, ибо когда помянутый Поцюсъ и сіи евреи поставлены были на очно, то другъ друга не познали. Кацъ объявилъ, что по давности того случая не можетъ узнать Поцюса, а Мандель признавалъ Поцюсомъ другаго человѣка, и именно Антона Даргиса, Поцюсъ же показалъ, что сихъ евреевъ первый разъ видитъ. А потому и выходитъ подозрѣніе, не есть ли означенная встрѣча, случившаяся съ другими евреями, присвоена Кацомъ и Манделемъ для отклоненія показываемаго Даргужисомъ и Станишевскимъ объ нихъ обстоятельства, которому они противурѣчатъ. О серьгахъ, данныхъ настоящей женѣ Манделя Либѣ Іоселевой, Кацъ, вопреки прежнему показанію, что оныя далъ ей отъ жениха ея, то есть Манделя, впослѣдствіи объявилъ, что купилъ таковыя за данные ею ему, Кацу, четыре злота, какъ между тѣмъ Мандель показалъ, что по просьбѣ его, Каца, купилъ для жены его серьги и оныя у ней находятся. Либа же Манделеева объявила, что денегъ на покупку серегъ Кацу не давала, и не знаетъ, почему онъ далъ ей тѣ серьги, и что случилось это черезъ нѣсколько дней послѣ еврейскихъ праздниковъ въ 1827 году (въ томъ году таковые праздники кончились 8 апрѣля). Еврей Мандель показалъ, что въ бытности въ Ворняхъ сказывалъ ему Кацъ, что онъ сюда пришелъ дабы повидаться съ шуриномъ сво-

имъ Абрамомъ для испрошенія дозволенія на жительство въ корчмѣ Жвирдзевской. Кацъ же объявилъ, что въ этотъ день и не думалъ видѣться съ шуриномъ Абрамомъ; между тѣмъ не имѣется причинъ, по коимъ бы Мандель ложно сіе показывалъ. Поэтому всѣ таковыя своеобразности лжи и сомнительныя обстоятельства даютъ справедливый поводъ подозрѣвать Манделя и Каца въ причастности къ сему дѣлу, тѣмъ болѣе, что крестьянскій сынъ Августинъ Жуковскій, по представленіи ему еврея Манделя съ тремя другими евреями, показалъ на него, какъ на соучастника въ похищеніи Піотровича, противъ чего однако онъ, Мандель, рѣшительно отрекался. По обвиненію по сему дѣлу изъ м. Повенденя было арестованныхъ девять евреевъ и десятый тамошній ключвойтъ Мажухно.

Во время производства дѣла сего въ Тельшевскомъ градскомъ судѣ, содержавшійся по другому дѣлу Плунгянскій еврей Копель Гиршовичъ Гецъ, по объявленному собственно имъ желанію показалъ: 1) что содержавшійся по сему дѣлу еврей Іосель Гиршовичъ Кацъ сказывалъ ему, Гецу, что ключвойту Мажухнѣ дали евреи 20 руб. сер., съ тѣмъ чтобы показалъ, на помѣщика Дымшу, что онъ диктовалъ ему, ключвойту, рапортъ о найденномъ мертвомъ тѣлѣ Піотровича; 2) что того Мажухну продовольствовали содержавшіеся по сему дѣлу евреи: сказанный Кацъ, Орель Анзиковичъ Каплунъ, Лейба Мееровичъ Штейнъ, Хлавка Хаимовичъ, Лейхеръ Мееровичъ Овсей, Гиршъ Лейбовичъ Кацъ, Марекъ Эйзиковичъ Каплунъ и Абрамъ Лейбовичъ Грубе, коему за деньги сихъ евреевъ доставляла кушанье солдатка Варвара Коровайчиха; 3) что сказанный Мажухно часто ходилъ къ еврею Назану Мовшовичу Натансону, Вульфу Янке-

левичу Найвиду и Беніямину Ицковичу Бричу, кои давали ему деньги; сверхъ того Бричъ чрезъ еврея Файтеля Мовшовича Кацына, присылалъ Мажухнѣ рубль, но Кацынъ отдалъ только полтинникъ, а Натансонъ, посредствомъ солдата Тельшевской инвалидной команды Антона Петрова, далъ Мажухнѣ нѣсколько берлинокъ. По изслѣдованіи сихъ обстоятельствъ, оказалось: Коровайчикова объявила, что Мажухно бралъ у евреевъ деньги и давалъ ей за кушанье, которое она ему доставляла. Относительно сего Мажухно объяснилъ, что однажды занялъ онъ у какого то еврея деньги и далъ Коровайчиковой, потому что у него не было въ тотъ разъ мелкихъ денегъ. Сверхъ того, Коровайчикова показала, что незнакомый еврей, содержавшійся въ тюрьмѣ, сказывалъ ей, что если-бы Мажухно выбылъ, то за продовольствіе его заплатитъ тотъ незнакомый еврей. Шлятичъ же Іосифъ Нодовичъ, на коего свидѣтельство сослался Гецъ, отозвался, что по сему обстоятельству ничего не знаетъ, а только Мажухно часто имѣлъ съ содержавшимися въ тюрьмѣ евреями какіе то секретные разговоры, Бричъ же и Найвидъ, равно и Мажухно, показали, что по случайной бытности у нихъ Мажухно, они, Бричъ и Найвидъ дали ему по нѣсколько грошей въ родѣ подаянія. А Натанъ Натансонъ объяснилъ, что въ бытность его въ г. Тельшахъ, давалъ содержавшимся арестантамъ подаяніе и однажды чрезъ солдата инвалидной команды послалъ 15 грошей на всѣхъ арестантовъ, но рядовой Петровъ уличалъ Натансона, что онъ разспрашивалъ объ арестантахъ, содержавшихся по настоящему дѣлу и именно для Мажухны далъ означенныя деньги. Кромѣ вышеприведеннаго, еврей Копель Гецъ объявилъ, что евреи нуждаются въ христіанской крови для религіозныхъ

обрядовъ, но онъ самъ собою не хочетъ доказывать, изъ опасенія преслѣдованія евреевъ; на очной же ставкѣ съ евреемъ Іоселемъ Кацомъ онъ, Гецъ, вызывался представить и впослѣдствіи представилъ еврейскую книгу подъ заглавіемъ «Мейнурхсъ Гансоуеръ», въ коей содержатся правила, дозволяющія умертвить доносителя по дѣламъ вреднымъ еврейскому обществу. Послѣ изслѣдованія показанныхъ Гецомъ обстоятельствъ и по разрѣшеніи дѣла, по коему онъ содержался, онъ же, Гецъ, будучи отпущенъ на свободу, отлучился изъ мѣста жительства своего въ октябрѣ 1828 года, и въ маѣ мѣсяцѣ 1829 г. найденъ сказанный Копель Гецъ по дорогѣ изъ Тельшъ въ Плунгяны подъ мостомъ на четвертой верстѣ отъ мѣстечка Плунгянъ, неподалеку дома Плунгянскаго кагальнаго члена Киве Лейбовича Ольшванга, убитымъ. Плунгянскіе евреи Марекъ Рафаловичъ Аріяшъ и Лейба Цалковичъ Камень объявили слѣдователю сего дѣла, что евреи Янкель Гольтфусъ, Файтель Мовшовичъ Кацынъ, Мендель Пинста и Берель Геселіовичъ Алшвангеръ, проживая посмѣнно въ Вильнѣ, ведутъ переписку съ Плунгянскими евреями по дѣлу о смерти Піотровича, сообщая въ копіяхъ предписанія начальства и донесенія подчиненныхъ мѣстъ, изъ каковыхъ писемъ Аріяшъ одно письмо, писанное Гольтфусомъ имѣлъ въ рукахъ своихъ, при которомъ приложена была копія предписанія г. гражданскаго губернатора о назначеніи для слѣдствія вмѣсто чиновника Кершенскаго, засѣдателя Малецкаго съ изъясненіемъ сожалѣнія, что дано Кершенскому 600 корончиковъ (неупотребляемая нынѣ польская монета стоимостью 4 коп. сер. каждая) и съ увѣдомленіемъ что означенная копія стоитъ 8 р. с. и что болѣе секретныхъ обстоятельствъ обнаруживать не можетъ, ка-

ковое письмо продалъ тотъ еврей Лейзарь Швайцирь жагальному старшинѣ за 95 руб. сер. По случаю сего слѣдователи относились къ экспедитору Тельшевской почтовой экспедиціи Карниловичу, чтобы письма отъ Плунгянскихъ евреевъ въ Вильно и отсель туда чрезъ двѣ почты принимая, задержалъ оныя и потомъ отдавалъ за росписками по адресамъ, съ обязательствомъ доставить ихъ по первому востребованію, еслиже законами дозволено, то разсмотрѣть оныя прежде, нѣтъ ли въ нихъ чего либо относящагося къ смертоубійству Геца, или чего либо другаго противозаконнаго, о чемъ для учиненія сношенія съ Литовскимъ почтамтомъ о принятіи такихъ же мѣръ, они, слѣдователи, представляли бывшему г. гражданскому губернатору Горну. Но Карниловичъ и г. Литовскій почтъ-директоръ въ томъ отказали, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ предписаніи г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ отъ 4 февраля 1827 года, чтобы подвѣдомственныя министерствамъ мѣста и лица отнюдь сами не относились съ требованіями объ удерживаніи писемъ и посылокъ въ почтамты и къ почтмейстерамъ; въ чрезвычайныхъ же случаяхъ, если бы нашли сіе непремѣнно нужнымъ, представляли бы своимъ начальствамъ, которыя, ежели уважатъ сіи представленія, сносились бы о томъ съ нимъ, г. главноначальствующимъ для испрошенія повелѣнія Его Величества. Евреи, на которыхъ показывали Аріящъ и Камень, отреклись отъ всего ими, Аріящомъ и Каменемъ объявленнаго, противъ же новыхъ ссылокъ по сему предмету Аріяша и Каменя открылось, что помѣщикъ Петръ Дымша, гвардіянъ Тельшевскихъ ксендзовъ Бернардиновъ ксендзъ Тимотсущъ Венцеповичъ и титулярный совѣтникъ Кастанъ Буйвенъ показали: Дымша:

что во время производившагося засѣдателемъ Малецкимъ слѣдствія приходилъ къ нему, Дымшѣ, Лейзеръ Швайциръ съ другимъ евреемъ подъ предлогомъ покупки овса, предлагалъ купить еврейскія бумаги, обнаруживающія сходки и издержки по дѣлу о смерти Піотровича, но онъ, Дымша, объявилъ, чтобы съ сими бумагами обратились къ Малецкому, а сдѣлали ли они сіе—не знаетъ. Вендановичъ: что Аріяшъ и Швайциръ сказывали ему о тѣхъ бумагахъ, но онъ имъ совѣтовалъ обратиться съ ними къ Дымшѣ и Бувенъ; что приносили къ нему тѣже письма, Швайциръ съ Адріяшемъ съ тѣмъ, чтобы написать просьбу объ нихъ, онъ же имъ совѣтовалъ идти съ ними къ Дымшѣ; послѣ слышалъ, что Швайциръ продалъ оныя, а по спросу о семъ Швайцира, онъ уже отозвался что, ни о какихъ письмахъ не знаетъ. Они, Аріяшъ и Камень, объявили, что Лейзеръ Швайциръ озлобясь на Тельшевскій кагалъ за взятіе еврея Янкеля Бро въ рекруты, намѣренъ былъ связанныя письма представить начальству; коль скоро сказалъ о семъ Гольтфусу, то по его Гольтфуса письму, посланному по эстафетѣ, тотчасъ Бро уволенъ. Швайциръ и Гольтфусъ хотя объявили другую не подозрительную причину къ освобожденію Бро, но самъ Бро показалъ, что освобожденъ онъ по письму Гольтфуса и что при томъ случаѣ взята отъ него и брата его Гирши присяга и подписка въ томъ, что онъ не будетъ вредить еврейскому обществу. По ссылкѣ Аріяша и Каменя, еврей Левинъ Гильновичъ показалъ, что объ означенныхъ письмахъ слышалъ отъ еврея Береля Геселевича Альшвагнера и Швайцира, изъ коихъ послѣдній сказывалъ ему о намѣреніи своемъ представить оныя г. гражданскому губернатору, а потомъ по бѣдности долженъ былъ тѣ письма продать. У Добрянскаго школьника, еврея

Береля Гиршовича Леви, при обыскѣ, дѣлавшемся по тому случаю, что онъ во время допроса уничтожилъ какія то замѣтки въ памятной своей книжкѣ, найдено совѣтникомъ Новицкимъ письмо, адресованное къ Добрянскому школьнику Довъ Беру съ надписью Цви Гирши, въ коемъ заключался сговоръ подъ хейримомъ на утайку истины о выше изъясненныхъ письмахъ и смертоубійствѣ еврея Геца. Писано то письмо еврейскимъ древнимъ письмомъ. Плунгянскій еврей Іовель Мееровичъ Штугинъ объявилъ, что въ 1828 году, въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ сказывалъ ему въ лицѣ многихъ другихъ Плунгянскихъ евреевъ, тамошній еврей Калманъ Шделевичъ Гринбергъ, что онъ, слѣдуя въ половинѣ октября мѣсяца того же года, встрѣтилъ за Плунгянами по Тельшевскому тракту на одноконной повозкѣ 3 евреевъ: одинъ изъ нихъ, какъ бы прячась отъ него, легъ на повозкѣ, а за ними шелъ или ѣхалъ прицѣпившись къ повозкѣ знакомый ему, Гримбергу, еврей Копель Гецъ, отъ коего онъ, Гринбергъ, схоронился, но онъ подойдя къ нему, просилъ въ займы два злота. Калманъ Гринбергъ подтвердилъ сіе показаніе съ нѣкоторыми прибавленіями, то есть: что изъ означенныхъ ѣхавшихъ евреевъ два входили въ корчму Меркслину, у которой онъ было остановился, что тѣ евреи были въ шапкахъ съ козырьками, на шеѣ у нихъ красные платки, что о прозваніи ихъ не спрашивалъ и узнать ихъ не можетъ. Впослѣдствіи, а именно 9 ноября 1829 года, изъ числа слѣдователей, производившихъ вышеозначенное дѣло, совѣтникъ Виленскаго губернскаго правленія Новицкій рапортомъ донесъ, что 5 того же ноября дошло къ нему свѣдѣніе, что упоминаемый еврей Калманъ Гринбергъ, бывъ здоровъ 2 ноября, умеръ. Сверхъ того представлялъ еще нѣкоторыя обстоятельства, приводившія въ

сомнѣніе причину смерти Гринберга, показанную въ сказанномъ произведенномъ имъ Новицкимъ слѣдствіи; въ заключеніе же присовокупилъ, что онъ Новицкій въ полномъ безъ фанатизма увѣреніи, что хотя бы нынѣ предстать ему предъ Богомъ и страшнымъ его судомъ: евреи во всѣхъ частяхъ виновны. Относительно же изрѣченія о виновности во всѣхъ частяхъ евреевъ, то сколько изъ поясненій совѣтника Новицкаго видно, онъ выраженіе сіе обращаетъ ко всѣмъ выше изъясненнымъ дѣламъ, одно изъ другаго проистекающимъ, основывая таковое мнѣніе на всѣхъ обстоятельствахъ тѣхъ дѣлъ, на единомысліи съ нимъ по сему предмету хорунжія Савицкаго, изъясненномъ въ партикулярной запискѣ его къ нему, Новицкому, и на случаяхъ въ прежнія времена бывшихъ относительно мученія евреями христіанскихъ дѣтей, для полученія крови, нужной имъ къ обрядамъ по религіи, о чемъ ссылался и представлялъ документы о тѣхъ случаяхъ, по коимъ видно, что нѣкоторые евреи за таковое мученіе и умерщвленіе ребенка, были осуждены въ смертной казни. На основаніи чего совѣтникъ Новицкій упрекалъ главный судъ, что онъ и не поручалъ бы сего обстоятельства къ изслѣдованію, если бы самъ вошелъ въ ближайшее соображеніе и разсмотрѣніе, по крайней мѣрѣ столько, сколько таковаго употребляется на предметъ къ нему, Новицкому, относящійся о нерапортованіи при представленіи дѣла объ обстоятельствахъ, которыя были въ виду его, Новицкаго. Въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ своихъ онъ, Новицкій, объявилъ разныя подозрительныя обстоятельства, замѣченныя имъ при производствѣ настоящихъ дѣлъ, какъ въ отношеніи самого существа дѣла, о чемъ имъ въ свое время никакихъ не принято средствъ на счетъ обращенія ихъ въ руко-

водство къ достиженію истины по симъ дѣламъ, и даже оныхъ не выставили по дѣлу къ уваженію и соображенію мѣстъ, долженствующихъ разсматривать сіи дѣла. Объ означенныхъ упущеніяхъ долженъ былъ онъ, Новицкій, умолчать по признакамъ имъ замѣченнымъ угрозъ и ругательствъ со стороны евреевъ и потому, яко бы поводу, не донося о всемъ томъ въ свое время начальству. Сверхъ того онъ, Новицкій, укорялъ главный судъ во 1-хъ, въ томъ, что принялъ просьбу отъ евреевъ Фателя Мовшовича Кацына, въ коей онъ, Кацынъ, изъяснялъ, что именными Высочайшими блаженной памяти Государя Императора Александра I указами воспрещено принимать донесенія на евреевъ объ употребленіи якобы имъ христіанской крови, толкуя съ тѣмъ вмѣстѣ превратно и съ упрекомъ къ главному суду указъ его, что будто порученное имъ дѣло, по словамъ того предписанія, относилось къ еврею Кацыну, и во 2-хъ, что якобы главный судъ разсуждалъ о неполнотѣ дѣла, которое находилось у нихъ, Новицкаго и сослѣдователей его. Ему Новицкому, какъ онъ пишетъ и означеннымъ сослѣдователямъ его, намѣрены были Плунгянскіе евреи сулить деньги, но бывъ навѣрно предварены о намѣреніи ихъ обнаружить сіе предъ начальствомъ, отъ того воздержались. Засѣдатель же Ватманъ сказывалъ ему, что во время производства имъ слѣдствія о смерти мальчика Піотровича, евреи сулили ему нѣсколько тысячъ рублей, но онъ таковыхъ не принялъ. По случаю же командированія его, Новицкаго, для дополнительнаго изслѣдованія по тому дѣлу, явился къ нему (въ мартѣ мѣсяцѣ 1828 года) еврей Беніяминъ Натансонъ, разспрашивалъ его о мнѣніи на счетъ сего дѣла, объявилъ, что по старательству его, Натансона, онъ командированъ къ означенному изслѣдованію и что требуетъ его,

Новицкаго, г. гражданскій губернаторъ, который по явкѣ къ нему рекомендуетъ ему, Новицкому, исполнить таковое порученіе съ оправданіемъ довѣрія начальства; послѣ чего вновь у него былъ Натансонъ, сказывалъ, что съ нимъ, Новицкимъ, будетъ видѣться. Отецъ его, Натансона, находящійся въ Плунгянахъ и далъ ему, Новицкому, теплыя рукавицы, которыя онъ при открытіи обстоятельства сего, то есть 8 декабря 1830 г. и представилъ.—При производствѣ слѣдствія и убійства еврея Геца, еще открыто слѣдующее обстоятельство: въ мѣстечкѣ Салантакѣ во время купели, еврейскіе мальчики нашли въ мѣшкѣ сгнившаго безъ головы ребенка, котораго отъ испуга бросили въ рѣку. По изслѣдованіи о семъ открылось, что при вывозкѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1829 года крестьянами Юріемъ Венцкусомъ и Іосифомъ Скорисомъ навоза изъ дома Салантовскаго еврея Іоселя Вульфовича, нашли не живаго ребенка, уже сгнившаго, котораго схватилъ еврей Вигдоръ Боруховичъ Янкѣ, унесъ, какъ онъ прежде показывалъ, въ темный переулокъ и спряталъ, а какъ потомъ признался тещѣ своей Ривѣ Вульфовичевой, тесть же его, сказанный Іосель Вульфовичъ, положивъ оное въ мѣшокъ, бросилъ въ рѣку Саланту, въ чемъ и онъ, Вульфовичъ, прежде сознался, а потомъ отозвался, что не ребенка знаетъ, а бросилъ въ означенную рѣку что то сгнившее. Означенный Вигдоръ Боруховичъ сверхъ вышеписаннаго объявилъ, что упомянутая теща его Рива Вульфовичева должна объявить, гдѣ спрятала головную чашку помянутаго ребенка, которая при первомъ о семъ спросѣ объявила, что спрятала на кладбищѣ и тамъ она найдена, объясняясь потомъ, что сія чашка найдена ею на кладбищѣ, но Боруховичъ и мужъ Ривы, Іосель Вульфовичъ, уличали ея, что она сказывала, что означенная

головная чашка вышеупомянутаго ребенка. — Еврей Гиршъ Пейсаховичъ по связнѣ жены своей Гиты объявилъ, будто означенный ребенокъ блудно прижитъ еврейкою Хайкою Янкелевою Файвишовою, которая жительствовала у еврея Іоселя Вульфовича, но Гита ссылки мужа своего не подтвердила. Хайка же Файвишова объявила, что беременною не была и потому приписываемаго ребенка не родила и слѣдствіемъ ничего не обнаружено; при томъ предметъ сей не относится къ дѣлу о смерти мальчика Піотровича и другихъ съ нимъ соединенными. Главный судъ, разсмотрѣвъ сіи дѣла, усматриваетъ, что дѣло объ убійствѣ еврея Копеля Гиршовича Геца истребовано главнымъ судомъ прямо отъ слѣдствія безъ разсмотрѣнія онаго первою инстанціею, собственно только для соображенія при рѣшеніи дѣла объ исколотомъ семилѣтнемъ Іосифѣ Піотровичѣ къ объясненію истиннаго событія сего происшествія обстоятельствами дѣла о Гецѣ, по сцѣпленію оныхъ съ таковымъ происшествіемъ. О смерти еврея Калмана Гринберга или Блюмберга, дѣло хотя было разсматриваемо градскимъ судомъ въ начальномъ онаго составѣ, но послѣ того производилось дополнительное слѣдствіе, обстоятельства коего не разсмотрѣны первою инстанціею, а потому въ настоящемъ положеніи сихъ дѣлъ нынѣ же ревизіи главнаго суда подлежитъ изъ нихъ одно только дѣло объ исколотомъ Піотровичѣ. По сему, входя въ соображеніе обстоятельствъ, значащихся по слѣдственнымъ актамъ относительно сего происшествія, главный судъ полагаетъ: Въ похищеніи малолѣтняго Піотровича и въ умерщвленіи онаго оставить въ сильномъ подозрѣніи евреевъ Гиршу Лейбовича Каца и Лейбу Янкелевича Манделя, съ распространеніемъ надъ ними надзора полиціи гдѣ онѣ жительствовать будутъ, не

подвергая за симъ изъ нихъ Каца дальнѣйшему, Тельшевскимъ градскимъ судомъ опредѣленному, наказанію за разнорѣчивыя его, Каца, показанія, такъ какъ по онымъ онъ оставленъ въ неъясненномъ подозрѣніи. Равнымъ образомъ евреевъ Ореля и Марка Ейзиковичей Каплуновъ, жену послѣдняго, Іоселя Гиршовича, Каца, Хлавка Хаимовича, Файтеля Мовшовича Кацына и Мовшу Лейбовича оставить въ подозрѣніи, что они по какому либо случаю могли быть причастны къ смерти Піотровича, а малолѣтняго Мовшу Абрамовича за неосновательный отзывъ, будто онъ по его объявленію выше сказаннаго, не показывалъ, выдержать подъ стражею при полиціи одну недѣлю. По прочимъ же предметамъ сего дѣла главный судъ опредѣлилъ: 1) еврея Лейбу Мееровича Штейна, у коего Гирша Кацъ жительствовалъ, замѣченъ въ поддержкѣ Каца въ ложныхъ его показаніяхъ, относительно пребыванія его въ то время, когда Піотровичъ объявленъ похищеннымъ. Сверхъ того онъ, Штейнъ, показывалъ, что у него въ день похищенія Піотровича никого не было, какъ напротивъ оказалось и онъ самъ послѣ объявилъ, что въ тотъ день упрочивали у него ленъ три еврея; по показанію же крестьянина Матеуша Доргужа, было въ тотъ же день у Штейна много какихъ то евреевъ: то какъ таковыя несправедливыя показанія Штейна обнаруживаютъ стараніе скрывать истинные случаи въ день похищенія Піотровича бывшіе, для того оставить его, Штейна, въ подозрѣніи, относительно причастности въ преступномъ дѣйствіи умерщвленія Піотровича. 2) Какъ евреи Мовша Даниловичъ и Лейзеръ Мееровичъ не признались и не доказали, первый въ показаніи крестьянкамъ имѣнія Повенденя, Уршулѣ Норковой и Вероникѣ Романовской, что Піотровичъ находится въ живыхъ, тогда какъ онъ

найденъ мертвымъ и что евреи рѣзнутъ христіанскихъ ребятъ,—а послѣдній, что въ 1820 году, призвавъ къ себѣ пейсайнаго Піотровича, коль скоро узналъ, что дядя его дома, тотчасъ отогналъ прочь, для того ихъ, Даниловича и Меерковича, оставить свободными. 3) По всѣмъ ложнымъ и изворотливымъ показаніямъ ключницы Мазухны, относительно упущенія имъ донести по начальству о похищеніи Піотровича, по какому упущенію пресѣчена возможность открыть по горячимъ слѣдамъ истинное событіе о Піотровичѣ и какъ притомъ по показанію впослѣдствіи убитаго еврея Копеля Геца, объявлены на него обстоятельства, ведущія къ заключенію о стачкѣ его съ евреями по сему дѣлу содержавшимся подъ стражею, то оставивъ его, Мазухно, въ сильномъ подозрѣніи относительно умышленнаго сокрытія предъ его начальствомъ случая похищенія Піотровича, за прямое его въ томъ упущеніе по столь важному предмету, согласно мнѣнію праденаго суда, наказать его, Мазухно, при полиціи посредствомъ низшихъ полицейскихъ служителей, сорока пятью ударами плетьми и оставить на прежнемъ жилищѣ, но впредь ни къ какимъ должностямъ его не допускать. 4) О всѣхъ обстоятельствахъ, включенныхъ въ сіе дѣло, относительно предразсудковъ еврейскихъ положеній не дѣлать. Но не приводя сего рѣшенія въ исполненіе въ силу повелѣнія Его Императорскаго Высочества Цесаревича, изъясненнаго въ предложеніи Литовскаго г. военнаго губернатора, отъ 17 декабря 1827 года, представить оное обще съ дѣломъ г. Виленскому и Гродненскому военному губернатору съ донесеніемъ, что по случаю послѣдовавшихъ по дѣлу объ исколотомъ Піотровичѣ Высочайшихъ повелѣній, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 20 августа 1817 года, должно главному суду, по утверж-

денія сего рѣшенія, не приводя онаго въ исполненіе и не объявляя подсудимымъ, донести объ ономъ Правительствующему Сенату и ожидать отъ Сената предписанія.

Подписали: предсѣдатель Иванъ Марциановичъ Жаба, при голосѣ совѣтникъ Яковъ Пожарскій; засѣдатели: Адамъ Даукша, Устинъ Жекерскій, Іосифъ Купецъ, Адамъ де Штрункель; читалъ 18 августа 1831 г. губернскій прокуроръ Доппельмаеръ; скрѣпилъ секретарь Константинъ Чмарковъ. У сего три печати: двѣ изъ нихъ партикулярныя и одна Его Императорскаго Величества, Литовскаго и Виленскаго главнаго суда 1-го департамента.

Противу сего рѣшенія тогда же подалъ голосъ въ 1 департаментъ Виленскаго главнаго суда, совѣтникъ онаго департамента Яковъ Пожарскій, въ заключеніи своемъ полагая: 1) еврея Гиршу Каца и прочихъ, по сему дѣлу замѣшанныхъ, отъ всякаго отвѣтствія и суда освободить, какъ по невинности ихъ, такъ и потому, что оговоренные евреи и самое подозрѣнія падало на нихъ единственно по предмету имѣемой якобы ими надобности въ христіанской крови, да и самыя свидѣтелства производились для отысканія вины имъ въ семъ суевѣрномъ объ нихъ предметѣ, ибо въ улику евреевъ доставлены къ дѣлу опредѣленія бывшихъ польскихъ судовъ и книги о надобности имъ христіанской крови, изъ коихъ въ одной, сочиненной крещенымъ евреемъ Пикульскимъ, кромѣ многихъ весьма дерзкихъ на счетъ христіанской религіи клеветъ (стр. 394, 404 и 447), о коихъ неприлично упоминать, на страницѣ 404 между прочимъ напечатано: «Потомъ раввинъ ткнетъ дитя ножемъ въ другой, лѣвый бокъ, изъ коего я самъ видѣлъ (то есть сочинитель сей книги) вышло съ полкварты крови и дитя умерло». 2) Пред-

ставленныя къ дѣлу книги, кои наполнены ужасными клеветами на счетъ христіанской религіи, почерпнутыми изъ самыхъ грубыхъ предразсудковъ, какъ сумазбродныя и въ обществѣ весьма вредныя, сжечь посредствомъ палача и предать вѣчному забвенію.

Свѣдѣніе къ дѣлу объ умерщвлені и евреями для религіозныхъ цѣлей крестьянскаго мальчика Піотровича.

Какъ видно изъ выписки сего дѣла, что къ производству того дѣла, были представлены разныя опредѣленія суда и книги, изобличающія евреевъ въ этомъ гнусномъ поступкѣ, а потому матеріаловъ для втораго изданія можно было бы много почерпнуть, ежели бы они не были исчезнувшими изъ архива.

Дѣло въ томъ, что во время оно, одно высокопоставленное лицо западнаго края потребовало все дѣло объ умерщвленіи евреями крестьянскаго мальчика Піотровича для разсмотрѣнія и отъ себя передало прокурорскому надзору, а отъ него уже одному Богу извѣстно куда оно дѣвалось; остается предполагать, что оборотистые евреи съумѣли это дѣло припрятать къ рукамъ своимъ за карбованцы чрезъ чиновниковъ.

VIII.

Дѣло Заславское объ урѣзаніи христіанину Козану евреями языка и рѣшеніе о немъ Сената.

Документъ первый:

Заславльскаго протоіерея и благочиннаго Бендеровскаго, его преосвященству по дѣлу объ урѣзанномъ языкѣ, рапортъ, отъ 4 мая, 1833 года.

«Всѣ возраженія, представленныя Заславльскими евреями въ пользу естественнаго урѣзанія у Козана языка въ припадкѣ падучей болѣзни или отъ молочницы, «съ обстоятельствами дѣла не сходны, —яко на языкѣ его» (Козана), какъ пишетъ самъ о. Бендеровскій, «рана впуклая, а не выпуклая, и нѣтъ на ней никакихъ знаковъ отъ зубовъ, да и ему, Козану, уже быть должно около восемнадцати лѣтъ, и все прочее во рту его здорово и кожа въ натуральномъ цвѣтѣ.

«Вслѣдствіе этого о. Бендеровскій заключаетъ, что все это дѣйствительно совершено евреями съ нарочитою цѣлію, для пріобрѣтенія крови христіанской. «Что безъ крови христіанской, продолжаетъ онъ, жиды никакъ обойтись не могутъ,—объ этомъ представилъ

я въ судъ и паки въ сообщеніи изъ печатныхъ книгъ слѣдующее на сей предметъ поясненіе: кровь христіанская для жидовъ особенно важна изъ дѣтей; какъ описывается сіе въ книгѣ подъ заглавіемъ «Zlosé Zydowska», мужскаго пола, и замученныхъ съ обрядами; и потому къ украденному или купленному таковому младенцу приглашается въ свое время раввинъ, или другой какой старшій жидъ, который сперва его ласкаетъ, а послѣ внезапно поражаетъ ножемъ въ мезиній (малый) палецъ такъ, чтобы кровь брызнула сильно, яко по ихъ опытамъ пораженное такимъ образомъ дитя не испугается, и болѣе даетъ крови, нежели испуганное. Затѣмъ тотъ-же раввинъ, привязавши младенца къ кресту, беретъ ножъ въ золото оправленный, нарочито для того содержимый и пробиваетъ онымъ бокъ правый, а другіе жиды держатъ серебряное блюдо подъ ранами, дабы кровь не текла мимо, и произносятъ при семъ сіи слова: «какъ отцы наши замучили христіанскаго Бога, такъ и мы мучіемъ христіанскихъ дѣтей. «Вслѣдъ за симъ поражаетъ раввинъ же ребенка въ бокъ лѣвый, а ежели младенецъ еще не умеръ, то снимаютъ его съ креста и кладутъ въ боченокъ, набитый гвоздями и въ немъ катаютъ до тѣхъ, пока не выдетъ изъ него послѣдняя капля крови. Сіи инструменты хранятъ жиды на вѣчныя времена,—и о семъ боченкѣ талмуда въ книгѣ Гуленъ, такъ написано: «бочка таковая имѣетъ то свойство, что когда хорошо закупорена, то никакого запака изъ оной не бываетъ, и никто не познаетъ, что въ ней находится». Ежели бы дитя въ мукахъ произносило имя Іисуса Христа, то раввинъ бьетъ его по щекамъ и говоритъ: «призывай истиннаго Бога, а не Іисуса». Замучившихъ, бросаютъ тѣло въ навозъ, или воду, или же сожигаютъ, яко жидамъ по правиламъ талмуда погре-

бать христіанъ есть грѣхъ непростительный. Послѣ сего изъ сей крови дѣлается слѣдующее употребленіе: 1) раввинъ дважды въ годъ намазываетъ оною постоянно двери христіанскихъ домовъ, а особенно чиновниковъ и господъ, покровительство которыхъ нужно для жидовъ, вѣря, что симъ средствомъ пріобрѣтаютъ для себя у нихъ благосклонность; 2) послѣ брака даютъ жиды новобрачнымъ прежде всего въ пищу яйцо, наполненное христіанской кровью; 3) когда жидъ женится, то намазываютъ ему сею же кровію они при произношеніи слѣдующихъ словъ: «ежели Мессія обѣщанный Моисеемъ и пророками дѣйствительно уже пришелъ, то кровь невиннаго сего, который въ него вѣровалъ, да спасетъ тебя; 4) въ мацѣ, называемой евикоменъ всегда бываетъ такая кровь, и сія маца въ жидовскихъ синагогахъ виситъ на столбахъ или стѣнахъ цѣлый годъ открыто, изъ предосторожности, дабы, если когда на случай недостанетъ свѣжей христіанской крови, могли заспокоить свои обряды прежнею; 5) кто берется за какой важный промыселъ, тотъ идетъ прежде къ раввину и получаетъ отъ него яйцо съ христіанскою же кровью, закапываетъ подъ христіанскимъ домомъ, и ожидаетъ отъ того удачи; 6) въ праздникъ Пуримъ, то есть на память погубленія Амана, раввинъ разсылаетъ почетнѣйшимъ жидовскимъ фамиліямъ лакомства, окропленныя также христіанскою кровію,—и наконецъ 7) съ этою же христіанскою кровію приготовляются различные матеріалы на разныя чародѣянія и волшебства, о чемъ пространно написано въ книгѣ «Хохмесъ Ныскаберъ», что значитъ тайная мудрость. Впрочемъ не пренебрегаютъ жиды и кровію возмужалыхъ людей, но пріобрѣтаютъ оную и безъ выраженныхъ обрядовъ, для употребленій уже не такъ важныхъ. Кровь же, выпускае-

мая цирюльниками, не годится у нихъ ни для чего, ибо кровь сія нечистая, испорченная и болѣзненная. Таковой изъ дѣтей крови, по показанію раввина Сироджиновича, оставившаго іудейскія богослуженія, нужно для одной только Литвы, въ годъ не менѣе какъ тридцать гарнцевъ, хотя-бы обдѣлять оною семейства и притомъ платками, омоченными въ сей крови; —а если не удастся жидамъ запастись оною на грунтѣ, то въ странахъ варварскихъ. Впрочемъ, я знаю самъ, прибавляетъ о. Бендеровскій, очевидца помѣщика, который въ молодыхъ лѣтахъ, съѣхавшись съ жидомъ въ корчмѣ и думая найти въ его пуздредо чаю, рому или доброй водки, отперъ оное въ отсутствіи жида своими ключами, но вмѣсто того, увидѣлъ въ немъ только великое множество квадратныхъ холстиновъ омоченныхъ въ крови; и отъ многихъ слыхалъ, что довольно крови и одного младенца, чтобы жидъ, торгуя оною, сдѣлалъ для себя состояніе, что также есть великое къ сему безчеловѣчью побужденіе. Въ доказательство всего этого представилъ я еще къ дѣлу въ судъ особо семь декретовъ, по которымъ множество жидовъ казнено за умученіе христіанскихъ дѣтей смертію, сослался на надгробную, существующую и нынѣ, здѣшняго же уѣзда въ Городивщенскомъ кармелитскомъ монастырѣ, надъ подобнымъ мученникомъ надпись и присовокупилъ и два, вообще о злоупотребленіяхъ жидовскихъ, окружныя посланія, изъ которыхъ первое папы Венедикта четырнадцатаго, а другое Кіевскаго и Черниговскаго епископа [1]) Залускаго, каковыя всѣ злоупотребленія производятся жидами и нынѣ и еще въ большей силѣ.

«Но не слѣдуетъ, прибавляетъ отецъ Бендеровскій, проминуть и того, что назначать жида уѣзднымъ докто-

[1]) Р.-католическаго.

ромъ, есть также немалое зло, употребленіе во вредъ христіанству; тѣмъ болѣе, что по смыслу талмуда за то, что врагу (еврею) позволено прописывать лекарства и въ субботу, обязанъ онъ истребить въ благодарность по крайней мѣрѣ десятаго христіанина, да и одиннадцатымъ правиломъ шестаго вселенскаго собора сіе жъ запрещено, гдѣ написано тако: «опрѣсноцы іудейстіи отвержены; призываяй же врача ижъ или мыяйся съ ними отверженъ».—Толкованіе. Ни единаго же нѣсть христіаномъ пріобщенія къ жидамъ. Сего ради убо аще обращается кто, тѣхъ опрѣсноки ядый, или врача ихъ призываяй на цѣльбу себѣ или мыяся съ нимъ въ бани, или инако како присвояся къ нимъ, аще убо есть причетникъ, да извержется; аще ли же мирскій человѣкъ, да отлучится. Нынѣ поминаемый крестьянинъ, замѣчаетъ далѣе отецъ Бандеровскій, отпущенъ по излеченіи на мѣсто своего жительства подъ надзоръ экономіи; а опознанные и подозрѣваемые въ изъясненномъ безчеловѣчіи жиды содержатся въ градской тюрьмѣ; дѣло же начатое предписано изъ губернскаго правленія повѣрить, и продолжать до окончанія при ратманѣ-евреѣ, который уже и для сего прибылъ: а о духовномъ депутатѣ не упомянуто въ томъ предписаніи ни словомъ, безъ чего къ сему дѣлу таковой не будетъ принятъ.

«О чемъ вашему преосвященству, милостивому архипастырю, смиреннѣйше рапортую, заключаетъ о. Бандеровскій. Прилагаю у сего и упомянутое папы Венедикта XIV посланіе, въ печати и три параграфа изъ таковаго жъ посланія епископа Залускаго выписанныя; а семи декреторъ не имѣю съ чего списать, яко таковые къ дѣлу отосланы мною подлинникомъ [1]).

(1) К сожалѣнію, этихъ посланій и декретовъ между нашими документами не сыскалось. *Прим. автора.*

«Съ подлиннымъ вѣрно: депутатъ Заславскій, протоіерей и благочинный Михаилъ Бендеровскій».

Документъ второй

Въ Заславскій земскій судъ—отъ Заславскаго протоіерея и благочиннаго Михаила Бендеровскаго отношеніе, отъ 5 іюня 1833 года.

Такъ, ставши на почвѣ собственнаго убѣжденія, враждебнаго всему іудейству, о. Бендеровскій уже не сходилъ болѣе съ этой почвы,—но чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большею силою подбираетъ доказательства въ пользу своей мысли, стараясь внушить всѣмъ и каждому, что евреи всегда находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ христіанамъ, и употребляютъ кровь христіанскую несомнѣнно, а потому и дѣло объ урѣзанномъ языкѣ имѣетъ тотъ же смыслъ, только еще болѣе неопровержимый и не подлежащій малѣйшему сомнѣнію.

«Къ производящемуся въ Заславскомъ земскомъ судѣ объ урѣзанномъ жидами языкѣ дѣлу, пишетъ о. Бендеровскій, для посрамленія ихъ противъ христіанъ и христіанской религіи злости, долгъ имѣю представить еще слѣдующее о чинимыхъ жидами, по правиламъ талмуда, злоупотребленіяхъ и пакостяхъ. Талмудъ, или наука, есть твореніе и богомерзкое и самое злочестивое. Въ немъ собраны преданія многія отъ сотворенія міра, разсужденія по разнымъ, чрезъ многіе вѣка, случавшимся поводамъ и декреты еврейскихъ учителей, или раввиновъ и наконецъ толкованіе на Ветхій Завѣтъ. Первоначальныя части сего творенія писаны раввиномъ Іудою Симоновымъ сыномъ, и показались въ свѣтъ 150 года по послѣднемъ разореніи

храма Іерусалимскаго. Въ 150 сотъ лѣтъ за симъ-же сей талмудъ исправленъ и умноженъ раввиномъ Іоаномъ и названъ Іерусалимскимъ. А наконецъ 716 года отъ Рождества Христова, и слѣдовательно въ 130 лѣтъ послѣ втораго собранія, въ третій разъ дополненъ раввинами Ассою и Галилеею и дано ими оному таковое значеніе, что жиды больше ему вѣрятъ, нежели самому св. Писанію. Послѣднее сіе дополненіе названо талмудомъ вавилонскимъ. Въ оныхъ книгахъ, сверхъ многихъ другихъ богокульствъ, находятся и слѣдующія: что Богъ предъ созданіемъ міра учился долго сей архитектурѣ и то созидалъ различные міры, то разбиралъ матеріалы, пока наконецъ выстроилъ нынѣшнюю вселенную;—что на тверди небесной, съ полуночной стороны, оставлена нарочно великая дыра, для того дабы, ежелибы кто вздумалъ быть Богомъ, могъ ему Господь сказать: ежели хочешь быть Богомъ, то дѣлай то, что я не кончилъ;—что каждый день Господь Богъ плачетъ о жидовской невалц;—что души переселяются и что душа Каинова послѣ многихъ переселеній наконецъ перешла въ Іисуса, христіанскаго Бога,—а противъ Моисеева закона возраженій, опроверженій и ересей безъ числа. И потому, когда вникли въ тѣ книги христіанскіе учителя, то по декретамъ папъ римскихъ Іоанна XXII, 1319 г., и Климента VIII, 1593 года, сожжено оныхъ въ одной Мантуи около десяти тысячъ, и велѣно сожигать въ цѣломъ свѣтѣ. Но нынѣ талмуды сіи размножены и паки, и читаются безъ всякаго опасенія публично съ присовокупленіемъ и новыхъ еще толкованій. И по симъ-то талмудамъ вотъ какъ жиды поступаютъ съ христіанами и со всѣмъ тѣмъ, что есть для христіанъ священное: а) когда пекутъ хлѣбъ, то должны бросать кусочекъ тѣста въ огонь и говорить:

какъ сей хлѣбъ горитъ, такъ чтобы христіане горѣли въ аду; b) когда увидятъ христіанскій брашъ, то должны сказать: на три дни радости, а на цѣлый вѣкъ плача; c) когда варятъ напитки, яко то: водку, медъ, пиво, то обмываютъ въ ихъ колтуны, и говорятъ: какъ сей колтунъ свитъ крѣпко, такъ чтобы связались около моего напитка христіане; d) ежели что продаютъ въ церковь, или костелъ, то по заповѣди книги Синедріонъ обязаны смѣшать то съ нечистотами, и въ вино льютъ даже урину. Почему, такъ какъ сіе стало быть уже извѣстнымъ, осторожнѣйшіе заставляютъ прежде отвѣдать жида; e) священниковъ и изендзовъ называютъ галахъ, что значитъ плѣшивый и, встрѣчаясь съ ними, должны непремѣнно плюнуть; f) имущество христіанъ обращать въ свою пользу какимъ бы ни было образомъ, яко то: обманами, лихоимствомъ, воровствомъ и насиліемъ, считаютъ они себя въ правѣ, ежели только встрѣтится къ тому случай; g) ежели бы скотина жидовская убила скотину христіанскую, то давать за то христіанину награжденія жиды не обязаны; а ежели бы, напротивъ, скотина принадлежащая христіанину и убила скотину жидовскую, то христіанинъ цѣну оной долженъ возвратить жиду непремѣнно; h) присяга у нихъ въ дѣлахъ съ иновѣрцами важна только та, которая производится на Родалѣ правильномъ, и въ такомъ облаченіи, въ какомъ идутъ въ школу на судный день, называемый «іомъ хипуръ». А «Родалъ» правильный есть Моисеево Пятикнижіе, написанное на большихъ пергаментныхъ листахъ круглымъ почеркомъ, называемымъ «меруладъ», съ такимъ тщаніемъ, чтобы ни одною буквою не было въ немъ ни больше ни меньше. И ежели бы была въ немъ какая подчистка, пятно или наименьшая дырочка, то уже почитается не важнымъ, и на такомъ «Ро-

далѣ» жидъ присягаетъ безцѣнно; каковыя и подставлять обязаны раввины въ дѣлахъ съ христіанами. Впрочемъ и на правильномъ «Рошалѣ», по смыслу книги Сама, могутъ присягать жиды фальшиво въ случаяхъ затруднительныхъ, а особливо когда идетъ дѣло о «жоель сроель», за общую жидовъ пользу; i) когда жиды стоятъ на навозѣ, то значитъ, что они христіанъ проклинаютъ, и тогда говорятъ такъ: «такъ сей навозъ гніетъ, такъ чтобы гнили христіане во вѣки вѣковъ»; k) послѣ молитвъ утреннихъ и вечернихъ должны они прибавлять и слѣдующую: «отними, о Боже, у христіанъ и вѣчную надежду и счастье; пусть они выпьютъ всѣ въ мгновеніе ока; пусть погибнутъ до одинаго враги израильскаго рода. О Боже! пусть они пропадутъ и истребятся какъ можно скорѣе»; l) первая молитва, которую они часто повторяютъ во время праздниковъ пасхи, есть подобнаго же содержанія и именно: «да возмутитъ Богъ мысли и совѣты враговъ нашихъ христіанъ мечемъ войны, голодомъ, моромъ и всякими тяжкими карами. Буди сіе, о Боже нашъ, по молитвамъ нашимъ, буди»; m) на новый годъ, т. е. перваго числа мѣсяца Тышри, трубятъ жиды въ школѣ въ трубу, сдѣланную изъ бараньяго рога семдесятъ и одинъ разъ, выкликая семдесятъ и одну вѣру; n) 9-го числа того мѣсяца раввинъ плюетъ въ школѣ и подскакиваетъ, произнося сіи слова: «такъ сія слюна пропадаетъ, такъ да погибнутъ тѣ вѣчно въ адѣ, которые вѣруютъ въ распятаго, а мы да увидемъ, подскакивая отъ радости, въ небо, и увидимъ нашаго Бога»; o) 10 числа октября мѣсяца раввинъ бросаетъ въ школѣ кусокъ дерева и говоритъ: «отвѣчай до меня дерево! — не отвѣчаешь? Такъ нѣмъ нынѣ и распятый, введшій посредствомъ сатаны въ слѣпой народъ язычество». Затѣмъ бросаютъ тотъ же кусокъ дерева съ произноше-

ніемъ подобныхъ же словъ и другіе жиды; p) 21 числа того же октября, въ день вербный, обивая о стѣны[1]) вербовыя вѣтви, говорятъ, «я обиваю грѣхи мои на христіанъ»; q) мѣсяца Ецеванъ 15 дня въ праздникъ Гимисоферъ, дѣлается счетъ суммъ школьныхъ и въ особенности собранной за христіанскую кровь, на которую каждый жидъ и жидовка отъ тринадцатилѣтняго возраста ежегодно обязаны давать не менѣе какъ по тридцати коп. серебромъ и нанимаются жиды для схваченія заблаговременно предъ мацою христіанскихъ дѣтей, дабы таковыхъ дѣтей для обильнѣйшей и чистѣйшей крови можно было еще отормить; и отнаружливаютъ обыкновенно орѣхами, миндалемъ, изюмомъ и солодковымъ молокомъ около сорока дней;—r) 28-го числа того же мѣсяца должны жиды мучить тѣло Христово; для чего и покупаютъ освященные агнцы отъ служителей костельныхъ, или отъ своихъ служанокъ, что учинить имъ и не трудно, ибо одна римско-католическаго исповѣданія дѣвка, въ одинъ день, приступая въ разныхъ костелахъ къ пріобщенію, собрала для нихъ четыре;— и мучатъ въ домахъ съ поруганіями, какія только могутъ придумать, переодѣваясь и въ священническія облаченія, каковыя и хранятъ до сего праздника; s) и наконецъ, чтобы не распространяться болѣе, 28 числа мѣсяца Сива надругаются также жиды надъ иконою Божіей Матери, бьютъ оную безчеловѣчно и, раздравъ или раздробивъ на куски, сожигаютъ, — и для того ежегодно должны покупать новыя. Зато же и явное посылаетъ на нихъ Господь наказаніе, яко падаетъ въ ледъ съ неба кровь во всѣ ихъ съѣстныя припасы—и напитки четыре раза, и именно: 21 октября въ самый

---

[1]) Школа—молитвенный домъ еврейскій.

найдена, да въ мѣсяцахъ декабрѣ, апрѣля и іюнѣ и называются времена сіи: 1) куфестнере; 2) куфеленьа, 3) куфесенымъ а 4) куфестамесъ; каковая кровь и бываетъ для нихъ такою великою отравою, что едва они, по свидѣтельству талмуда, книги «Медресъ Сирхарирнинъ, пока не взяли сильныхъ противъ него предосторожностей, и не всѣ вымерли, а христіанамъ, какъ изъ безчисленныхъ опытовъ дознано, не вредитъ ни мало. Почему они все такимъ образомъ потреблянное и продаютъ или даромъ отдаютъ вообще христіанамъ. Времена сіи старшинъ жидамъ совершенно извѣстны, и школьникъ и заказываетъ объ нихъ въ предъидущую субботу въ школѣ или же ходя и подъ домами. Кровь сія падаетъ всегда въ трехъ, въ каждый сосудъ, капляхъ и плаваетъ треугольникомъ въ видѣ гвоздей. Чему жиды и не таятся, но объясняютъ сіе таковою, изъ книги «Эпревумъ», исторіею: есть, говорятъ они, на небѣ четыре планеты, а именно: левъ, волъ, оселъ и песъ, которыя такъ живутъ между собою непріязненно, что каждые четверть года ведутъ кровавую войну. Песъ, однакожъ, всегда ихъ превозмогаетъ и для того де кровь течетъ изъ нихъ и на жидовъ. Но для чего жъ минуетъ христіанъ, которые въ здѣшнихъ городахъ съ ними пополамъ переполнены? Нѣтъ! не тая то сему причину, заключаетъ о. Бендеровскій, и извѣстный приговоръ, который они сами на себя предъ Пилатомъ учинили: «кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Сверхъ того, кровь сія до распятія Христа Спасителя на нихъ и не падала. Впрочемъ они еще подчиваютъ христіанъ и лучше, продавая имъ все болѣзненное и трефное, которое, ежели бы не было христіанъ, должны были бы выбрасывать собакамъ. Таковыя замѣчанія мои представляю къ выраженному дѣлу, основанныя на

собственныхъ жидовъ сознаніяхъ и печатныхъ ихъ книгахъ, замѣчанія, стоившія мнѣ не мало трудовъ, прошу покорнѣйше при разсмотрѣніи сего дѣла не оставить безъ вниманія. 1838 года іюня 5 дня. Съ подлиннымъ вѣрно. Депутатъ заславльскій протоіерей Михаилъ Бендеровскій.

Документъ третій.

Въ коммисію объ урѣзанномъ языкѣ депутата той же коммисіи Заславскаго протоіерея Михаила Бендеровскаго докладъ отъ 2 сентября 1838 года.

Такимъ образомъ о. Бендеровскій наконецъ достигъ того; что его сдѣлали депутатомъ столь интересующаго его дѣла, теперь, какъ человѣкъ получившій законное право участвовать въ самой коммисіи по этому дѣлу, онъ спѣшитъ наставить самую эту коммисію, и для этой цѣли собираетъ въ пользу своего мнѣнія новыя доказательства, еще болѣе, по его убѣжденію, обязывающія членовъ оной приводить дѣло къ окончанію, съ надлежащимъ вниманіемъ, «каковаго требуетъ сей толико важный предметъ».

«По поводу производящагося объ урѣзаніи жидами крестьянину Прокопу Козану языка слѣдствія, я, бывъ въ званіи депутата въ разныхъ Заславскаго уѣзда еврейскихъ обществахъ, всегда встрѣчалъ одно и тоже отъ евреевъ возраженіе, что имъ употребленіе въ пищу всякой крови весьма строго запрещено закономъ, яко въ книгѣ Левитъ, гл. XVII, въ ст. 14, написано такъ: «кровь всякія плоти да не снѣсти, яко душа всякія плоти кровь его есть, вся ядый ю потребится», и что въ талмудѣ, въ книгѣ «Рамбамъ» возбранено евреямъ и тотъ хлѣбъ ѣсть, на которомъ бы показалась кровь

отъ зубовъ, не очистивши прежде онаго отъ крови; да что замѣчаетъ въ талмудѣ нѣтъ будто бы ни слова, которое бы относилось по вреду христіанскаго. Противъ сего я представлялъ, по возложенной на меня должности, тѣмъ же обществамъ многія на словахъ опроверженія и приводилъ на то и доказательства; изъ каковыхъ нѣкоторыя, яко потребныя къ дѣлу, излагаю симъ и предъ коммисіею.

«Само по себѣ разумѣется, что о потребности крови христіанской, и даже о другихъ меньшихъ злоумышленіяхъ противъ христіанъ, раввины не могли писать явственно и открыто для всей публики, особливо—находясь не въ своемъ царствѣ и не подъ своимъ скипетромъ, а въ разсѣяніи между христіанами, и что въ такомъ морѣ, каковъ есть талмудъ, т. е. въ тридцатишести книгахъ трудно о семъ что и доискаться, и доискавшись не меньше трудно обнаружить явственно и убѣдительно злость ихъ, яко талмудъ написанъ безъ точекъ, что слѣдовательно, прибавляя тѣ или другія, и смыслъ въ выраженіяхъ измѣнить можно. Притомъ же книга талмуда послѣ обращенія на оныя и на злочестивые поступки евреевъ отъ христіанъ вниманія, переходили неоднократно чрезъ цензуры новѣйшихъ раввиновъ, почему въ новопечатанныхъ явственнѣйшія мѣста и выброшены, а иныя переправлены съ измѣненіемъ слова христіанинъ въ язычника или идолопоклонника, и такимъ образомъ нынѣ и тѣ проклятія обращены на христіанъ, которыя дѣйствительно относились къ (идолопоклонникамъ) язычникамъ, яко евреи христіанъ считаютъ также язычниками. Со всѣмъ тѣмъ и въ новопечатанныхъ книгахъ есть еще на сей предметъ статьи, хотя и хитро написанныя, противъ которыхъ однакожъ евреи не могутъ дать удовлетворительныхъ от-

вѣторъ. Но прежде я долженъ объяснить поводъ, для чего они крадутъ, или покупаютъ христіанскихъ дѣтей. Извѣстно изъ самаго Святаго Писанія, что евреи впадали многократно въ идолопоклонство. — Изъ числа любимыхъ ихъ идоловъ особенно они почитали Молоха, и для того поставили ему огромную статую въ предмѣстьи іерусалимскомъ къ востоку. Статуя сей была вылита изъ желтой мѣди, имѣла голову воловью, а остальное туловище человѣческое, въ срединѣ пустое, съ руками на разныхъ пружинахъ протянутыми къ принятію жертвъ; и сему-то идолу евреи и аммонитяне, раскаливши его прежде до красна, подавали на снѣдь дѣтей, который и принимавъ ихъ самъ, душилъ прежде и немъ, а послѣ пожиралъ; жрецы же ужаснымъ звукомъ трубъ и барабановъ заглушали тѣхъ несчастныхъ дѣтей вопли. Но поелику идола сего праздниковъ были четыре и дѣтей онъ требовалъ много, то евреи, не могши доставлять столько ему отъ своего племени жертвъ, или жалѣя своихъ дѣтей, пошлись въ необходимости покупать или красть для него чужихъ [1]). Долина, на которой стоялъ сей идолъ, называлась по еврейски Іаеетъ и Геенномъ, что значитъ барабанный бой и раскаяніе, откуда и слово Геенна, по свидѣтельству святаго Іеронима, вошло въ Святое Писаніе. И поелику евреи Молоха и отнятаго ими по выходѣ изъ Египта въ пустыни Аписа-вола почитаютъ цѣлыми сектами весьма много и доселѣ, и хранятъ въ уменьшенномъ видѣ и ихъ кумиры: то и о ихъ жертвахъ таковыхъ же, какія

[1]) Псал. CV, 36, 37 и 38. «Смѣсишася во языцѣхъ, и навыкоша дѣломъ ихъ и поработаша истуканамъ ихъ и бысть имъ въ соблазнъ. И пожраша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ, и проліяша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и дщерей, яже пожраша истуканомъ ханаанскимъ и уплена бысть земля ихъ кровью». Примѣч. о. Вендеровскаго.

принесли имъ простыя, должны они и нынѣ стараться. Яснѣя о семъ, а равно и о сидонскомъ идолѣ Астартѣ, которому евреи также поклонялись, и нынѣ въ нѣкоторыхъ сектахъ поклоняются, написано въ ихъ книгѣ «Малахимъ» отъ главы одиннадцатой. Сектъ же или толковъ у нихъ нынѣ очень много, а главнѣйшія суть слѣдующія: 1) талмудистовъ; 2) хутистовъ; 3) фарисеевъ; 4) саддукеевъ; 5) ессеевъ; 6) иродіанъ; 7) галилеевъ; 8) самарянъ; 9) назареевъ; 10) караимовъ; 11) рехавитовъ и 12) сабеацинниковъ, — между которыми различіе весьма значительно. Вторая важнѣйшая сему причина описана въ ихъ книгѣ «Зыхволевъ» въ главѣ третьей, а именно: около ста лѣтъ по страданіи и смерти Христа Спасителя, когда значительно распространившись уже, христіане начали истреблять весьма жидовъ и чинить имъ разныя преслѣдованія, то Равана, раввинъ Іерусалимскій, наисторѣйшій талмудистъ, далъ евреямъ совѣтъ, чтобы они для смягченія тогдашней христіанской противъ нихъ ненависти искали симпатическаго однороднаго лекарства; а когда его никто не понялъ, то далѣе изъ книги «Гитенъ» приводитъ онъ слѣдующую исторію: «когда убитъ пророками между церковью и алтаремъ пророкъ Захарія сынъ Вараxіана, то кровь праведнаго сего мужа кипѣла на томъ самомъ мѣстѣ чрезъ цѣлыя сорокъ лѣтъ и не могла ни остынуть, ни быть вычищена дотолѣ, пока послѣдній въ наказаніе имъ за грѣхи ихъ, князь Навузарданъ, за отмщеніе за смерть сего пророка, не убилъ на томъ же мѣстѣ нѣкотораго числа еврейскихъ дѣтей. Слѣдовательно и противъ ненависти христіанъ надлежитъ употреблять однородное симпатическое лекарство»; что евреи уже и поняли и преслѣдованіе свое обратили противъ христіанъ во всей силѣ и особливо, что врожденная

въ нихъ противъ христіанской религіи ненависть сильно ихъ къ тому побуждала. Вотъ-же и мѣсто изъ талмуда о подробности крови христіанской и о другихъ насиліяхъ, чинимыхъ жидами христіанамъ: a) Книга «Аврехсимъ», въ параграфѣ 455, велѣно не выливать воды приготовленной на мацу, ежели бы въ оную кровь попала. Здѣсь говорится именно о той крови, которая падаетъ на жидовъ въ годъ четыре раза, и которая однакожъ, какъ изъ опытовъ доѣнано, въ сіе время имъ не вредна. b) Въ той же книгѣ, въ параграфѣ 460 написано: запрещается мацу (мицве, т. е. заповѣдную) мѣсить и пекти при чужихъ, глухихъ, малолѣтнихъ и глупыхъ, гдѣ подъ заповѣдною разумѣется не иная, какъ только та, которая съ кровію христіанскою, ибо не заповѣдную дозволяется приготовлять при всякомъ и всякому; и чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше, дабы не опися. c) Въ той же книгѣ, въ параграфѣ 412 сказано: внушать старайся къ пасхѣ красное вино, ибо употребленіе онаго выходитъ уже изъ обыкновенія, потому что бываютъ напасти. Но и къ тебѣ моргаю (т. е. говорю) не о винѣ. Сверхъ сего употреблено въ семъ текстѣ и слова «удымъ» — красный, съ намѣреніемъ, дабы изъ него читающіе сдѣлали эдымъ, что значитъ христіанскій и удобнѣе догадались, что здѣсь идетъ дѣло о винѣ христіанскомъ или о христіанской крови; и догадаться имъ уже весьма легко, ибо «удымъ» и «эдымъ» пишутся на еврейскомъ языкѣ одними и тѣми же буквами, и прибавкою только къ первоначальной буквѣ той или другой точки дается сему слову то или другое значеніе, каковыхъ точекъ здѣсь и не поставлено, и слѣдовательно разумѣй читатель, что хочешь. И хотя раввины предъ христіанами утверждаютъ и пишутъ, что здѣсь говорится точно о винѣ, и что сіе дѣлается на память той

кровь, которую фараонъ пролилъ изъ невинныхъ дѣтей, приказавъ бабамъ еврейскимъ истреблять полъ мужской; но для чего жъ здѣсь секреты, для чего — мерзаю, для чего опасеніе напасти, когда за вино имъ никто не говорилъ и не говоритъ ни слова? А сверхъ сего, еврейскія бабы, какъ свидѣтельствуетъ Святое писаніе, дѣтей не истребляли. d) Въ книгѣ «Месехте-Кеубесъ», на страницѣ 60, выражено, что кровь тѣхъ, что ходятъ на двухъ ногахъ, чиста. Чія же эта кровь? разумѣется, что человѣческая, христіанская, ибо по приведенному напереди тексту изъ Ветхаго Завѣта, кровь нечиста всякія плоти, а слѣдовательно и птицъ. e) Книга «Рамбамъ» похваляетъ мудрость раввина Іуды, который отдѣливъ первыя буквы отъ десяти казней египетскихъ и разложивъ, оныя на три разряда, изобразилъ, за пособіемъ присовокупленныхъ къ онымъ знаковъ для мудрыхъ только, тайну христіанской крови; и хотя евреи утверждаютъ, что онъ учинилъ то для обнаруженія только памяти, т. е. чтобы тѣ казни припоминать удобнѣе, но въ самомъ дѣлѣ оныя, нынѣ такъ расположенныя буквы, заключаютъ вотъ что: «мудрые, разумѣю, поступили съ извѣстнымъ въ Іерусалимѣ; кровь такая весьма надобна». Таковыхъ двусмысленныхъ и таинственныхъ мѣстъ еще не малое число. Но приступимъ къ новѣйшимъ. f) Въ той же книгѣ «Рамбамъ», во второй части, глава 6 значится такъ: «одна кровь человѣческая, когда есть намъ позволена, а другая всякая возбранена». Противъ чего, яко здѣсь написано просто, уже не знаю, какой жиды могутъ дать изворотъ. g) Книга «Авойде-Зуре», въ главѣ второй пророчествуетъ, что до толѣ не прійдетъ Мессія, пока изъ сокровищъ небесныхъ не выйдутъ всѣ души». А сочинитель талмуда по сему предмету спрашиваетъ: «чтожъ это значитъ, всѣ души — и языче-

сія и христіанскія? «Нѣтъ, отвѣчаетъ отъ же, такая душа есть тоже, что душа собакъ, ибо и преступленіе убить христіанина». h) Въ книгѣ «Синегедріонъ», въ главѣ 7-й тамъ узаконено: ежели христіанинъ убилъ христіанина, или жидъ жида, то убійца долженъ быть наказанъ смертію; но «ежели бы жидъ убилъ христіанина, то судить его не слѣдуетъ». i) Въ той же книгѣ и въ главѣ напечатанъ слѣдующій законъ: «ежели бы который христіанинъ учился талмудуили Святому Писанію, то надлежитъ его истребить». k) Въ книгѣ «Мессіасъ», въ главѣ 71 изображено: «ежели бы кто утверждалъ, что уже Мессія пришелъ, то того должно убить». l) Въ книгѣ «Буллина» одобряется давній обычай убивать тѣхъ христіанъ, которые бы пришли въ Іерусалимъ, какъ недостойныхъ посѣщать святыя мѣста, назначенныя отъ Бога только для однихъ жидовъ. m) Книга «Синегедріонъ» велитъ называть всѣхъ тѣхъ, которые вѣрятъ, что Богъ надъ на себя плоть человѣческую «еллейресъ», т. е. прокляты, чинить противъ такихъ и фальшивыя свидѣтельства, и истреблять ихъ при всякихъ случаяхъ. И наконецъ n) книга «Хакмесъ Нысторъ» почти вся написана противъ христіанъ. Но сей книги достать трудно, ибо она и даже самихъ жидовъ весьма секретна, и дозволяется читать ея только мудрымъ. И тамъ, вотъ у жидовъ какая правда, и какіе они для христіанъ пріятели! О чемъ представляя на усмотрѣніе комиссіи, и сообщая вмѣстѣ съ симъ къ дѣлу еще одну, о замученномъ жидами христіанскомъ ребенкѣ, на польскомъ языкѣ исторію и латинскую надъ нимъ же надгробную въ вѣрной съ печатнаго копію надпись, и прошу непоротемъ дѣло не вѣрить и дѣло приводить къ окончанію, отъ нельзя нашимъ, какого требуетъ сей весьма важный предметъ, вниманіемъ. Съ подлиннымъ вѣрно: допустить. За

славскій протоіерей и благочинный Михаилъ Бендеровскій».

Документъ четвертый.

Въ коммисію объ урѣзанномъ крестьянину Прокопу Козану языкѣ, депутата той же коммисіи протоіерея Михаила Бендеровскаго докладъ, отъ 9-го октября 1833 года.

Здѣсь о. Бендеровскимъ собраны новыя и, должно быть, послѣднія доказательства въ пользу защищаемой имъ идеи, во имя которой онъ требуетъ у коммисіи суда строгаго и нелицемѣрнаго, изъ опасенія въ противномъ случаѣ отвѣчать предъ Судьею, «который судить будетъ и тайныя человѣковъ».

«Къ обнаруженію злости жидовской противъ христіанъ долгъ имѣю еще представить оной коммисіи, что жиды приносили идоламъ въ жертву и собственную свою кровь, какъ свидѣтельствуетъ о семъ пророкъ Давидъ въ 105, а въ еврейской псалтири, яко евреи первый псаломъ считаютъ только за предисловіе, въ 106 псалмѣ, гдѣ написано о евреяхъ тако: «смѣсишися во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ, и поработаша истуканнымъ ихъ, и бысть имъ въ соблазнъ, и пожраша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ, и проліяша кровь невинную, кровь сыновъ своихъ и дщерей, яже пожраша истуканнымъ ханаанскимъ, и упіена бысть земля ихъ кровми, и осквернися въ дѣлахъ ихъ». И хотя евреи говорятъ, что они теперь идоламъ не кланяются, идолопоклонническаго ничего уже не имѣютъ, и обрядовъ идольскихъ не соблюдаютъ; но какія же это у нихъ на стѣнахъ въ школахъ и по цѣлымъ кладбищамъ на надгробныхъ памятникахъ, каррикатуры, ежели не идолы и не украшенія идольскихъ капищъ.

Нѣтъ! не скоро сосудъ тотъ запахъ потеряетъ, которымъ однажды наполненъ. И слѣдовательно, когда они не щадили приносить на жертвуидоламъ и собственныхъ своихъ дѣтей, то уже, конечно, христіанскихъ не жалѣютъ.—Впрочемъ проливаютъ они еще кровь христіанскую и по обѣтамъ, и по ненависти къ христіанской религіи, и для собственнаго употребленія, и для чародѣяній, и другихъ многихъ причинъ. На что слѣдующія привожу доказательства: одинъ жидъ въ тяжкой болѣзни учинилъ обѣтъ, ежели только выздоровѣетъ, убить восемь христіанъ, и когда по выздоровленіи началъ таковой обѣтъ приводить въ исполненіе, то, будуч и пойманъ, сознался предъ судомъ во всемъ безчеловѣчіи. b) Кранзій въ твореніяхъ своихъ въ книгѣ 7, въ гл. 40, жалуется на жестокій поступокъ жидовъ, распявшихъ на крестѣ въ богемскомъ городѣ Прагѣ 1289 года, въ сокрытомъ мѣстѣ, бѣдняка со всѣми поруганіями, какія были выполнены надъ Христомъ Спасителемъ. c) Дубровскій, въ книгѣ 18-й, приводитъ подобное же происшествіе, учиненное жидами въ день великаго пятка въ томъ-же городѣ 1305 года, пригвожденіемъ ко кресту другаго человѣка, въ царствованіе короля Вацлава IV. d) Іоанникій Галятовскій, ректоръ бывшаго кіевскаго коллегіума, въ книгѣ «Истинный Мессія» изъясняетъ, что жиды въ опрѣснокахъ своихъ кровь христіанскую употребляютъ для того, дабы освободиться отъ смрада, который они обыкновенно издаютъ отъ себя; что въ городѣ Тридентѣ въ этомъ сознались на допросахъ жиды Самуилъ, Товія и другіе. Наиотвратительнѣе же смердятъ происходящіе отъ колѣна Веніаминова въ наказаніе за то, что предки ихъ заставляли Христа Спасителя пить оцетъ, смѣшанный съ желчью. e) Въ книгѣ: «Утвержденіе вѣры» сильно доказывается, что жиды

многихъ христіанскихъ дѣтей замучили на чародѣянія и на діавольскія приманки. f) Одорикъ Райнальдъ, описывая 1028 годъ, обращаетъ вниманіе читателей на звѣрскіе поступки жидовъ въ Испаніи надъ христіанскимъ ребенкомъ, котораго они, измучивши прежде почти до смерти, прибили наконецъ руки и ноги его гвоздями къ стѣнѣ и копіемъ въ бокъ докололи. g) Въ книгѣ: «Зерцало короны Польской» изображено, что 1574 г. въ Литовскомъ мѣстечкѣ Пуня, жидъ Іоаимъ Смерловичъ, подговоренный отъ другихъ литовскихъ жидовъ, вскочилъ въ домъ вдовы въ отсутствіе ея изъ онаго, схватилъ семилѣтнюю дочь ея Елизавету и разрѣзавъ заразъ шею, выпустилъ кровь ея въ сосудъ. h) Александръ Гвагнинъ, описывая русскую землю, воспоминаетъ, что епископства Луцкаго въ селѣ Возникахъ найдено 1598 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ христіанское дитя, тиранскимъ образомъ раввинами исколотое. i) Въ книгѣ: «Театръ жизни» помѣщено также описаніе одного замученнаго 1172 года Блезенскими жидами и брошеннаго въ рѣку Лигеру младенца. k) Еще въ городѣ Тридентѣ судомъ открыто, что жиды ночью въ своей синагогѣ, распявши ребенка Симеона двухъ съ половиною лѣтъ на Алмоморѣ, гдѣ поются псалмы, рѣзали его ножницами, и кололи отъ ногъ до головы иглами, пока не источили изъ него всей крови въ широкое блюдо. l) И наконецъ Симонъ Сыреній въ исторіи своей въ одной статьѣ повѣствуетъ со всѣми подробностями о шести младенцахъ, замученныхъ евреями. А нынѣ доходятъ свѣдѣнія, что подобныя же происшествія открыты въ настоящемъ году во многихъ мѣстахъ Россіи. Сколько несравненно еще болѣе должно быть смертоубійствъ потаенныхъ, ибо таковые поступки дѣлаются подъ глубокимъ секретомъ. И сей жестокости, ежели жиды останутся и далѣе въ

такой же степени просвѣщенія, въ какой стоятъ нынѣ, и конца предвидѣть не можно. Почему представляя въ коммисію сіи, собранные мною столь поразительные и никакому сомнѣнію не подлежащіе, доводы въ томъ, что жиды крови христіанской всегда жаждутъ и жажды сей утолить не могутъ, чиню вмѣстѣ съ симъ и напоминаніе, что кровь сія, разливаемая неповинно, вопіетъ на небо, и что неминуемо потребуетъ отчетъ за оную тотъ Судія, который судитъ будетъ и тайныя человѣковъ».

Документъ пятый.

Послѣ этого не прошло мѣсяца, какъ дѣло объ урѣзанномъ языкѣ было приведено къ окончанію и, какъ писалъ о. Бендеровскій въ новомъ рапортѣ къ преосвященному отъ 29 ноября того же 1833 года, «представлено изъ коммисіи на разсмотрѣніе господина Волынскаго гражданскаго губернатора». «А изъ онаго, какъ продолжаетъ онъ далѣе, значитъ: сказанный крестьянинъ имѣетъ жену изъ села Ворковецъ, состоящаго отъ Бѣлокирпичья въ десяти верстахъ, и когда приближалось ей первое время родива, то мать ея, знающая и повивальное искусство, взяла ее для присмотра за нею въ свой домъ. Затѣмъ узнавъ онъ, Козанъ, что она уже родила, пошелъ къ ней пѣшкомъ; и когда дошелъ до перекрестныхъ дорогъ, лежащихъ какъ бы на половинѣ пути, то три жида, ѣхавшіе бричкою, въ четыре лошади упряженною, изъ которыхъ три было гнѣдыхъ, а четвертая бѣлая, остановили его — и изъ нихъ Ицко Лейбовичъ Малахъ, онъ же Рутсельдъ, слѣзши съ брички разговаривалъ съ нимъ чрезъ немалое время, разспрашивая то о перекрестныхъ, куда идутъ, дорогахъ, то о селахъ, которыя оттуда въ отдаленности видно, то объ немъ самомъ, пока не обозрѣлъ

всѣхъ сторонъ и не увѣрился, что происшествію тому, къ которому готовился, не будетъ никакого свидѣтеля. Что далѣе за симъ послѣдовало, извѣстно изъ прежняго моего донесенія. Жидъ въ то время былъ одѣтъ въ нагольный кожухъ русскаго мужичьяго покроя, съ круглыми какъ пули мѣдными пуговицами, каковыхъ кожуховъ и пуговицъ въ здѣшнихъ сторонахъ и не видно; и сверхъ того имѣлъ физіономію такую необыкновенную, что подобнаго жида и увидѣть не можно. И потому онъ, Козанъ, какъ при даваемомъ ему духовномъ увѣщаніи о сознаніи истины, такъ и при всякихъ другихъ случаяхъ твердо увѣрялъ, что его не только по лицу и одѣянію, но даже и за дверьми по рѣчи познаетъ совершенно; да и что узнать и остальныхъ двухъ жидовъ надѣется онъ также. Почему заславскій городничій, собравъ Заславскихъ фурмановъ съ ихъ повозками и лошадьми и представлялъ ему, Козану, для опознанія между ими преступниковъ; но Козанъ, обойдя ихъ три раза, сказалъ, что между ними, причинившихъ ему насиліе—нѣтъ. А когда послѣ того отыскали еще трехъ жидовъ, показанныхъ ему, городничему, по списку жидовскихъ обществъ, но къ осмотру неявившихся, хотя и были въ городѣ, то Прозоръ Козанъ и указалъ заразъ изъ нихъ на предномянутаго Ицка Малала, утверждая, что это есть тотъ самый, который ему урѣзалъ языкъ, а на другаго, Шаію Хаскеліевича Шоника что сей запредъ сзади, нечаянно сломавъ его и при дѣйствіи происшествіи держалъ за руки; а третьемъ-же, Шаіомѣ Шмуліевичѣ сказалъ, что сей похожъ только на третьяго изъ тѣхъ жидовъ, которые его мучили, но чтобы онъ дѣйствительно тотъ самый, въ томъ твердо увѣрить не можетъ, когда же и одѣяніе сихъ опознанныхъ жидовъ было принесено, и они были одѣты въ платовое, то съ того времени началъ еще сильнѣе изо-

бличать Ицка Малаха, увѣряя, что и кожухъ на немъ тотъ самый, въ которомъ онъ его мучилъ, и пуговицы на кожухѣ тѣже, которыя и тогда онъ видѣлъ, и въ такомъ увѣреніи остался постояннымъ и до окончанія дѣла, хотя жиды и неоднократно его соблазняли и требовали отъ коммисіи новыхъ отъ него въ показаніи ихъ передопросовъ. Впрочемъ и бричку таковую и лошадей, и трехъ на оной жидовъ заразъ по происшествіи видѣли въ недалекомъ оттуда разстояніи и свидѣтели жидовъ однакожъ такъ, чтобы могли познать ихъ, не разсмотрѣли. Да и лечившій его, Козана, квартирующій въ городѣ Заславѣ, Украинскаго пѣхотнаго полка штаблекарь Погорѣльскій, въ свидѣтельствѣ своемъ написалъ, что онъ, Козанъ, тѣлосложенія здороваго, знаковъ болѣзненныхъ на тѣлѣ его нѣтъ и на языкѣ никакихъ углубленій, или какъ бы выемокъ, могущихъ иногда произойти отъ сильнаго ущемленія или давленія зубами, не оказалось, а напротивъ того, найдены на немъ знаки насилія, и именно: верхняя кожица общихъ покрововъ на шеѣ его была содрана, и на хребтѣ носовыхъ костей по обѣимъ сторонамъ находились оцарапанья; къ тому же и рана его при леченіи оказалась принадлежащею къ роду таковыхъ ранъ, которыя сдѣланы орудіемъ, и что, какъ онъ полагаетъ, языкъ ему, Козану, урѣзанъ острыми ножницами. Сверхъ сего и на слѣдствіи многими присяжными свидѣтелями подтверждено, что онъ, Козанъ, не только падучей, но и никакихъ болѣзней, кромѣ однажды лихорадки и то въ младенчествѣ еще, никогда не имѣлъ. Со всѣмъ тѣмъ, выраженные жиды чинили и чинятъ въ семъ преступленіи запирательство,—и какъ на очныхъ съ Козаномъ ставкахъ, такъ и при дачѣ Заславльскимъ раввиномъ духовнаго увѣщанія—не повинились, и даже нашли еврейское общество

и тоже двухъ между христіанскими свидѣтелями, что показали, яко Ицко Малахъ безвыходно былъ, во время случившагося съ Проколомъ Козаномъ происшествія, дома. А на другихъ жидовъ, онъ, Козанъ, хотя таковые были представляемы ему въ городѣ Заславѣ и въ мѣстечкахъ Судилкахъ и Шепетовкѣ цѣлыми обществами, не учинилъ никакого зазрѣнія, и даже не охотно ихъ и осматривалъ, увѣряя что мучилъ его точно Ицко Малахъ, и что сей долженъ показать и своихъ сообщниковъ. Болѣе же умилъ и доказательствъ комиссія, при всѣхъ стараніяхъ своихъ, не открыла,— и раввины на данныя имъ о семъ предложенія ничего не объяснили, хотя и должны быть имъ виновные въ семъ злодѣяніи совершенно извѣстны, ибо когда въ поданныхъ отъ меня въ комиссію бумагахъ столь не оспоримымъ образомъ доказано, что жиды не могутъ обойтись безъ христіанской крови, то знаютъ они и тѣхъ злодѣевъ, отъ которыхъ получили таковую для заспокоенія настоящаго года своихъ обрядовъ. Впрочемъ, заключаетъ о. Бендеровскій, производство дѣла сего соединено и съ тою пользою, что жиды на подобные поступки, по крайней мѣрѣ въ Заславльскомъ уѣздѣ, отважутся уже не скоро. О чемъ вашему преосвященству, милостивѣйшему архипастырю всесмиреннѣйше рапортую, нижайше докладываю, что изъ тѣхъ трехъ жидовъ Ицко Малахъ содержится и нынѣ въ городской тюрьмѣ, а Шаія Хескеліовичъ Шопникъ и Шліома Шмуліовичъ приняты заславскимъ еврейскимъ обществомъ на поруку».

Рѣшеніе Правительствующаго Сената.

Волынской губерніи, въ Заславльскомъ уѣздѣ, случай въ 1833 г. Крестьянинъ Грохольскаго прихода, Про-

вешь Козанъ, явился 20 марта въ Экономическое правленіе и объявилъ знаками, что на пути въ деревню Волшевицы нападали на него три жида и отрѣзали ему языкъ. Когда рана подсохла, то онъ разсказалъ слѣдующее: «Я былъ настигнутъ евреями, когда переходилъ лѣсъ, на перекресткѣ между деревнями Городищемъ и Серединцемъ. Поровнявшись со мною, съ начала подошелъ ко мнѣ одинъ еврей и разговаривая, шелъ рядомъ; потомъ присоединился къ нимъ другой, а наконецъ и третій; я ничего не подозрѣвая безпечно отвѣчалъ на вопросы ихъ, какъ вдругъ одинъ, отставъ немного, схватилъ меня сзади и повалилъ, другіе бросились и начали давить грудь и душить за горло такъ сильно, что я пришелъ въ безпамятство и вѣроятно высунулъ языкъ. Приходя отъ боли въ сознаніе, я увидѣлъ себя поставленнымъ на колѣни съ наклоненной головой. Одинъ еврей поддерживалъ мою голову, а другой подставлялъ подъ ротъ чашку, въ которую кровь сильно лилась.

Въ такомъ положеніи, безпрестанно подталкивая меня въ бока и затылокъ, вѣроятно для усиленія кровотеченія, держали они меня до тѣхъ поръ, пока чашка не наполнилась кровью больше чѣмъ до половины, тогда взявъ миску съ кровью и отнявъ у меня 12 руб. сер., найденные мною на ярмаркѣ, сѣли они въ свою бричку и уѣхали. Это случилось около полудня. Отъ истеченія крови я обмеръ, а когда пришелъ въ себя, то солнце было уже низко. Евреи ѣхали въ бричкѣ, запряженной тремя лошадьми гнѣдыми и одной бѣлой. Заславльскій городничій собралъ немедленно всѣхъ богатыхъ евреевъ-извощиковъ; поставилъ ихъ въ два ряда и призвавъ Козана, приказалъ ему узнавать между ними преступниковъ. Козанъ три раза прошелъ по рядамъ и, не могши еще говорить, показалъ знаками,

что здѣсь ихъ нѣтъ. По списку городничаго оказалось, что въ числѣ ихъ не достаетъ еще трехъ извощиковъ, именно: Ицки Малаха, Шаія Шоммина и Шліемы Калія — ихъ призвали, поставили въ ряды и снова позвали оскорбленнаго уже Косвина. Едва онъ подошелъ, какъ тотчасъ же указалъ на Ицку Малаха, стараясь всячески дать знать, что это тотъ самый, который отрѣзалъ ему языкъ; въ Шоммиѣ онъ узналъ того, который его держалъ; въ Калій нашелъ сообщника третьимъ участникомъ преступленія, но утверждая одинаково положительно, что это онъ. Косвинъ твердо стоялъ въ своемъ показаніи, даже послѣ духовнаго увѣщанія.

Евреи запирались, Малахъ увѣрялъ, что онъ уже 10 дней какъ не выѣзжалъ изъ города; Шоммиръ, что онъ ѣздилъ и воротился именно 20 числа, съ евреемъ, рѣзникомъ, и на одной лошади; Калій, что также былъ въ это время въ городѣ. Каждый предоставилъ свидѣтелей.

Показаніе Калія, по видимому, подтвердилось; слова Шоммира отчасти также, но съ нѣкоторымъ разноречіемъ относительно времени; изъ свидѣтелей же, предъявленныхъ Малахомъ, двое евреевъ, и въ томъ числѣ хозяинъ его, Гирштель, вовсе отъ свидѣтельства отказались; а подтвердили показаніе его только одинъ еврей, одна еврейка, дворникъ и отецъ его, рядовой инвалидной команды, человѣкъ наказанный за дурное поведеніе шпицрутенами и переведенный въ инвалиды, а сверхъ того находившійся караульнымъ при Малахѣ.

Между тѣмъ были разспрашиваемы жители селеній, сосѣднихъ съ мѣстомъ, гдѣ случилось происшествіе. Изъ нихъ многіе показали, что видѣли въ этотъ день трехъ евреевъ, но куда они ѣхали — не знаютъ; равно не помнятъ ни масти, ни числа ихъ лошадей; трое по-

казали, что дѣйствительно проѣзжали евреи на подобныхъ лошадяхъ, но не замѣтили сколько человѣкъ и куда поѣхали; одинъ объявилъ, что онъ видѣлъ именно трехъ евреевъ, проѣзжавшихъ черезъ село Городище, на трехъ гнѣдыхъ лошадяхъ и одной бѣлой, а Заславльскій полицейскій чиновникъ положительно удостовѣрялъ, что только еврей Малахъ выѣзжалъ изъ города на 3-хъ лошадяхъ гнѣдыхъ и одной бѣлой и что въ это время ни брички, ни лошадей такихъ ни у кого не было изъ Заславльскихъ евреевъ.

Врачебная управа, свидѣтельствовавшая Кохана, нашла, что языкъ отрѣзанъ дѣйствительно острымъ орудіемъ, но что это сдѣлано было насильственно, Управа признала невозможнымъ.

По невозможности доказать положительно, Уголовная палата рѣшила оставить евреевъ свободными.

Губернаторъ далъ мнѣніе, что онъ считаетъ еврея Малаха уличеннымъ и полагаетъ сослать его въ Сибирь.

Шопника оставить въ подозрѣніи и перевести на жительство въ другой городъ.

Калія подвергнуть полицейскому надзору на мѣстѣ.

Правительствующій Сенатъ, основываясь на заявленіи врачебной управы, и на показаніи евреевъ, что они были во время происшествія дома, по недостатку законныхъ уликъ, дѣло оставилъ безъ послѣдствій, и жиды были освобождены отъ всякаго наказанія.

Изъ письма Протоіерея Іакинфа Кочетова.

(Изъ библіотеки Петра Ивановича Бартенева, издателя «Русскаго Архива»).

Около 1820 г., по мѣсту жительства моего на Сѣнной, однажды бывши въ Обуховской банѣ, слышалъ я разговоръ бывшихъ тамъ неизвѣстныхъ мнѣ людей,

что сейчасъ въ женской банѣ была большая суматоха; у одной женщины украли ребенка, котораго она вымывши вынесла въ передбанникъ и посадивъ на лавку, попросила одѣвавшуюся подлѣ него женщину посмотрѣть за нимъ, пока сама она окатится въ банѣ, но вышедши изъ бани, она не нашла въ передбанникѣ ни своего ребенка, ни женщины, которой она поручила посмотрѣть за нимъ. На разспросы матери о своемъ ребенкѣ, другія женщины говорили, что на лавкѣ, на которой она ищетъ своего ребенка, одѣвались двѣ жидовки, которыя сейчасъ вышли изъ бани и унесли ребенка. Мать поспѣшно одѣлась выбѣжала изъ бани, но ни ребенка, ни евреекъ — она уже не нашла. Этотъ же разговоръ слышалъ я и въ передбанникѣ, когда тамъ одѣвался. Объ этомъ же толковали женщины, которыя шли позади меня изъ бани. Слухъ объ этомъ долго носился по Сѣнной. Года черезъ два опять пронеслась молва о пропажѣ ребенка на Сѣнной. Было ли это новое событіе или только старый слухъ, почему либо возобновленный въ народной молвѣ. — Жиды тогда жили на Сѣнной и имѣли синагогу противъ церкви и проч.

IX.

Дѣло Саратовское объ убійствѣ евреями двухъ мальчиковъ.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ. Въ декабрѣ 1852 г, саратовскій цеховой Еммъ Шерстобитовъ подалъ въ управленіе Саратовской городской полиціи объявленіе, что сынъ его Ѳедоръ, 10 лѣтъ отъ роду, отправясь утромъ въ школу, домой уже не возвращался. По розыскамъ, произведеннымъ постепенно во всѣхъ 4-хъ частяхъ г. Саратова, какъ видно изъ отмѣтокъ частныхъ приставовъ на объявленіи, мальчикъ Шерстобитовъ въ Саратовѣ не отысканъ.

Въ январѣ 1853 г., Пензенской губерніи, города Керенска, пригородной слободы государственный крестьянинъ Михаилъ Масловъ, въ 3-й полицейской части г. Саратова письменно объявилъ, что сынъ его Михаилъ, 11 лѣтъ, пропалъ неизвѣстно куда, и, несмотря на всѣ принятыя имъ мѣры, нигдѣ не отысканъ, почему описавши примѣты пропавшаго, проситъ 3-ю часть о произведеніи розыска. По словесному объявленію крестьянина Маслова, послѣдовавшему въ томъ же мѣсяцѣ, Саратовскій старшій полиціймейстеръ Вест-

манъ, собравъ 28 января всѣхъ полицейскихъ надзирателей и ихъ помощниковъ, разспрашивалъ въ присутствіи ихъ приведеннаго Масловымъ мѣщанскаго сына Степана Канина, при которомъ уведенъ былъ съ улицы пропавшій сынъ Маслова, и, по отличаніи описанія Канинымъ примѣтъ сманителя, немедленно приказалъ частнымъ приставамъ заняться тщательнымъ розыскомъ пропавшаго по городу, и того же числа подалъ докладную записку о происшествіи управляющему губерніею. Сынъ Саратовскаго мѣщанина Степанъ Канинъ, на разспросы старшаго полиціймейстера, а потомъ при слѣдствіи показалъ, что онъ, въ день исчезновенія мальчика Михаила Маслова по утру, въ позднюю обѣдню, игралъ съ нимъ на улицѣ; въ это время къ нимъ подошелъ неизвѣстный человѣкъ и сталъ приглашать ихъ съ собою таскать аспидныя доски на берегу рѣки Волги, обѣщая за то денегъ. Оба они согласились и пошли было; но онъ, Канинъ, одумавшись, вернулся съ дороги, а Михаилъ пошелъ за тѣмъ человѣкомъ и пропалъ.

По вышесказаннымъ объявленіямъ о пропажѣ мальчиковъ и по примѣтамъ сманителя втораго изъ нихъ, описаннымъ мальчикомъ Канинымъ, производились полиціею какъ въ самомъ Саратовѣ, такъ, въ слѣдствіе циркуляровъ, и по всей губерніи, розыски пропавшихъ дѣтей и сманителя втораго изъ нихъ, не увѣнчавшіеся ни малѣйшимъ успѣхомъ.

4 марта 1858 г., въ вечерню, найдено было на рѣкѣ Волгѣ тѣло мальчика Михаила Маслова, недалеко отъ берега, подъ кормою лодки, покрытое рогожею. На другой день приступлено было, по распоряженію начальника Саратовской губерніи, чиновникомъ Волеховымъ къ произведенію формальнаго слѣдствія о семъ происшествіи. По наружному медицинскому

осмотру трупа мальчика Маслова оказалось: на шеѣ вдавленіе и рубцы отъ наложеннаго на всю шею шерстянаго кушака; на головѣ двѣ раны, происшедшія, повидимому, одна отъ удара тупымъ, а другая острымъ орудіемъ; на правомъ плечѣ вырѣзана кругообразно часть кожи окружностію въ пятикопѣечную серебряную монету, на рукахъ и ногахъ синія пятна; сверхъ того, на трупѣ найдены несомнѣнные слѣды еврейскаго обрѣзанія. Городовой врачъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ на основаніи акта медицинскаго осмотра, заключилъ, что смерть мальчика послѣдовала отъ удара тупымъ орудіемъ по головѣ, отъ чего лопнули темянныя и височныя кости поперечно отъ одного уха до другаго; что мальчикъ былъ удавленъ кушакомъ еще при признакахъ жизни, послѣ удара по головѣ, и что обрѣзаніе крайней плоти и вырѣзаніе кожи на плечѣ произведены незадолго до убіенія, а синія пятна на рукахъ и ногахъ произошли или отъ перевязокъ, или отъ сильнаго держанія мальчика руками во время обрѣзанія его и вырѣзки кожи на плечѣ. Принимая въ соображеніе, что обрѣзаніе крайней плоти составляетъ религіозный еврейскій обрядъ, слѣдователь Волоховъ съ перваго же дня производства имъ слѣдствія обратилъ вниманіе на проживающихъ въ Саратовѣ военно-служащихъ и частныхъ евреевъ и предъявлялъ ихъ постепенно мальчику Степану Канину съ тѣмъ, не узнаетъ-ли онъ изъ нихъ человѣка, который сманилъ мальчика Маслова. При предъявленіи 44-хъ человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, присланныхъ командиромъ Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, Степанъ Канинъ, увидавъ рядоваго 3-й роты, цирюльника Михеля Шлиффермана, сказалъ: «онъ ровно тотъ, кто сманилъ», изъ остальныхъ же никого не призналъ. По обыску въ квартирѣ Шлиффермана ни-

чего подозрительнаго не найдено. На допросѣ Шлиферманъ не сознался ни въ сманиваніи мальчиковъ Канина и Маслова, ни въ обрѣзаніи послѣдняго,—но при семъ показалъ, что обрѣзаніе по обрядамъ еврейской вѣры дѣлаетъ въ Саратовѣ онъ, Шлиферманъ, одинъ какъ у слушающихъ, такъ и у частныхъ евреевъ, и другаго между евреями въ Саратовѣ, который бы умѣлъ дѣлать обрѣзаніе, нѣтъ (по еврейскому закону можетъ дѣлать обрѣзаніе всякій, кто умѣетъ). На очной ставкѣ Канинъ сказалъ Шлиферману: «ты лицемъ такой же, какъ и тотъ, кто сманивалъ меня; но тотъ не картавилъ какъ ты, а какъ бы хрипѣлъ: вѣрно простудилъ себѣ горло, и если бы этого не было, то онъ говорилъ-бы по русски чище». Для болѣе положительнаго удостовѣренія въ показаніи Степана Канина, предъявлены были ему нѣсколько евреевъ и некрестовъ (и между всѣми ими Шлиферманъ), въ той самой одеждѣ, въ которой, по показанію Канина, былъ человѣкъ, сманившій мальчика, то есть въ картузахъ и дубленыхъ желтаго цвѣта тулупахъ съ поднятыми воротниками. Мальчикъ Канинъ, остановясь противъ Шлифермана и всматриваясь въ него долго, сказалъ: «не узнаю». При этомъ Канинъ обяснилъ, что хотя Шлиферманъ и похожъ на указаннаго имъ сманителя, но не узнаетъ его потому, что тотъ уже сидитъ въ части (Шлиферманъ былъ тогда дѣйствительно уже заарестованъ при 2-й части). Къ сему Канинъ прибавилъ: «У этого, кажется, усы длиннѣе».

Когда же скинуты были съ каждаго изъ предъявленныхъ людей тулупы и картузы, Канинъ указалъ вновь на Шлифермана, выражаясь: «онъ словно тотъ, кто сманивалъ». 8 человѣкъ, жившихъ на одномъ дворѣ съ Шлиферманомъ, спрошенные подъ присягою, показали, что Шлифермана и живущаго съ нимъ

Бермана, ходившими въ партикулярной одеждѣ, не видѣли; не видѣли также, чтобы къ нимъ ходилъ кто-либо изъ постороннихъ въ частной одеждѣ. Впрочемъ одинъ изъ числа спрошенныхъ, мѣщанинъ Гладковъ, показалъ, что видѣлъ приходившаго къ нимъ, чернаго собою, въ дубленомъ желтомъ полушубкѣ и лисовой шапкѣ, съ околышемъ изъ желтаго сукна, солдата, какъ узналъ впослѣдствіи, сторожа при еврейской моленной. По обыску въ моленной у сторожа оной, Янкеля Бермана, найдены указанные Гладковымъ полушубокъ и шапка. Янкель Берманъ показалъ, что въ этомъ полушубкѣ онъ ходилъ зимою 1852—1853 г., почти каждую недѣлю, къ цирюльнику Шлифферману бриться. Шлифферманъ показалъ, что къ нему дѣйствительно ходило для бритья много чиновныхъ лицъ; не сказалъ же онъ о томъ при первомъ допросѣ потому, что слѣдователь спрашивалъ его только о солдатахъ, а о Берманѣ онъ забылъ. Слѣдователь изъяснилъ въ актѣ, что на Шлиффермана возникаютъ три повода подозрѣнія: а) указаніе на него мальчика Канина, какъ на сманителя; б) сознаніе, что имъ однимъ изъ проживающихъ въ Саратовской губерніи евреевъ дѣлается обрѣзаніе и в) первоначальное, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, показаніе его, что къ нему никто не ходилъ въ партикулярной одеждѣ. На основаніи сего акта Шлифферманъ подвергнутъ тюремному заключенію. Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ чиновника Волохова, чрезъ обыскъ въ квартирахъ Саратовскихъ служащихъ и неслужащихъ евреевъ и чрезъ спросъ разныхъ лицъ не добыто другихъ уликъ ни противъ Шлиффермана, ни противъ другихъ проживающихъ въ Саратовѣ евреевъ. Въ виду существованія обряда обрѣзанія и у магометанъ, предъявлены были мальчику Канину также всѣ про-

жившіе въ Саратовѣ магометане, въ числѣ 31 человѣка, съ тѣмъ, не признаетъ-ли онъ между ними кого-либо за смешителя; но при семъ Каинъ никого за таковаго не признавъ. Чтобы убѣдиться въ различіи обрѣзанія у евреевъ и у магометанъ, освидѣтельствованы были тѣмъ же городовымъ врачемъ, который производилъ медицинскій осмотръ убитаго мальчика Маслова, мальчикъ изъ евреевъ и мальчикъ татаринъ, при чемъ форма обрѣзанія у еврейскаго и татарскаго мальчиковъ оказалась сходною, и городовой врачъ не нашелъ возможнымъ опредѣлить: къ какому роду обрѣзанія, къ еврейскому или магометанскому, должно отнести обрѣзаніе мальчика Маслова. Опрошенные слѣдователемъ родители мальчика Маслова не заявили ни на кого прямаго подозрѣнія, а выразили предположеніе, что не сдѣлали-ли это евреи для обращенія въ свою вѣру.—Дальнѣйшее затѣмъ разслѣдованіе Волохова осталось безъуспѣшнымъ и имъ составленъ былъ актъ о заключеніи слѣдствія, когда, по вскрытіи рѣки Волги, найденъ былъ на островѣ противъ города Саратова, называемомъ Беклемишевымъ, въ тальникѣ трупъ перваго пропавшаго мальчика, Шерстобитова. При наружномъ осмотрѣ найдены на тѣлѣ солдатскія холщевыя подтяжки, сцѣпленныя петля въ петлю, обвернутыя вокругъ шеи два раза и связанныя узломъ (оставшіеся концы подтяжекъ, связанные узломъ, образовали петлю, за которую удобно поднять тѣло) и шаровары, а возлѣ ситцевая, не принадлежащая мальчику, рубашка на взрослаго человѣка и солдатская безъ нумера фуражка.

При медицинскомъ осмотрѣ, произведенномъ членами врачебной управы, на трупѣ мальчика Шерстобитова найдены также несомнѣнные слѣды совершеннаго надъ нимъ обрѣзанія, а надъ самымъ височнымъ

мускуломъ правого виска и въ самомъ мускулѣ значительный подтекъ темной крови, въ видѣ красно-багроваго пятна на пространствѣ $2\frac{1}{2}$ дюймовъ вслѣдствіе нанесеннаго по этому мѣсту удара; другихъ насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ не было возможности опредѣлить по гнилости трупа. На основаніи произведеннаго осмотра, врачебная управа изложила мнѣніе, что мальчикъ Ѳеофанъ Шерстобитовъ, предварительно былъ ударенъ по правому виску какимъ-либо тупымъ орудіемъ, отъ чего, судя по силѣ удара, онъ, Шерстобитовъ, долженъ былъ придти мгновенно въ безчувствіе, и потомъ удавленъ найденными у него на шеѣ солдатскими подтяжками. По произведенному вслѣдствіи, по требованію другаго слѣдователя, переосвидѣтельствованію врачебною управою трупа Шерстобитова, найдено, что ногти на пальцахъ рукъ и ногъ были обрѣзаны вплоть до мякоти. Для розысканія, кому могли изъ находящихся въ Саратовѣ нижнихъ военныхъ чиновъ принадлежать найденныя на трупѣ и возлѣ онаго рубашка, подтяжки и фуражка, эти вещи предъявлены были бывшимъ при мастерскихъ Саратовскаго гарнизоннаго баталіона 93 нестроевымъ нижнимъ чинамъ, которые подъ присягою отозвались незнаніемъ о томъ, кто шилъ, кто носилъ и кому принадлежатъ означенныя вещи. Симъ распоряженіемъ заключены дѣйствія чиновника Волохова по порученному ему слѣдствію, которое затѣмъ было продолжаемо чиновникомъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, надворнымъ совѣтникомъ Дурново, совмѣстно съ Саратовскимъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ, подполковникомъ Языковымъ, и потомъ дослѣдовано особо, Высочайше утвержденною по сему дѣлу судебною коммисіею.

Относительно убійства мальчика Шерстобитова об-

наружено слѣдующее. При обыскѣ, произведенномъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1853 г. у рядоваго Саратовскаго гарнизоннаго баталіона Ицки Берлинскаго, по поводу возникшаго на него подозрѣнія о сманиваніи имъ мальчика Никифорова, найденъ между прочимъ лоскутъ синей клѣтчатой сарпинки, въ одинъ аршинъ длины и полъ-аршина ширины. Отецъ убитаго мальчика, Шерстобитовъ, призналъ лоскутъ сей за остатокъ той рубашки, въ которой пропалъ сынъ его, и въ доказательство предъявилъ свою поношенную рубашку одинаковаго узора и доброты съ означеннымъ лоскутомъ, присовокупивъ, что рубашка мальчика была болѣе поношена. Сосѣдъ Шерстобитова, Саратовскій мѣщанинъ Быковъ, жена его, и дядя убитаго мальчика, Зиновій Шерстобитовъ, подъ присягою, и мать того мальчика безъ присяги подтвердили показаніе отца убитаго мальчика. Берлинскій, спрошенный послѣ разнорѣчивыхъ о происхожденіи сего лоскута показаній жены его Фейги, объяснилъ, что предъявленный ему лоскутъ остался, какъ ему кажется, отъ изношенной уже имъ рубашки, которую сшила ему года четыре или пять тому назадъ жена рядоваго Фогельфельда, Фрейда. Фрейда Фогельфельдъ, подтвердивъ показаніе Берлинскаго о томъ, что шила ему рубашку изъ такой же сарпинки, какъ лоскутъ, присовокупила, что у нея остался лоскутъ той же сарпинки, вшитый ею въ большое одѣяло. По осмотру одѣяла еврейки Фрейды Фогельфельдъ, въ немъ оказались дѣйствительно два лоскута изъ одинаковой сарпинки, какъ и на рубашкѣ отца мальчика Шерстобитова и лоскутъ, найденный въ квартирѣ Берлинскаго, но съ тою разницей, что послѣдніе были поношеные и полинялые, а лоскутъ въ одѣялѣ былъ совершенно новый и немытый.

Въ маѣ 1853 года препровожденъ былъ къ слѣдователямъ, командиромъ гарнизоннаго баталіона, рядовой изъ поляковъ, Антонъ Богдановъ, который, бывъ наканунѣ хмѣленъ, сказалъ унтеръ-офицеру, хотѣвшему взять его подъ арестъ: «Не смѣешь! Я хочу открыть еврейское дѣло». Спрошенный въ тотъ же день слѣдователями, Богдановъ показалъ, что въ 1852 году, предъ Рождествомъ, онъ былъ приглашенъ шарманщикомъ, перекрестомъ Ѳедоромъ Юрловымъ, къ отцу сего послѣдняго, еврею Янкелю Юшкевичеру и, придя къ нему ночью, пошелъ съ нимъ въ подвалъ, находящійся въ каменномъ домѣ противъ квартиры Янкеля, на томъ же дворѣ, и не только былъ тамъ свидѣтелемъ произведеннаго Янкелемъ обрѣзанія какого-то мальчика, но и самъ участвовалъ въ истеченіи крови изъ мальчика и убійствѣ его, а чрезъ два дня самъ же вынесъ тѣло на островъ рѣки Волги. По прошествіи двухъ дней, Богдановъ отмѣнилъ это показаніе, удостовѣряя, что оно дано ложно, по наущенію рядоваго Ицки Берлинскаго, которому онъ продалъ фуражку, найденную впослѣдствіи при тѣлѣ Шерстобитова и который обѣщалъ ему 100 руб. сереб. за ложное показаніе на себя, на Янкеля и на сына сего послѣдняго, Юрлова. Вызванный къ допросу, по собственному желанію, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года Богдановъ объявилъ, что онъ показалъ несправедливо на Берлинскаго, и подтвердивъ въ сущности первоначальное показаніе свое относительно обрѣзанія мальчика евреемъ Янкелемъ Юшкевичеромъ, съ участіемъ въ томъ его, Богданова, въ подвалѣ, отрекся однакожъ отъ выноса трупа того мальчика на Волгу. На очной ставкѣ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ и сыномъ его Ѳедоромъ Юрловымъ, Богдановъ уличалъ ихъ согласно данному показанію, но Янкель и Юрловъ, не смо-

тря на улицы Богданова, не сознались въ преступленіи, причемъ, какъ записано слѣдователями въ журналѣ, Янкель, находясь въ видимомъ волненіи, сказалъ: «если бы мы, евреи, сдѣлали такое тайное преступленіе, то зачѣмъ намъ было приглашать къ сему солдата христіанина»? При дальнѣйшихъ передопросахъ въ Высочайше утвержденной въ Саратовѣ судебной коммисіи, измѣняя неоднократно разныя обстоятельства, относящіяся какъ къ собственному участію его, такъ и къ участію другихъ лицъ въ преступленіи [1]), но указывая постоянно на еврея Янкеля Юшкевичера и сына его Юрлова, какъ на главныхъ виновниковъ въ дѣлѣ, Богдановъ утвердился окончательно на слѣдующемъ, относительно мальчика Шерстобитова, показаніи.—Лѣтомъ 1852 г., вскорѣ послѣ поступленія своего въ Саратовскій гарнизонный баталіонъ, онъ познакомился съ перекрестомъ изъ евреевъ Ѳедоромъ Юрловымъ, ходившимъ тогда по городу съ шарманкой. Бывъ еще на родинѣ, въ Витебской губерніи, въ частыхъ сношеніяхъ съ евреями и понимая ихъ языкъ, онъ сошелся и подружился съ товарищами изъ евреевъ по баталіону, въ особенности съ рядовымъ-портнымъ Ицкою Берлинскимъ, который приходилъ къ нему въ 1-ю роту и къ которому онъ самъ ходилъ въ швальню. Онъ, Богдановъ, вошелъ къ евреямъ въ довѣріе потому, что таскалъ къ нимъ въ моленную краденые дрова и другое, что случится, за что получалъ деньги отъ жившаго при моленной сторожа, рядоваго Бермана. Съ наступленіемъ зимы

---

[1]) На первоначальныхъ допросахъ въ судебной коммисіи Богдановъ показалъ сначала, что участвовалъ только въ преступленіи, совершенномъ надъ вторымъ мальчикомъ (т. е. Масловымъ) въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 г. а впослѣдствіи сознался уже въ совершеніи истязаній и обрѣзанія, равно какъ и въ вывозѣ на Волгу и перваго мальчика, Шерстобитова.

Юрловъ познакомилъ его съ отцемъ своимъ, Могилевскимъ мѣщаниномъ Янкелемъ Юшкевичеромъ, къ которому ходили многіе баталіонные солдаты изъ евреевъ. Угощая Богданова, Янкель говаривалъ ему: «приходи къ намъ при всякой нуждѣ».

Послѣ Николина дня, Юрловъ и Берлинскій, прійдя однажды къ нему, Богданову, когда онъ стоялъ въ караулѣ при рабочемъ домѣ, приглашали его вечеромъ въ моленную, сказавъ: «ты намъ будешь нуженъ». Прійдя вечеромъ туда, онъ, найдя ворота запертыми, перелѣзъ чрезъ заборъ; на дворѣ увидалъ онъ людей, бѣгавшихъ взадъ и впередъ, и вскорѣ нѣсколько человѣкъ (въ томъ числѣ Берлинскій, цирюльникъ 3-й роты Шлифферманъ, рядовой гардкотнаго экипажа Зайдманъ и рядовой Юрловъ) вышли съ фонаремъ изъ моленной и положили что-то въ сани, стоявшія недалеко отъ воротъ. Сани, изъ которыхъ Богдановъ услышалъ жалобный человѣческій визгъ, выѣхали изъ воротъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ евреевъ, которыхъ онъ не помнитъ. Когда вслѣдъ затѣмъ онъ подошелъ къ оставшимся на дворѣ евреямъ, то изъ нихъ Берлинскій уговаривалъ его идти за санями на квартиру къ Янкелю Юшкевичеру, на что онъ согласился.—Дней за десять до Рождества, когда онъ, Богдановъ, былъ опять въ караулѣ при рабочемъ домѣ, Юрловъ, прійдя къ нему туда передъ сумерками, позвалъ его въ кабакъ и просилъ идти къ нему на квартиру; но онъ, такъ-какъ приходилось скоро стать на часы, просилъ Юрлова придти за нимъ попозже, когда онъ смѣнится съ часовъ. Эту отлучку его въ кабакъ замѣтили нѣкоторые товарищи его по карауду, но кто именно, онъ не припомнитъ. Часу въ 11-мъ, отправясь съ Юрловымъ изъ караула, онъ пришелъ съ нимъ къ Янкелю Юшкевичеру, у котораго были,

вамъ видѣлъ онъ изъ передней, евреи-рядовые: Фогельфельдъ (удавившійся впослѣдствіи въ тюремномъ замкѣ), Зайдманъ, самъ Янкель и еще двое ему неизвѣстныхъ, одинъ въ халатѣ, съ бритою бородою и въ высокой грузинской шапкѣ, а другой съ рыжею бородою и въ чапанѣ. Въ передней Юрловъ подчивалъ его водкой, между тѣмъ какъ евреи, бывшіе въ комнатѣ, выходили по одиночкѣ на дворъ и обратно. Когда его отъ выпитой водки стало клонить къ сну, Юрловъ повелъ его въ подвалъ подъ домомъ С.-Петербургской гостинницы, на дворѣ которой квартировалъ Янкель. Въ подвалѣ находились уже Янкель, Берлинскій и Зайдманъ; былъ ли еще кто другой, онъ не помнитъ; горѣли тамъ двѣ стеариновыя свѣчи, стоявшія, какъ помнится ему, на полу. Отъ входа налѣво, ближе къ стѣнѣ, лежалъ на полу мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ, цвѣта которой онъ не помнитъ. Юрловъ принесъ откуда-то деревянную скамейку и поставилъ ее вдоль стѣны, налѣво отъ входа, близъ свѣчей, на скамейку положили мальчика, который сталъ вертѣться и мычать. Янкель, взявъ инструментъ изъ какого-то краснаго футляра, сѣлъ на мальчика верхомъ и совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе. Послѣ того мальчика повернули навзничь и сдѣлали ему раны на спинѣ или шеѣ (онъ, Богдановъ, съ испуга не разглядѣлъ); изъ ранъ текла кровь, которую собирали въ мѣдный тазъ, принесенный заблаговременно. Когда Янкель дѣлалъ обрѣзаніе мальчику, то порѣзалъ себѣ который то палецъ на лѣвой рукѣ, и не найдя чѣмъ-бы его завернуть, оторвалъ лоскутъ отъ полы рубашки сына своего Ѳедора Юрлова. Когда начали рѣзать мальчика, Богдановъ хотѣлъ было уйти изъ подвала, и упавъ на колѣни предъ Юрловымъ, просилъ его выпустить; но тотъ назвалъ его

трусомъ и угрозами принудилъ остаться. Впослѣдствіи онъ узналъ (ибо что еще происходило при немъ въ подвалѣ, онъ совершенно не помнитъ), что мальчику нанесенъ былъ ударъ по лѣвому виску, но чѣмъ именно и кѣмъ—не знаетъ. Очнувшись послѣ испуга, онъ посмотрѣлъ на мальчика и увидѣлъ, что онъ болѣе не шевелится, почему и полагаетъ, что онъ тутъже умеръ. Послѣ этого изъ подвала пошли всѣ въ квартиру Янкеля, гдѣ его, Богданова, опять поили водкой. Евреи просили его снести тотчасъ же трупъ куда-нибудь подальше; но онъ, не помня себя отъ испуга, тогда же сдѣлать этого не соглашался, а обѣщалъ придти въ другой разъ, и чрезъ нѣсколько дней, отлучаясь, какъ и прежде, самовольно изъ караула, пришелъ опять къ Янкелю, у котораго нашелъ Юрлова, Берлинскаго и Зайдмана.

Всѣ они пошли въ подвалъ, связали трупъ по ногамъ и за шею подтяжками (чьими, не припомнитъ; только не его, Богданова), положили ему трупъ на руки и приказали нести. Была ли тогда на трупѣ какая рубашка, онъ не помнитъ. Поднимаясь по лѣстницѣ изъ подвала, онъ повалился съ трупомъ, который былъ взятъ кѣмъ-то изъ евреевъ и положенъ въ стоявшія на дворѣ сани. Кучеромъ былъ мѣщанинъ Дьячковъ и въ сани сѣло четверо: Юрловъ, Берлинскій, Зайдманъ, и онъ. Проѣхавъ Казанскій мостъ, они остановились у берега Волги. Онъ, Богдановъ, слѣзъ съ саней, а Юрловъ положилъ ему трупъ на плечи. Спускаясь съ крутаго берега, онъ полетѣлъ внизъ съ трупомъ и сталъ кричать; поспѣшившій на этотъ крикъ Юрловъ, сталъ помогать ему разрывать новами снѣгъ, чтобы прикрыть трупъ; но какъ это было трудно сдѣлать по причинѣ мороза и какъ они не нашли вблизи проруби, то отправились по льду на островъ,

гдѣ и положили трупъ между кустарникомъ и прикрыли, какъ могли, снѣгомъ. Здѣсь Богдановъ потерялъ фуражку и, не найдя ея второпяхъ, возвратился съ Юрловымъ пѣшкомъ въ Янкелю, гдѣ Берлинскій далъ ему свою форменную фуражку, въ которой онъ и возвратился въ караулъ. Самъ-же Берлинскій взялъ у Янкеля партикулярную фуражку, потому что, живя на вольной квартирѣ, могъ придти не замѣченнымъ и въ этой фуражкѣ. Рубашка, найденная при трупѣ Шеростобитова, ему, Богданову, не принадлежитъ и чья она, онъ не знаетъ. У Янкеля увидѣлъ опять мѣщанина Дьячкова, который былъ хмѣленъ. Возвратясь съ острова, онъ получилъ отъ Янкеля восемь руб. сер. Нѣсколько дней спустя Юрловъ говорилъ ему, что все платье мальчика евреи сожгли въ печи.—Передъ самымъ новымъ годомъ, въ концѣ декабря 1852 г., Богдановъ поступилъ за деньщика къ баталіонному казначею, поручику Невѣровскому, находился у него до 13-го февраля 1853 г., и затѣмъ отосланъ обратно въ роту. У Невѣровскаго онъ видѣлся съ Берлинскимъ, который приходилъ туда нерѣдко, какъ портной, по своему дѣлу и часто говорилъ съ нимъ наединѣ объ убійствѣ мальчика и давалъ ему денегъ по мелочамъ, отъ 10 до 25 к. с. Мѣщанина Дьячкова, видѣннаго у Янкеля, онъ, Богдановъ, не зналъ еще тогда, а узналъ его имя отъ Шлифферма-на уже лѣтомъ 1853 г., когда Дьячковъ, для свиданія съ Шлифферманомъ, приходилъ въ тюремный замокъ въ числѣ каменьщиковъ, производившихъ работы въ замкѣ.

Вслѣдствіе объясненнаго Богдановымъ, въ первоначальномъ показаніи его, обстоятельства, что рубашка, въ которой онъ присутствовалъ при убійствѣ мальчика, цѣла, и что на ней кровь неотмывается,

произведенъ былъ въ сундукѣ и имуществѣ Богданова обыскъ, при которомъ найдена, между прочимъ, холщевая солдатская рубашка, на лѣвомъ рукавѣ которой оказалось темное пятно, похожее на запекшуюся кровь. Впослѣдствіи Богдановъ объявилъ, что кровавое пятно это произошло при истеченіи у него крови изъ носу, отъ причиненныхъ ему Аткарскимъ мѣщаниномъ Ѳедоромъ Ивановымъ побоевъ, когда онъ, Богдановъ, въ партіи рекрутъ проходилъ чрезъ Аткарскъ на пути изъ Витебска въ Саратовъ, и что онъ въ то время приносилъ городничему жалобу на этого мѣщанина. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Богдановъ дѣйствительно жаловался начальнику инвалидной команды и городничему на причиненныя ему Ѳедоромъ Ивановымъ побои, объясняя, что послѣдній ударилъ его по лицу, отчего и пошла у него кровь. Спрошенные, противъ обвиненій Богданова, Могилевскій мѣщанинъ Янкель Юшкевичеръ и рядовые: Ѳедоръ Юрковъ, Михель Шлифферманъ, Эздра Зайдманъ, Ицка Берлинскій и Янкель Берманъ ни въ чемъ не сознались и показали: Юшкевичеръ, Зайдманъ и Берманъ, что вовсе не знали Богданова на волѣ (т. е. до заключенія его въ тюремный замокъ); Юрковъ, что сталъ знать его только поступивъ въ рядовые Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, въ одну съ нимъ роту, а Берлинскій, что хотя онъ и видалъ Богданова у казначея Невѣровскаго, но не зналъ даже какъ его и зовутъ. На очныхъ ставкахъ, данныхъ Богданову съ оговоренными евреями въ томъ самомъ подвалѣ, въ которомъ, по его показанію, совершено преступленіе, евреи эти также ни въ чемъ не сознались. При семъ коммисіею замѣчено, что Берлинскій, войдя со двора по лѣстницѣ въ подвалъ, на послѣдней ступенькѣ пріостановился, и не обращая вниманія на находившійся

прямо противъ двери столъ, за которымъ сидѣли члены коммисіи, повернулъ быстро голову на лѣвую сторону подвала, гдѣ стояла скамейка и свѣчи. Замѣтивъ это движеніе, Богдановъ сказалъ Берлинскому: «ты зачѣмъ смотришь налѣво? Вѣрно думаешь, что тутъ мальчикъ лежитъ, что его принесли сюда?» Янкель, въ данныхъ имъ показаніяхъ, привелъ въ оправданіе свое: 1) что онъ пересталъ давно быть близокъ съ сыномъ своимъ Юрловымъ и отдалилъ его отъ себя, сердясь на него за принятіе имъ православія безъ позволенія его, за растрату данныхъ ему денегъ и за кражу нѣсколькихъ енотовыхъ шкуръ; 2) что нанимать ему лошадь съ санями у Ивана Дьячкова не для чего было, потому, что имѣлъ собственную лошадь съ санями, которую продалъ только въ мартѣ 1853 года; 3) что хотя у него были двое евреевъ-персіянъ (останавливавшіеся въ С.-Петербургской гостинницѣ), но они выѣхали изъ Саратова и возвратились уже въ январѣ 1853 г., и 4) что если у него есть знакъ на безъимянномъ пальцѣ лѣвой руки, то онъ произошелъ не отъ порѣза инструментомъ, а приченен зубомъ щуки за мѣсяцъ до 13-го мая 1853 г. (когда Янкель въ первый разъ былъ о томъ спрошенъ). Объ отношеніяхъ Юрлова къ отцу его Янкелю Юшкевичеру показали подъ присягою изъ женщинъ, занимавшихся въ концѣ 1852 г. и началѣ 1853 г. шитьемъ мѣховъ у Юшкевичера: три, что этотъ послѣдній сердился на Юрлова за принятіе имъ христіанской вѣры и поступленіе въ солдаты, и что онѣ не видѣли, приходилъ ли Юрловъ къ отцу своему; двѣ, что Юрловъ ходилъ къ отцу до поступленія въ военную службу (что послѣдовало 22-го января 1853 г.), и одна изъ сихъ послѣднихъ, что Юрловъ, послѣ забритія его, былъ раза два или три у отца съ солдатами; при этомъ всѣ объ

ясняли, что за Янкелемъ ничего подозрительнаго не замѣчали. Сосѣдъ Юшкевичера, портной Цыгановъ подъ присягою, зять перваго—Мордухъ Гуглинъ и мѣщанка Горохова, бывшая, по собственному ея и Юрлова сознанію, любовницею сего послѣдняго, безъ присяги показали, что до поступленія Юрлова въ военную службу, онъ ходилъ къ родителямъ рѣдко и то тайкомъ отъ отца, оставаясь въ передней или кухнѣ у матери, а послѣ поступленія въ военную службу, сталъ ходить къ отцу часто. Полицейскій служитель 3-й части Спиридоновъ засвидѣтельствовалъ подъ присягою, что онъ возвратилъ однажды Янкелю шкуры, украденныя у него сыномъ его Юрловымъ. Евреи-персіяне, жители Кубинской слободы, Ильягу-Назаръ-Оглы и Бенилъ-Евда-Оглы, какъ оказалось изъ собранныхъ коммисіею свѣдѣній и изъ собственныхъ показаній, пріѣхали въ Саратовъ 12-го декабря 1852 г., и пробывъ здѣсь около 15 дней, выѣхали изъ Саратова уже въ концѣ декабря. — Изъ имѣющихся въ дѣлѣ показаній видно, что у Янкеля была дѣйствительно своя лошадь. Объясненіе, данное Янкелемъ о знакѣ у него на безъымянномъ пальцѣ лѣвой руки, оказалось несогласнымъ съ освидѣтельствованіемъ сего пальца, произведеннымъ городовымъ врачемъ. По удостовѣренію врача, имѣющійся на томъ пальцѣ у Янкеля шрамъ или рубецъ произошелъ отъ порѣза острымъ орудіемъ, и притомъ мѣсяца за четыре до 13 мая 1853 г. (когда составленъ актъ врача), какъ доказывается то бѣлизною рубца сравнительно съ кожею на томъ мѣстѣ; если же бы рубецъ произошелъ дѣйствительно отъ разрѣза щучьимъ зубомъ и около мѣсяца тому назадъ, то знакъ былъ бы красный и съ краями не такъ ровными.

Впослѣдствіи въ судебной коммисіи Янкель Юшке-

вичеръ показалъ, что онъ, во время очистки рыбы среди двора наканунѣ еврейской пасхи (бывшей въ 1853 г. 11 и 12 апрѣля), поранилъ себѣ палецъ, но не помнитъ, накололъ ли щучьимъ зубомъ или порѣзалъ ножемъ, и замѣтилъ рану уже послѣ, когда перемывалъ рыбу.

Къ сему Янкель присовокупилъ, что въ это время на дворѣ была мѣщанка Ирина Попова, стряпуха сосѣда и недоброжелателя его цехового Цыганова, который и могъ передать Богданову о порѣзѣ имъ, Янкелемъ, пальца, и что вообще полагаетъ, что всѣ ложныя на него показанія Богдановъ сдѣлалъ по наущенію того Цыганова и другаго недоброжелателя его, мѣховщика Орлова, отбивавшихъ у него работу. Янкель Юшкевичеръ, давая настоящее показаніе противъ взводимаго на него Богдановымъ обвиненія, какъ замѣчено коммисіею, находился въ волненіи. Богдановъ отозвался, что никогда не зналъ и не видалъ Цыганова и Попову, что подтвердили и сіи послѣдніе. Мѣховщикъ, Саратовскій мѣщанинъ Петръ Орловъ, показалъ, что онъ злобы на Янкеля не питалъ, и будучи лучшимъ, нежели онъ, мастеромъ, не имѣлъ надобности отбивать у него работу.

Для повѣрки показанія Богданова о томъ, что онъ дней за 10 до Рождества 1852 г., находясь въ караулѣ при рабочемъ домѣ, отлучался оттуда съ приходившимъ за нимъ Ѳедоромъ Юрловымъ, и что отлучку его замѣтили бывшіе въ караулѣ нижніе чины, была потребована судебною коммисіею постовая книга карауловъ при томъ домѣ за 1852 г. При разсмотрѣніи сей книги не оказалось въ ней именно листа, на которомъ долженъ былъ быть записаннымъ караулъ на 14 декабря 1852 г. отъ 1-й роты. По собраннымъ свѣдѣніямъ, на это число рядоваго Богданова, состоявшаго

въ сей ротѣ, не было въ нарядѣ въ другихъ мѣстахъ. Кубинскіе евреи Ильягу-Назаръ-Оглы и Бениль-Еѳда-Оглы, бывшіе въ Саратовѣ съ 12 декабря 1852 г. до конца того года и останавливавшіеся въ томъ же домѣ, въ которомъ квартировалъ Янкель Юшкевичеръ, были предъявлены, вмѣстѣ съ тремя другими кавказскими евреями, Богданову съ тѣмъ, не узнаетъ ли онъ въ нихъ двухъ неизвѣстныхъ, которые, по его словамъ, были у Янкеля въ ту ночь, когда въ подвалѣ происходило обрѣзаніе и истязаніе мальчика Шерстобитова. Богдановъ указалъ при семъ на одного изъ постороннихъ евреевъ, а послѣ на Ильягу, сказавъ, что этотъ болѣе похожъ на одного, видѣннаго имъ у Янкеля персіянина, но прибавилъ, что бывъ тогда пьянъ, не могъ хорошо разглядѣть и запомнить твердо черты лица упомянутыхъ двухъ неизвѣстныхъ людей; притомъ же тогда было ночное время.

Евреи Ильягу-Назаръ-Оглы и Бениль-Еѳда-Оглы показали, что хотя они и были въ Саратовѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ для заключенія контракта на доставку въ Москву зазимовавшей въ Камышинскомъ уѣздѣ марены и во время своего пребыванія были раза два у Янкеля, но никогда ни отъ кого не слыхали, чтобы въ Саратовѣ пропадалъ и былъ убитъ какой-нибудь мальчикъ. Спрошенный противъ обвиненія Богданова мѣщанинъ Дьячковъ не сознался не только въ вывозѣ въ саняхъ тѣла Шерстобитова, но и въ томъ, чтобы ходилъ, какъ каменьщикъ, для работы въ тюремный замокъ, гдѣ, по показанію Богданова, онъ видѣлся съ Шлиссерманомъ. Впослѣдствіи Дьячковъ, на очной ставкѣ съ Богдановымъ, сознавшійся, что лѣтомъ 1854 года былъ дѣйствительно въ замкѣ и работалъ въ нижнемъ этажѣ (гдѣ содержались евреи), перемѣнилъ и это показаніе, утверждая, что работалъ въ верхнемъ этажѣ.

Объ отношеніи перекреста Ѳедора Юрлова къ рядовому Богданову какъ до поступленія перваго въ военную службу, такъ и во время бытности его уже солдатомъ, спрошены были нѣкоторые нижніе чины одной съ нимъ роты, по предварительномъ дознаніи, кто спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. При семъ три человѣка подъ присягою и двое безъ присяги показали, что Юрловъ и Богдановъ были между собою дружны. Сверхъ того одинъ изъ нихъ (Завадскій) безъ присяги объяснилъ, что самъ видѣлъ, какъ Юрловъ, еще до поступленія въ рекруты, приходилъ въ 1-ю роту и ходилъ по казармѣ, а однажды, позднею осенью 1852 г., когда были уже морозы, Юрловъ пришелъ къ Богданову въ караулъ при рабочемъ домѣ и оба они ушли куда-то вмѣстѣ; другой же (Курашевъ) подъ присягою показалъ, что Юрловъ, не бывъ еще солдатомъ, приходилъ въ 1-ю роту зимою 1852 г., и онъ, Курашевъ, самъ видѣлъ его, стоявшаго у крыльца казармы и какъ будто кого-то поджидавшаго. На очной ставкѣ съ рядовымъ Завадскимъ, Юрловъ утверждалъ, что онъ, до поступленія своего въ военную службу, ни въ казармы, ни въ караулъ при рабочемъ домѣ никогда не приходилъ Изъ нѣсколькихъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, на которыхъ Богдановъ указалъ, какъ на свидѣтелей приходовъ Берлинскаго къ нему въ роту и посѣщеній имъ, Богдановымъ, Берлинскаго въ швальнѣ, трое безъ присяги и трое подъ присягою не подтвердили сдѣланной на нихъ ссылки. Люди баталіоннаго казначея Невѣровскаго, деньщикъ Терентій Пантелеевъ и кухарка Агафья Иванова, спрошенные объ отношеніяхъ Берлинскаго къ Богданову во время бытности послѣдняго (съ конца декабря 1852 г. по 13 февраля 1853 г.) за деньщика у Невѣровскаго, показали: Пантелеевъ безъ присяги, что Берлинскій, приходя часто къ казначею, разговари-

валъ иногда съ Богдановымъ на дворѣ, но что онъ, Пантелеевъ, не знаетъ вовсе объ участіи Богданова въ дѣлѣ о мальчикахъ; Агафья Иванова подъ присягой — что Берлинскій, приходя къ нимъ, разговаривалъ нерѣдко съ Богдановымъ, но не помнитъ, чтобы они говорили наединѣ.

Кромѣ показанія рядоваго Богданова, въ дѣлѣ о мальчикѣ Ѳеофанѣ Шерстобитовѣ имѣется еще свидѣніе, данное отставнымъ губернскимъ секретаремъ Крюгеромъ, бывшимъ, по собственному сознанію, свидѣтелемъ обрѣзанія и истязанія въ еврейской моленной мальчика Маслова, о томъ, что въ моленной происходилъ разговоръ между евреями (но кто именно говорилъ, Крюгеръ не помнитъ), что мальчикъ Шерстобитовъ находился точно у Янкеля до убіенія его, и что его увелъ рядовой изъ евреевъ Ицко Берлинскій.

Саратовская мѣщанка Наталья Чернышова показала подъ присягою, что около того времени, когда пропалъ мальчикъ Шерстобитовъ, т. е. въ декабрѣ 1852 г., однажды вечеромъ видѣла она у дома Петербургской гостинницы еврея Янкеля Юшкевичера, державшаго за руку какого-то мальчика лѣтъ десяти. Янкель говорилъ ему: «иди», а мальчикъ, упираясь, хотѣлъ отъ него освободиться. Когда Янкель увидѣлъ ее, Чернышову, то, смутившись, бросилъ руку мальчика, и она прошла мимо и послѣ уже не видѣла ни еврея, ни мальчика. Спрошенный противъ показанія Чернышовой Янкель Юшкевичеръ объяснилъ, что можетъ быть показаніе Чернышовой и справедливо, потому что къ нему приходили очень часто мальчики отъ портныхъ и приносили на продажу обрѣзки мѣховъ, и Наталья Чернышова могла видѣть, какъ онъ, быть можетъ, торговался съ однимъ изъ такихъ мальчиковъ.

Въ числѣ писемъ, найденныхъ при обыскѣ у Янке-

ля Юшкевичера, было одно, въ которомъ заключалось, по переводу, сдѣланному унтеръ-офицеромъ Тюльпановымъ, сомнительное выраженіе: «увѣдоми, держали ли хорошо грунтъ или тайну священнаго собранія». Письмо это было писано изъ г. Вольска евреемъ Рувимомъ Гуглинымъ, отцемъ Мордуха Гуглина, обвѣнчавшагося, 30 декабря 1852 г., на дочери Янкеля Минарейзѣ и писано, очевидно, до свадьбы, такъ какъ онъ относится въ немъ о Минарейзѣ, какъ о будущей снохѣ своей. Такимъ образомъ представлялось вѣроятнымъ, что вопросъ Рувима о тайнѣ священнаго собранія могъ относиться или къ предварительному совѣщанію о похищеніи или убіеніи мальчика Шерстобитова, или же къ самому убіенію его. Спрошенные о значеніи этого сомнительнаго выраженія, евреи Рувимъ Эліевъ Гуглинъ, разъѣзжавшій съ нимъ по Россіи зять его Лейба Менделеевъ Злотенъ и Мордухъ Гуглинъ отозвались, что оно переведено невѣрно, и что заключающіяся въ письмѣ еврейскія слова: «мей діэ зейнъ циготъ иръ гегулетъ гутъ офъ деръ шудефунъ хевре-кадыше» означаютъ: «увѣдоми, хорошо ли вы гуляли на шудѣ (т. е. ужинѣ) въ хевре-кадыше (т. е. въ священномъ собраніи)»—и что подъ симъ названіемъ разумѣется существующее въ каждомъ городѣ, гдѣ есть евреи, братство или общество для вспоможенія бѣднымъ больнымъ и для похоронъ покойниковъ; при чемъ Лейба Злотенъ и Мордухъ Гуглинъ объяснили, что вечернее пиршество шуда бываетъ ежегодно въ обществѣ хевре-кадыше въ извѣстный день еврейскаго мѣсяца Кислова (ноябрь). Правильность сдѣланнаго евреями Гуглинымъ и Злотеномъ объясненія подтвердилась переводомъ письма, сдѣланнымъ, по распоряженію министерства Внутреннихъ Дѣлъ, профессоромъ еврейскаго языка С.-Петербургской духов-

ной академіи Левиссономъ. Изъ распроса Янкеля Юшкевичера и всѣхъ находившихся въ Саратовѣ солдатъ-евреевъ разныхъ командъ оказалось, что въ Саратовѣ существовало такое общество (къ которому принадлежали, между прочимъ, обвиняемые по дѣлу Юшкевичеръ, Фотельфельдъ, Шлифферманъ и Берманъ) и что въ послѣдній разъ общество это собиралось 15-го числа мѣсяца Кислова 1852 г. Слѣдствіемъ не раскрыто, чтобы Рувимъ Гуглинъ и разъѣзжавшіе съ нимъ зять его Лейба Злотенъ и братъ Янкель Гуглинъ знали объ умышляемомъ относительно мальчика преступленіи.

Что касается разслѣдованія по второму дѣлу, о мальчикѣ Масловѣ, то оно дало слѣдующіе результаты.

На передопросѣ, сдѣланномъ надворнымъ совѣтникомъ Дурново еврею Шлифферману и мальчику Степану Канину, первый, оставаясь при показаніи, данномъ чиновнику Волохову, объяснилъ, что Канинъ указалъ на него, какъ на сманителя мальчика Маслова, ложно. Канинъ же показалъ, что всмотрѣвшись болѣе въ Шлифферманa, признаетъ рѣшительно, что онъ тотъ, который сманилъ Мишу.

4-го мая 1853 года отставной губернскій секретарь Иванъ Ивановъ Крюгеръ, встрѣтясь съ коллежскимъ регистраторомъ Вырыпаевымъ и писцомъ 1-го разряда Кудрявцевымъ, какъ сіи послѣдніе показали подъ присягою, началъ, при зашедшемъ у нихъ разговорѣ о пропавшихъ въ Саратовѣ мальчикахъ, говорить, что онъ знаетъ виновныхъ, самъ присутствовалъ при убійствѣ евреями въ моленной одного мальчика, и что самъ содержитъ іудейскій законъ и получаетъ отъ неизвѣстныхъ ему евреевъ 25 р. содержанія въ мѣсяцъ. Начальникъ губерніи, по доведеніи о семъ до свѣдѣнія его, приказалъ служившему въ его канцеляріи коллежскому

регистратору Вырыпаеву объяснить обо всемъ подробно слѣдователю, г. Дурново. Вслѣдствіе сего и по порученію Дурново Вырыпаевъ склонилъ Крюгера подать слѣдователю письменное объявленіе о происшествіи въ еврейской моленной. Въ объявленіи своемъ надворному совѣтнику Дурново отъ 7 мая 1853 года Крюгеръ объяснилъ, что 19-го февраля 1853 года, цирюльникъ, рядовой Михель Шлиссерманъ, привелъ въ еврейскую моленную мальчика лѣтъ 13-ти или 14-ти, надъ которымъ сдѣлалъ обрѣзаніе въ присутствіи Зайдмана, сторожа моленной Бермана, Фогельсельда и Янкеля Юшкевичера, и что послѣ того мальчикъ, оставленный на нѣсколько дней подъ надзоромъ сторожа, былъ убитъ и отвезенъ Берманомъ и Шлиссерманомъ на Вонгу.

На сдѣланныхъ ему затѣмъ надворнымъ совѣтникомъ Дурново и судебною коммисіею многихъ допросахъ, Крюгеръ, обвиняя постоянно однихъ и тѣхъ же евреевъ, но измѣняя преимущественно разныя обстоятельства, относящіяся къ собственному его участію въ преступленіи, утвердился окончательно на слѣдующемъ показаніи.

Осенью 1852 года онъ, Крюгеръ, посѣщая вдову, губернскую секретаршу Бѣлошапченкову, съ которой былъ въ коротенькихъ отношеніяхъ, узналъ рядоваго гарнизоннаго экипажа Эздру Зайдмана, который жилъ съ нею на одномъ дворѣ и бывалъ у нея по поводу денежныхъ счетовъ по закладамъ, принимаемымъ имъ отъ нея и принадлежавшимъ какъ ей самой, такъ и другимъ лицамъ. Бѣлошапченкова, желая выйти замужъ за него, Крюгера, и слыша отъ него, что онъ не рѣшается на бракъ съ нею потому, что при ней находится малолѣтній сынъ ея, сообщила при случаѣ объ этомъ обстоятельствѣ Зайдману, который предложилъ

ей отдать ему ея сына за деньги, объясняя, что отправитъ его далеко изъ Саратова. Согласясь на предложеніе Зайдмана и получивъ отъ него въ задатокъ отъ 100 до 150 руб. сер., Бѣлошапченкова передала о томъ ему, спрашивая его совѣта. Крюгеръ вызвался самъ переговорить съ Зайдманомъ и бесѣдовалъ съ нимъ у Бѣлошапченковой два или три раза. Въ послѣднюю изъ сихъ бесѣдъ Зайдманъ сказалъ ему, что будучи убѣжденъ въ справедливости и истинѣ своей вѣры, хочетъ сына Бѣлошапченковой сдѣлать евреемъ. При разговорѣ съ Зайдманомъ о еврейской вѣрѣ онъ, Крюгеръ, не только слушалъ его со вниманіемъ и не противорѣчилъ доказательствамъ его относительно достоинствъ еврейской вѣры, но даже соглашался съ нимъ. Зайдманъ предложилъ и ему самому перейти въ еврейскую вѣру изъ христіанской, обѣщая за это богатство и уваженіе своихъ братій, должность раввина (потому что зналъ изъ разсказовъ Крюгера о томъ, что онъ учился еврейскому языку), разныя почести и уваженіе со стороны евреевъ. Сообщивъ Зайдману о сомнѣніи Бѣлошапченковой на счетъ того, можетъ ли сынъ ея въ такихъ лѣтахъ перенести необходимый для вступленія въ еврейскую вѣру обрядъ обрѣзанія, Крюгеръ сказалъ, что Бѣлошапченкова его просила и онъ самъ желалъ бы посмотрѣть обрѣзаніе евреевъ, слышать и разумѣть, какія читаютъ молитвы и какія бываютъ при этомъ церемоніи. Убѣдительныя просьбы его о томъ, чтобы Зайдманъ увѣдомилъ его о времени, когда будетъ совершаемо обрѣзаніе и обѣщанія со стороны его, что если онъ увидитъ, что въ обрѣзаніи нѣтъ ничего опаснаго, то не только посовѣтуетъ Бѣлошапченковой отдать сына ея, но и самъ поступитъ въ число евреевъ, заставили Зайдмана дать ему слово, что онъ скажетъ ему объ этомъ въ свое время,

Вскорѣ послѣ этого Зайдманъ, спрашивая его, бывалъ ли онъ когда въ ихъ моленной, и узнавъ, что онъ никогда еще не былъ въ еврейскихъ синагогахъ, позвалъ его посмотрѣть на ихъ службу, куда онъ и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. На этотъ разъ въ моленной было довольно много евреевъ и въ числѣ ихъ Янкель Юшкевичеръ, съ которымъ, по окончаніи службы, когда почти всѣ разошлись, Зайдманъ познакомилъ его, Крюгера, вѣроятно вслѣдствіе предварительныхъ ихъ между собою о немъ разговоровъ. Янкель спрашивалъ его, какъ ему нравятся ихъ служба и обряды, и потомъ, обратясь къ вѣрѣ еврейской, говорилъ, что она истинная и затѣмъ вошелъ въ подробное объясненіе необходимости обрѣзанія и умилостивленія Бога принесеніемъ ему даже кровавыхъ жертвъ. Рѣчь Янкеля, какъ старика и какъ больнаго человѣка, какимъ онъ казался, Крюгеръ принялъ за фанатическій бредъ или за то, что онъ въ горячности своей доходитъ до умоизступленія. Въ половинѣ февраля 1853 года, числа 18 или 19, Бѣлошапченкова прислала къ нему записку, принесенную ей Зайдманомъ. Въ запискѣ этой, присланной цирюльникомъ Шлифферманомъ къ Зайдману и писанной на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, просили придти въ моленную «вмѣстѣ съ приглашеннымъ». По приходѣ Крюгера къ Бѣлошапченковой, часу въ 3-мъ или 4-мъ пополудни, она сказала ему, что Зайдманъ дожидался его, чтобы идти вмѣстѣ съ нимъ въ моленную, посмотрѣть на обрѣзаніе еврейскаго мальчика, но не дождавшись, ушелъ одинъ. Затѣмъ онъ, Крюгеръ, отправился прямо въ моленную, куда пришелъ часу въ 5-мъ, когда еще было свѣтло; ворота были отворены и караульныхъ на дворѣ и у воротъ онъ не замѣтилъ. Подойдя къ сѣнямъ, онъ увидѣлъ, что они были заперты; но когда постучался и сказалъ

условленныя слова: :Бара-раки арецъ шамаамъ іамъ тогемоо» (Онъ сотворилъ твердь, небеса, землю, море и бездну),—ему отворилъ двери Зайдманъ.

Слова эти ему сказаны были Зайдманомъ за день или за два до обрѣзанія, въ видѣ пароля для пропуска въ моленную. Въ моленной онъ увидѣлъ еще 4-хъ евреевъ, а именно: Шлиффермана, котораго зналъ еще прежде, потому что тотъ брилъ его нѣсколько разъ, Янкеля Юшкевичера и двухъ солдатъ, Фогельфельда и Бермана, которыхъ видѣлъ въ моленной, когда приходилъ туда съ Зайдманомъ, и ранѣе того, когда они проходили мимо его квартиры. Евреи стояли всѣ вмѣстѣ вокругъ скамейки и въ срединѣ ихъ былъ мальчикъ лѣтъ 11-ти, а можетъ быть и больше, въ одной бѣлой рубашкѣ, босиномъ. Янкель читалъ вслухъ по книгѣ какія-то молитвы предъ кивотомъ, т. е. шкапчикомъ, который стоялъ въ углу комнаты и въ которомъ были еврейскія заповѣди, закрытыя чѣмъ-то. Вправо отъ него стоялъ столикъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ большаго и малаго формата, нѣкоторыя въ переплетѣ, а другія безъ переплета. Читали изъ Моисея, а также 4, 5 и 6 главы изъ пророка Исаіи или Іереміи, въ точности не припомнитъ, но знаетъ только, что въ читанныхъ мѣстахъ содержались сожалѣнія пророка при видѣ разрушеннаго храма Іерусалимскаго, воззванія къ народу о покаяніи и умилостивленіи разгнѣваннаго Бога, описанія притѣсненій евреевъ язычниками и проч.

На столикѣ горѣли изъ желтаго воска свѣчи, довольно высокія, снизу толстыя, а къ верху тоньше, конической формы, числомъ три или четыре. Впереди мальчика стояла скамейка. По прочтеніи молитвъ мальчика положили лицемъ кверху на скамейку и Шлиффермaнъ началъ дѣлать обрѣзаніе какимъ-то

особеннымъ ножемъ дугообразной формы, который на концѣ нѣсколько толще.

По окончаніи обрѣзанія, продолжавшагося двѣ или три минуты, мальчику ногтей не обрѣзывали. Мальчикъ сначала, какъ его положили, не кричалъ, а потомъ сталъ вскрикивать, но ему зажимали ротъ платкомъ державшіе его за руки евреи. По окончаніи обрѣзанія евреи стали между собою о чемъ-то совѣщаться. Послѣ того мальчика, стоявшаго послѣ обрѣзанія впереди всѣхъ, рядомъ съ Янкелемъ, подвели снова къ скамейкѣ, такъ что она находилась впереди его; потомъ, взявши за голову, нагнули его надъ какимъ-то, постановленнымъ на скамейкѣ, глинянымъ сосудомъ въ родѣ чашки, при чемъ мальчикъ стоялъ на полу, а всѣ евреи, кромѣ Шлиффермана, держали его за голову и за руки. Шлифферманъ взялъ ножъ, но не прежній, а какой-то другой, въ родѣ ланцета, и прорѣзалъ имъ кожицу пониже праваго плеча, вслѣдствіе чего потекла кровь. Шлифферманъ, кажется, еще прорѣзалъ ему въ тоже время жилу пониже затылка, изъ которой тоже текла кровь въ тотъ же сосудъ; кровь изъ мальчика текла впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Какъ до выпуска изъ мальчика крови, такъ и во время совершенія этого обряда и послѣ него всѣ евреи пѣли молитвы и псалмы.

Въ то время когда выпускали кровь изъ мальчика, вѣроятно по неаккуратности упало нѣсколько капель крови на полъ, отчего видно было на полу небольшое кровавое пятно, однакожъ такой величины, что Крюгеръ, при всей своей близорукости, могъ очень хорошо его замѣтить. Истеченіе крови у мальчика остановилъ Шлифферманъ, сдѣлавъ ему перевязку бинтами. Мальчикъ послѣ истеченія крови былъ очень взволнованъ и плакалъ, но ходить могъ довольно свободно, хотя и

былъ очень блѣденъ; его поручили Шлифферману, чтобы онъ отвелъ его въ избушку, находившуюся при моленной. Въ это время Янкель, подойдя къ Крюгеру, говорилъ, что видѣнный имъ обрядъ обрѣзанія очень важенъ для евреевъ, и что онъ не долженъ никому разсказывать объ этомъ. Крюгеръ, понимая, что всякое противорѣчіе съ его стороны Янкелю могло быть подозрительно и слѣдовательно для него опасно, обѣщалъ хранить молчаніе. Янкель говорилъ далѣе, что обрѣзанный нынѣ мальчикъ, черезъ кровоистеченіе представилъ собою жертву искупленія. Выпущенная кровь этого мальчика, какъ кровь жертвы, принесенной Богу, святая и употребляется въ праздники. Женщины могутъ пользоваться ею во время родовъ, слабые зрѣніемъ — мажутъ ею глаза, и она помогаетъ не только въ этихъ случаяхъ, но и отъ всѣхъ другихъ болѣзней.

Бывши въ моленной при совершеніи обрѣзанія, Крюгеръ не принималъ никакого участія въ преступленіи, а былъ только свидѣтелемъ его. Изъ разговоровъ, происходившихъ тогда, онъ узналъ, что мальчикъ этотъ, объ имени котораго ему не говорили, былъ украденъ и приведенъ въ моленную Шлифферманомъ; что до обрѣзанія онъ былъ въ небольшой избушкѣ, и послѣ обрѣзанія опять отведенъ туда же подъ присмотръ сторожа Янкеля Бермана, а оттуда, какъ говорилъ Юшкевичеръ, хотѣли его отправить къ нему, Янкелю, на квартиру. Вечеромъ часу въ 7-мъ всѣ стали расходиться; въ тоже время вышелъ изъ моленной и онъ вмѣстѣ съ Зайдманомъ, который данъ былъ ему въ родѣ проводника и съ которымъ пришли они къ Бѣлошапченковой. Дорогою Зайдманъ уговаривалъ его, чтобы онъ принялъ еврейскую вѣру, и говорилъ, что о желаніи его поступить въ число евреевъ (которое было съ его

Крюгера, стороны, конечно, притворное, а Зайдманомъ принято за искреннее) онъ сообщалъ всѣмъ бывшимъ въ моленной евреямъ и желаніе его ими одобрено единодушно; говорилъ также ему, чтобы онъ не разглашалъ о видѣнномъ, потому что это священная тайна для евреевъ; въ противномъ же случаѣ ему, Крюгеру, никогда не избавиться отъ ихъ мщенія. Прійдя съ Зайдманомъ къ Бѣлошапченковой, онъ разсказалъ ей; по уходѣ Зайдмана, о происшествіи въ моленной и бывъ видѣннымъ очень сильно разстроенъ, занемогъ и оставался у Бѣлошапченковой нѣсколько дней. Выйдя на 4-й или 5-й день, когда ему стало полегче, изъ квартиры Бѣлошапочниковой съ намѣреніемъ объявить о происшествіи начальству, онъ встрѣтилъ Шлиффермана. На вопросъ его о мальчикѣ, Шлифферманъ отвѣчалъ, что онъ имъ, Шлифферманомъ, убитъ тупымъ орудіемъ по головѣ, что тѣло отвезено за Волгу сторожемъ моленной Берманомъ на неизвѣстномъ извощикѣ, подъ предлогомъ отъѣзда въ Покровскую слободу, что Берманъ и извощикъ дорогой пили вино, и мальчика свалили гдѣ-то въ снѣгъ, въ то время, какъ извощикъ былъ пьянъ; что мальчикъ былъ отвезенъ не въ той одеждѣ, которая была на немъ въ то время, когда онъ былъ уведенъ имъ и приведенъ въ моленную; что платье мальчика осталось въ моленной и зарыто тамъ въ подвалѣ, въ углу на правой сторонѣ; что мальчикъ пробылъ въ моленной дня три до того времени, какъ былъ отправленъ къ Юшкевичеру. Немедленно послѣ разговора съ Шлифферманомъ и никуда не заходя онъ, Крюгеръ, возвратился къ Бѣлошапченковой и сообщилъ ей о рѣшительномъ намѣреніи своемъ объявить начальству на другой же день обо всемъ. Но Бѣлошапченкова, боясь отвѣтственности за свои сношенія

съ Зайдманомъ, упреждивая его молчать обо всемъ, не пускала его идти на квартиру и наконецъ сказала, что его убьютъ, если онъ не оставитъ своего намѣренія. Онъ, Кроттеръ, остался у Бѣлошапченковой до вечера другаго дня; въ это время пришелъ Зайдманъ, а въ слѣдъ за нимъ—Шлифферманъ и Фогельфельдъ. Всѣ они стали требовать отъ Бѣлошапченковой денегъ, отданныхъ ей за ея сына, изъ чего можно было заключить, что деньги эти были не одного Зайдмана, а общія; потомъ, обратившись къ Кроттеру, они упрекали его въ обманѣ, потому что онъ далъ поводъ надѣяться не только на пріобрѣтеніе сына Бѣлошапченковой, но и на то, что самъ сдѣлается евреемъ. Ожесточившись вслѣдствіе возраженій его и изъявленнаго имъ намѣренія объявить начальству о преступленіи, они бросились на него и начали его бить. Онъ кричалъ сколько было возможно, но при двойныхъ рамахъ съ запертыми снаружи ставнями и затворенныхъ дверяхъ невозможно было слышать его крика; спустя нѣсколько времени онъ успѣлъ вырваться, схватилъ шинель, бывшую въ передней на сундукѣ, и убѣжалъ. Когда же кто-то изъ евреевъ схватилъ его за шинель, то онъ, вырываясь, изорвалъ ее сверху до низу, и все-таки бѣжалъ, какъ могъ, со двора на улицу и потомъ домой.

По прибытіи его на квартиру, хозяева его, Севастьяновы, и ихъ стряпуха очень удивились, увидавъ его совершенно изуродованнымъ и окровавленнымъ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. Они спрашивали о причинѣ и о мѣстѣ всего съ нимъ случившагося, но онъ ничего имъ не объяснилъ и не отвѣчалъ.

Съ того времени впродолженіе двухъ недѣль лежалъ онъ въ совершенномъ безпамятствѣ и послѣ этого, до шестой недѣли великаго поста былъ болѣнъ

горькою такъ, что не вставалъ съ постели и по временамъ совершенно не помнилъ себя. На послѣдней недѣлѣ великаго поста онъ почувствовалъ себя гораздо лучше и сталъ выходить изъ дому, хотя былъ все-таки очень слабъ здоровьемъ. Въ это время онъ приходилъ раза три въ канцелярію губернатора за полученіемъ или для отсылки въ г. Тамбовъ аттестата о службѣ его, и хотя могъ-бы объявить тотчасъ же о происшествіи начальству, но слышавъ, что скоро пріѣдетъ изъ Петербурга надворный совѣтникъ Дурново, не хотѣлъ до его пріѣзда объявлять тогдашнему Саратовскому начальству, про которое были въ городѣ, въ то время какъ онъ началъ выздоравливать, повсемѣстные слухи, что оно взяло съ евреевъ деньги. Встрѣтившись съ чиновникомъ Вырыпаевымъ, онъ, Крюгеръ, разсказалъ ему въ немногихъ словахъ о происшествіи. Вырыпаевъ совѣтовалъ ему объявить о видѣнномъ имъ, и какъ онъ уже самъ имѣлъ намѣреніе объявить слѣдователю, а не мѣстному начальству, то и отправился вмѣстѣ съ Вырыпаевымъ 7-го мая къ надворному совѣтнику Дурново, у котораго и написалъ извѣщеніе; былъ ли съ Вырыпаевымъ, когда онъ его встрѣтилъ, писецъ Кудрявцевъ, онъ не замѣтилъ. Объ убійствѣ мальчика въ моленной, объ исповѣданіи имъ еврейской вѣры и о томъ, что получаетъ отъ евреевъ по 25 руб. сер. всякій мѣсяцъ, онъ не говорилъ Вырыпаеву, а разсказывалъ о происшествіи въ моленной и о предложеніи ему евреями принять ихъ вѣру, согласно вышеизложенному показанію своему, и говорилъ, что, находясь безъ должности, все-таки не можетъ проживать менѣе 25 руб. въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи, при самомъ судѣ, въ коммисіи Крюгеръ добавилъ, что съ цѣлію положить конецъ любопытству Вырыпаева о причи-

нахъ, по которымъ извѣстно ему происшествіе, онъ на вопросъ: не еврей-ли онъ?—можетъ быть и сказалъ: «да, еврей»; но точно-ли сказалъ, этого не припомнитъ.

По обыскамъ, произведеннымъ вслѣдъ за поданнымъ Крюгеромъ объявленіемъ, какъ въ еврейской моленной, такъ и въ квартирахъ оговоренныхъ Крюгеромъ евреевъ, ни одежды убитаго мальчика Маслова, ни чего-либо подозрительнаго не найдено.

Для указанія Крюгеромъ въ частномъ домѣ, въ которомъ помѣщалась въ февралѣ 1853 г. еврейская моленная, того мѣста, на которомъ, по словамъ его, произведено обрѣзаніе и истязаніе мальчика Маслова, члены судебной коммисіи осматривали домъ сей вмѣстѣ съ Крюгеромъ. При этомъ въ залѣ означеннаго дома, служившей молитвенною комнатой, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по объясненію Крюгера, при истеченіи крови изъ мальчика нѣсколько капель ея упало на полъ, доски оказались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно глубоко прожженными; но сдѣлано-ли это евреями для истребленія слѣдовъ капнувшей крови, или послѣ переѣзда ихъ изъ этого дома, случайно, кѣмъ-либо другимъ, — ни Крюгеръ, ни постояльцы дома, ни ихъ прислуга объяснить не могли; сіи послѣдніе однакожъ показали, что при переходѣ ихъ въ эту квартиру они нашли эти доски уже прожженными.

Спрошенные послѣ показаній Крюгера оговоренные имъ евреи: Янкель Юшкевичеръ, Михель Шлиоферманъ, Эздра Зайдманъ, Гершна Фогельфельдъ и Янкель Берманъ не только ни въ чемъ не сознались, но всѣ, за исключеніемъ Шлиофермана, отозвались, что, бывъ на свободѣ, Крюгера вовсе не знали; Шлиоферманъ же, отозвавшійся сначала, что не знаетъ и никогда не видалъ Крюгера, показалъ послѣ, что бралъ Крюгера въ теченіе 8-ми недѣль, въ 1851 г.

Губернская секретарша Бѣлошапченкова, не отвергая довольно частыхъ посѣщеній ея Крюгеромъ, также не созналась ни въ одномъ изъ изведенныхъ на нее обвиненій.

Въ доказательство лживости показаній Крюгера, Янкель Юшкевичеръ привелъ то обстоятельство, что кивотъ въ еврейской моленной не могъ стоять въ углу, на мѣстѣ, указанномъ Крюгеромъ въ особо составленномъ имъ чертежѣ моленной, а всегда стоялъ посрединѣ стѣны, обращенной къ земскимъ конюшнямъ, т. е. на востокъ (Мизрахъ), какъ требуетъ еврейскій законъ.

Спрошенные о семъ обстоятельствѣ шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, неприкосновенныхъ къ дѣлу, подтвердили это показаніе Янкеля Юшкевичера. Крюгеръ объяснилъ, что при первомъ посѣщеніи имъ моленной, въ началѣ февраля 1853 г., онъ самъ видѣлъ кивотъ у стѣны, обращенной къ земскимъ конюшнямъ. Въ день же обрѣзанія мальчика Маслова кивотъ стоялъ въ углу, на мѣстѣ, обозначенномъ на сдѣланномъ имъ планѣ, но о причинахъ такого перемѣщенія кивота онъ не знаетъ.

При произведенномъ разслѣдованіи собственно о времени и другихъ обстоятельствахъ упоминаемой Крюгеромъ болѣзни, которая будто воспрепятствовала ему своевременно объявить начальству о происшествіи, оказалось, по безприсяжному показанію свидѣтельницы, коллежской регистраторши Надежды Севастьяновой и свидѣтеля, сына ея, коллежскаго регистратора Александра Севастьянова, у которыхъ квартировалъ Крюгеръ, и присяжному показанію свидѣтельницы, кухарки Севастьяновыхъ, мѣщанки Матрены Бородиной,—что Крюгеръ, прійдя однажды домой на масляницѣ 1853 года или предъ самой масляницей (начав-

шейся 22 февраля) съ явными знаками побоевъ, былъ боленъ около трехъ недѣль (до половины марта), потомъ, поправившись, вышелъ одинъ разъ изъ квартиры, но въ тотъ же день слегъ снова въ постель и прохворалъ до самой Пасхи (начавшейся въ 1853 году 19 апрѣля.)

О томъ, что Крюгеръ былъ въ мартѣ 1853 г. въ канцеляріи гражданскаго губернатора, засвидѣтельствовали семь человѣкъ служащихъ въ той канцеляріи.

На основаніи упомянутыхъ выше двухъ присяжныхъ показаній (Вырыпаева и Кудрявцева) о томъ, что самъ Крюгеръ говорилъ объ исповѣданіи имъ еврейской вѣры, для дознанія, не обращенъ ли онъ дѣйствительно въ сію вѣру, было произведено чинами Саратовской врачебной управы, въ присутствіи судебной коммисіи, освидѣтельствованіе Крюгера, но при семъ на немъ никакихъ знаковъ обрѣзанія не оказалось.

Рядовой Богдановъ, сознавшійся въ участіи своемъ въ преступленіи евреевъ относительно мальчика Шерстобитова, въ показаніи, данномъ въ судебной коммисіи, на которомъ окончательно утвердился, сознался также и въ участіи своемъ въ вывозѣ на Волгу трупа втораго мальчика, Маслова, объяснивъ это слѣдующимъ образомъ. Поступивъ отъ поручика Невѣровскаго, у котораго былъ за деньщика, обратно въ 1-ю роту Саратовскаго гарнизоннаго баталіона (въ февралѣ 1853 г.), онъ встрѣтилъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того рядовыхъ Берлинскаго и Зайдмана, которые пригласили его идти съ ними на нѣмецкій базаръ (близъ котораго въ С.-Петербургской гостинницѣ квартировалъ еврей Янкель Юшкевичеръ), на что онъ согласился, сказавъ: «развѣ заведете меня въ трактиръ?» Дорогою Зайдманъ заглядывалъ въ находившіеся по пути кабаки, какъ-бы ища кого нибудь, и

въ одинъ изъ нихъ, уже въ сумерки, когда огни были зажжены, вошелъ съ Берлинскимъ и съ нимъ; здѣсь нашли рядоваго Ѳедора Юрлова, въ партикулярномъ платьи. Берлинскій сталъ угощать Юрлова и его водкой, а Зайдманъ отлучился куда-то на короткое время. Когда же Зайдманъ воротился въ кабакъ, всѣ они пошли по Сергіевской улицѣ, по направленію къ нѣмецкому базару; на пути остановились предъ однимъ домомъ, въ который зашелъ Зайдманъ, какъ онъ сказалъ, къ какой-то женщинѣ за деньгами. Зайдманъ вышелъ вскорѣ вмѣстѣ съ нею изъ воротъ на улицу, а женщина, прощаясь съ нимъ, сказала: «Богъ съ вами». Богдановъ замѣтилъ, что женщина эта говорила чисто по русски, не такъ, какъ еврейка, и скороговорной. Отсюда они пошли прямо въ домъ Петербургской гостинницы, но не въ самое заведеніе, а въ находившуюся на дворѣ квартиру Янкеля Юшкевичера. Онъ не зналъ, что его приведутъ туда. Войдя въ переднюю, гдѣ было темно, Берлинскій поставилъ принесенный имъ изъ кабака полуштофъ водки въ углу около шкафа, который стоялъ на лѣвой рукѣ отъ входа въ переднюю, а самъ съ Юрловымъ и Зайдманомъ вошли въ комнату, онъ же остался въ передней. Въ большой комнатѣ пили и закусывали: Янкель, Юрловъ, Берлинскій и Зайдманъ. Его же Юрловъ подчивалъ изъ полуштофа, принесеннаго Берлинскимъ. Янкель и Юрловъ выходили изъ квартиры на нѣкоторое время, но куда—не знаетъ. Уже поздно, около полуночи, всѣ они вышли изъ квартиры Янкеля; у крыльца стояли чьи-то сани, въ которыхъ уже лежалъ покрытый чѣмъ-то трупъ. Берлинскій, Зайдманъ и Юрловъ сѣли въ сани, а онъ всталъ на запятки. Выѣхавъ изъ двора и проѣхавъ немного, повернули къ Волгѣ по взвозу; на самомъ поворотѣ, бывъ крѣпко хмѣленъ, онъ свалился съ за-

пятокъ, но бывшіе съ нимъ евреи не остановились, а поѣхали далѣе къ Волгѣ, можетъ быть потому, что на взвозѣ было круто и скользко и нельзя было остановить лошади, или потому, что евреи опасались находившагося близъ взвоза будочника. Онъ за ними не пошелъ, а отправился къ казначею, какъ на старую свою квартиру, потому что боялся возвратиться въ роту; но къ казначею его не впустилъ бывшій у него ночной караулъ. Непустившаго его солдата, который былъ тогда въ исправительномъ отдѣленіи, указать не можетъ. Послѣ того онъ пошелъ на кухню къ баталіонному командиру, съ прислугою котораго былъ знакомъ, и гдѣ его могъ видѣть, между прочимъ, кантонистъ Иванъ. Когда же воротился на другой день въ роту, то сказалъ, что ночевалъ у казначея. Послѣ сдѣланнаго имъ преступленія, которое стало его тяготить, онъ, чтобы забыться, началъ пить болѣе, чѣмъ когда-нибудь, такъ что въ швальнѣ не могъ заниматься работою и нанималъ за себя другихъ. Чтобы заглушить совѣсть свою, онъ хотѣлъ даже броситься въ рѣку, а иногда думалъ явиться къ начальству и разсказать всю правду, но не находилъ къ тому удобнаго повода. Когда же пріѣхалъ слѣдователь по дѣлу изъ Петербурга, онъ уже сталъ скрываться отъ товарищей, которые полагали, что онъ говорилъ въ бреду, пьяный.

Оговоренные въ семъ показаніи Богданова евреи: Янкель Юшкевичеръ, Ицко Берлинскій, Эадра Зайдманъ и перекрестъ Ѳедоръ Юрловъ отвергли справедливость взведеннаго на нихъ обвиненія, и Янкель въ доказательство его лживости пояснилъ, что изъ воротъ дома Петербургской гостинницы евреи не могли вывести трупа, потому что ворота на ночь запирались и около ихъ всю ночь ходилъ караульщикъ. Богдановъ у него на квартирѣ никогда не былъ, и не могъ знать,

что у него въ передней стоялъ шкафъ. Богдановъ видѣлъ шкафъ вѣроятно уже тогда, когда слѣдователь Дурново приводилъ его въ квартиру къ нему, Янкелю. Хозяинъ Петербургской гостинницы, колонистъ Яковъ Гильгенбергъ и двое изъ служителей его подтвердили, что около дома гостинницы былъ постоянно зимою и лѣтомъ ночной караулъ. Ночной сторожъ, саратовскій мѣщанинъ Илья Григорьевъ Крюковъ, показалъ подъ присягой, что карауля домъ С.-Петербургской гостинницы въ теченіе трѣхъ лѣтъ, никогда не видалъ, чтобы къ Янкелю ходилъ кто-нибудь по ночамъ, чтобы кто-либо выносилъ трупъ изъ двора, и вообще не замѣчалъ на дворѣ ни за кѣмъ ничего преступнаго.

Для удостовѣренія, кто была женщина, выходившая, по словамъ Богданова, къ евреямъ на Сергіевской улицѣ, предъявлены ему были: жена еврея Зайдмана, Хая, и губернская секретарша Олимпіада Бѣлошапченкова, которая жила на указанномъ Богдановымъ дворѣ, и какъ видно изъ показанія губернскаго секретаря Крюгера, была хорошо знакома съ рядовымъ Зайдманомъ.

Изъ нихъ Богдановъ призналъ Бѣлошапченкову за упомянутую женщину. При этомъ коммисіею замѣчено, что Бѣлошапченкова говоритъ по русски чисто и скороговоркою, а жена Зайдмана, Хая, съ еврейскимъ произношеніемъ.

При предъявленіи Богданову сидѣльцевъ кабаковъ, въ которые онъ заходилъ съ Берлинскимъ и Зайдманомъ, ни онъ ихъ, ни они его не признали. Равнымъ образомъ изъ предъявленныхъ ему 8 человѣкъ рядовыхъ бывшихъ въ исправительномъ отдѣленіи во время нахожденія Богданова у казначея, поручика Невѣровскаго, онъ не призналъ никого изъ нихъ за ночнаго караульнаго, не пустившаго его на квартиру каз-

начея. Служившая у казначея поручика Невѣровскаго въ кухаркахъ солдатка Ѳомина показала подъ присягою, что вскорѣ послѣ того, какъ Богдановъ отошелъ отъ казначея, однажды ночные караульные, но кто именно—не припомнитъ, разсказывали на кухнѣ, что ночью приходилъ къ воротамъ Богдановъ хмѣльной и стучался, но что они его не впустили. Кантонистъ Иванъ Алексѣевъ, который, по показанію Богданова, могъ видѣть, какъ онъ ночевалъ на кухнѣ у баталіоннаго командира, показалъ, что Богданова вовсе не знаетъ.

Еще при самомъ началѣ слѣдствія объ убійствѣ мальчиковъ, государственный крестьянинъ Авксентій Локотковъ показалъ въ 1-й полицейской части объ убіеніи имъ мальчика Маслова, а позже, на формальномъ допросѣ слѣдователя (чиновника особыхъ порученій Волохова), отрекся отъ сего показанія, объяснивъ, что прежде показалъ на себя ложно, бывъ тогда въ нетрезвомъ видѣ и не имѣя куда укрыться для ночлега и пропитанія. Слѣдователь, предъявивъ Локоткова мальчику Канину, который не призналъ его за сманителя, отправилъ его къ приставу 1-й части г. Саратова, по распоряженію котораго Локотковъ, за неимѣніемъ письменнаго вида, подвергнутъ былъ тюремному заключенію.

По невѣроятности даннаго имъ объясненія о причинѣ сдѣланнаго имъ на себя ложно показанія, Локотковъ впослѣдствіи вновь допрошенъ въ судебной коммисіи и показалъ, что еще въ 1851 году, когда онъ былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ на театральной площади, онъ зналъ шарманщика Юрлова и рядоваго Шлиффермана, бывавшихъ въ томъ кабакѣ, а равно видалъ Янкеля Юшкевичера, который заходилъ иногда въ кабакъ узнать, нѣтъ-ли тамъ сына его Юрлова Бывъ

пересланъ за просрочку вида на мѣсто жительства своего, въ Пензенскую губернію, Локотковъ бѣжалъ оттуда и прибылъ опять въ Саратовъ за недѣлю или дня за три до масляницы 1853 года и жилъ на квартирѣ въ домѣ Филатова. Во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, часовъ въ 9 утра, пошелъ онъ на Волгу погулять и для естественной надобности влѣзъ чрезъ окошко въ старый пустой каменный лабазъ, находящійся на Московскомъ взвозѣ. Въ лабазѣ увидалъ онъ мертваго мальчика, лежавшаго на спинѣ, по лѣвую сторону отъ входа; подойдя къ нему, замѣтилъ, что мальчикъ былъ одѣтъ въ красную изорванную рубашку и въ сапоги съ бураками; на шеѣ у него былъ затянутъ пестрый шерстяной кушакъ и на трупѣ были штаны, но какіе—не помнитъ. Представленные ему кушакъ и рубаху онъ признаетъ за видѣнные на трупѣ; открытое лицо мальчика было окровавлено и руки обнажены выше кисти. На полу былъ всякій соръ и щепа: мальчикъ лежалъ на этомъ сору; въ лабазѣ было темно, и другаго отверстія въ немъ, кромѣ окна, въ которое влѣзъ Локотковъ, не было. По выходѣ изъ лабаза, онъ, спустя нѣсколько времени, въ тотъ-же день пришелъ въ кабакъ, бывшій на Московскомъ взвозѣ, и выходя оттуда, увидалъ Михеля, цирюльника, вылѣзавшаго изъ окна того же лабаза, одѣтаго въ партикулярное платье; онъ не показалъ вида, что замѣтилъ его, и пошелъ; но Шлифферманъ, догнавъ его, пригласилъ идти съ собою въ гостинницу Столбова, куда вскорѣ за ними пришелъ и Юрловъ. Когда они здѣсь всѣ вмѣстѣ сидѣли и пили, пришелъ старикъ Янкель; отворивъ дверь, онъ взглянулъ на нихъ и пошелъ назадъ, не сказавъ ни слова ни съ кѣмъ. Шлифферманъ и Юрловъ, угощая его, Локоткова, въ теченіе того же дня еще въ кабакѣ, а

вечеромъ опять въ Столбовской гостинницѣ, уговорили его, за обѣщанную ему плату 15 р. с., вытащить тѣло мальчика изъ лабаза на Волгу, на что онъ, бывши пьянъ, и согласился. Шлифферманъ остался въ гостинницѣ, а Юрловъ уже поздно вечеромъ повелъ его въ лабазъ.

Указавъ ему мѣсто гдѣ лежитъ мальчикъ, Юрловъ вышелъ изъ лабаза обратно, сказавъ, чтобы онъ ему передалъ трупъ. Тогда онъ, Локотковъ, взялъ трупъ поперекъ и подалъ его Юрлову въ отверстіе головою впередъ; Юрловъ принялъ трупъ отъ него, и тогда вылѣзъ изъ лабаза и онъ Локотковъ. Юрловъ взялъ трупъ за голову, а онъ за ноги, и вдвоемъ понесли его прямо на Волгу, противъ Шапошникова взвоза, гдѣ положили подъ досчаникъ. Юрловъ сказалъ, что будетъ класть самъ, отпустилъ его, а самъ остался при мальчикѣ. Онъ, Локотковъ, пошелъ тогда опять наверхъ, залѣзъ въ лабазъ и, сдѣлавъ себѣ тамъ постель изъ старыхъ мочалъ, легъ спать. На другой день, проснувшись, онъ вышелъ изъ лабаза и, встрѣтясь, спустя нѣкоторое время, съ Шлифферманомъ и Юрловымъ въ гостинницѣ, просилъ Юрлова дать обѣщанныя деньги, но тотъ сказалъ: «погоди, еще подойдетъ случай, тогда заодно и отдамъ».

Затѣмъ, угощая Локоткова въ среду (4 марта 1853 г.), когда уже найдено было на Волгѣ тѣло мальчика Маслова, Шлифферманъ и Юрловъ уговаривали его принять на себя убійство этого мальчика, объявивъ о томъ въ 1-й части города, за что обѣщали принести туда 100 р. сер. При этомъ Шлифферманъ и Юрловъ сказали, что убійство мальчика дѣйствительно ихъ дѣло, и хотя это преступленіе не можетъ быть доказано, но что въ городѣ носится слухъ, что сдѣлали это евреи, а потому и просятъ его взять преступленіе на себя. Шлиффер-

манъ говорилъ, что ему, Локоткову, все равно сидѣть въ тюрьмѣ, что онъ безъ паспорта, что рано или поздно попадется, что онъ несовершеннолѣтній, его станутъ судить въ совѣстномъ судѣ и ничего не будетъ, а деньги у него останутся.

Локотковъ, не имѣя ни квартиры, ни денегъ, ни одежды, согласился на ихъ предложенія; переночевавъ съ среды на четвергъ (съ 4-го на 5-е марта) на квартирѣ, содержимой для простонародья Иваномъ Лащининымъ, на другой день пошелъ въ 1-ю часть, гдѣ объявилъ о преступленіи квартальному Долгову.

Придя въ часть, онъ былъ съ большаго похмѣлья, ибо наканунѣ пьянствовалъ. Вечеромъ пріѣхалъ частный приставъ Козминъ и, снявъ съ него допросъ, посадилъ его за рѣшетку, а ночью часу въ 11-мъ отправилъ въ 3-ю часть, гдѣ онъ слышалъ отъ арестантовъ, что въ часть уже привезенъ съ Волги мальчикъ.

Оговоренные Локотковымъ Шлифферманъ и Юрловъ на допросѣ и очной ставкѣ съ Локотковымъ ни въ чемъ не сознались; при семъ Шлифферманъ показалъ, что зналъ Локоткова, когда онъ служилъ въ водочномъ магазинѣ. Янкель Юшкевичеръ отозвался, что въ гостинницѣ Столбова никогда не былъ.

При разслѣдованіи противъ показанія Локоткова содержательница квартиры для чернорабочихъ въ домѣ Филатова, солдатка Васильева, безъ присяги показала, что Локотковъ дѣйствительно прибылъ къ ней на масляницѣ 1853 г. и пробылъ дня четыре или дней пять.

Содержатель другой такой же квартиры, государственный крестьянинъ Лащининъ, показалъ подъ присягою, что ночевалъ-ли у него Локотковъ съ 4 на 5-е марта, по множеству останавливающихся у него, не упомнитъ.

Буфетчикъ Столбовской гостинницы Иванъ Столбовъ

и служитель той же гостинницы Захаръ Горбуновъ показали подъ присягою, что Юрловъ бывалъ въ ихъ заведеніи, а Шлиффермана и Локоткова не знаютъ.

Бывшій приставъ 3-й части, Вандышевъ, показалъ, что 6-го марта по утру дежурный по части, квартальный надзиратель Ястребовъ, доложилъ ему, что полицейскій солдатъ, приводившій Локоткова 5-го числа изъ 1-й части, приходилъ опять ночью въ 3-ю часть пьяный съ двумя ему неизвѣстными людьми, кажется солдатами. Пришедшіе стояли у крыльца части, и полицейскій солдатъ просилъ Локоткова назадъ, говоря, что приведутъ его опять съ бумагой, но дежурный не отпустилъ Локоткова, а солдатъ, о бывшихъ съ нимъ товарищахъ, на вопросъ дежурнаго сказалъ, что это его знакомые.

Служившіе при 3-й части квартальный надзиратель Минервинъ, бывшій 5-го числа поздно ночью въ части, и унтеръ-офицеръ Турченко, подтвердили подъ присягою показаніе Вандышева и Минервинъ присовокупилъ, что двое людей, приходившихъ съ полицейскимъ солдатомъ къ Локоткову, были Ѳедоръ Юрловъ и цирюльникъ Мишка (Шлифферманъ).

Сверхъ того изъ полицейскихъ служителей 3-й же части показали подъ присягой: одинъ, что слышалъ отъ Турченко и умершаго въ 1853 г. десятскаго Яковлева о приходѣ за Локотковымъ Юрлова и Шлиффермана, и другой, что слышалъ отъ того же Яковлева о приходѣ двухъ баталіонныхъ солдатъ.

Юрловъ и Шлифферманъ въ приходѣ къ Локоткову въ 3-ю часть не сознались.

Изъ подробнаго разслѣдованія объ отлучкахъ изъ казармъ и караула Ѳедора Юрлова, ходившаго, по показанію Богданова и Локоткова, съ тѣмъ и другимъ въ разное время дня и ночи, оказалось: по показанію

девяти присяжныхъ и пяти безприсяжныхъ свидѣтелей изъ нижнихъ чиновъ баталіона, жившихъ въ одной казармѣ съ Юрловымъ, что онъ, со времени поступленія своего на службу (22 января 1853 г. до взятія его подъ стражу (12 мая того же года), нерѣдко ночевалъ внѣ казармъ.

По показанію одного присяжнаго свидѣтеля, Юрловъ не ночевалъ въ казармахъ, между прочимъ, именно со вторника на среду первой недѣли великаго поста, т. е. съ 3-го на 4-е число марта.

Любовница Юрлова, мѣщанка Горохова, показала, что Юрловъ, по поступленіи въ рекруты, хаживалъ къ ней ночевать, и, какъ припомнитъ, ночевалъ у нея со вторника на среду первой недѣли великаго поста; въ этотъ вторникъ Юрловъ пришелъ къ ней въ 6 часовъ вечера и посидѣвъ съ часъ ушелъ, сказавъ, что идетъ къ отцу; пришелъ же обратно онъ къ ней, какъ уже начала заниматься заря, и на разспросы ея гдѣ былъ, отвѣчалъ: «у отца». Этотъ ночлегъ Юрлова со вторника на среду Гороховой памятенъ потому, что Юрловъ обыкновенно приходилъ къ ней съ вечера и впродолженіи ночи не отлучался.

По присяжному показанію одного и безприсяжнымъ показаніямъ трехъ рядовыхъ Юрловъ отлучался и изъ караула.

Самъ Юрловъ, показавъ, что онъ отлучался изъ казармъ съ разрѣшенія ближайшаго начальства, и сознаваясь въ отлучкѣ изъ караула при рабочемъ домѣ на ночь къ любовницѣ своей Гороховой со вторника на среду масляницы 1863 г., не сознался въ томъ, что не ночевалъ въ казармахъ съ 3 на 4-е марта, и въ томъ, что былъ въ эту ночь въ казармѣ, сослался на спавшихъ близъ него унтеръ-офицеровъ Осипова и Артемьева.

Унтеръ-офицеры Козьма Осиповъ и Григорій Артемьевъ подъ присягою показали, что не помнятъ, ночевалъ ли Юрловъ въ казармахъ со вторника на среду 1-й недѣли великаго поста 1853 г.

Одинъ изъ спрошенныхъ безъ присяги рядовыхъ' именно Завадскій, на очной ставкѣ уличая Юрлова въ отлучкѣ изъ караула, присовокупилъ, что онъ уходилъ оттуда въ еврейскую моленную и что къ нему, Юрлову, приходилъ однажды цирюльникъ Шлифферманъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ по еврейски.

Юрловъ въ этомъ не сознался, но потомъ, на очной ставкѣ съ Шлифферманомъ, показавшимъ тоже о приходѣ его въ еврейскую моленную, показалъ, что въ 1851 г., до поступленія въ военную службу, ходя по городу съ органомъ, какъ припоминаетъ, былъ на дворѣ моленной и еще помнитъ, что былъ въ самой моленной въ передней (безъ органа) раза два; и въ одинъ изъ этихъ приходовъ видѣлъ, какъ тамъ пекли мацу.

Шлифферманъ относительно прихода своего къ Юрлову въ казарму великимъ постомъ 1853 г., отозвался запамятованіемъ.

Мѣщанка Ирина Иванова Попова, стряпуха портнаго Цыганова, жившаго въ одномъ флигелѣ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, подъ присягою показала, что въ мясоѣдъ предъ масляницею 1853 г., однажды вечеромъ, когда рабочіе уже разошлись и хозяина самаго не было дома, оставшись одна въ комнатахъ, она услышала необыкновенный жалобный дѣтскій крикъ и разобрала слова: «отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ». Вслѣдъ затѣмъ услыхала она какой-то шорохъ и потомъ все замолкло. Любопытствуя знать, что это такое, и будучи смущена этимъ крикомъ, она пошла на квартиру къ Янкелю; но старшая дочь его

Елизавета не допустила ее во внутрь покоевъ и остановивъ ее въ прихожей, на вопросъ Поповой: что это у васъ за страшный крикъ былъ?—сказала: «это играютъ дѣти».

Цеховой Цыгановъ подъ присягою показалъ, что въ означенное время Попова однажды сказала ему, что въ отсутствіе его она услыхала на квартирѣ у Янкеля жалобный дѣтскій крикъ, но говорила ли о томъ, что разслышала слова: «отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ», онъ не помнитъ.

Для удостовѣренія, можно-ли изъ комнатъ, занимаемыхъ портнымъ Цыгановымъ, слышать, что говорятъ за перегородкою, отдѣляющею квартиру Цыганова отъ квартиры Юшкевичера, произведено было при понятыхъ освидѣтельствованіе означенныхъ помѣщеній, по которому оказалось, что комната, изъ которой Ирина Попова, по ея показанію, слышала жалобный дѣтскій крикъ, отдѣляется отъ бывшей квартиры Янкеля только оштукатуренною перегородкою. По сдѣланному членами коммисіи опыту, не только слышны были въ означенной комнатѣ разговоры, происходившіе за перегородкой, но можно даже разобрать ясно слова при небольшомъ возвышеніи разговаривавшими голоса.

Янкель Юшкевичеръ, жена его Ита и дочь Минарейза отвергли справедливость показанія Поповой. При семъ Янкель объяснилъ, что если бы крикъ этотъ происходилъ отъ какого нибудь чужаго дитяти, которому бы дѣлали какія-либо притѣсненія, то вѣроятно оно было бы задержано въ болѣе отдаленной комнатѣ, и вѣроятно не пускали бы дитя въ ближайшую и смѣжную съ квартирой Цыганова комнату, въ которой постоянно работали и спали христіанскія дѣвушки.

Государственный крестьянинъ Пензенской губерніи

Иванъ Яковлевъ Кадомцевъ, бывшій семь лѣтъ кучеромъ у содержателя Петербурской гостинницы, колониста Якова Гильгенберга, показалъ безъ присяги, что въ исходѣ мясоѣда, предъ самой масляницею 1852 года, однажды позно вечеромъ запрягалъ онъ хозяйскую лошадь для евреевъ. Запрягши лошадь, поставилъ онъ ее у крыльца квартиры Янкеля, заперъ конюшню и отправился въ кухню. Чрезъ нѣкоторое время, въ растворенную дверь кухни, еврей Янкель закричалъ: «отворите ворота». На зовъ этотъ вышелъ дворникъ Иванъ Михайловъ (государственный крестьянинъ Пензенской губерніи, уже умершій) и просилъ его, Кадомцева, помочь ему, потому что ворота тяжелы. Когда они отворили ихъ, то сани, на которыхъ сидѣло четыре человѣка и пятый стоялъ на запяткахъ согнувшись, выѣхали со двора, и когда они поровнялись съ фонаремъ, стоявшимъ у самыхъ воротъ, онъ, Кадомцевъ, при свѣтѣ успѣлъ разглядѣть, что въ саняхъ лежало что-то похожее на человѣка, покрытое чѣмъ-то въ родѣ дубленой шубы. Изъ проѣхавшихъ мимо его онъ никого не призналъ, но слышалъ между ними еврейскій разговоръ. Послѣ того онъ пошелъ спать въ кухню и уже не видалъ, когда возвратились евреи; но ночью его разбудилъ поваръ Иванъ, чтобы убрать лошадь, которую онъ нашелъ уже на своемъ мѣстѣ, въ конюшнѣ. Въ предъидущія этой двѣ ночи онъ, спавши, по приказанію хозяина, въ конюшнѣ, замѣтилъ, что въ выходъ подъ гостинницею ходили съ фонаремъ какіе-то люди.

Спрошенные и впослѣдствіи измѣнившіе свои показанія служители гостинницы безъ присяги показали [1]):

---

[1]) Крестьяне Иванъ Касатковъ и Федоръ Харитоновъ спрошены были надворнымъ совѣтникомъ Дурново сначала безъ присяги, потомъ подъ присягою. Въ судебной же коммисіи они, будучи спрашиваемы вновь, къ при-

поваръ, крестьянинъ Иванъ Касатковъ, что въ означенное Кадомцевымъ время еврей Янкель, зайдя поздно въ кухню, сказалъ, что хозяйская лошадь возвратилась и чтобы онъ, Касатковъ, разбудилъ Кадомцева для того, чтобы убрать лошадь; мѣщанинъ Федоръ Харитоновъ, что слышалъ отъ Кадомцева, что онъ запрягалъ хозяйскую лошадь для евреевъ. Тоже показалъ вольноотпущенный Романъ Фарафонтовъ.

Колонистъ Гильгенбергъ, хозяинъ гостинницы, отвергъ положительно, что онъ давалъ лошадь свою Янкелю предъ масляницею 1853 года. Янкель показалъ, что отъ хозяйской лошади ночью никогда не бралъ и въ кухнѣ никого не будилъ, и объяснилъ уже при судѣ, что, какъ припоминаетъ, возвратясь однажды домой съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, нашелъ ворота запертыми, почему, пройдя чрезъ калитку во дворъ, зашелъ дѣйствительно въ хозяйскую кухню сказать, чтобы отперли ворота.

И такъ вообще, относительно убійства двухъ мальчиковъ, слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя.

Мѣщанская вдова Олимпіада Горохова, бывшая по собственному показанію, въ любовной связи съ Федоромъ Юрловымъ, отозвавшись при первоначальныхъ допросахъ совершеннымъ незнаніемъ о всемъ томъ что касается убійства мальчиковъ, впослѣдствіи показала, что когда пришла къ рядовому Федору Юрлову въ казарму съ извѣстіемъ объ арестѣ отца его Янкеля Юшкевичера, то Юрловъ, заплакавъ, сказалъ ей: «нашъ грѣхъ, вѣрно мы всѣ погибли». И на вопросъ ея, кто участвовалъ въ убійствѣ, отвѣчалъ: «ты сама знаешь, кого арестовали, тѣ и убили», — при чемъ при-

---

сягѣ приводимы не были, но коммисія, какъ видно изъ приговора ея, на основаніи прежняго привода считала ихъ показанія присяжными и приговорила ихъ за ложныя показанія подъ присягою.

казалъ хранить это дѣло въ тайнѣ, чтобы пощадить его.

Юрловъ, не отвергая прихода къ нему Гороховой съ извѣстіемъ объ арестѣ отца его, показалъ, что никогда не говорилъ приводимыхъ ею словъ.

Таже мѣщанка Горохова показала, что жена Янкеля Юшкевичера, Ита Нехама, зазвавъ ее къ себѣ въ іюлѣ 1853 г. (послѣ ареста главныхъ обвиняемыхъ по дѣлу евреевъ), разсказывала ей, что мальчиковъ доставлялъ евреямъ Михель Шлифферманъ, что ихъ обрѣзывали и убивали съ разными истязаніями въ еврейской моленной; что выносилъ тѣла мальчиковъ рядовой Богдановъ, и что за кровь мальчиковъ, которая нужна евреямъ для религіозныхъ обрядовъ, прислано Шлифферману четыре милліона и Янкелю два милліона рублей изъ Волынской губерніи.

Еврейка Ита Нехама ни въ чемъ взведенномъ на нее Гороховою не созналась. На очной ставкѣ Горохова и Ита Нехама остались при данныхъ ими показаніяхъ при чемъ слѣдователи замѣтили, что улики Гороховой и опроверженія Нехамы были тверды.

На перехваченныхъ у еврея Янкеля, во время содержанія его въ острогѣ, лоскуткахъ бумаги, писанныхъ обожженною лучиною, оказались, между прочимъ, по сдѣланному переводу, слѣдующія слова: «увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились. Стойте крѣпко! Крѣпись, дорогая моя дочь: въ этомъ я прошу тебя и брата». При предъявленіи Янкелю сихъ листовъ, онъ объявилъ, что такое письмо было имъ дѣйствительно писано; но что по слабости зрѣнія его теперь разобрать не можетъ и содержанія его не помнитъ. При прочтеніи же ему перевода сихъ листовъ и, между прочимъ, заключающихся въ нихъ словъ: «крѣпись, любезная дочь моя, и стой крѣпко: объ этомъ я прошу тебя и брата»,—

Янкель сказалъ, что въ письмѣ этихъ словъ не должно быть.

По показанію четырехъ присяжныхъ и трехъ безприсяжныхъ свидѣтелей изъ нижнихъ чиновъ одной роты съ Антономъ Богдановымъ, найдены были у него въ день взятія его подъ арестъ, при домашнемъ обыскѣ въ казармахъ, парикъ и фальшивая борода. Спрошенный о семъ Богдановъ показалъ, что еще зимою 1852 г., послѣ выноса перваго мальчика, Юрловъ Подговаривалъ его къ побѣгу изъ баталіона. Для этого еще тогда же купилъ онъ, Богдановъ, у одного изъ товарищей его по ротѣ, но не помнитъ у кого, парикъ и фальшивую бороду. Необходимый же для побѣга фальшивый паспортъ обѣщалъ ему достать Юрловъ. Около Пасхи 1853 г. онъ, находясь въ Столбовской гостинницѣ съ Юрловымъ и нанявшимъ его въ рекруты за себя мѣщаниномъ Ушаковымъ, говорилъ съ Юрловымъ о побѣгѣ; понялъ ли Ушаковъ, въ чемъ именно дѣло, онъ сказать утвердительно не можетъ. Но когда Юрловъ сказалъ: «меня возьмутъ въ гвардію, а ты Богдановъ, уйдешь отсюда съ паспортомъ и тѣмъ дѣло кончится», —то Ушаковъ сказалъ: «Въ Саратовѣ достать паспортъ бездѣлица». Ушаковъ подтвердилъ, что когда онъ съ Богдановымъ и Юрловымъ пилъ чай въ гостинницѣ, то между послѣдними былъ разговоръ въ темныхъ выраженіяхъ о какомъ-то дѣлѣ. Во время сего разговора Юрловъ сказалъ, что его берутъ въ гвардію, а Богдановъ прибавилъ, что ему здѣсь жить одному нельзя и надо достать паспортъ; на это Ушаковъ дѣйствительно сказалъ, что въ Саратовѣ достать паспортъ—бездѣлица.

Рядовой Федоръ Юрловъ, сознаваясь, что въ концѣ великаго поста 1853 г. онъ дѣйствительно былъ въ гостинницѣ съ Богдановымъ и Ушаковымъ и что го-

ворили при семъ о томъ, что его, Юрлова, возьмутъ въ гвардію,—отвергъ справедливость всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, показанныхъ Богдановымъ.

При первоначальномъ представленіи рядоваго Богданова къ допросу, въ маѣ 1853 г., найдена была у него за обшлагомъ рукава пяти-рублевая ассигнація прежняго образца, которая и пріобщена къ слѣдствію. Богдановъ впослѣдствіи объяснилъ, что ассигнація эта была дана на 2-й или на 3-й день Пасхи 1853 г. (20 или 21 апрѣля) Берлинскимъ въ числѣ тридцати рублей серебромъ, обѣщанныхъ ему, Богданову, за выносъ перваго мальчика. Рядовой Берлинскій показалъ, что онъ Богданову никогда денегъ, и въ томъ числѣ означенной ассигнаціи, не давалъ.

Арестантъ Авксентій Локотковъ показалъ, что зимою 1853 г. и лѣтомъ 1854 г., когда онъ находился въ больницѣ тюремнаго замка вмѣстѣ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, послѣдній упрекалъ его въ томъ, что онъ, Локотковъ, отказался отъ принятія имъ на себя преступленія, и уговаривалъ его еще разъ принять оное на себя. Янкель противъ сего обвиненія показалъ, что оно ложно, и онъ Локоткова вовсе не знаетъ. Спрошенные по ссылкѣ Локоткова хожатые больницы, арестанты Саратовской арестантской роты гражданскаго вѣдомства Иванъ Суховъ и Самойло Лобановъ показали безъ присяги, что видѣли въ больницѣ, какъ Янкель и Локотковъ говорили между собою потихоньку.

Солдатка Ѳедосья Притоцкина показала подъ присягою, что великимъ постомъ 1853 г. она слышала на кухнѣ Петербургской гостинницы, что пришедшій въ гостинницу пьяный солдатъ изъ поляковъ перебилъ посуду, требовалъ позвать Янкеля Юшкевичера для расплаты за разбитое и вступилъ въ драку съ пришедшимъ вмѣсто Янкеля сыномъ его, слушавшимъ

по водочной части, который отрекся отъ знакомства съ солдатомъ. Изъ спрошенныхъ о семъ обстоятельствѣ жильцевъ дома показали: нянька хозяина гостинницы Гильгенберга, солдатка Авдотья Долгорукова, портной Василій Цыгановъ и кухарка послѣдняго, Ирина Попова, подъ присягою, что слышали великимъ постомъ о буйствѣ, произведенномъ пьянымъ солдатомъ въ гостинницѣ; изъ служителей гостинницы Касатковъ, Харитоновъ, Кирпичниковъ, Босиковъ и Ворожейкинъ безъ присяги отозвались или запамятованіемъ, или незнаніемъ сего обстоятельства.

Впослѣдствіи, на передопросахъ, Харитоновъ, Кирпичниковъ, Ворожейкинъ и Босиковъ показали такъ. На первой недѣлѣ великаго поста 1853 г., какой-то пришедшій въ гостинницу солдатъ, сдѣлавшись хмѣленъ, дѣйствительно перебилъ посуду. На требованіе буфетчика Босикова заплатить за посуду, солдатъ сказалъ, что у него денегъ нѣтъ, и требовалъ, чтобы послали за евреемъ Янкелемъ Юшкевичеромъ, который за него заплатитъ. Посланный за евреемъ служитель Тимоѳей Ворожейкинъ не засталъ Янкеля, и вмѣсто него пришелъ старшій сынъ его, служившій по водочной части (Файвишъ). Когда молодой еврей отказался платить за солдата, то послѣдній сталъ бить его. Буфетчикъ Босиковъ рознялъ дравшихся. Солдатъ-же, бранясь съ евреемъ, въ досадѣ на него вынулъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ, и показывая ихъ, сказалъ: «У меня самаго есть деньги: вы же мнѣ дали за мальчиковъ». Пришедшій на драку хозяинъ гостинницы послалъ въ 3-ю полицейскую часть за полицейскимъ чиновникомъ и приказалъ служителямъ молчать о происшествіи. Приходилъ-ли кто изъ полицейскихъ чиновниковъ, они, Харитоновъ, Кирпичниковъ, Ворожейкинъ и Босиковъ, не пом-

нятъ; послѣдніе двое присовокупили къ сему, что Янкель, прійдя вскорѣ послѣ того въ буфетъ, заплатилъ за посуду. О томъ, что Янкель послѣ драки стоялъ у буфета гостинницы, и что хозяинъ Гильгенбергъ приказывалъ молчать о происшествіи, показалъ безъ присяги корридорный Фарафонтовъ. Отозвавшійся первоначально незнаніемъ о дракѣ поваръ Касатковъ сознался, что слышалъ въ то время разсказъ Кирпичникова о семъ происшествіи. Мѣщанинъ Иванъ Желѣзновъ показалъ подъ присягою, что великимъ постомъ, бывши въ С.-Петербургской гостинницѣ, однажды вечеромъ услыхалъ, что разбилась посуда въ другой комнатѣ, и видѣлъ послѣ этого, какъ съ пьянаго солдата буфетчикъ требовалъ деньги за посуду; солдатъ требовалъ, чтобы послали за евреемъ Янкелемъ, который за него заплатитъ. На шумъ пришелъ самъ хозяинъ гостинницы Гильгенбергъ; самъ же онъ, Желѣзновъ, ушелъ вслѣдъ затѣмъ изъ гостинницы и не видалъ, приходилъ-ли въ гостинницу жидъ. Хотя въ гостинницѣ въ то время было кромѣ него, Желѣзнова, много другихъ посѣтителей, но онъ ихъ не припомнитъ.

О томъ, что дѣйствительно былъ посланъ для унятія буйства квартальный Ивановъ, свидѣтельствуютъ подъ присягою унтеръ-офицеръ Турченко и квартальный Лебедевъ. Квартальный Ивановъ, сначала отозвавшійся запамятованіемъ о происшедшемъ, впослѣдствіи, на допросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гирса, безъ присяги показалъ, что дѣйствительно былъ посланъ частнымъ приставомъ въ Петербургскую гостинницу, но уже буянившаго солдата тамъ не засталъ. Вандышевъ (частный приставъ) о посылкѣ Иванова въ гостинницу отозвался запамятованіемъ.

По возникшему подозрѣнію, что означенный солдатъ

могъ быть рядовой Богдановъ, сознавшійся уже въ участіи своемъ въ преступленіи, былъ сдѣланъ ему допросъ, на которомъ онъ показалъ, что дѣйствительно въ началѣ великаго поста 1859 г., уже послѣ вывоза втораго мальчика изъ дома Петербургской гостинницы, былъ онъ вечеромъ въ этой гостинницѣ съ Юрловымъ и нанимателемъ его Ушаковымъ, что они пили тамъ чай и водку, и что заплативъ за то и другое, Юрловъ и Ушаковъ ушли изъ гостинницы. За симъ Богдановъ, упомянувъ о побитой имъ посудѣ, о требованіи имъ Янкеля для расплаты за него, о дракѣ съ какимъ то пришедшимъ въ гостинницу евреемъ, котораго онъ считалъ за сына Янкеля, и о словахъ, сказанныхъ имъ на счетъ денегъ, полученныхъ отъ евреевъ за мальчиковъ, согласно съ показаніемъ служителей гостинницы, присовокупилъ, что показанныя имъ въ гостинницѣ деньги были изъ числа 20 руб. сер., данныхъ ему Янкелемъ.

Упомянутый Богдановымъ мѣщанинъ Ушаковъ показалъ, что съ Юрловымъ и Богдановымъ въ началѣ великаго поста 1853 г. въ С.-Петербургской гостинницѣ вовсе и не былъ.

Хозяинъ гостинницы, колонистъ Гильгенбергъ, жена его и 12-ти-лѣтній сынъ ихъ отозвались совершеннымъ незнаніемъ о семъ происшествіи. На очныхъ ставкахъ съ служителями гостинницы, Гильгенбергъ остался при своемъ показаніи. Относительно свидѣтельства противъ Гильгенберга мѣщанина Желѣзнова, Гильгенбергъ при судѣ добавилъ, что оно несправедливо, ибо трудно повѣрить, чтобы Желѣзновъ не могъ припомнить кого-либо изъ бывшихъ въ гостинницѣ въ то время, когда будто бы происходила тамъ драка. Къ сему Гильгенбергъ присовокупилъ, что Желѣзновъ, ведя дружбу съ его, Гильгенберга, служащи-

ми, могъ быть подговоренъ ими къ такому свидѣтельству противъ него.

Янкель Юшкевичеръ, жена его Ита и дочь Минарейза также отвергли справедливость сего происшествія, при чемъ Ита объяснила, что сына ея Файвиша не было въ это время въ Саратовѣ и что онъ былъ вытребованъ въ городъ только лѣтомъ 1853 г. По собраннымъ при слѣдствіи свѣдѣніямъ о евреяхъ, бывшихъ въ Саратовѣ въ 1852 и 1853 гг., оказалось, что дѣйствительно Файвиша Юшкевичера не было (какъ объяснилъ онъ о томъ во время суда) въ Саратовѣ до 8 августа 1853 г., когда онъ былъ доставленъ къ слѣдствію изъ Алексѣевской станицы Земли Войска Донскаго.

При произведенномъ разслѣдованіи о томъ, не былъ ли зимою съ 1852 на 1583 годъ отдаваемъ колонистомъ Гильгенбергомъ въ наемъ тотъ подвалъ, въ которомъ, по показанію Богданова совершено убійство мальчика Шеротобитова и изъ котораго вывезено было тѣло втораго мальчика Маслова, служитель Петербургской гостинницы Ефимъ Кирпичниковъ показалъ, что за недѣлю или за двѣ до масляницы 1853 г., когда половые набивали льдомъ ледникъ гостинницы, подошелъ однажды къ нимъ хозяинъ Яковъ Ивановъ, чтобы посмотрѣть на работу; онъ, Кирпичниковъ услыхалъ тогда, какъ Гильгенбергъ сказалъ стоявшему съ нимъ тутъ же портному Цыганову, что сдалъ принадлежащій ему пивной подвалъ еврею Янкелю. Кирпичниковъ тогда же пересказалъ объ этомъ товарищамъ своимъ. Буфетчикъ Босиковъ и половые Ворожейкинъ и Харитоновъ подтвердили, что Кирпичниковъ дѣйствительно говорилъ о сдачѣ Гильгенбергомъ погреба еврею Янкелю. Цыгановъ, спрошенный подъ присягою, отозвался запамятованіемъ о томъ, чтобы Гель-

генбергъ ему говорилъ когда-либо о сдачѣ погреба Юшкевичеру.

Колонистъ Яковъ Гильгенбергъ, Янкель Юшкевичеръ, семейство его и одинъ изъ служителей гостинницы показали, что подвалъ никогда не былъ отдаваемъ въ наемъ Янкелю. Независимо отъ означеннаго обстоятельства, половой Харитоновъ показалъ, что предъ масляницей 1853 года жена Янкеля, еврейка Ита, а послѣ и самъ Янкель приходили въ гостинницу и просили у буфетчика ключи отъ пивнаго подвала. Но справедливость сего показанія отвергнута всѣми спрошенными служителями гостинницы, самимъ хозяиномъ ея Гильгенбергомъ, Янкелемъ и его семействомъ.

Относительно самого Харитонова одинъ свидѣтель подъ присягою, а другой безъ присяги показали, что однажды, въ 1853 году, при разговорѣ о пропавшихъ мальчикахъ, Харитоновъ сказалъ: «дѣло это большое; знаемъ только хозяинъ да я». Харитоновъ отозвался, что словъ этихъ никогда не говорилъ.

Спрошенный о Харитоновѣ мѣщанинъ Портновъ показалъ подъ присягой, что до 1853 года у Харитонова было мало денегъ, но лѣтомъ того года у него завелись деньги, онъ нашилъ разныхъ шелковыхъ платьевъ любовницѣ своей, мѣщанкѣ Прасковьѣ Наумовой, собирался купить домъ рублей въ 500 ассигн., и, заведя къ Наумовой Портнова, показывалъ ему панировный ящикъ, насыпанный почти ровно съ краями золотою и частію серебряною монетой. Харитоновъ отозвался, что у него бывало денегъ рублей до 150 ассигн., что онъ дѣйствительно собирался купить домъ и просилъ для этого взаймы еще 70 р. у хозяина своего, который ему, однакоже, въ томъ отказалъ. Любовницѣ же своей шелковыхъ платьевъ не покупалъ,

*

а Портнову точно показывать въ ящикѣ деньги, но не болѣе 8 или 9 золотыхъ монетъ.

Мѣщанка Наумова показала, что она дѣйствительно была въ любовной связи съ Харитоновымъ; у него за одинъ разъ болѣе 110 руб. ассигн. не видала, отъ него шелковыхъ платьевъ не получала, и о томъ, показывалъ-ли Харитоновъ деньги Портнову, не знаетъ.

Вслѣдствіе показанія мѣщанки Ирины Поповой о томъ, что на бывшей квартирѣ еврея Янкеля Юшкевичера, въ той части ея, которая занята сапожникомъ, дворовымъ человѣкомъ Александромъ Денисовымъ, есть въ темной комнатѣ на полу пролитое пятно, которое ничѣмъ нельзя отмыть, было произведено судебною коммисіею освидѣтельствованіе этой комнаты. При семъ на двухъ половыхъ доскахъ оказались два замѣтныя темнокраснаго цвѣта пятна; по вымытіи этихъ досокъ теплою водою, пятна выступали яснѣе, принимали красноватый цвѣтъ и мало-по-малу становились менѣе естественными по мѣрѣ того, какъ высыхали доски. При осмотрѣ семъ обращено вниманіе на то, что противъ упомянутыхъ пятенъ на полу находится на потолкѣ поздѣйшая, противъ другихъ частей онаго, оштукатурка.

Для точнаго опредѣленія, какого именно происхожденія упомянутыя выше пятна, т. е. состоятъ ли они слѣды какихъ-нибудь красильныхъ веществъ, или крови, и въ послѣднемъ случаѣ человѣческой, или какого-нибудь животнаго, а также для опредѣленія, по возможности, времени, съ котораго они существуютъ, были вырублены двѣ части половыхъ досокъ съ подозрительными пятнами, которыя и были химически изслѣдованы первоначально Саратовскою врачебною управой, а послѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. При семъ медицин-

сильнымъ свѣтомъ найдено, что на обѣихъ доскахъ было нѣсколько пятенъ темно-бураго цвѣта, овальнаго вида и разной величины, и на большой доскѣ только одно небольшое пятно красноватаго цвѣта (обведенное врачебною управой чернилами). Первыя пятна, подвергавшіяся многократному смыванію ихъ горячею водою, не представляютъ въ настоящее время признаковъ, по которымъ бы можно было опредѣлить ихъ свойства и происхожденіе; небольшое же красноватое пятно, очевидно позднѣйшаго происхожденія; либо, судя по легкости, съ которою оно сообразилось, нельзя допустить, чтобы оно могло сохраниться въ настоящемъ видѣ даже по однократномъ обмытіи доски горячею водою. Еслибы, при крайней ограниченности объема этого пятна, и возможно было выразить какое-нибудь заключеніе о свойствѣ его, то и тогда этотъ выводъ не могъ бы уяснить происхожденія и свойства большихъ пятенъ, приписываемыхъ совершенно другому, болѣе отдаленному времени.

По присяжнымъ показаніямъ, отобраннымъ отъ красильщика мѣховъ Орлова и сапожника Александра Денисова, занявшихъ бывшую квартиру Янкеля, и изъ показанія портнаго Цыганова видно, что вскорѣ послѣ переѣзда семейства Янкеля, въ іюлѣ 1853 года, съ этой квартиры, означенныя пятна имѣли красный, совершенно похожій на кровь цвѣтъ, который измѣнялся постепенно вслѣдствіе того, что въ теченіе полутора года, протекшихъ со времени переѣзда на квартиру новыхъ жильцовъ, полы мылись еженедѣльно два раза. При семъ красильщикъ мѣховъ Орловъ и сторожъ Ивановъ, спрошенный также подъ присягой, объявили, что употребляемыя, по ремеслу ихъ, краски не могутъ оставить подобныхъ пятенъ, и горячею водой отмываются. Относительно новой питу-

матурки на потолкѣ противъ того мѣста, гдѣ находились подозрительныя пятна на полу,—Цыгановъ объяснилъ, что когда семейство Янкеля съѣхало съ квартиры, на этомъ мѣстѣ потолка были вбиты четыре или пять большихъ гвоздей, въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, и на одномъ изъ нихъ висѣлъ красный кушакъ, не доходившій на одинъ аршинъ до полу.

Колонистъ Яковъ Гильгенбергъ, снимавшій весь домъ купца Шувалова и уже отъ себя отдававшій въ наемъ квартиру Янкелю, показалъ, что вслѣдъ за переѣздомъ семейства Янкеля съ квартиры, въ іюлѣ 1858 г., дѣйствительно замѣтилъ темноватое пятно въ маленькой комнатѣ и обвалившуюся надъ пятнами штукатурку потолка. Ита, жена Янкеля, сначала объяснила, что въ означенной комнатѣ пятенъ и гвоздей, вбитыхъ въ потолокъ противъ этихъ пятенъ, не замѣчала, а впослѣдствіи, на другомъ допросѣ, показала, что, какъ припоминаетъ, гвозди въ потолкѣ были отъ того, что на этомъ мѣстѣ лѣтомъ 1858 г., послѣ взятія мужа ея подъ арестъ, была повѣшена зятемъ ея, Гуглинымъ люлька для малолѣтняго внука ея. Мордухъ Гуглинъ отозвался, что также пятенъ не видалъ, гвоздей на потолкѣ этой комнаты не замѣтилъ, и самъ ихъ не вбивалъ, и что навѣшивалъ онъ люльку для малолѣтняго сына шурина своего въ другой мастерской комнатѣ, на бывшемъ тамъ въ потолкѣ гвоздѣ. Янкель Юшкевичеръ показалъ, что въ темной комнатѣ, которая была его спальней, гвозди въ потолкѣ дѣйствительно были вколочены имъ для развѣски мѣховъ. Подъ этими гвоздями на полу никакихъ пятенъ не замѣчалъ, потому что въ комнатѣ было темно; если же и были пятна, то они могли произойти отъ того, что мѣха вѣшались мокрые, окрашенные, съ которыхъ

краска могла капать на полъ. Въ томъ, что въ темной спальнѣ его не могло быть на полу кровяныхъ пятенъ можно удостовѣриться изъ того, что при взятіи его подъ арестъ былъ произведенъ обыскъ слѣдователемъ Дурново, при штабъ-офицерѣ корпуса жандармовъ и полицейскихъ чиновникахъ, при чемъ въ его спальнѣ ничего подозрительнаго не найдено. Если бы на полу были кровяныя пятна, то ихъ должны были-бы непремѣнно видѣть русскія дѣвушки, бывшія у него въ работницахъ по скорняжной части и мывшія полъ передъ еврейскимъ Пейсахомъ. Если бы онъ имѣлъ малѣйшее сомнѣніе на счетъ кровяныхъ пятенъ, то онъ велѣлъ-бы ихъ смыть семейству своему, съ которымъ онъ видѣлся, находясь подъ арестомъ при 3-й части.

Находившаяся въ 1853 г. въ услуженіи у Янкеля, саратовская мѣщанка Екатерина Шафъ, подъ присягою показала, что въ темной комнатѣ, бывшей въ квартирѣ Янкеля близъ мастерской, за печкою, спалъ самъ Янкель съ женою. Въ эту комнату они никого не допускали изъ христіанской прислуги, и при всякой отлучкѣ изъ квартиры запирали ее замкомъ. Въ ней хранились, какъ говорили сами евреи, дорогіе мѣха, и стояло, какъ случалось иногда замѣтить, много сундуковъ.

Зять еврея Янкеля Юшкевичера, Мордухъ Гуглинъ (нынѣ перекрестъ Николай Петровъ), по изъявленіи имъ желанія принять христіанскую вѣру, въ знакъ чистосердечія своего объявилъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ убійства мальчиковъ. Изложенныя Гуглинымъ въ запискѣ къ священнику свѣдѣнія заключаются въ слѣдующемъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 г. ѣздилъ онъ съ женою своею Минарейзою въ колонію Баронскъ (Екатериненштадтъ). По возращеніи изъ Баронска въ Саратовъ,

дней за 12-ть до того, какъ нашли мальчика Маслова на Волгѣ, Гуглинъ увидѣлъ на квартирѣ у тестя своего, у котораго онъ жилъ, какого-то мальчика лѣтъ 10, который, по словамъ Янкеля, называвшаго его Иваномъ, былъ привезенъ отцемъ своимъ, перекрестомъ изъ жидовъ Васильемъ Никаноровымъ, изъ Пензы и отданъ къ Янкелю въ ученики. Спустя нѣсколько дней Янкель, съ кучеромъ своимъ Николаемъ Игнатьевымъ Соколовымъ, отвезъ этого мальчика куда-то, сказавъ Гуглину, что отправилъ его въ Пензу. Не слыхавъ никогда о перекрестѣ Васильѣ Никаноровѣ, Гуглинъ полагаетъ, что Янкель обманулъ его относительно отца сказаннаго мальчика. По произведенному, по требованію коммисіи, на мѣстѣ разслѣдованію о времени прибытія Мордуха Гуглина въ Баронскъ, оказалось, что онъ былъ тамъ 3-го марта 1853 г. Въ виду несообразности этого показанія относительно времени, допрошенный вновь Мордухъ Гуглинъ (Николай Петровъ) показалъ, что онъ отправился въ Баронскъ съ женою въ воскресенье въ послѣдній день масляницы и вернулся дня черезъ 4 или 5 въ Саратовъ, а упомянутаго мальчика видѣлъ у тестя своего еще за нѣсколько времени до поѣздки своей въ Баронскъ. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи по поводу показанія Гуглина, освобожденный передъ тѣмъ изъ арестантскихъ ротъ Николай Игнатьевъ Соколовъ показалъ, что онъ находился дѣйствительно въ услуженіи у Янкеля въ 1852 г., но отошелъ отъ него еще въ ноябрѣ того же года, и затѣмъ, захворавъ въ началѣ 1853 года, поступилъ 7 января въ Александровскую больницу, откуда выписанъ на второй недѣлѣ великаго поста, начавшейся 8 марта. Показаніе Николая Игнатьева о времени нахожденія его въ Александровской больницѣ подтвердилось совершен-

по присяжными показаніями мѣщанина Павла Лаврова Гусева, безприсяжными показаніями саратовскихъ мѣщанокъ Авдотьи Соколовой и Екатерины Грачевой, а равно доставленною изъ конторы заведеній Саратовскаго приказа общественнаго призрѣнія справкою, изъ которой видно, что дѣйствительно Николай Игнатьевъ поступилъ въ сію больницу 7 января, а выписанъ изъ оной 10 марта 1853 г. Ближайшій сосѣдъ Янкеля, портной Цыгановъ, отозвался подъ присягой, что онъ у Янкеля никогда никакого мальчика, кромѣ малолѣтняго его сына Айзика, не видалъ. Служители Петербургской гостинницы показали тоже.

Въ той же запискѣ, писанной къ священнику, и впослѣдствіи при допросѣ, Мордухъ Гуглинъ показалъ, что въ 1853 г., когда Янкель находился въ больницѣ тюремнаго замка, жена его Ита и онъ, Гуглинъ, съ женою своею Минарейною, навѣстили его. При семъ свиданіи Янкель приказывалъ имъ отыскать спрятанные имъ между досками крыши бывшаго при квартирѣ его сарая какіе-то порошки, завернутые въ бѣлую бумагу, и уничтожить ихъ, бросивъ ихъ въ огонь или въ воду. На вопросъ Гуглина, что это за порошки, Янкель объяснилъ только, что они не красильные и не лекарственные, но особые, и что ихъ необходимо уничтожить, дабы они не попались кому-нибудь въ руки. Послѣ сего жена и дочь Янкеля и самъ онъ, Гуглинъ, искали эти порошки въ указанномъ мѣстѣ, но не нашли ничего. Вслѣдствіе сего показанія коммисіею произведенъ былъ немедленно строжайшій обыскъ въ небольшомъ сараѣ, находившемся при бывшей квартирѣ Янкеля; но по разборѣ досчатой крыши сего сарая не найдено никакой бѣлой бумаги съ порошками.

Мордухъ Гуглинъ, въ бесѣдѣ съ священникомъ и на

допросѣ въ коммисіи, изложилъ, что Янкель, въ день взятія его подъ арестъ, отправляясь въ 10 часовъ утра изъ дома по надобностямъ своимъ, отдалъ при немъ, Мордухѣ Гуглинѣ, женѣ своей Итѣ, какое-то написанное имъ и запечатанное письмо, съ тѣмъ, чтобы она поберегла оное во время его отлучки. Находясь уже въ 3-й полицейской части подъ арестомъ, Янкель, при посѣщеніи его зятемъ, Мордухомъ Гуглинымъ, поручилъ ему взять это письмо у Иты и уничтожить его. Предъ уничтоженіемъ письма, Мордухъ Гуглинъ, прочитавъ его, узналъ, что въ немъ говорилось о посылаемыхъ двухъ бутылкахъ съ кровью, запечатанныхъ: одна краснымъ сургучемъ, съ кровью, добытой въ мѣсяцъ Кисловъ, а другая съ чернымъ, съ кровью, добытой въ мѣсяцъ Адаръ. На адресѣ было написано: «Любовичскому ходаку Таупкину», а внизу: «для передачи Любовичскому раввину». Впослѣдствіи онъ, Мордухъ Гуглинъ, узналъ отъ самаго Янкеля, что бутылки были посланы въ Любовичъ съ евреями-персіянами. Евреи-персіяне Ильягу-Назаръ-Оглы и Бенилъ-Евда-Оглы показали, что ни писемъ, ни посылокъ, ни бутылокъ, запечатанныхъ краснымъ и чернымъ сургучомъ, Янкель никогда имъ не давалъ и никуда отсылать не просилъ. Спрошенные на мѣстѣ Любовичскій раввинъ Абрамъ Быховскій и ходакъ еврей Таупкинъ отозвались, что никакого Янкеля Юшкевичера не знаютъ, никогда не видали и писемъ отъ него не получали. Въ письмахъ и бумагахъ, которыя отобраны были у Быховскаго и Таупкина при произведенномъ у нихъ обыскѣ и разсмотрѣны переводчикомъ Азіатскаго департамента, ничего подозрительнаго не найдено.

Независимо отъ вышеизложенныхъ обвиненій, Мордухъ Гуглинъ въ показаніяхъ своихъ приводитъ гово-

религіи, будто, при разныхъ обстоятельствахъ тещею его Итою, шуриномъ Ѳедоромъ Юрловымъ и тестемъ Янкелемъ, слова, въ которыхъ они сознавались, что убійство мальчиковъ совершено Янкелемъ. Янкель, жена его Ита и сынъ Юрловъ, на допросахъ и очныхъ ставкахъ отвергли всѣ взведенныя на нихъ Мордухомъ Гутнинымъ обвиненія.

По слѣдствію открылось, что около времени совершенія убійства двухъ мальчиковъ пріѣзжали въ Саратовъ, кромѣ упомянутыхъ уже выше евреевъ, Мстиславскихъ мѣщанъ Рувима и Янкеля Гутнина и Лейбы Злотина, а также Кубинскихъ жителей Бенина-Евда-Оглы и Ильягу-Назара-Оглы, еще Оршанскій 3-й гильдіи купецъ Хацкель Аріевъ Кониковъ и Витебскій мѣщанинъ еврей Гирша Гинзбургъ. Эти евреи были, по собственнымъ ихъ показаніямъ, въ сношеніяхъ съ главнымъ обвиняемымъ по дѣлу, евреемъ Янкелемъ Юшкевичеромъ; впрочемъ въ сношеніяхъ этихъ ничего противузаконнаго не обнаружено.

Въ числѣ отобранныхъ при произведенномъ у Кубинскихъ евреевъ обыскѣ книгъ, обратила на себя особое вниманіе одна, принадлежащая Бенилю-Евда-Оглы (уже умершему), подъ названіемъ: «Чинъ устнаго преданія о Пасхѣ». Въ книгѣ сей, между многими другими гравюрами, находится изображеніе обнаженнаго человѣка, стоящаго, съ вѣнцомъ на головѣ, въ овальной ваннѣ и простирающаго руку на кровь, текущую изъ заваливаемаго предъ нимъ младенца. Описанная гравюра, съ текстомъ къ ней, по разъясненію Саратовскаго епископа Аѳанасія, наводящая сомнѣніе на евреевъ, по объясненію евреевъ Хацкеля Аріева Коникова и Бенина-Евда-Оглы, изображаетъ царя Фараона, купающагося въ крови израильскихъ дѣтей для излеченія отъ болѣзни. Книга «Чинъ устнаго пре-

ванія», съ описаннымъ рисункомъ, въ числѣ прочихъ книгъ и рукописей, отобранныхъ во время производства слѣдствія у обвиняемыхъ и привлеченныхъ къ дѣлу евреевъ, передана въ особую, учрежденную по Высочайшему повелѣнію при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, спеціальную коммисію для разбора тѣхъ книгъ и рукописей съ цѣлью разъясненія тайныхъ догматовъ религіознаго изувѣрства евреевъ.

Подробности разслѣдованія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что умерщвленіе двухъ мальчиковъ въ Саратовѣ было не простымъ убійствомъ, а убійствомъ съ какою-либо особою цѣлью, и можетъ быть религіозною: изъ фанатизма или заблужденія.

Къ подтвержденію сего послѣдняго предположенія служитъ слѣдующее: найденные трупы мальчиковъ оказались съ несомнѣнными признаками обрѣзанія. Обрѣзаніе мальчика Маслова, какъ свидѣтельствуетъ городовой врачъ, произведено вмѣстѣ съ вырѣзаніемъ у него кожи на плечѣ, еще до насильственной смерти. Если относительно трупа другаго мальчика, Шеротобитова, Саратовская врачебная управа, по гнилости трупа, не могла опредѣлить, была ли подобная рана на плечѣ, и не сдѣлала заключенія — было ли произведено обрѣзаніе еще при жизни мальчика, то, во всякомъ случаѣ, обрѣзаніе указываетъ на тождественность побужденій къ его умерщвленію. Относительно устраненія подозрѣнія въ семъ не магометанъ, принимающихъ обрѣзаніе, достаточно того, что въ теченіе производства слѣдствія, около двухъ съ половиною лѣтъ, при розыскѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, не сдѣлано ни малѣйшаго основательнаго указанія на нихъ. Эти общія соображенія даютъ поводъ остановиться на предположеніи, что умерщвленіе маль-

чиновъ въ г. Саратовѣ могло быть совершено евреями изъ побужденій какого-либо чужаго вѣрованія, особенно имѣя въ виду, что въ концѣ 1852 года и началѣ 1853 года, около времени совершенія преступленія, надъ мальчиками, пріѣзжали въ Саратовъ иногородные евреи и были въ сношеніяхъ съ главнымъ обвиняемымъ по дѣлу, евреемъ Янкелемъ Юшкевичеромъ. Въ частности же, обвиненіе въ семъ преступленіи, по уликамъ, падаетъ:

1) На еврея Янкеля Юшкевичера. Въ подкрѣпленіе взводимыхъ на него рядовымъ Богдановымъ и губернскимъ секретаремъ Крюгеромъ обвиненій въ обрѣзаніи и истязаніи обоихъ мальчиковъ имѣется въ дѣлѣ слѣдующее.

а) По медицинскому свидѣтельству найденъ у Юшкевичера порѣзъ безымяннаго пальца на лѣвой рукѣ, соотвѣтствующій показанію Богданова, что Юшкевичеръ, обрѣзывая въ декабрѣ 1853 г. мальчика Шерстобитова, порѣзалъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ; это обстоятельство пріобрѣтаетъ особую важность какъ по разнорѣчивымъ показаніямъ самаго обвиняемаго о происхожденіи порѣза, такъ въ особенности по времени, къ которому сей порѣзъ относится, такъ какъ показаніе Юшкевичера о порѣзѣ пальца около 19 апрѣля опровергается медицинскимъ свидѣтельствомъ, что порѣзъ сдѣланъ гораздо ранѣе.

б) Во время содержанія Юшкевичера въ тюремномъ замкѣ, перехвачено у него заготовленное имъ письмо къ семейству своему, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: «увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились. Стойте крѣпко; крѣпнов, моя дорогая дочь: объ этомъ прошу тебя и братаи». Выраженіе: «увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились», — какъ бы указываетъ, что самъ Юшкевичеръ считаетъ дѣло, въ которомъ онъ об-

винается,—дѣломъ, затрогивающимъ ближайшіе интересы многихъ другихъ евреевъ, а себя жертвою за нихъ. Впрочемъ, и при отрицаніи Юшкевичеромъ такого смысла въ письмѣ, есть возможность предполагать, что оно содержитъ совѣтъ не открывать истины.

в) Уплата Юшкевичеромъ 5 руб. денегъ за чайную посуду, разбитую Богдановымъ въ С.-Петербургской гостинницѣ, удостовѣренная безприсяжнымъ свидѣтельствомъ очевидцевъ (пяти половыхъ и повара) и другихъ лицъ, спрошенныхъ подъ присягою о томъ, что слышали о буйствѣ солдата въ гостинницѣ,—эта уплата указываетъ, что Юшкевичеръ какъ-бы имѣлъ интересъ платить, опасаясь дальнѣйшей несговорчивости пьянаго солдата, который хвастался деньгами, полученными отъ евреевъ за участіе въ преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ Юшкевичера уплаты денегъ, слѣдующихъ съ него, какъ доказательства справедливости высказаннаго имъ обвиненія евреевъ. Что касается показанія Богданова и другихъ, что при буйствѣ въ гостинницѣ Богдановъ имѣлъ дѣло съ сыномъ Юшкевичера, Файвишемъ, какъ оффиціально дознано, не бывшимъ въ то время въ Саратовѣ, то это обстоятельство не составляетъ особой важности, ибо, при тѣхъ дѣйствіяхъ Саратовской градской полиціи, которыя были, можно сказать, главною причиною нераскрытія истины по горячимъ слѣдамъ, возможно допустить, что пріѣздъ въ Саратовъ Файвиша могъ быть тайнымъ.

г) Показаніе половаго Кирпичникова о слышанной имъ сдачѣ хозяиномъ гостинницы Яковомъ Гильгенбергомъ подвала Юшкевичеру (впрочемъ никѣмъ изъ спрошенныхъ лицъ не подтвержденное), и показаніе половаго Харитонова (тоже никѣмъ не подтвержденное) о томъ, что Юшкевичеръ однажды вечеромъ, предъ

масляницею 1853 г., бралъ у Гильгенберга ключи отъ подвала, равно какъ и показаніе кучера Гильгенберга, Кадомцева, о томъ, что, спавши предъ масляницею въ конюшнѣ, онъ видѣлъ ходившихъ въ подвалъ съ фонаремъ какихъ-то людей,—могутъ нѣкоторымъ образомъ служить подтвержденіемъ показанія Богданова о подвалѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе надъ первымъ мальчикомъ, и откуда былъ вывезенъ трупъ другаго.

д) Показаніе подъ присягою мѣщанки Ирины Поповой, что въ іюлѣ 1853 г. она слышала въ комнатѣ Юшкевичера, смежной съ квартирою Цыганова, жалобный дѣтскій крикъ и слова: «отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ»,—и цеховаго Цыганова, что кухарка его Попова, дѣйствительно тогда же разсказывала ему о слышанномъ ею крикѣ, не приводя впрочемъ другихъ словъ, и найденныя въ квартирѣ Юшкевичера на полу подозрительныя пятна, противъ которыхъ обвалилась штукатурка, и происхожденіе коихъ медицинскимъ совѣтомъ не открыто, при разнообразныхъ показаніяхъ Янкеля и его семейства о гвоздяхъ, вбитыхъ въ томъ мѣстѣ въ потолокъ—наводятъ на мысль, что квартира Янкеля была временнымъ мѣстомъ задержанія мальчиковъ и истязанія ихъ. Всѣ эти улики, при отрицаніи Юшкевичера, не представляютъ, по важности преступленія и слѣдующаго за оное наказанія, достаточныхъ основаній къ совершенному обвиненію его, но, по совокупности своей и въ виду того обстоятельства, что обвиненія Юшкевичера возникли на него почти одновременно какъ со стороны губернскаго секретаря Крюгера, такъ и со стороны рядоваго Богданова, двухъ лицъ, вовсе не знавшихъ другъ друга и не имѣвшихъ между собою ничего общаго ни по положенію въ обществѣ, ни по образова-

нію,—не могутъ не возбуждать сильнѣйшаго подозрѣнія въ участіи Юшкевичера въ преступленіяхъ надъ мальчиками, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны самимъ обвиняемымъ не представлено никакихъ положительныхъ доказательствъ своей невинности.

Что-же касается обвиненія Юшкевичера губернскимъ секретаремъ Крюгеромъ въ томъ, что первый покушался совратить послѣдняго изъ православія въ іудейскую вѣру, то оно по слѣдствію ничѣмъ не подтвердилось.

2) На рядоваго Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, Михеля Шлиффермана. Хотя относительно его не заключается въ дѣлѣ доказательствъ участія въ преступленіи надъ мальчикомъ Шеретобитовымъ, но, съ другой стороны, имѣются улики въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновныхъ по предмету умерщвленія мальчика Маслова. Товарищъ сего послѣдняго, мальчикъ Степанъ Каннаъ, игравшій съ Масловымъ на улицѣ въ то время, когда его увелъ неизвѣстный человѣкъ, указывалъ постоянно, при предъявленіи ему значительнаго числа нижнихъ чиновъ и другихъ людей, на Шлиффермана, даже при перемѣнѣ на немъ одежды, какъ на сманителя Маслова, говоря: «онъ ровно тотъ», или: «сложе тотъ, кто сманивалъ», и наконецъ сказалъ о Шлифферманѣ рѣшительное «онъ тотъ, который сманилъ Мишу». Собственное показаніе Шлиффермана, что обрѣзаніе по обрядамъ еврейской вѣры дѣлаетъ въ Саратовѣ онъ одинъ какъ у служащихъ, такъ и у частныхъ евреевъ, и что въ Саратовѣ нѣтъ другаго еврея, который бы могъ дѣлать обрѣзаніе, не устраняетъ положительнымъ образомъ возможности, чтобы обрѣзаніе мальчика Маслова не могло быть сдѣлано кѣмъ-либо другимъ изъ евреевъ, ибо есть основательный поводъ къ предположенію, что

обрѣзаніе надъ первымъ мальчикомъ, Шерстобитовымъ, произведено не Шлифферманомъ; обрѣзаніе же имъ еврейскихъ мальчиковъ въ Саратовѣ въ 1852 г. и въ 1853 г. само по себѣ дѣлаетъ вѣроятнымъ показаніе Крютера, что обрѣзаніе мальчика Маслова въ моленной произведено имъ же; эти улики усиливаются показаніемъ государственнаго крестьянина Локоткова, что ложное объявленіе объ убійствѣ имъ мальчика Маслова онъ сдѣлалъ по уговору Шлифферманa и рядоваго Юрлова, которые обѣщали принести ему, какъ скоро онъ сдѣлаетъ такое объявленіе, 100 руб. сер.; приходъ Юрлова ночью въ 3-ю часть къ арестанту Локоткову вполнѣ доказанъ двумя присяжными показаніями, а о томъ, что съ Юрловымъ приходилъ Шлифферманъ, имѣется одно присяжное свидѣтельство, составляющее, по закону, половинное доказательство. По тѣсной связи всѣхъ сихъ уликъ противъ Шлифферманa какъ между собою, такъ и съ изслѣдованными обстоятельствами происшествія, Шлифферманъ наводитъ на себя сильнѣйшее подозрѣніе въ похищеніи, обрѣзаніи и истязаніи Маслова и въ участіи въ убійствѣ его.

3) На рядоваго изъ евреевъ, принявшаго христіанскую вѣру, Ѳедора Юрлова. Къ обвиненію его въ участіи въ преступленіи надъ обоими мальчиками представляются слѣдующія основанія:

а) Дружескія отношенія его къ главному обвинителю его, рядовому Богданову, сознавшемуся въ участіи своемъ въ преступленіи, доказаны тремя присяжными и двумя безприсяжными показаніями.

б) Приходъ Юрлова зимою 1852 г., до поступленія его въ военную службу, въ 1-ю роту, въ которой находился Богдановъ, засвидѣтельствованъ подъ присягою однимъ изъ рядовыхъ.

в) Также совершенно доказанъ приходъ Юрлова

вмѣстѣ съ другимъ рядовымъ къ арестанту Локоткову, сдѣлавшему на себя ложное объявленіе объ убійствѣ мальчика Маслова.

г) Совершенно доказано, нѣсколькими присяжными показаніями, обстоятельство, что Юрловъ, со времени поступленія въ военную службу (22 января 1853 г.) и до взятія его подъ арестъ (12 мая 1853 г.), нерѣдко ночевалъ внѣ казармъ, что подкрѣпляется, отчасти, показаніемъ Богданова и Локоткова о томъ, что Юрловъ былъ съ ними ночью, съ первымъ для вывоза трупа изъ дома Петербургской гостинницы, а со вторымъ для выноса трупа изъ лабаза на Волгу.

д) Обстоятельство, что Юрловъ именно не ночевалъ въ казармахъ въ ночь съ 3-го на 4-е марта (со вторника на среду 1-й недѣли великаго поста), когда, по показанію Локоткова, выносилъ съ нимъ тѣло мальчика Маслова изъ лабаза на Волгу, засвидѣтельствовано однимъ присяжнымъ свидѣтелемъ и любовницею Юрлова.

е) Неоднократный, по показанію самого Юрлова, приходъ его, уже по принятіи имъ св. крещенія, въ еврейскую моленную, несмотря на данное Юрловымъ объясненіе, что онъ не входилъ въ самую моленную, а оставался на дворѣ, не можетъ не наводить подозрѣнія, что онъ, и по принятіи православія, придерживался еврейской вѣры.

Всѣ сіи улики, въ совокупности и по тѣсной связи съ обстоятельствами, въ которыхъ обвиняется Юрловъ, даютъ болѣе чѣмъ достаточное основаніе къ оставленію Юрлова въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ томъ, что онъ участвовалъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ обоими мальчиками. Подозрѣніе это не ослабляется доказаннымъ по слѣдствію обстоятельствомъ, что отецъ Юрлова, Янкель Юшкевичеръ,

имѣлъ неудовольствіе на сына за принятіе имъ православія и за поступленіе въ военную службу, ибо, во первыхъ, не смотря на такое неудовольствіе Юшкевичера, Юрловъ, какъ положительно доказано, бывалъ у него на квартирѣ и до поступленія въ военную службу, а послѣ того сталъ ходить и чаще; во вторыхъ, самое участіе Юрлова въ преступленіи надъ христіанскими мальчиками могло быть для него средствомъ сближенія съ отцемъ, сердившимся на него за принятіе православія; и наконецъ, дурныя отношенія Юрлова къ Юшкевичеру могли бы ослабить подозрѣніе на перваго только въ томъ случаѣ, если бы Юшкевичеръ былъ единственнымъ виновникомъ преступленія, между тѣмъ какъ обвиняются въ ономъ, кромѣ его и Юрлова, еще нѣсколько другихъ лицъ, съ которыми Юрловъ не былъ ни во враждѣ, ни въ ссорѣ.

Независимо отъ обстоятельствъ, относящихся непосредственно къ дѣлу объ убійствѣ, обнаруживается, по собственному сознанію Юрлова, виновность его въ отлучкѣ изъ караула, въ ночь съ 23 на 24 февраля 1853 года, ко вдовѣ, мѣщанкѣ Гороховой и въ прелюбодѣйной связи съ нею.

4) На рядоваго, еврея Ицку Берлинскаго. По показанію Богданова, онъ присутствовалъ при истязаніи и убійствѣ мальчика Шерстобитова въ подвалѣ Петербургской гостинницы, въ отвозѣ вмѣстѣ съ другими лицами труповъ обоихъ мальчиковъ на Волгу, и въ подкупѣ его, Богданова, деньгами для храненія преступленія въ тайнѣ. Къ подкрѣпленію сего оговора имѣются слѣдующія основанія: при обыскѣ найденъ у него на квартирѣ лоскутъ синей клѣтчатой сарпинки, совершенно сходной по цвѣту, рисунку и добротѣ съ рубашкою, въ которой пропалъ мальчикъ Шерстобитовъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ подъ присягою

двое сосѣдей родителей убитаго мальчика, и сами родители безъ присяги. Это обстоятельство, оправдывающее показаніе губернскаго секретаря Крюгера о слышанномъ имъ въ моленной между евреями разговорѣ, что мальчика того увелъ Берлинскій, даетъ поводъ къ подозрѣнію Берлинскаго въ участіи его въ преступленіи, въ особенности потому, что спрошенная первоначально о лоскутѣ жена Берлинскаго, Фейга, дала по сему предмету ложныя и разнорѣчивыя показанія. Хотя Ицко Берлинскій, спрошенный позже, показалъ, что лоскутъ остался, какъ ему кажется, отъ поношенной рубахи, которую ему сшила жена рядоваго Фогельфельда, и хотя дѣйствительно у сей послѣдней, подтвердившей вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, Гиршкою, показаніе Берлинскаго, найденъ былъ вшитымъ въ одѣяло такого-же цвѣта и рисунка лоскутъ сарпинки, лишь болѣе новой; однакожъ объясненіе это, будучи дано чрезъ два дня послѣ несогласныхъ съ нимъ показаній Фейги Берлинской, которая не могла не знать о томъ, кто сшилъ мужу ея рубашку, могло быть придумано упомянутыми евреями, не бывшими въ то время подъ стражею, по взаимному ихъ соглашенію.

По обвиненію Берлинскаго собственно въ подкупѣ рядоваго Богданова на счетъ храненія преступленія въ тайнѣ, имѣется одно только обстоятельство, именно—найденная у Богданова государственная ассигнація въ 5 руб., данная ему, по показанію его, въ числѣ тридцати руб. сер., полученныхъ имъ отъ Берлинскаго; но это само по себѣ не составляетъ и улики, такъ какъ справедливость объясненія Богданова ничѣмъ не подтвердилась и ассигнація могла легко быть пріобрѣтена имъ и отъ другаго лица.

5) и 6) На рядовыхъ изъ евреевъ: Эздру Зайдмана

и Янкеля Вермана, сторожа моленной. Относительно ихъ не добыто, собственно по дѣлу объ убійствѣ мальчиковъ, никакихъ уликъ въ подтвержденіе обвиненій рядоваго Богданова и губернскаго секретаря Крюгера.

7) На рядоваго Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, Антона Богданова. Богдановъ, по собственному сознанію, виновенъ въ присутствованіи при убійствѣ мальчика Шерстобитова, въ подвалѣ Петербургской гостинницы, въ вывозѣ тѣлъ обоихъ мальчиковъ изъ квартиры еврея Янкеля Юшкевичера на Волгу съ полученіемъ за это денегъ, въ буйствѣ и кражѣ дровъ, въ самовольныхъ отлучкахъ изъ караула и въ намѣреніи бѣжать изъ баталіона. Хотя Богдановъ во время производства слѣдствія измѣнялъ неоднократно данныя имъ показанія въ отношеніи степени какъ собственнаго участія въ преступленіи надъ убитыми мальчиками, такъ и участія въ немъ нѣкоторыхъ евреевъ; но сіе не даетъ основательнаго повода къ заключенію о ложности сдѣланнаго имъ въ послѣднихъ показаніяхъ, сознанія о собственномъ участіи въ преступленіи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя обстоятельства, заключающіяся въ показаніяхъ Богданова, подтвердились при самомъ слѣдствіи. Ведя въ дѣтствѣ съ матерью, бѣжавшею отъ помѣщика, бродячую жизнь, бывши впослѣдствіи отданъ за дурное поведеніе въ рекруты, предавшійся, со времени поступленія въ Саратовскій гарнизонный баталіонъ, нетрезвой жизни, Богдановъ, при такихъ наклонностяхъ, тѣмъ легче могъ быть уговоренъ къ выносу труповъ мальчиковъ за обѣщанную плату; что бывалъ прежде, какъ урожденецъ Западнаго края, въ частыхъ сношеніяхъ съ евреями, разумѣлъ нѣсколько еврейскій языкъ и былъ въ дружбѣ съ евреями-солдатами Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, какъ засвидѣтельствовали о томъ подъ при-

сягою нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ, показавшихъ, что Богдановъ былъ съ жидами, какъ жидъ.

8) На государственнаго крестьянина Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, Авксентія Локоткова. Этотъ подсудимый, тоже по собственному сознанію, виновенъ въ принятіи на себя, по уговору евреевъ, убійства мальчика Маслова и въ выносѣ тѣла его изъ лабаза на Волгу. Это сознаніе сходно съ обстоятельствами дѣла, которыя показываютъ, что Локотковъ дѣйствительно объявилъ 5-го марта въ 1 части г. Саратова объ убіеніи имъ найденнаго 4-го числа на Волгѣ мальчика Маслова, и что къ нему въ то время, какъ онъ содержался подъ арестомъ, приходили ночью обвиняемые имъ, Локотковымъ, въ подговорѣ его къ сему, рядовые Юрловъ и Шлифферманъ.

9) На Саратовскаго мѣщанина Ивана Дьячкова, хотя слѣдствіемъ не обнаружено никакихъ доказательствъ въ подкрѣпленіе показанія Богданова, что Дьячковъ участвовалъ въ вывозѣ тѣла мальчика Шерстобитова изъ квартиры еврея Янкеля Юшкевичера на Волгу.

10) На отставнаго губернскаго секретаря Ивана Иванова Крюгера. Въ данныхъ при слѣдствіи показаніяхъ Крюгеръ объяснилъ: что онъ былъ только невольнымъ свидѣтелемъ, а не участникомъ преступленія, совершеннаго надъ мальчикомъ Масловымъ въ еврейской моленной, въ которую пришелъ для того, чтобы присутствовать при обрѣзаніи еврейскаго мальчика; что если онъ не объявилъ тотчасъ о происшествіи начальству, то потому, что въ теченіе перваго дня послѣ происшествія его не пустила съ квартиры своей губернская секретарша Бѣлошапченкова, а затѣмъ онъ, разстроенный видѣннымъ имъ и избитый въ квартирѣ Бѣлошапченковой евреями за намѣреніе его объ-

явить о преступленіи начальству, сдѣлался опасно боленъ, а по выздоровленіи, услышавъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ слѣдователя изъ Петербурга, не хотѣлъ до прибытія его объявлять тогдашнему Саратовскому начальству, про которое ходили упорные слухи, что оно подкуплено евреями. Приводимыя Крюгеромъ причины несвоевременнаго объясненія имъ о преступленіи не заслуживаютъ уваженія, ибо Крюгеръ, по показанію одного присяжнаго и нѣсколькихъ безприсяжныхъ свидѣтелей, во время болѣзни выходилъ изъ дому, да и самая болѣзнь ни въ какомъ случаѣ не могла служить ему препятствіемъ, если не лично, то другимъ законнымъ способомъ, къ немедленному извѣщенію начальства, для разслѣдованія о преступленіи по горячимъ слѣдамъ. Выраженное имъ подозрѣніе вообще на Саратовское начальство не имѣетъ никакого основанія, ибо при первомъ извѣстіи, полученномъ начальникомъ Саратовской губерніи о томъ, что Крюгеръ проговорился чиновнику Вырыпаеву объ участіи своемъ въ преступленіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кожевниковымъ приказано было Вырыпаеву поставить о томъ въ извѣстность слѣдователя, точно такъ же и со стороны мѣстнаго военнаго начальства было тотчасъ же сообщено слѣдователю о подобномъ же сознаніи рядоваго Богданова. Что касается объясненія Крюгера о приходѣ въ моленную, даннаго, конечно, съ цѣлью уменьшить степень участія своего въ преступленіи, то ложность его очевидна, ибо неестественно, чтобы люди, вообще столь осторожные, какъ евреи, и въ особенности задумавшіе такое преступленіе, какое совершено надъ мальчикомъ Масловымъ, могли рѣшиться пригласить стороннаго человѣка присутствовать при его совершеніи безъ увѣренности въ томъ, что онъ такъ или иначе сочув-

ствуетъ ихъ видамъ. Такую въ немъ увѣренность они могли основывать на сношеніяхъ его съ Зайдманомъ по продажѣ Бѣлошапченковою ему, еврею, сына ея, а также на заявленномъ Зайдману Крюгеромъ, по его же собственному показанію, обѣщаніи принять еврейскую вѣру. Хотя Крюгеръ утверждаетъ, что обѣщаніе это было дано имъ подъ условіемъ, если онъ самъ убѣдится въ безопасности обрѣзанія, и что оно во всякомъ случаѣ было съ его стороны притворное, невозможно однакожъ допустить, чтобы евреи, безъ твердой увѣренности въ немъ, рѣшились ввести его въ кругъ своей преступной дѣятельности. Все сіе навлекаетъ на Крюгера сильное подозрѣніе въ томъ, что онъ, отправляясь 19-го февраля 1853 г. въ моленную, достовѣрно зналъ о предстоявшемъ тамъ обрѣзаніи христіанскаго мальчика, а слѣдовательно и въ томъ, что онъ былъ участникомъ преступленія.

11) На жену Янкеля Юшкевичера, Иту Нехаму, и 12) дочь его Менарейзу, по мужѣ Гуглину, хотя относительно ихъ не пріобрѣтено слѣдствіемъ никакихъ уликъ въ томъ, чтобы имъ извѣстно было совершенное надъ христіанскими мальчиками преступленіе.

13) На губернскую секретаршу Олимпіаду Бѣлошапченкову. Относительно сей подсудимой, подобно какъ относительно предъидущихъ, слѣдствіемъ не обнаружено никакихъ уликъ, такъ какъ Крюгеръ не представилъ продолжительныхъ доказательствъ, что онъ возвратясь къ ней 19 февраля 1853 года изъ моленной, сообщилъ ей тогда же о происшествіи и о намѣреніи объявить обо всемъ начальству. Показаніе Бѣлошапченковой рядовымъ Богдановымъ за ту женщину, которая по его словамъ, выходила ночью на Сергіевскую улицу къ Зайдману, шедшему съ Берлинскимъ, Юрловымъ и Богдановымъ къ Ющцеви-

черу для выноса трупа мальчика Маслова, не составляетъ улики, ибо обвиненіе противъ самаго Зайдмана осталось не доказаннымъ, и притомъ Богдановъ не выражаетъ самъ подозрѣнія, чтобы Бѣлошапченкова знала, куда именно шли означенные рядовые.

14) и 15) На евреевъ Кубинской подгородной слободы, Ильягу-Назаръ-Оглы и Бениля-Евда-Оглы (уже умершаго), пріѣзжавшихъ два раза въ Саратовъ около времени совершенія преступленія надъ мальчиками. Противъ нихъ не открыто также никакихъ уликъ относительно участія въ преступленіи или знанія о немъ. Что касается подозрительной еврейской книги, найденной у послѣдняго изъ сихъ евреевъ при обыскѣ у него въ Кубинской слободѣ, то разсмотрѣніе оной подлежитъ Высочайше утвержденной спеціальной коммисіи для изслѣдованія тайныхъ догматовъ еврейской религіи; притомъ, если бы и было обнаружено существованіе у какой-либо еврейской секты обряда, допускающаго религіозное дѣтоубійство, то во всякомъ случаѣ, сіе не могло бы служить доказательствомъ участія Бениля въ преступленіи, совершенномъ въ Саратовѣ.

16) На зятя Юшкевичера, Мстиславскаго мѣщанина изъ евреевъ, принявшаго христіанскую вѣру, Николая Петрова Гуглина. Онъ отзывался первоначально совершеннымъ незнаніемъ обстоятельствъ, относящихся къ преступленію; впослѣдствіи же, по принятіи православія (въ іюнѣ 1855 г.), объяснилъ о разныхъ, извѣстныхъ ему, будто-бы, обстоятельствахъ, обвиняющихъ тестя его, тещу Иту, шурина Юрлова и другихъ лицъ, участвовавшихъ будто-бы также въ преступленіи. Но показанія его о семъ не только не подтвердились ничѣмъ, но по разнорѣчію ихъ и по собраннымъ даннымъ, оказались большею частью лож-

ными; и чтобы Николай Петровъ Гуглинъ зналъ въ свое время объ умышленномъ похищеніи, обрѣзаніи и убійствѣ мальчиковъ и самъ участвовалъ въ семъ преступленіи—не имѣется въ дѣлѣ никакихъ уликъ.

17) На Саратовскую мѣщанку, вдову Олимпіаду Горохову, бывшую, по собственному сознанію, любовницею рядоваго Ѳедора Юрлова. Она первоначально отозвалась также незнаніемъ обо всемъ, что касается убійства мальчиковъ; впослѣдствіи же дала подробное показаніе о слышанныхъ ею въ іюлѣ 1853 года, будто-бы, отъ жены Янкеля Юшкевичера, разныхъ обстоятельствахъ убійства обоихъ мальчиковъ. Не говоря о явной неправильности нѣкоторыхъ, слышанныхъ ею обстоятельствъ, какъ напримѣръ о присылкѣ за кровь Юшкевичеру и Шлифферману, изъ Волынской губерніи, 6 милліоновъ рублей,—нельзя не признать показанія Гороховой ложными, по невозможности предположенія, чтобы Ита Нехама довѣрила тайну преступленія женщинѣ не еврейкѣ, съ которою не имѣла ничего общаго.

18) На колониста Самарской губерніи, Якова Иванова Гильгенберга, хозяина С.-Петербургской гостинницы. Относительно его не изыскано слѣдствіемъ положительныхъ данныхъ къ обвиненію его въ знаніи о преступленіи, совершенномъ евреями въ подвалѣ, принадлежащемъ къ содержимой имъ гостинницѣ, но нѣкоторые факты, какъ напримѣръ: произведенное солдатомъ Богдановымъ буйство въ его гостинницѣ, о которомъ спрошенные безъ присяги служители показали, что Гильгенбергъ велѣлъ имъ молчать о происшествіи; показаніе одного присяжнаго свидѣтеля, Желѣзнова, что Гильгенбергъ пришелъ на произведенный солдатомъ шумъ; показаніе кучера Гильгенберга, Кадомцева, что хозяинъ давалъ евреямъ

передъ масляницею 1853 г. свою лошадь; показаніе половаго Харитонова, что передъ масляницею 1853 г. Гильгенбергъ давалъ ключъ отъ пивнаго подвала двумъ неизвѣстнымъ людямъ,—все это, при несознаніи Гильгенберга ни въ чемъ на него взводимомъ, даетъ однакожъ возможность подозрѣвать его въ преступныхъ сношеніяхъ съ Янкелемъ, жившимъ въ одномъ съ нимъ домѣ, и въ знаніи обстоятельствъ о скрытіи слѣдовъ сдѣланнаго преступленія.

19) На служителей Петербургской гостинницы, Саратовскихъ мѣщанъ: Ѳедора Харитонова, Ефима Кирпичникова и крестьянина Ивана Касаткова. Они отозвались первоначально совершеннымъ незнаніемъ всего касающагося до убійства мальчиковъ, а впослѣдствіи уже показали какъ объ означенномъ выше происшествіи въ гостинницѣ, такъ и о другихъ обстоятельствахъ, относящихся къ еврею Янкелю Юшкевичеру. Сами они обличаются въ ложности первыхъ своихъ показаній. Что касается Ѳедора Харитонова, то имѣющіяся въ дѣлѣ противъ него показанія, одно—присяжное, о томъ, что онъ самъ говорилъ, будто-бы знаетъ о преступленіи, совершенномъ надъ мальчиками, и другое—присяжное же—о томъ, что лѣтомъ 1853 г. у него было болѣе денегъ, чѣмъ прежде, если бы и были вполнѣ доказаны, не могли-бы служить достаточными уликами ни въ участіи Харитонова въ преступленіи, ни въ дѣйствительномъ знаніи объ этомъ; чтоже касается любовной связи съ мѣщанкою Наумовою, то Харитоновъ оказывается виновнымъ въ семъ по собственному его въ томъ сознанію.

Относительно всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, Правительствующій Сенатъ находилъ, что: 1) Могилевскій мѣщанинъ еврей Яковъ Юшкевичеръ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ участіи по похищенію,

обрѣзанію и убійству мальчиковъ Шерстобитова и Маслова, и сверхъ того виновенъ въ незаконномъ проживательствѣ внѣ мѣстъ, опредѣленныхъ для осѣдлости евреевъ, съ 1827 г. до взятія его въ 1853 г. подъ стражу; 2) Саратовскаго гарнизоннаго баталіона 3-й роты рядовой изъ евреевъ Михель Шлифферманъ наводитъ на себя сильнѣйшее подозрѣніе въ похищеніи мальчика Маслова, въ совершеніи надъ нимъ обрѣзанія, въ истязаніи его, въ участіи въ убійствѣ этого мальчика и въ подговорѣ крестьянина Локоткова къ принятію на себя означеннаго убійства; сверхъ того виновенъ въ оказаніи слѣдователямъ и членамъ суда явнаго неуваженія; 3) рядовой Балашевской инвалидной команды, еврей Ицко Берлинскій, наводитъ на себя подозрѣніе въ участіи въ преступленіи надъ мальчикомъ Шерстобитовымъ; 4) рядовой 3-й роты гардкотнаго экипажа, еврей Эздра Зайдманъ, навлекаетъ на себя подозрѣніе во взиманіи лихвенныхъ процентовъ; 5) Саратовскаго гарнизоннаго баталіона рядовой изъ евреевъ Ѳедоръ Юрловъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе въ участіи въ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ обоими мальчиками, въ подговорѣ крестьянина Локоткова принять на себя убійство мальчика Маслова, и въ тайномъ исповѣданіи еврейской вѣры по принятіи православія; сверхъ того виновенъ въ отлучкахъ изъ караула и любовной связи съ мѣщанскою вдовою Олимпіадою Гороховою; 6) того-же баталіона рядовой Антонъ Богдановъ виновенъ съ сообщничествѣ и укрывательствѣ убійства, съ полученіемъ за то денегъ, въ убійствѣ, въ самовольныхъ отлучкахъ изъ караула и кражѣ при таковыхъ отлучкахъ дровъ, и въ намѣреніи бѣжать изъ баталіона; 7) государственный крестьянинъ Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, Авксентій Локотковъ, не имѣвшій въ

1853 г. совершеннолѣтія, виновенъ, по собственному сознанію, въ укрывательствѣ убійства, въ побѣгѣ изъ мѣста жительства безъ письменнаго вида и бродяжничествѣ; 8) отставной губернскій секретарь Иванъ Крюгеръ виновенъ, по собственному сознанію, въ любовной связи съ губернской секретаршей Бѣлошапченковой, въ присутствіи при обрѣзаніи и истязаніи мальчика въ еврейской моленной и въ недоведеніи своевременно до свѣдѣнія начальства какъ о происшествіи въ моленной, такъ и о намѣреніи Бѣлошапченковой продать сына своего евреямъ, и въ самовольныхъ отлучкахъ изъ мѣста содержанія своего при Саратовской градской полиціи; а въ изъявленіи еврею Зайдману согласія принять еврейскую вѣру навлекаетъ на себя подозрѣніе; 9) Мстиславскій мѣщанинъ изъ евреевъ, Николай Петровъ Гуглинъ, виновенъ въ ложныхъ предъ судомъ безъ присяги показаніяхъ; 10) Саратовская мѣщанка Олимпіада Горохова виновна въ томъ же преступленіи и любовной связи, по собственному сознанію, съ рядовымъ Юрловымъ; 11) колонистъ Самарской губерніи Яковъ Гильгенбергъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ преступныхъ сношеніяхъ съ главнымъ изъ обвиняемыхъ, евреемъ Янелемъ Юшкевичеромъ, въ знаніи обстоятельствъ и сокрытіи слѣдовъ совершеннаго преступленія и въ ложныхъ предъ судомъ показаніяхъ безъ присяги; 12, 13 и 14) Саратовскіе мѣщане Ѳедоръ Харитоновъ и Ефимъ Кирпичниковъ и крестьянинъ Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда Иванъ Касатковъ, спрошенные по дѣлу какъ свидѣтели, виновны въ ложномъ предъ судомъ безъ присяги показаніи и сверхъ того Харитоновъ, по собственному сознанію, въ любовной связи съ мѣщанкою Наумовою; 15) губернская секретарша Олимпіада Бѣлошапченкова виновна, по об-

стоятельствамъ дѣла и отчасти собственному сознанію, въ любовной связи съ Крюгеромъ и ложныхъ при слѣдствіи безъ присяги показаніяхъ; 16) Саратовскій мѣщанинъ Иванъ Дьячковъ, Саратовской инвалидной команды рядовой еврей Янкель Берманъ, жена Могилевскаго мѣщанина, еврея Янкеля Юшкевичера, Ита Нехама, дочь его Минарейза, евреи-переіяне подгородной Кубинской слободы Ильягу-Назаръ-Оглы и Бениль-Евда-Оглы (умершій) ни въ чемъ не обвиняются и не подозрѣваются.

На основаніи вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: подсудимыхъ 1) Могилевскаго мѣщанина, еврея Янкеля Юшкевичера оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ участіи по похищенію, обрѣзанію и убійству мальчиковъ Шерстобитова и Маслова, а отъ взысканія за проживательство внѣ черты законной для евреевъ осѣдлости освободить по Всемилостивѣйшему манифесту 26 августа 1856 года, и отправить для водворенія въ мѣсто приписки; 2) Саратовскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона рядоваго, еврея Михеля Шлифферманa оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ похищеніи мальчика Маслова, совершеніи надъ нимъ обрѣзанія и въ участіи въ убійствѣ его, а также въ подговорѣ крестьянина Локоткова къ принятію на себя означеннаго убійства; отъ слѣдовавшаго же ему наказанія за явное неуваженіе къ членамъ судебной коммисіи освободить на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста; 3) рядоваго Балашовской инвалидной команды, еврея Ицку Берлинскаго въ участіи въ преступленіи, совершенномъ надъ мальчикомъ Шерстобитовымъ, оставить въ подозрѣніи; 4) гарнизоннаго экипажа рядоваго Эдру Зайдмана оставить въ подозрѣніи по взиманію лихвенныхъ процентовъ при отдачѣ подъ залогъ денегъ: 5) рядоваго Саратов-

скаго гарнизоннаго баталіона Ѳедора Юрлова оставить въ сильномъ подозрѣніи въ участіи въ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ обоими мальчиками, въ подговорѣ крестьянина Локоткова къ принятію на себя убійства мальчика Маслова и въ тайномъ исповѣданіи еврейской вѣры по принятіи православія; отъ слѣдованнаго-же наказанія за отлучку изъ караула освободить на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста, а за любовную связь съ мѣщанкою Гороховою предать церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства; 6) рядоваго Антона Богданова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, безъ тѣлеснаго наказанія и наложенія клеймъ, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, а по дѣлу о кражѣ и намѣреніи бѣжать изъ баталіона отъ суда освободить, на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста; 7) государственнаго крестьянина Пензенской губерніи, Анксентія Локоткова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, безъ тѣлеснаго наказанія и наложенія клеймъ, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 5 лѣтъ и четыре мѣсяца; 8) отставнаго губернскаго секретаря Ивана Крюгера разжаловать въ рядовые до выслуги, оставивъ въ сильномъ подозрѣніи въ желаніи перейти изъ православія въ еврейскую вѣру, а за любовную связь его съ губернскою секретаршею Бѣлошапченковою предать церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства; въ случаѣ же неспособности его ни къ какому роду военной службы, по лишеніи чиновъ и другихъ особыхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Вятскую губернію; 9) Мстиславскаго мѣщанина Николая Петрова Гуглина отъ взысканія, слѣдованнаго ему за ложное безъ присяги показаніе освободить, на основаніи Высочайшаго манифеста; 10) Саратовскую мѣщанку Олимпіаду Горохову отъ слѣдо-

вавшаго ей наказанія за ложное показаніе безъ присяги освободить, на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста, а за любовную связь ея съ Юрловымъ предать церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства; 11) колониста Янова Гильгенберга оставить въ подозрѣніи въ преступныхъ сношеніяхъ съ евреемъ Янкелемъ Юшкевичеромъ, въ знаніи обстоятельствъ и сокрытіи слѣдовъ совершеннаго преступленія, освободивъ отъ суда за ложныя безъ присяги показанія на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста; 12, 13, и 14, Саратовскихъ мѣщанъ, Ѳедора Харитонова, Ефрема Кирпичникова и помѣщичьяго крестьянина Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, Ивана Касаткова отъ слѣдовавшаго имъ, за ложныя показанія безъ присяги, наканія освободить, на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста; 15) вдову губернскаго секретаря Бѣлошапченкову отъ суда по взведенному на нее Крюгеромъ преступленію въ продажѣ сына евреямъ освободить, подвергнувъ за блудную связь съ Крюгеромъ церковному покаянію; 16) Саратовскаго мѣщанина Ивана Дьячкова, 17) Саратовской инвалидной команды рядоваго еврея Янкеля Бермана, 18) жену Могилевскаго мѣщанина, еврея Янкеля Юшкевичера, Иту Нехаму, 19) дочь его Минарейзу Гуглину, и 20) еврея-персіянина Ильягу-Назаръ-Оглы по настоящему дѣлу отъ суда освободить; 21) о бывшемъ подсудимомъ, евреѣ-персіянинѣ Бенилѣ-Евда-Оглы, за смертію его, сужденія не имѣть.

Послѣдовавшее въ Сенатѣ рѣшеніе по сему дѣлу не было окончательнымъ; за разногласіемъ въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената и по силѣ Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ объ учрежденіи судебной коммисіи по дѣлу объ убійствѣ въ г. Сара-

товѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы дѣло это, по разсмотрѣніи въ Правительствующемъ Сенатѣ, было внесено въ Государственный Совѣтъ, какое-бы рѣшеніе ни послѣдовало въ Сенатѣ,— оно перенесено было въ это высшее государственное учрежденіе, по разсмотрѣніи въ которомъ и подверглось перерѣшенію въ иномъ смыслѣ.

X.

Дѣло Сурамское

(Объ умерщвленіи евреями двухлѣтняго христіанскаго мальчика Алексѣя Джапара Швили).

Мнѣніе Тифлисскаго военнаго губернатора.

Тифлисскій военный губернаторъ усматриваетъ слѣдующее: во 1-хъ, слѣдователи въ актѣ пишутъ, что $2^1/_2$-лѣтнее дитя Алексѣй Джапара Швили не могъ самъ зайти въ лѣсъ, на разстояніи трехъ верстъ, по объясненной ими трудности дороги для такого нѣжнаго возраста; тоже самое полагаетъ и врачебная управа, какъ равно подтверждается и присяжнымъ показаніемъ 20 человѣкъ, отзывающихся, что до 4 іюня неоднократно были люди на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ мальчикъ, но не находили его тамъ; а потому онъ долженъ быть приведенъ туда 5 іюня подсудимыми Рафаиломъ Джана-Швили и Ело Пичхадзевымъ, такъ какъ въ народѣ извѣстно, что Рафаилъ не находился въ Сурамѣ 4 и 5 іюня, а Пичхадзе выѣзжалъ изъ Сурама 4-го и возвратился 5-го іюня; сверхъ того изъ 6-ти спрошенныхъ подъ присягою жителей селенія Пони, трое показали, что они 6 іюня около кукурузныхъ мѣстъ этого селенія, видѣли изъ поименован-

ныхъ евреевъ Рафаила, который на спросъ ихъ сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ сел. Цыпа; но какъ этотъ еврей въ Цыпѣ не былъ, то они безошибочно завѣряютъ, что онъ ѣхалъ изъ находящагося вблизи лѣса, гдѣ найденъ ребенокъ Алексѣй,—а послѣдніе трое подтвердили, что означенный Рафаилъ въ сел. Цыпа не былъ и что въ сказанномъ мѣстѣ встрѣтились съ нимъ первые трое односельцы ихъ. 6 человѣкъ добавили, что они сами 7 іюня видѣли, его, Рафаила, на лошади въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дороги для верховой ѣзды; во 2-хъ, пять человѣкъ безъ присяги и 17 человѣкъ подъ присягою показали, что на трупѣ Алексѣя видѣли внутри носа, на груди, колѣнахъ и на ногахъ ранки отъ уколотія какъ будто бы булавкою; въ 3-хъ, еврейскія дочери, Лія 6 лѣтъ и Маріама 10 лѣтъ, объяснили, что Карельскій еврей Абрамъ привезъ въ домъ отца первой изъ нихъ, Давида Джана Швили и брата его Гаврінла, малолѣтняго ребенка, что тамъ были тогда и навѣщали послѣ этого ребенка Сурамскіе евреи Михако (онъ же Михаилъ) Кожія Швили, Исраилъ и Рафаилъ Джана Швили и Ело Пичхадзе, что ребенокъ оставался въ томъ домѣ три дня, потомъ былъ отвезенъ Абрамомъ, завязавшимъ ему ротъ платкомъ и что послѣ умерщвленія его, какъ говорилъ дома отецъ Маріамы, Абрамъ Магала Швили, раздавали что то изъ дома Давида Джана Швили въ дома Сурамскихъ евреевъ, а еврей Солія Гигула Швили 10 лѣтъ, говорилъ пяти человѣкамъ, подтвердившимъ подъ присягою слова его, что къ Давиду Джана Швили пришелъ родственникъ его съ уликою, а въ ней былъ упоминаемый мальчикъ, который и находился у этого Джана Швили; въ 4-хъ, Сурамскій нацвалъ Акоповъ объявилъ въ слѣдственной коммисіи, что онъ съ бывшими съ нимъ

шестью человѣками въ лавкѣ, по смежности съ тою, въ которой находились евреи Рафаилъ, Исраилъ и и Гавріилъ Джана Швилевы, Ело Пичкадзе и Михаилъ Кожія Швили слышалъ разговоръ этихъ евреевъ, изъ котораго видно, что они сознавались въ умерщвленіи мальчика Алексѣя, говоря, что несчастіе ихъ состояло въ томъ, что они пустили ему кровь изъ носа въ излишествѣ, и считая это дѣло общимъ между всѣми евреями; каковое показаніе подтвердили подъ присягою указанные нацвалонъ шесть человѣкъ и въ 5-хъ, двадцать человѣкъ подъ присягою удостовѣряютъ, что въ 1850 году, въ день Вознесенія, на Гвардисубанскомъ храмовомъ праздникѣ, сверхъ обыкновенія, находилось много евреевъ изъ разныхъ мѣстъ, но послѣ пропажи мальчика, они въ тотъ же день скрылись, тогда какъ въ прошлыхъ годахъ оставались тамъ для торговли по три дня. Всѣ изложенныя выше обстоятельства объясненія и присяжныя показанія свидѣтелей, въ совокупности по примѣненіи къ 1193, 1205, 1170, 1171 и 1173 ст. XV Тома Св. Зак., служатъ совершеннымъ доказательствомъ въ похищеніи и умерщвленіи, чрезъ истязаніе, малолѣтняго ребенка Алексѣя Джапара Швили, подсудимыми евреями Михаиломъ Кожія Швили, Гавріиломъ, Исраиломъ и Рафаиломъ Джана Швилевыми и Ело Пичхадзевымъ, изъ коихъ трое послѣдніе въ поведеніи на повальномъ обыскѣ не одобрены; а потому военный губернаторъ полагаетъ, на основаніи 1924 ст. пункт. 2 и 3, а равно ст. 21 степени 2-го уложенія о наказаніяхъ уголовн. и исправительныхъ, лишивъ этихъ евреевъ правъ состоянія, наказать плетьми, девяноста ударами каждаго, съ наложеніемъ клеймъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двадцать лѣтъ, взыскавъ при томъ съ нихъ упо-

требленныя по настоящему дѣлу прогонныя деньги 361 руб. 46½ коп. сер. А подсудимые евреи Абрамъ Джанджика Швили и Давидъ Джана Швили, изъ коихъ послѣдній тоже въ поведеніи не одобренъ, навлекаютъ на себя, по участію въ означенномъ преступленіи, только сильное подозрѣніе, такъ какъ о первомъ, Абрамѣ, еврейскія дочери Лія и Маріама сказали, что Карельскій еврей Абрамъ привезъ ребенка въ домъ Давида и брата его Гавріила Джана Швилевыхъ, не объяснивъ фамиліи того Абрама; второго же — Давида Джана Швили отзывъ, что онъ 1-го іюня, когда пропало дитя, находился въ горіи, подтвердилъ по ссылкѣ его квартальный надзиратель Селезневъ; равнымъ образомъ дочь его, Давида, Лія показала, что когда Абрамъ привезъ къ нимъ въ домъ ребенка, въ то время отца ея не было дома, наконецъ и братъ Давида Гавріилъ отозвался, что первый изъ нихъ съ 1-го по 25-е іюня, не находился дома. При чемъ губернаторъ считаетъ неумѣстнымъ и неправильнымъ разсужденіе палаты, которая, оставивъ названныхъ подсудимыхъ въ сильномъ подозрѣніи, приводитъ, что имѣющіяся противъ нихъ улики основаны на народномъ повѣрье и письменныхъ преданіяхъ объ употребляемой евреями для своихъ религіозныхъ обрядовъ христіанской крови, и все это, какъ она говоритъ, уже болѣе 1000 лѣтъ, стало служить предлогомъ гоненій, которымъ подвергали евреевъ. На чемъ же послѣ этого сама палата основываетъ свои убѣжденія, оставляя подсудимыхъ евреевъ въ сильномъ подозрѣніи, съ предоставленіемъ усмотрѣнію его, г. военнаго губернатора, обстоятельства въ отношеніи водворенія ихъ на мѣстѣ жительства. Но онъ, губернаторъ, при объясненныхъ выше доказательствахъ, въ преступленіи поименованныхъ подсуди-

мыхъ, имѣя притомъ въ виду, какъ изъ дѣла видно, присяжныя показанія 10 человѣкъ, что евреи за 20 лѣтъ предъ этимъ, да и прежде того, похищали въ селеніяхъ Мохисы и Сурамѣ христіанскихъ мальчиковъ для такихъ же истязаній,—находитъ, что и народное повѣрье и историческіе возгласы не имѣютъ мѣста въ этомъ дѣлѣ и палата, на обязанности которой лежитъ — сужденія свои основывать только на точномъ разумѣ законовъ, не должна была вовлекаться ни въ какія посторонніе разсужденія. Что же касается до дѣйствій по настоящему происшествію бывшаго Сурамскаго участковаго засѣдателя Тюбукина, то оказывается, что по объяленіи ему 1 іюля отцомъ мальчика Алексѣя, о пропажѣ сего послѣдняго, обязанъ былъ тогда же распорядиться о розыскѣ его и произведеніи слѣдствія; но Тюбукинъ, не сдѣлалъ ничего и 2-го числа отправясь въ участокъ, по возвращеніи оттуда ограничился однимъ только донесеніемъ уѣздному начальнику отъ 8 іюля, за № 731, о происшествіи, зная, какъ самъ пишетъ, важность онаго и имѣя въ виду преступниками евреевъ и 14-го числа наконецъ рѣшился приступить къ слѣдствію, но какъ онъ, Тюбукинъ, за таковыя упущенія и медленность, удаленъ уже отъ должности участковаго засѣдателя, по этому оставить его отъ слѣдствія и суда свободнымъ. Въ прочихъ же частяхъ съ приговоромъ палаты губернаторъ согласился.

При вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла, судебная палата удержала первый свой приговоръ.

Военный губернаторъ также остался при прежнемъ мнѣніи.

Рапортъ Намѣстника Кавказскаго.

Намѣстникъ Кавказскій генералъ-губернаторъ Новороссійскій и Бессарабскій, представляя дѣло это въ Правительствующій Сенатъ, въ рапортѣ своемъ отъ 31 декабря 1852 года, за № 1527, изъяснилъ: Тифлисскій военный губернаторъ представилъ къ нему дѣло, рѣшенное въ Тифлисской Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда о шести евреяхъ, жителей Горійскаго уѣзда, села Сурама, преданныхъ суду по подозрѣнію въ похищеніи и умерщвленіи крестьянскаго мальчика Алексѣя Джапара Швили. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія: Крестьянинъ Горійскаго уѣзда, деревни Чалы, Датика Джапара Швили, 1-го іюня 1850 года былъ съ семействомъ на храмовомъ праздникѣ въ предмѣстьи села Сурама Гвердисубани и въ то время, когда онъ находился въ домѣ тамошняго жителя Датика Ломидзе, сынъ Джапара Швили, Алексѣй, $2^1/_2$ лѣтъ, сидѣвшій на арбѣ, около полудня неизвѣстно куда дѣвался; на пятый же день послѣ того найденъ случайно Бекамскимъ крестьяниномъ Сомкою Гогнадзе въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ Гвардисубани. По словамъ Гогнадзе, мальчикъ этотъ найденъ еще живымъ, но въ тоже время скончался. Датика Джапара Швили взвелъ подозрѣніе въ похищеніи сына его на Сурамскихъ евреевъ. Коммисія, назначенная для производства слѣдствія по настоящему предмету, по осмотрѣ мѣстности нашла, что самъ ребенокъ не могъ зайти туда, гдѣ онъ найденъ, по причинѣ трудностей, представляемыхъ обѣими дорогами, ведущими къ тому мѣсту отъ дома крестьянина Ломидзе. Въ 18 шагахъ отъ мѣста, гдѣ лежало дитя, найдены его штаны, распоратые по шву и куски ситца и хлопчатой бумаги изъ его архалука. Родители мальчика и нѣсколько че-

ловѣкъ жителей утверждаютъ, что по принесеніи тѣла Алексѣя, они видѣли на немъ внутри носа, на груди, колѣнахъ и ногахъ ранки, какъ бы сдѣланныя булавкою. Медикъ, свидѣтельствовавшій тѣло Алексѣя, 13 іюня, при участковомъ засѣдателѣ, безъ присутствія уѣзднаго прокурора и понятыхъ, замѣтилъ на бедрахъ его, выше колѣнъ, три царапины, происшедшія повидимому отъ оцарапанія твердымъ острымъ тѣломъ. По заключенію медика, мальчикъ этотъ умеръ отъ голода. Врачебная же управа нашла, что трупъ дитяти, при освидѣтельствованіи медикомъ, подвергся уже во многихъ мѣстахъ гнилости, слѣдовательно, если и были наколоты булавкою, или другимъ тѣломъ раны, то медикъ не могъ ихъ замѣтить. Трудно однакожъ предположить, чтобы дитя, въ столь нѣжномъ возрастѣ могло само зайти на разстояніи около трехъ верстъ. Павшее на Сурамскихъ евреевъ подозрѣніе въ похищеніи мальчика имѣло слѣдующія основанія: 1) Обучавшаяся у женщины Ерикназы Арцовой, дочь Сурамскаго еврея Давида Джана Швили, Лія, 6 лѣтъ, разсказывала своей воспитательницѣ, при свидѣтельницахъ, что еврей Абрамъ приводилъ въ домъ отца ея какого то мальчика. При слѣдствіи дѣвочка Лія сначала отозвалась незнаніемъ объ этомъ, но потомъ, вслѣдствіе очной ставки, показала, что Карельскій еврей Абрамъ днемъ привезъ въ домъ отца ея малолѣтняго ребенка, въ красномъ архалукѣ. Отецъ ея былъ тогда въ отлучкѣ, а въ домѣ оставалась одна мать. Абрамъ ночевалъ съ ребенкомъ въ морани, гдѣ навѣщали его Сурамскіе евреи, Микано Кожія Швили, Ело Пичкадзе и дядя ея Рафаилъ Хахамъ. По истеченіи трехъ дней, Абрамъ отвезъ ребенка днемъ, завязавъ ему ротъ платкомъ. На очной ставкѣ съ матерью ея Саррою и сказанными евреями, Лія

опять объявила, что она ничего не знаетъ. Вторая дочь Сурамскаго еврея Абрама Магала Швили, Маріама, 10 лѣтъ, говорила женѣ священника Николая Бебея Швили, Маги, что евреи держали мальчика Алексѣя въ домѣ Хахама Давида Джана Швили подъ корзиною и что отецъ ея говорилъ евреямъ, что за такое дѣло ихъ разстрѣляютъ. Маріама подтвердила это при слѣдствіи, добавивъ, что когда мальчикъ Алексѣй былъ приведенъ Абрамомъ въ домъ Давида Джана Швили, въ то время находились тамъ евреи: Исраилъ и Рафаилъ Джана Швили, еврейка Ело Пичкадзе и Михаилъ Кожія Швили, что послѣ умерщвленія Алексѣя, какъ говорилъ отецъ ея, изъ дома Давида что-то, раздавали въ дома Сурамскихъ евреевъ, и что по словамъ отца ея, Хахамъ, Давидъ и братъ его Гавріилъ, когда принесли мальчика, были дома и 3) Сурамскій еврей Сосія Гигула Швили, 10 лѣтъ, разсказывалъ дворянину Якову Батія Швили, Датикѣ Ломидзе и Георгію Цверіани, какъ они объявили подъ присягою, что какой-то родственникъ его пришелъ къ Давиду Джана Швили съ сумкою, и когда Сосія дотронулся до нея, то бывшій въ ней мальчикъ заплакалъ. Тотъ же Сосія Гигула Швили говорилъ крестьянину Гиголѣ Какала Швили, какъ сей послѣдній показываетъ подъ присягою, что мальчикъ Алексѣй находился у Давида Джана Швили. Бывшій же при этомъ разсказѣ отставной унтеръ-офицеръ Бабичукъ также подъ присягою показалъ, что когда Гигола Какала Швили спрашивалъ Сосію о мальчикѣ, тотъ отвѣчалъ, сколько Бабичукъ могъ разслышать: «Я не знаю, это знаетъ раввинъ (Хахамъ Давидъ Джана Швили). Однакожъ Сосія Гигула Швили не подтвердилъ справедливости означенныхъ показаній. Оговоренные Хахамъ Давидъ Джана Швили,

братъ его Гавріилъ, Михаилъ Кожія Швили, Рафаилъ и Исраилъ Джана Швили, Ело Пичхадзе и Карельскій помѣщичій крестьянинъ Абрамъ Джанджика Швили ни въ чемъ сознанія не сдѣлали, отзываясь незнаніемъ о похищеніи мальчика Алексѣя. Въ оправданіе свое они представляютъ, что на Гвардисубанскомъ праздникѣ они не были и что во время похищенія и розыска мальчика находились въ отлучкахъ, въ разныхъ мѣстахъ; но показанія ихъ въ этомъ отношеніи не вполнѣ подтверждены. Между прочимъ, Рафаилъ Джана Швили показалъ, что 4 или 5 іюня онъ былъ въ сел. Пони; но это по слѣдствію не подтвердилось. Датика, Какуца и Петръ Нозадзевы 7 іюня видѣли означеннаго еврея верхомъ на лошади возлѣ кукурузнаго поля Понскихъ жителей, гдѣ нѣтъ дороги для верховой ѣзды, а Георгій Шіо и Глакда Нозадзевы встрѣтили его вечеромъ, 6 іюня, возлѣ того же поля. Рафаилъ сказалъ имъ, что онъ ѣдетъ въ с. Цына, но какъ онъ тамъ не былъ, то они безошибочно удостовѣряютъ, что онъ ѣхалъ изъ лѣса, гдѣ найденъ мальчикъ Алексѣй. По показанію Симона Небіеридзе, онъ видѣлъ Рафаила съ другими евреями возлѣ села Пони 5 іюня. На очныхъ ставкахъ Рафаилъ Джана Швили отозвался, что онъ былъ возлѣ Пони 6 іюня. Абрамъ Магала Швили, жена Давида Джана Швили, Сарра, родственница ея Ханума, свекровь ихъ Тамара и живущіе въ одномъ домѣ съ ними Абрамъ Швили, 19 лѣтъ, Исраилъ Джана Швили 12 и Даніилъ Джана Швили 8 лѣтъ, также отозвались незнаніемъ. Изъ нихъ Тамара оговорена въ угрозахъ, сдѣланныхъ женщинѣ Мармарѣ Арузовой за то, что она заставила дѣвочку Лію высказать объявленное ею, но Тамара въ этомъ не созналась и ни въ чемъ не изобличена. На очной ставкѣ, данной Абраму Магала Швили съ до-

черью его Маріамою, сія послѣдняя отказалась отъ сдѣланнаго ею показанія. Въ составленномъ же слѣдственною коммисіею актѣ значится, что Маріама начала отпираться отъ своихъ словъ вслѣдствіе угрозъ со стороны отца ея. При обыскѣ въ домѣ Давида Джана Швили найденъ платокъ изъ бязи съ красными на немъ пятнами. Жена Давида, Сарра, братъ его Гавріилъ и жена послѣдняго, Ханума, отозвались, что пятна на платкѣ остались отъ лекарства. Пятна эти были свидѣтельствованы врачебною управою, но она не могла опредѣлить, произошли ли они отъ крови, или отъ окрашенія чѣмъ либо. По показаніямъ подъ присягою Сурамскаго нацвала (старшины) Акапова, дворянина Чинчаладзе и трехъ крестьянъ, они находясь въ духанѣ смежномъ съ другимъ, въ которомъ содержались нѣкоторые изъ подсудимыхъ евреевъ, слышали разговоръ ихъ, объясняющій участіе этихъ евреевъ, въ похищеніи мальчика Алексѣя и сообщничество съ ними евреевъ Манашера Швили и Бинника Монашера Швили. Въ другой разъ тотъ же нацвалъ и два крестьянина, какъ они показываютъ подъ присягою, слышали, что изъ содержащихся евреевъ, Рафаилъ и Исраилъ упрекали другъ друга въ причинѣ своего несчастія. Оговоренные не подтвердили справедливости этихъ показаній, Монашера и Бинника Монашера Швили также ни въ чемъ сознанія не сдѣлали. Управляющій Сурамскимъ участкомъ довелъ до свѣдѣнія слѣдственной коммисіи, что Сурамскій еврей Симонъ Магала Швили, поссорившись съ двумя односельцами своими сказалъ, что случившаяся между ними драка произошла отъ того, что онъ не считаетъ себя участникомъ въ общемъ еврейскомъ дѣлѣ о пропажѣ мальчика Алексѣя. Симонъ Магана Швили и ссорившіеся съ нимъ евреи не подтвердили

этого обстоятельства и ничѣмъ не уличаются въ противномъ. Двадцать человѣкъ, обвиняя по слухамъ и предположеніямъ въ похищеніи и умерщвленіи мальчика Алексѣя евреевъ Исраила Джана Швили, Рафаила Джана Швили, Ело Пичхадзе, Давида Джана Швили, Гавріила Джана Швили и Михаила Божія Швили, подъ присягою удостовѣряютъ, что они показали, до 4 іюня нѣсколько разъ были на томъ мѣстѣ, гдѣ отысканъ потомъ Алексѣй, но тамъ его не было, и что послѣ похищенія мальчика, евреи, бывшіе на Гвардисубанскомъ праздникѣ въ значительномъ числѣ, скрылись въ тотъ же день. По присяжнымъ показаніямъ восьми человѣкъ Мокшскихъ жителей, Бретскіе евреи, назадъ тому лѣтъ 20, похитили христіанскаго мальчика, чтобы замучить его, но онъ былъ отнятъ отъ нихъ. Два крестьянина, одинъ 80, другой 75 лѣтъ, подъ присягою удостовѣряютъ, что подобный случай также былъ въ Сурамѣ въ царствованіе Ираклія XI-го. Къ настоящему дѣлу прикосновенны еще евреи: а) Моше и Абрамъ Паписъ Илида Швили, потому что 1-го іюня они заѣзжали въ домъ Исраила Джана Швили; б) Мосе и Аронъ Цицуа (они же Стамболаса) Швили, просившіе крестьянина Захарія Шакула Швили быть свидѣтелемъ, что еврей Абрамъ Дениндженка Швили былъ у него въ день Вознесенія; в) Яковъ Джана Швили, который, по показанію подъ присягою двухъ женщинъ, совѣтывалъ еврею Абраму Джинджика Швили не пугаться когда дадутъ ему очную ставку съ крестьяниномъ Давытатзевымъ и г) Аронъ Джинджика Швили, оговоренный двумя женщинами Давитатзевыми въ томъ, что когда онъ пришелъ къ нимъ, 5 іюня, для продажи товаровъ и они обратились къ нему съ вопросомъ: «не вы ли похитили и замучили Алексѣя Джапара Швили?» то

еврей этотъ послѣднюю собралъ товаръ и ушелъ, однакожъ Аронъ Джинджико Швили не подтвердилъ, что онъ былъ 5 іюня въ домѣ Давитадзевыхъ. По повальному обыску поведеніе евреевъ Исраила, Рафаила и Давида Джановыхъ, Ело Пичхадзе, Абрама и Симона Магаловыхъ не вполнѣ одобрено, такъ какъ они слывутъ въ народѣ обманщиками; поведеніе же прочихъ приносновенныхъ къ дѣлу евреевъ и евреекъ одобрено. Горійскій Уѣздный Судъ мнѣніемъ полагалъ: Давида и Гаврила Джана Швили, Михаила Кошія Швили, Рафаила и Хахама Исраила Джана Швили, Хахама Ело Пичхадзе и Абрама Джинджика Швили оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи по похищенію ими ребенка Алексѣя Джапара Швили и умерщвленіи его въ видахъ религіознаго заблужденія, а Монашера и Бинника Монашера Швили—Джинджика Швили въ сильномъ подозрѣніи, по участію въ этомъ преступленіи; жену Давида Джана Швили, Сарру, мать его, Тамару, еврея Якова Джана Швили, Моше и сына его Абрама Имеди Швили и жену Гавріила Джана Швили, Хануму, тоже въ сильномъ подозрѣніи, по сокрытію вышеупоминаемаго преступленія, а о приносновенныхъ къ этому дѣлу малолѣтныхъ: Сосіѣ Гигула Швили, 10 лѣтъ, Исраилѣ 12 и Даніилѣ Джана Швилевыхъ и дѣвочкамъ Маріамѣ Магала Швили 10 и Ліѣ Джана Швили 6 лѣтъ предоставить сужденію Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда и части Совѣстнаго Суда. Упущенія же Сурамскаго участковаго засѣдателя—Тюбукина и уѣзднаго врача Морица предоставить усмотрѣнію высшаго начальства. Тифлисская Палата Уголовнаго и Гражд. Суда, по соображеніи обстоятельствъ дѣла съ 1175, 1176, и 1177 ст. XV Тома Св. Зак., а также находя справедливою приведенную противу подсудимыхъ улику, основанную на народномъ повѣрьѣ и письмен-

ныхъ преданіяхъ объ употребляемой евреями для своихъ религіозныхъ обрядовъ христіанской крови, противупоставить тому свидѣтельство исторіи, которое удостовѣряетъ, что уже болѣе 1000 лѣтъ, какъ обвиненіе въ этомъ преступленіи стало служить предлогомъ гоненій, которымъ подвергали евреевъ, и что потомъ это самое обвиненіе повторялось отъ времени до времени въ такихъ странахъ, гдѣ невѣжество и религіозная ненависть возбуждали къ тому, или по крайней мѣрѣ давали вѣру сему обвиненію, опредѣлила подсудимыхъ евреевъ Давида и Гавріила Джана Швили, Михаила Кожія Швили, Рафаила и Исраила Джана Швили, Ело Цичхадзе и Абрама Джанджика Швили, по похищенію и умерщвленію ими ребенка Алексѣя Джапара Швили, оставить въ сильномъ подозрѣніи, предоставивъ его г. намѣстника Кавказскаго усмотрѣнію, обстоятельство въ отношеніи водворенія ихъ на мѣстѣ жительства, а Монашера Беника Швили и Арона Джанджиха Швили, обвиняемыхъ въ соучастіи по упомянутому преступленію, равно жену Давида Джана Швили, Сарру и мать его Тамару, еврея Якова Джана Швили, Моше и сына его Абрама Имеда Швили, Моше и Арона Цицуа Швили, Абрама и Симона Магала Швили, Абрама Джана Швили и жену Гавріила Джана Швили, Хануму, также обвиняемыхъ въ сокрытіи вышеозначеннаго преступленія, но ни въ чемъ преступномъ по дѣлу не изобличающихся, по 1169 ст. XV Тома оставить отъ суда свободными. Прогонныя же деньги 361 руб. 46½ коп. серебромъ, принять на счетъ казны. Затѣмъ обстоятельство, что еврей Абрамъ Магала Швили, при допросѣ и на очной ставкѣ съ малолѣтною дочерью своею Маріамою въ слѣдственной коммисіи кричалъ въ азартѣ на эту дѣвочку и потому она, испугавшись угрозъ его, начала плакать и отказалась отъ того, что

прежде по этому предмету показала, велѣть Горійскому ѣздному суду изслѣдовать и обсудить особо отъ настоящаго дѣла. Далѣе, обращаясь къ упущеніямъ и медленности бывшаго Сурамскаго участковаго засѣдателя и управляющаго уѣздомъ Вилямовскаго, Палата нашла, что они ни въ какомъ упущеніи и медленности по дѣлу вовсе не изобличаются, а потому опредѣлила не представлять объ нихъ заключенію Губернскаго Правленія; что же касается до уѣзднаго врача Морица, виновнаго въ несвоевременномъ прибытіи для освидѣтельствованія мертваго тѣла мальчика Алексѣя и въ произведеніи судебно-медицинскаго изслѣдованія причины смерти этого мальчика безъ понятыхъ, въ противность 1313 ст. XIII Тома Устава судебной медицины, то обстоятельство это предоставить заключенію Губернскаго Правленія, затѣмъ въ прочихъ частяхъ рѣшеніе уѣзднаго суда, какъ правильное — утвердить. Тифлисскій военный губернаторъ усматриваетъ слѣдующіе: во 1-хъ, слѣдователи въ актѣ пишутъ, что 2½ лѣтнее дитя Алексѣй Джапара Швили не могъ самъ зайти въ лѣсъ на разстояніи трехъ верстъ, по объясненной ими трудности дороги для такого нѣжнаго возраста, то же самое полагаетъ и врачебная управа, какъ равно подтверждается присяжнымъ показаніемъ двадцати человѣкъ, отзывающихся, что до 4 іюня неоднократно были люди на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ мальчикъ, но не находили его тамъ, а потому онъ долженъ быть приведенъ туда 5 іюня подсудимыми Рафаиломъ Джана Швили и Ело Пичхадзевымъ, такъ какъ въ народѣ извѣстно, что Рафаилъ не находился въ Сурамѣ, 4 и 5 іюня, и Пичхадзе выѣзжалъ изъ Сурама 4-го же и возвратился 5-го іюня; сверхъ того изъ шести спрошенныхъ подъ присягою жителей селенія Пони, трое показали, что

они 6 іюня, около кукурузныхъ мѣстъ этого селенія видѣли изъ поименованныхъ евреевъ Рафаила, который на спросъ ихъ сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ села Цыпа; но какъ этотъ еврей въ Цыпѣ не былъ, то они безошибочно заявляютъ, что онъ ѣхалъ изъ находящагося вблизи лѣса, гдѣ найденъ ребенокъ Алексѣй, а послѣдніе трое подтвердили, что означенный Рафаилъ въ селеніи Цыпа не былъ и что въ сказанномъ мѣстѣ встрѣтились съ нимъ первые трое односельцы ихъ 6 числа, добавили, что они сами 7-го іюня видѣли его, Рафаила, на лошади въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дороги для верховой ѣзды; во 2-хъ, пять человѣкъ безъ присяги и семнадцать человѣкъ подъ присягою показали, что на трупѣ Алексѣя видѣли внутри носа, на груди, колѣнахъ и на ногахъ раны отъ уколотія какъ будто бы булавкою; въ 3-хъ, еврейскія дочери Лія 6 лѣтъ, и Маріама 10 лѣтъ, объяснили, что Карельскій еврей Абрамъ привезъ въ домъ отца первой изъ нихъ, Давида Джана Швили и брата его Гавріила, малолѣтнаго ребенка, что тамъ были тогда и навѣщали послѣ этого ребенка Сурамскіе евреи Михако (онъ же Михаилъ), Кожія Швили, Исраилъ и Рафаилъ Джана Швили и Ело Пичхадзе, что ребенокъ оставался въ томъ домѣ три дня, потомъ былъ отвезенъ Абрамомъ, завязавшимъ ему ротъ платкомъ, и что послѣ умерщвленія его, какъ говорилъ дома отецъ Маріамы, Абрамъ Магала Швили, раздавали что-то изъ дома Давида Джана Швили въ домѣ Сурамскихъ евреевъ; а еврей Сосія Гигула Швили, 10 лѣтъ, говорилъ пяти человѣкамъ, подтвердившимъ подъ присягою слова его, что къ Давиду Джану Швили приносилъ родственникъ его съ сумкою и въ ней былъ упоминаемый мальчикъ, который и находился у того Джана Швили; въ 4-хъ, Сурамскій нацвалъ Аѳоновъ объя-

вилъ въ слѣдственной коммисіи, что онъ съ бывшими съ нимъ шестью человѣками въ лавкѣ по смежности съ тою, въ которой содержались евреи: Рафаилъ, Исраилъ и Гавріилъ Джана Швилевы, Ело Пичхадзе и Михаилъ Кожія Швили, слышалъ разговоръ этихъ евреевъ, изъ котораго видно, что они сознавались въ умерщвленіи мальчика Алексѣя, говоря, что несчастіе ихъ состояло въ томъ, что они пустили ему кровь изъ носа въ излишествѣ, и считая это дѣло общимъ между всѣми евреями; каковое показаніе подтвердили подъ присягою указанные нацваломъ шесть человѣкъ и въ 5-хъ, двадцать человѣкъ подъ присягою удостовѣряютъ, что въ 1850 году, въ день Вознесенія, на Гвардисубанскомъ храмовомъ праздникѣ сверхъ обыкновеннаго находилось много евреевъ изъ разныхъ мѣстъ, но послѣ пропажи мальчика, они въ тотъ же день скрылись, тогда какъ въ прошлыхъ годахъ оставались тамъ по три дня для торговли. Всѣ изложенныя выше обстоятельства объясненія и присяжныя показанія свидѣтелей въ совокупности по примѣненіи къ 1193, 1205, 1170, 1171 и 1173 ст. 15 т. Св. Зак. служатъ совершеннымъ доказательствомъ въ похищеніи и умерщвленіи чрезъ истязанія малолѣтняго ребенка Алексѣя, Джапара Швили, подсудимыми евреями: Михаиломъ Кожія Швили, Гавріиломъ Исраиломъ Джана Швилевыми и Ело Пичхадзевымъ; изъ коихъ трое послѣдніе въ поведеніи на повальномъ обыскѣ не одобрены; а потому военный губернаторъ полагаетъ на основаніи 1924 ст. пунк. 2 и 3-го, а равно ст. 21 степени 2-й уложен. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, лишивъ этихъ евреевъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми, девяноста ударами каждаго, съ наложеніемъ клеймъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двадцать лѣтъ, взыскавъ притомъ съ нихъ употребленные

по настоящему дѣлу прогонныя деньги 361 руб. 46 $^1/_2$ к. серебромъ. А подсудимые евреи Абрамъ Джанджика Швили и Давидъ Джана Швили, изъ коихъ послѣдній тоже въ поведеніи не одобренъ, навлекаютъ на себя по участію въ означенномъ преступленіи только сильное подозрѣніе, такъ какъ о первомъ, Абрамѣ, еврейскія дочери Лія и Маріама сказали, что Карельскій еврей Абрамъ привелъ ребенка въ домъ Давида и брата его Гавріила Джана Швилевыхъ, не объяснивъ фамиліи того Абрама, втораго же Давида Джана Швили отзывъ, что онъ 1-го іюня, когда пропало дитя, находился въ Горіи, подтвердилъ, по ссылкѣ его, квартальный надзиратель Селезневъ, равнымъ образомъ дочь его, Давида, Лія показала, что когда Абрамъ привелъ къ нимъ въ домъ ребенка, въ то время отца ея не было дома, наконецъ и братъ Давида Гавріилъ отозвался, что первый изъ нихъ съ 1-го по 25-е іюня не находился дома. При чемъ, губернаторъ считаетъ неумѣстнымъ и неправильнымъ разсужденіе Палаты, которая оставивъ названныхъ подсудимыхъ въ сильномъ подозрѣніи, приводитъ, что имѣющіяся противъ нихъ улики, основаны на народномъ повѣрьѣ и письменныхъ преданіяхъ объ употребляемой евреями для своихъ религіозныхъ обрядовъ крови христіанской и все это, какъ она говоритъ, уже болѣе 1000 лѣтъ стало служить предлогомъ гоненія, которымъ подвергали евреевъ. На чемъ же послѣ этого сама Палата основываетъ свои убѣжденія, оставляя подсудимыхъ евреевъ въ сильномъ подозрѣніи, съ предоставленіемъ усмотрѣнію его, обстоятельства въ отношеніи водворенія ихъ на мѣстѣ жительства. Но онъ, губернаторъ, при объясненныхъ выше доказательствахъ въ преступленіи поименованныхъ подсудимыхъ, имѣя при томъ въ виду, какъ изъ дѣла видно, присяжныя показанія 10 чело-

вѣкъ, что евреи за 20 лѣтъ предъ этимъ, да и прежде того, о похищеніи въ селеніяхъ Мохмы и Сурамѣ христіанскихъ мальчиковъ для такихъ же истязаній, находитъ, что и народное повѣрье и историческіе возгласы не имѣютъ мѣста въ этомъ дѣлѣ, и Палата, на обязанности которой лежитъ сужденія свои основывать только на точномъ разумѣ законовъ, не должна была вовлекаться никакими посторонними разсужденіями. Что же касается до дѣйствій по настоящему происшествію бывшаго Сурамскаго участковаго засѣдателя Тюбукина, то оказывается, что по объявленіи ему 1-го іюня отцомъ мальчика Алексѣя о пропажѣ сего послѣдняго, обязанъ былъ тогда же распорядиться о розыскахъ его и произведеніи слѣдствія, но Тюбукинъ, не сдѣлавъ ничего и 2-го числа отправясь въ участокъ, по возвращеніи оттуда, ограничился однимъ только донесеніемъ уѣздному начальнику отъ 8-го іюня за № 731, о происшествіи, зная, какъ самъ пишетъ, важность онаго, имѣя въ виду преступниками евреевъ, и наконецъ рѣшился приступить къ слѣдствію уже 14 того мѣсяца; но какъ онъ Тюбукинъ, за таковыя упущенія и медленность удаленъ уже отъ должности участковаго засѣдателя, поэтому оставить его отъ слѣдствія и суда свободнымъ. Въ прочихъ же частяхъ съ приговоромъ Палаты губернаторъ согласился. Изъ произведеннаго затѣмъ по распоряженію его дослѣдованія оказалось, что духанъ, въ которомъ содержались нѣкоторые изъ подсудимыхъ евреевъ, отдѣленъ отъ другаго, изъ котораго подслушанъ разговоръ ихъ, перегородкою изъ необтесанныхъ бревенъ, образующихъ между собою нѣсколько щелей, такъ что происходящій въ одномъ изъ этихъ духановъ разговоръ, можетъ быть слышанъ и въ другомъ. Подслушанный же разговоръ содержавшихся евреевъ,

происходилъ на грузинскомъ языкѣ. При вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла, Судебная Палата удержала первый приговоръ свой. Военный губернаторъ также остался при своемъ мнѣніи. По внимательному разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, равно какъ и по всѣмъ непреложнымъ свѣдѣніямъ до него г. намѣстника Кавказскаго по оному дошедшимъ, онъ совершенно убѣжденъ въ виновности Сурамскихъ евреевъ въ похищеніи мальчика Алексѣя Джапара Швили и умерщвленіи его для исполненія религіозныхъ обрядовъ христіанскою кровію. Убѣжденіе это въ немъ еще усилилось по двукратному его пребыванію на водахъ въ окрестности Сурама, гдѣ онъ имѣлъ случай удостовѣриться въ несомнѣнности учиненнаго евреями этого преступленія, а потому онъ, намѣстникъ Кавказскій, полагалъ бы согласиться съ мнѣніемъ Тифлисскаго военнаго губернатора, но по недостатку юридическихъ доказательствъ, на которыхъ онъ бы могъ основывать таковое мнѣніе, представилъ дѣло это, вмѣстѣ съ приговоромъ Палаты, на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената, докладывая при томъ, что если рѣшеніе Тифлисской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда объ оставленіи подсудимыхъ въ сильномъ подозрѣніи признано будетъ правильнымъ, то и въ такомъ случаѣ, онъ, г. намѣстникъ Кавказскій долженъ будетъ выслать ихъ изъ края, тѣмъ болѣе, что кромѣ взведеннаго на нихъ вышеозначеннаго преступленія, они вообще люди вредные. При этомъ г. намѣстникъ Кавказскій присовокупилъ, что подсудимые евреи находятся на порукахъ.

Для большаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ, воспроизводимъ переписку по поводу его между свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ, тогдашнимъ намѣстникомъ Кавказскимъ, и г. Монтефіори, англійскимъ

защитникомъ евреевъ. Письма эти писаны по англійски и хранятся въ архивѣ главнаго управленія намѣстника въ г. Тифлисѣ. Газета «День» напечатала ихъ въ слѣдующемъ буквальномъ переводѣ.

Лондонъ, 6 марта 1851 года.

Его Свѣтлости, Князю Воронцову.

Ваше возвышенное и хорошо извѣстное чувство гуманности и справедливости, а также мое глубокое состраданіе къ несчастному положенію моихъ злополучныхъ и угнетаемыхъ братьевъ въ Сурамѣ, служитъ мнѣ единственнымъ оправданіемъ того, что я беру смѣлость обратиться къ вашей свѣтлости. Я только что получилъ письма отъ раввиновъ и представителей еврейской общины въ Константинополѣ, настоятельно умоляющихъ меня вступиться въ дѣло о страданіяхъ евреевъ г. Сурама въ Грузіи. Содержаніе этихъ извѣщеній состоитъ въ слѣдующемъ: около семи мѣсяцевъ тому назадъ въ одинъ праздничный день въ Сурамѣ исчезъ маленькій мальчикъ, вслѣдствіе чего жители обвинили евреевъ въ убійствѣ его. Чрезъ четыре дня тѣло дитяти было найдено и дѣло представлено начальнику края Дмитрію Абизизи, который призвалъ служащихъ врачей. Вскрывъ тѣло, врачи нашли въ мозгу воду и въ желудкѣ травы, и объявили, что дитя умерло не отъ руки людей. Недовольные этимъ опредѣленіемъ и обвиняя врачей въ томъ, что они были подкуплены евреями, жители вломились въ дома евреевъ и подвергли ихъ разнымъ истязаніямъ, такъ что они не могли болѣе заниматься своими дѣлами и даже отправиться въ Тифлисъ къ главному начальнику края. Однакожъ во мракѣ ночи четверо евреевъ успѣли обмануть бдительность жителей и отправились въ Тифлисъ, но одинъ изъ нихъ умеръ на до-

рогѣ отъ страха и горя. Такъ какъ намѣстникъ не былъ въ Тифлисѣ, то они обратились къ его помощнику и послѣдній послалъ двухъ людей въ Сурамъ для изслѣдованія дѣла.

Въ тоже время обвинители успѣли подкупить маленькую еврейскую дѣвочку, которая показала, что ея отецъ держалъ пропавшаго мальчика на колѣняхъ и наносилъ ему раны, тогда какъ другой еврей взялъ кровь изъ раны для употребленія въ праздникъ пасхи. Прибывшіе чиновники начали поэтому обыскивать дома евреевъ и нашли въ одномъ домѣ кусокъ холста, запятнанный кровію (отъ менструаціи). Холстъ былъ опечатанъ и пріобщенъ къ дѣлу. Чрезъ три мѣсяца обвинители были вызываемы подтвердить присягою, что мальчикъ убитъ евреями, но они отказались присягать что видѣли убійство, а показали только, что по ихъ мнѣнію это такъ было. Затѣмъ восемь самыхъ ученыхъ евреевъ Сурама брошены были каждый въ отдѣльную темницу и подвергнуты пыткѣ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе; вслѣдствіе этой пытки двое изъ нихъ умерли.

Я далекъ отъ мысли, чтобы приписывать участіе въ этомъ дѣлѣ вашему благородному и человѣколюбивому духу, но будучи глубоко убѣжденъ также въ невинности моихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, и зная также, какъ легко подобныя обвиненія находятъ вѣру и какъ заразительно они распространяются, я почтительнѣйше и усерднѣйше прошу вашу свѣтлость озаботиться, чтобъ дѣло было вполнѣ изслѣдовано и употребить вашу высокую власть, чтобы дѣло приведено было къ справедливому окончанію.

Пользуясь этимъ случаемъ, чтобъ представить вашей свѣтлости увѣренія въ глубокомъ уваженіи, оста-

остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою Монтефіори.

Въ отвѣтъ на это письмо князь Воронцовъ писалъ слѣдующее:

Сэръ! Надѣюсь, что вы извините меня въ томъ, что я не отвѣчалъ немедленно на ваше письмо отъ 6-го марта. Это произошло отъ желанія моего дать вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія по дѣлу, о которомъ вы писали. И хотя я не могу и теперь сказать, чтобы дѣло было рѣшено окончательно, я не могу болѣе откладывать объясненіе вамъ настоящаго положенія. Я долженъ спѣшить уже потому, чтобъ извѣстить васъ о полученіи вашего письма и поблагодарить васъ отъ всего сердца за благосклонные ваши обо мнѣ отзывы, къ тому же я хочу объяснить вамъ, что извѣстія, вами полученныя о Сурамскомъ дѣлѣ, не совсѣмъ точны. Никакая пытка не была и не могла быть употреблена относительно обвиняемыхъ. Долгъ истины обязываетъ меня торжественно протестовать противъ этого обвиненія. Пытка не только совершенно противна нашимъ теперешнимъ законамъ, но была уничтожена еще при императрицѣ Екатеринѣ, еще прежде, чѣмъ она была отмѣнена во Франціи Людовикомъ XVI, и никакая власть въ Россіи не можетъ думать о пыткѣ при слѣдствіи. Наши законы о судопроизводствѣ полны снисхожденія къ обвиняемымъ. Несомнѣнно, что нашъ процессъ, болѣе письменный, чѣмъ словесный, идетъ медленно, но это не можетъ быть иначе, и высшая администрація можетъ только ускорить нѣсколько производство. Это было сдѣлано мною въ дѣлѣ Сурамскихъ евреевъ, и хотя я самъ никогда не вѣрилъ особенно въ ихъ виновность, но не имѣлъ права перерывать хода правосудія; это я оффиціально заявилъ депутатамъ, ими посланнымъ въ Тифлисъ.

Теперь рѣшеніе суда первой инстанціи состоялось, но прежде чѣмъ передать вамъ его содержаніе, я считаю долгомъ констатировать факты въ ихъ настоящемъ видѣ, что, какъ вы увидите, не совсѣмъ совпадаетъ съ вашими извѣстіями.

Въ іюнѣ 1850 года житель одной деревни въ округѣ Гори пришелъ въ гости къ своему другу въ сосѣднюю деревню съ женой и двумя сыновьями. Младшій изъ нихъ, двухъ съ половиною лѣтъ отъ роду, внезапно исчезъ съ телѣги, гдѣ его оставили родители. Четыре дня спустя дитя найдено было въ лѣсу мертвымъ. Тѣло осмотрѣно было врачами, но никакихъ знаковъ насилія не найдено, кромѣ двухъ продолговатыхъ царапинъ на правой ногѣ, которыя вѣроятно нанесены острымъ орудіемъ.

По мнѣнію врачей, дитя умерло отъ истощенія. Но то обстоятельство, что дитя найдено на разстояніи 5 верстъ отъ того мѣста, гдѣ оно исчезло, должно было навести на мысль, что оно не ушло само. Что касается обвиненія евреевъ въ совершеніи убійства, то оно произошло такъ. Одна Сурамская женщина объявила, что, по разсказамъ еврейскихъ дѣвочекъ, пропавшій ребенокъ былъ спрятанъ въ одномъ еврейскомъ домѣ подъ корзинкой. На слѣдствіи эти дѣвочки подтвердили свои прежнія показанія, называя поименно евреевъ, спрятавшихъ дитя, и прибавивъ, что за убійствомъ дитяти послѣдовала раздача чего-то имъ неизвѣстнаго между еврейскими семействами. Но одна изъ дѣвочекъ послѣ отреклась отъ своего перваго показанія. Дома евреевъ были обысканы, но ничего не найдено. Такія показанія дѣвочекъ не могли не возбудить негодованія населенія. Жители убѣждались, что убійство совершено евреями съ религіозной цѣлью. Нѣкоторыя лица, которыя прежде объявили, что никакихъ знаковъ на-

силія не найдено, теперь положительно утверждали, что они видѣли на тѣлѣ ребенка раны, насѣченныя ножемъ.

Обвиняемые евреи арестованы и дѣло пошло установленнымъ порядкомъ. Я продолжалъ настаивать на его ускореніи, и теперь меня извѣстили, что никакихъ законныхъ доказательствъ виновности подсудимыхъ не найдено и потому они оставлены въ подозрѣніи. Это рѣшеніе дало мнѣ право освободить обвиняемыхъ, отдавъ ихъ на поруки, что и было тотчасъ мною сдѣлано. Дѣло же пошло на ревизію въ апелляціонную инстанцію. Я надѣюсь и желаю отъ всего сердца, чтобъ это же рѣшеніе было утверждено и второй инстанціей. Но въ противномъ случаѣ дѣло должно будетъ перейти въ Сенатъ. Я извѣщу васъ объ окончательномъ исходѣ этого дѣла. Но мнѣ очень хотѣлось бы искоренить изъ ума человѣка, столь глубоко вездѣ уважаемаго, какъ вы, сэръ, вѣру въ возможность употребленія пытки у насъ. По истинѣ, я былъ бы огорченъ, еслибъ долженъ былъ думать, что такое убѣжденіе у васъ существуетъ.

Надѣюсь, что вы повѣрите, что съ обвиняемыми обходились снисходительно во все время слѣдствія, и что полиціей приняты были всѣ мѣры для огражденія ихъ отъ естественнаго озлобленія туземцевъ. Я обязанъ этимъ формальнымъ заявленіемъ столько же справедливости, сколько тому всеобщему уваженію, которымъ пользуетесь вы, сэръ. Имѣю честь быть съ самымъ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнымъ слугою Воронцовъ.

Въ Русскомъ Архивѣ за 1870 г., кромѣ того помѣщено одно изъ писемъ князя М. С. Воронцова по этому дѣлу къ М. П. Щербинину, слѣдующаго содержанія:

С.-Петербургъ, 13 декабря 1855 года. Я очень любо-

пытаемъ знать, какъ у васъ окончилась исторія жидовъ изъ Сурама, обвиняемыхъ въ томъ, что они по суевѣрію ихъ секты умертвили ребенка. Я слышу, что Московскій сенатъ вполнѣ утвердилъ мое мнѣніе и что въ его рѣшеніи было сказано: Намѣстнику предоставляется право разослать ихъ поодиночкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста по собственному его усмотрѣнію съ учрежденіемъ надъ ними въ мѣстахъ ихъ жительства строжайшаго полицейскаго надзора. И такъ я хотѣлъ бы знать, исполнилось-ли это рѣшеніе Сената послѣ моего отъѣзда и куда были отосланы эти евреи поодиночкѣ. Во время моего двукратнаго пребыванія въ Боржомѣ я удостовѣрился въ дѣйствительности убійства, совершеннаго евреями, и было бы очень жалко, еслибъ ихъ оставили въ Сурамѣ или въ окрестностяхъ только подъ подозрѣніемъ, потому что, кромѣ ихъ преступленія, присутствіе ихъ здѣсь есть бѣдствіе для христіанъ, которые занимаютъ у нихъ деньги и становятся какъ бы ихъ рабами крѣпостными.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, любезнѣйшій другъ, напишите мнѣ про это дѣло.....

Заключеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ коего требовалось предварительное заключеніе, возвращая дѣло это въ Правительствующій Сенатъ, въ рапортѣ своемъ, отъ 5 марта сего года, за № 644, изъяснилъ: Правительствующій Сенатъ препроводилъ на его заключеніе дѣло о евреяхъ Горійскаго уѣзда, селенія Сурамъ, судимыхъ по подозрѣнію въ похищеніи и умерщвленіи, въ видахъ тайныхъ религіозныхъ обрядовъ своихъ, крестьянскаго мальчика Алексѣя Джапара Швили.

Обстоятельства дѣла слѣдующія: крестьянинъ Горійскаго уѣзда деревни Чалы, Датика Джапара Швили, 1-го іюня 1850 года, былъ съ семействомъ на храмовомъ праздникѣ въ предмѣстіи селенія Сурамъ, Гвардисубани, и въ то время, когда онъ находился въ домѣ тамошняго Датика Ломидзе, сынъ его, Джапара, Алексѣй, 2½ лѣтъ, сидѣвшій на арбѣ, около полудня неизвѣстно куда исчезъ и уже на 5-й день послѣ того случайно найденъ въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ Гвардисубани Бекалимскимъ крестьяниномъ Сомкою Гогнадзе, который показалъ, что мальчикъ этотъ найденъ былъ имъ еще живымъ, но въ то же время скончался, и что въ 18 шагахъ отъ упомянутаго ребенка, лежали штаны его, распоротые по шву и куски ситцу и хлопчатой бумаги изъ его архалука. Датика Джапара Швили объявилъ подозрѣніе въ похищеніи сына его на Сурамскихъ евреевъ, показавъ при томъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми жителями, что по принесеніи тѣла Алексѣя, они видѣли на немъ внутри носа, на груди, колѣнахъ и ногахъ ранки, какъ бы сдѣланныя булавкою. Коммисія, назначенная для производства слѣдствія по сему дѣлу, по осмотрѣ мѣстности нашла, что самъ ребенокъ не могъ зайти туда, гдѣ онъ найденъ, по причинѣ трудности, представляемой обѣими дорогами, ведущими къ тому мѣсту. Медикъ, свидѣтельствовавшій 13 іюня при участковомъ засѣдателѣ, безъ бытности уѣзднаго прокурора и понятыхъ, тѣло Алексѣя, замѣтилъ на бедрахъ его, выше колѣнъ, три царапины, происшедшія по видимому отъ оцарапанія твердымъ острымъ тѣломъ. По заключенію его, мальчикъ этотъ умеръ отъ голода. Врачебная управа нашла, что трупъ ребенка, при освидѣтельствованіи медика, подвергся уже во многихъ мѣстахъ гнилости, слѣдовательно, если и были наколоты булавкою или

другимъ тѣломъ раны, то медикъ не могъ ихъ замѣтить. Падающее на Сурамскихъ евреевъ подозрѣніе въ похищеніи мальчика Алексѣя, имѣетъ слѣдующія основанія: 1) Обучавшаяся у женщины Еракназы Аруцовой дочь Сурамскаго еврея Давида Джана Швили, Лія, 6 лѣтъ, разсказывала своей воспитательницѣ при свидѣтеляхъ, что еврей Абрамъ (не назвавъ однакоже фамиліи того Абрама) приводилъ въ домъ отца ея какого то мальчика. При слѣдствіи дѣвочка Лія сначала отозвалась незнаніемъ объ этомъ, но потомъ вслѣдствіе очной ставки, показала, что Карельскій еврей Абрамъ днемъ привезъ въ домъ отца ея малолѣтняго ребенка, когда отецъ былъ въ отлучкѣ, а въ домѣ оставалась одна мать, и что Абрамъ ночевалъ съ ребенкомъ въ Морани, гдѣ навѣщали его Сурамскіе евреи Михаилъ Кожія Швили, Ело Пичхадзе и Рафаилъ Хохамъ, а по истеченіи 3 дней, Абрамъ отвезъ того ребенка днемъ, завязавъ ему ротъ платкомъ. На очной же ставкѣ съ матерью своею, Саррою, и сказанными евреями, Лія опять объявила, что она ничего не знаетъ; 2) дочь Сурамскаго еврея Абрама Магала Швили Маріама, 10 лѣтъ, говорила женѣ священника Николая Бебея, что евреи держали мальчика Алексѣя въ домѣ Хохама Давида Джана подъ корзиною и что отецъ ея говорилъ евреямъ, что за такое дѣло ихъ разстрѣляютъ. Тоже подтвердила она и при слѣдствіи, добавивъ, что когда мальчикъ былъ приведенъ Абрамомъ въ домъ Давида Джана, въ то время находились тамъ евреи Израилъ и Рафаилъ Джана Швили, Ело Пичхадзе и Михаилъ Кожія Швили, что послѣ умерщвленія Алексѣя, какъ говорилъ отецъ ея, изъ дома Давида что-то раздавали въ дома Сурамскихъ евреевъ, и что по словамъ отца ея, Хохамъ Давидъ и братъ его Гавріилъ, когда принесли маль-

чика, были дома. На очной же ставкѣ съ отцомъ ея Маріама отказалась отъ сдѣланнаго ею показанія, каковое запирательство произошло, какъ значится въ составленномъ слѣдственною коммисіею актѣ, вслѣдствіе угрозъ со стороны отца ея, сдѣланныхъ имъ во время самаго допроса; 3) Сурамскіе евреи Сосія Гигула, 10 лѣтъ, разсказывалъ дворянину Якову Батія, Датикѣ Ломидзѣ и Георгію Цвѣріани, какъ они объявили подъ присягою, что какой то родственникъ его пришолъ къ Давиду Джану съ сумкою и когда Сосія дотронулся до нея, то бывшій въ ней мальчикъ заплакалъ. Онъ же, Сосія, говорилъ крестьянину Гиколѣ Канадѣ, какъ сей послѣдній также подъ присягою показалъ, что мальчикъ Алексѣй находился у Давида Джана; бывшій при томъ разсказѣ отставной унтеръ-офицеръ Бабичукъ, подъ присягою же показалъ, что на вопросъ Канады о мальчикѣ, Солія отвѣчалъ, сколько Бабичукъ могъ разслышать: «я не знаю, это знаетъ раввинъ», Хохамъ Давидъ Джана. На допросахъ же Сосія не подтвердилъ справедливости означенныхъ показаній; 4) Сурамскій старшина Акоповъ объявилъ слѣдственной коммисіи, что онъ, съ нѣсколькими бывшими съ нимъ людьми въ лавкѣ, смежною съ тою, въ которой содержались евреи Рафаилъ, Исраилъ и Гавріилъ Джана Швилевы, Ело Пичхадзе и Михаилъ Кожія Швили, слышалъ разговоръ этихъ евреевъ, говорившихъ, что несчастіе ихъ состояло въ томъ, что они пустили ему кровь изъ носа въ излишествѣ и считали это дѣло общимъ между евреями. Показанія Акопова подтверждены имъ и указанными имъ 6 человѣками подъ присягою; 5) управляющій Сурамскимъ участкомъ довелъ до свѣдѣнія слѣдственной коммисіи, что еврей Симомъ Магала, поссорившись съ двумя односельцами своими, сказалъ, что дра-

ка произошла между ними отъ того, что онъ не считаетъ себя участникомъ въ общемъ еврейскомъ дѣлѣ о пропавшемъ мальчикѣ. Но ни Симонъ, ни ссорившіеся съ нимъ евреи не подтвердили этого показанія; 6) двадцать человѣкъ, обвиняя по слухамъ и предположеніямъ въ похищеніи и умерщвленіи мальчика Алексѣя, Рафаила, Исраила, Михаила, Давида, Гавріила Джана Швилевыхъ, Ело Пичхадзе и Михаила Кожія, подъ присягою удостовѣряютъ, что они, показатели, до 4 іюня нѣсколько разъ были томъ мѣстѣ, гдѣ отысканъ потомъ Алексѣй, но тамъ его не было и что послѣ похищенія мальчика, бывшіе на Гвардисубанскомъ праздникѣ въ значительномъ числѣ евреи скрылись въ тотъ же день, тогда какъ въ прошлыхъ годахъ оставались тамъ на три дня для торговли; 7) по показанію еврея Рафаила Джана, онъ 4 или 5 іюня былъ въ селеніи Пони, а по слѣдствію оказалось, что Датика, Кукуца и Петръ Назадзевы 7 іюня видѣли его верхомъ на лошади возлѣ кукурузнаго поля Понскихъ жителей гдѣ нѣтъ дороги для верховой ѣзды, а Георгій Шіо и и Глахуа Назадзевы встрѣтили его вечеромъ 6 іюня возлѣ того же поля, при чемъ Рафаилъ сказалъ имъ, что онъ ѣдетъ изъ селенія Цыпа, но какъ онъ тамъ не былъ, то они безошибочно удостовѣряютъ, что онъ ѣхалъ изъ лѣса, гдѣ найденъ мальчикъ Алексѣй, 8 по присяжнымъ показаніямъ восьми человѣкъ Мохисскихъ жителей, Бретскіе евреи назадъ тому лѣтъ 20-ть похитили христіанскаго мальчика, чтобъ замучить его, но онъ былъ отнятъ отъ нихъ. Два крестьянина, одинъ 80, другой 75 лѣтъ подъ присягою удостовѣряютъ, что подобный случай былъ въ Сурамѣ въ царствованіе Ираклія 2-го, 9) при обыскѣ въ домѣ Давида Джана Швили найденъ платокъ изъ бязи съ красными на немъ пятнами. Жена Давида, братъ его Гавріилъ и жена

сего послѣдняго отозвались, что пятна эти остались отъ лекарства. Пятна эти свидѣтельствованы были врачебною управою, но она не могла опредѣлить, произошли ли они отъ крови, или отъ окрашенія чѣмъ либо. Всѣ вышеозначенные обвиняемые евреи, а также и нѣкоторые другіе прикосновенные къ сему дѣлу по менѣе важнымъ причинамъ—ни въ чемъ не сознались, отзываясь незнаніемъ о мальчикѣ Алексѣѣ. На повальномъ обыскѣ поведеніе евреевъ Исраиля, Рафаила и Давида Джановыхъ, Абрама и Симона Магаловыхъ не вполнѣ одобрено, такъ какъ они слывутъ въ народѣ обманщиками, поведеніе же прочихъ прикосновенныхъ къ дѣлу евреевъ одобрено. Горійскій Уѣздный Судъ и Тифлисская Уголовная Палата рѣшеніями своими объ обвиненныхъ по сему дѣлу евреяхъ, опредѣлили оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи однихъ въ похищеніи и умерщвленіи ребенка Алексѣя, въ видахъ религіознаго заблужденія, другихъ, въ участіи по сему преступленію и третьихъ, въ сокрытіи онаго. Тифлисскій военный губернаторъ имѣя въ виду, что всѣ изложенныя выше обстоятельства объясненія и присяжныя показанія свидѣтелей въ совокупности, по примѣненіи къ 1193, 1205, 1170, 1171 и 1173 ст. XV Т. Св. Зак. служатъ совершеннымъ доказательствомъ въ похищеніи и умерщвленіи чрезъ истязаніе малолѣтнаго ребенка Алексѣя Джапара Швили подсудимыми евреями Михаиломъ Кожія Швили, Гавріиломъ, Исраиломъ и Рафаиломъ Джана Швилевыми и Ело Пичхадзевымъ, изъ коихъ трое послѣднихъ на повальномъ обыскѣ не одобрены, полагаетъ: на основаніи 1924 ст. п.2, и 321 ст. 2 ст. улож., лишивъ этихъ евреевъ всѣхъ правъ состоянія, наказавъ плетьми 90 ударами каждаго и съ наложеніемъ клеймъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 20 лѣтъ, взы-

сказъ при томъ съ нихъ употребленныя по настоящему дѣлу прогонныя деньги 361 руб. 46½ коп. сер.; подсудимыхъ евреевъ Абрама Джанджика Швили и Давида Джана Швили оставить только въ сильномъ подозрѣніи по участію ихъ въ означенномъ преступленіи, такъ какъ показанія малолѣтней еврейки Маріамы объ Абрамѣ, не указавшей фамиліи его, нельзя положительно примѣнить къ первому, а на показанія втораго, что онъ былъ въ отлучкѣ во время совершившагося преступленія, есть нѣкоторыя подтвержденія; остальныхъ же причастныхъ къ дѣлу евреевъ оставить въ подозрѣніи согласно съ рѣшеніемъ Уголовной Палаты. Что же касается еврея Абрама Магала Швили, въ азартѣ кричавшаго на дочь свою въ слѣдственной коммисіи во время допроса, вслѣдствіе чего она испугалась и отказалась отъ своего показанія, то велѣть Горійскому уѣзному суду изслѣдовать о семъ особо отъ настоящаго дѣла. При второмъ разсмотрѣніи этого дѣла, Палата удержала первый приговоръ свой. Военный губернаторъ также остался при прежнемъ мнѣніи. Намѣстникъ Кавказскій и генералъ губернаторъ Новороссійскій и Бессарабскій въ рапортѣ своемъ Правительствующему Сенату доноситъ, что онъ, по внимательному разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, равно какъ по всѣмъ непреложнымъ свѣдѣніямъ до него дошедшимъ, совершенно убѣжденъ въ виновности Сурамскихъ евреевъ въ похищеніи мальчика Алексѣя и въ умерщвленіи его для исполненія религіозныхъ обрядовъ христіанскою кровію и что по двукратному пребыванію на водахъ въ окрестности Сурама, онъ лично удостовѣрился въ несомнѣнности учиненнаго евреями преступленія, и потому полагаетъ согласиться съ мнѣніемъ Тифлисскаго военнаго губернатора, къ сему князь Воронцовъ присово-

купляетъ, что буде, по недостатку юридическихъ доказательствъ, Правительствующимъ Сенатомъ утверждено будетъ рѣшеніе Палаты объ оставленіи помянутыхъ евреевъ только въ подозрѣніи, то и въ такомъ случаѣ онъ, намѣстникъ Кавказскій, долженъ будетъ выслать ихъ изъ края, тѣмъ болѣе, что кромѣ возведеннаго на нихъ вышеозначеннаго преступленія, они вообще люди вредные, хотя онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны, какъ и намѣстникъ Кавказскій, убѣжденъ въ виновности обвиняемыхъ евреевъ въ умерщвленіи ими младенца Алексѣя, но при всемъ томъ, по неимѣнію на то юридическихъ доказательствъ, онъ полагаетъ оставить ихъ въ сильномъ подозрѣніи, разослать по одиночкѣ, согласно съ мнѣніемъ князя Воронцова, въ отдаленнѣйшія мѣста по собственному его усмотрѣнію, съ учрежденіемъ надъ ними въ мѣстахъ ихъ жительства строжайшаго полицейскаго надзора.

Рѣшеніе Правительствующаго Сената.

1853 года мая 13 дня. Изъ дѣла видно, крестьянинъ Горійскаго уѣзда, деревни Чалы, Датика Джапара Швили, 1-го іюня 1850 года былъ съ семействомъ на храмовомъ праздникѣ въ предмѣстьи селенія Сурамъ Гвардисубани, и въ то время, когда онъ находился въ домѣ тамошняго жителя Датика Ломидзе, сынъ его, Джапара, Алексѣй, 2½ лѣтъ, сидѣвшій на арбѣ, около полудня неизвѣстно куда исчезъ и уже на 5-й день послѣ того случайно найденъ въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ Гвардисубани, Бекалимскимъ крестьяниномъ Сомкою Гогнадзе, который показалъ, что мальчикъ этотъ найденъ имъ былъ еще живымъ, но въ то же время скончался, и что въ 18-ти шагахъ отъ

помянутаго ребенка лежали штаны его, распоротые по шву, и куски ситцу и хлопчатой бумаги изъ его архалуха. Датика Джапара Швили объявилъ подозрѣніе въ похищеніи сына его на Сурамскихъ евреевъ, показавъ при томъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми жителями, что по принесеніи тѣла Алексѣя, они видѣли на немъ внутри носа, на груди, колѣнахъ и ногахъ раны, какъ бы сдѣланныя булавкою. Коммисія, назначенная для производства слѣдствія по сему дѣлу, по осмотрѣ мѣстности, нашла, что самъ ребенокъ не могъ зайти туда, гдѣ онъ найденъ, по причинѣ трудностей, представляемыхъ обѣими дорогами, ведущими къ тому мѣсту. Медикъ, свидѣтельствовавшій 13-го іюня при участковомъ засѣдателѣ, безъ бытности уѣзднаго прокурора и понятыхъ, тѣло Алексѣя, замѣтилъ на бедрахъ его, выше колѣнъ, три царапины, происшедшія повидимому отъ оцарапанія твердымъ острымъ тѣломъ и по заключенію его, мальчикъ этотъ умеръ отъ голода. Врачебная управа нашла, что трупъ ребенка, при освидѣтельствованіи медикомъ, подвергся уже во многихъ мѣстахъ гнилости, слѣдовательно если и были наколоты булавкою или другимъ тѣломъ раны, то медикъ не могъ ихъ замѣтить. Къ подтвержденію наведеннаго отъ Швили на евреевъ подозрѣнія въ похищеніи мальчика Алексѣя, представляется слѣдующее: обучавшаяся у женщины Ерикназы Аруцовой дочь Сурамскаго еврея Давида Джана Швили, Лія, 6-ти лѣтъ, разсказывала своей воспитательницѣ, какъ утверждаютъ свидѣтели, что еврей Абрамъ (не указавъ однакожъ фамиліи того Абрама) приводилъ въ домъ отца ея какого-то мальчика. При слѣдствіи дѣвочка Лія сначала отозвалась незнаніемъ объ этомъ, но потомъ, вслѣдствіе очной ставки, показала, что Карельскій еврей Абрамъ днемъ привезъ въ домъ отца ея мало-

лѣтняго ребенка, когда отецъ былъ въ отлучкѣ, а въ домѣ оставалась одна мать, и что Абрамъ ночевалъ съ ребенкомъ въ Марани, гдѣ навѣщали его Сурамскіе евреи: Михаилъ Кожія Швили, Ело Пичхадзе и Рафаилъ Хохамъ, а по истеченіи 3-хъ дней, Абрамъ отвезъ того ребенка днемъ, завязавъ ему ротъ платкомъ. На очной же ставкѣ съ матерью своею Саррою и сказанными евреями, Лія опять объявила, что она ничего не знаетъ. Дочь Сурамскаго еврея Абрама Магала Швили Маріама, 10-ти лѣтъ, говорила женѣ священника Николая Бебея, что евреи держали мальчика Алексѣя въ домѣ Хохама Давида Джана подъ корзиною и что отецъ ея говорилъ евреямъ, что за такое дѣло ихъ разстрѣляютъ. То же подтвердила она и при слѣдствіи, добавивъ, что когда мальчикъ Алексѣй былъ приведенъ Абрамомъ въ домъ Давида Джана, въ то время находились тамъ евреи: Исраилъ и Рафаилъ Джана Швили, Ело Пичхадзе и Михаилъ Кожія Швили, что послѣ умерщвленія Алексѣя, какъ говорилъ отецъ ея, изъ дома Давида что-то раздавали въ дома Сурамскихъ евреевъ и что, по словамъ отца ея, Хохамъ Давидъ и братъ его Гавріилъ, когда принесли мальчика, были дома. На очной же ставкѣ съ отцомъ ея Маріама отказалась отъ сдѣланнаго ею показанія, каковое запирательство произошло, какъ значится въ составленномъ слѣдственною коммисіею актѣ, вслѣдствіе угрозъ отца ея, сдѣланныхъ имъ во время самаго допроса. Сурамскій еврей Сосія Гигула, 10-ти лѣтъ, разсказывалъ дворянину Якову Батія, Датикѣ Ломидзе и Георгію Цверіани, какъ они объявили подъ присягою, что какой-то родственникъ его пришелъ къ Давиду Джана съ сумкою и когда Сосія дотронулся до нея, то бывшій въ ней мальчикъ заплакалъ. Онъ же Сосія говорилъ крестьянину Гиколѣ Ка-

калѣ, какъ сей послѣдній также подъ присягою показалъ, что мальчикъ Алексѣй находился у Давида Джана. Бывшій при томъ разсказѣ отставной унтеръ-офицеръ Бабичукъ подъ присягою же показалъ, что на вопросъ Какалы о мальчикѣ, Сосія отвѣчалъ, сколько Бабичукъ могъ разслышать, «я не знаю, это знаетъ раввинъ» (Хохамъ Давидъ Джана). На допросахъ же Сосія не подтвердилъ справедливости означенныхъ показаній. Сурамскій старшина Акоповъ объявилъ слѣдственной коммисіи, что онъ, съ нѣсколькими бывшими съ нимъ людьми, въ лавкѣ, смежной съ тою, въ которой содержались евреи Рафаилъ, Исраилъ и Гавріилъ Джана Швилевы, Ело Пичхадзе и Михаилъ Кожія Швили, слышалъ разговоръ этихъ евреевъ, говорившихъ, что несчастіе ихъ состояло въ томъ, что они пустили ему кровь изъ носа въ излишествѣ и считали дѣло это общимъ между всѣми евреями. Показанія Акопова подтверждены имъ и указанными имъ 6-ю человѣками подъ присягою. Управляющій Сурамскимъ участкомъ довелъ до свѣдѣнія слѣдственной коммисіи, что еврей Симонъ Магала, поссорившись съ двумя односельцами своими, сказалъ, что драка произошла между ними отъ того, что онъ не считаетъ себя участникомъ въ общемъ еврейскомъ дѣлѣ о пропавшемъ мальчикѣ. Но ни Симонъ, ни ссорившіеся съ нимъ евреи не подтвердили этого показанія. Двадцать человѣкъ, обвиняя по слухамъ и предположеніямъ въ похищеніи и умерщвленіи мальчика Алексѣя,—Рафаила, Исраила, Михаила, Давида, Гавріила Джана, Швилевыхъ, Ело Пичхадзе и Михаила Кожія, подъ присягою удостовѣряютъ, что они, показатели, до 4-го іюня нѣсколько разъ были на томъ мѣстѣ, гдѣ отысканъ потомъ Алексѣй, но тамъ его не было и что послѣ похищенія мальчика бывшіе на Гвардисубанскомъ празд-

никѣ въ значительномъ числѣ евреи скрылись въ тотъ же день, тогда какъ въ прошлыхъ годахъ оставались тамъ на три дня для торговли. Еврей Рафаилъ Джана показалъ, что онъ 4-го или 5-го іюня былъ въ селеніи Пони, а по слѣдствію оказалось, что Датика, Какуца и Петръ Назадзевы 7-го іюня видѣли его верхомъ на лошади возлѣ кукурузнаго поля Понскихъ жителей, гдѣ нѣтъ дороги для верховой ѣзды, а Георгій Шіо и Глахуа Назадзевы встрѣтили его вечеромъ 6-го іюня возлѣ того же поля; при чемъ Рафаилъ сказалъ имъ, что онъ ѣдетъ изъ селенія Цыпа, но какъ онъ тамъ не былъ, то они безошибочно удостовѣряютъ, что онъ ѣхалъ изъ лѣса, гдѣ найденъ мальчикъ Алексѣй. Восемь человѣкъ Мохисскихъ жителей подъ присягою показали, что Бретскіе евреи, назадъ тому лѣтъ 20, похитили христіанскаго мальчика, чтобы замучить его, но онъ былъ отнятъ отъ нихъ. Два крестьянина, одинъ 80, а другой 75 лѣтъ, подъ присягою удостовѣряютъ, что подобный случай былъ въ Сурамѣ въ царствованіе Ираклія II. При обыскѣ въ домѣ Давида Швили найденъ платокъ изъ бязи съ красными на немъ пятнами, о которыхъ жена Давида, братъ его Гавріилъ и жена сего послѣдняго отозвались, что пятна эти остались отъ лекарства. Пятна эти свидѣтельствованы были врачебною управою, но она не могла опредѣлить, произошли ли они отъ крови, или отъ окрашенія чѣмъ либо. На повальномъ обыскѣ поведеніе евреевъ: Исраила, Рафаила и Давида Джановыхъ, Абрама и Симона Магаловыхъ не вполнѣ одобрено, такъ какъ они слывутъ въ народѣ обманщиками; поведеніе же прочихъ прикосновенныхъ къ дѣлу евреевъ и евреекъ одобрено. Намѣстникъ Кавказскій и генералъ-губернаторъ Новороссійскій и Бессарабскій, по внимательному разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ

этого дѣла, равно какъ по всѣмъ непреложнымъ свѣдѣніямъ до него дошедшимъ, совершенно убѣжденъ въ виновности Сурамскихъ евреевъ въ похищеніи мальчика Алексѣя, и въ умерщвленіи его для исполненія религіозныхъ обрядовъ христіанскою кровію, вслѣдствіе чего полагалъ согласиться съ мнѣніемъ Тифлисскаго военнаго губернатора, признавшаго подсудимыхъ виновными въ убійствѣ мальчика Алексѣя, но по недостатку юридическихъ доказательствъ, на которыхъ онъ могъ бы основать таковое мнѣніе, представляя дѣло это на усмотрѣніе Правительствующаго Сената, донесъ, что если рѣшеніе Тифлисской палаты уголовнаго и гражданскаго суда объ оставленіи подсудимыхъ въ сильномъ подозрѣніи, признано будетъ правильнымъ, то въ такомъ случаѣ онъ, князь намѣстникъ, долженъ будетъ выслать ихъ изъ края; тѣмъ болѣе, что кромѣ взведеннаго на нихъ вышеозначеннаго преступленія, они вообще люди вредные. Сообразивъ вышеизложенное, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обстоятельства, по дѣлу сему обнаруживающія, хотя и порождаютъ сильное убѣжденіе въ томъ, что похищеніе мальчика Алексѣя Джапара Швили произведено обвиняемыми въ этомъ Сурамскими евреями, но обстоятельства эти по важности представляющагося обвиненія не могутъ быть приняты основаніями къ положительному осужденію обвиняемыхъ въ столь тяжкомъ уголовномъ преступленіи, ибо при отсутствіи доказательствъ совершенныхъ, они составляютъ только признаки преступленія—улики, наводящія сильное подозрѣніе на подсудимыхъ, какъ участниковъ содѣяннаго надъ младенцомъ Алексѣемъ преступленія и вслѣдствіе таковыхъ соображеній Правительствующій Сенатъ, на основаніи 96 и 97 статей уложенія и 1177 статьи XV тома Свода Законовъ уго-

ловныхъ, опредѣляетъ: подсудимыхъ евреевъ Давида и Гавріила Джана Швили, Михаила Кожія Швили, Рафаила и Исраила Джана Швили, Ело Пичхадзе и Абрама Джанджака Швили, по похищенію и умерщвленію ими ребенка Алексѣя Джапара Швили, для исполненія религіозныхъ обрядовъ, оставить, согласно съ заключеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ сильномъ подозрѣніи, предоставивъ князю намѣстнику разослать ихъ по одиночкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста, по собственному его усмотрѣнію, съ учрежденіемъ надъ ними, въ мѣстахъ ихъ жительствъ, строжайшаго полицейскаго надзора. Что же касается до заключенія Тифлисской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, которая, не признавая бывшаго участковаго засѣдателя Тюбукина виновнымъ въ медленномъ производствѣ по сему дѣлу слѣдствія, освободила его отъ всякой отвѣтственности, — то хотя Правительствующій Сенатъ и находитъ означенное распоряженіе неправильнымъ, ибо Тюбукинъ, получивъ извѣщеніе о пропажѣ мальчика 1-го іюня 1850 года, вмѣсто того, чтобы немедленно приступить къ производству слѣдствія, ограничился донесеніемъ уѣздному начальству отъ 8-го іюня за № 731, но какъ за это онъ, какъ видно изъ дѣла, уже удаленъ отъ должности участковаго засѣдателя, — то обстоятельство это оставить безъ послѣдствій и, не входя, по силѣ 1273 статьи XV, т. VIII прод., въ разсмотрѣніе прочихъ частей рѣшенія Тифлисской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда, признанныхъ правильными Тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, объ исполненіи сего въ ту Палату, съ обращеніемъ подлиннаго дѣла послать указъ, увѣдомивъ таковымъ же и г. министра внутреннихъ дѣлъ.

XI.

Рѣшеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу объ убійствѣ евреями въ г. Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ.

Государственный Совѣтъ, прежде всего призналъ необходимымъ опредѣлить: можетъ-ли имѣть вліяніе на разрѣшеніе собственно сего дѣла существованіе или несуществованіе у евреевъ такъ называемаго догмата крови?

Въ семъ отношеніи Гусударственный Совѣтъ принялъ на видъ, что вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей или для излеченія болѣзней занимаетъ богослововъ и другихъ ученыхъ нѣсколько столѣтій, но при всемъ множествѣ сочиненій, появлявшихся и до сихъ поръ продолжающихъ появляться частію въ доказательство и частію въ опроверженіе существованія означеннаго догмата, вопросъ о томъ все еще остается неразрѣшеннымъ, почему онъ и не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при постановленіи судебнаго рѣшенія. Устраняя отъ себя, вслѣдствіе того, всѣ сужденія какъ о сокровенныхъ догматахъ еврейской вѣры или тай-

ныхъ сектахъ ея, такъ и о вліяніи, какое подобные догматы могли имѣть на предлежащее обсужденію Государственнаго Совѣта дѣло, и обращаясь единственно къ обстоятельствамъ этого дѣла, Государственный Совѣтъ не колеблясь призналъ, что существованіе самаго преступленія, какія бы ни были побужденія къ нему, здѣсь вполнѣ и несомнѣнно доказано: трупы мальчиковъ Ѳеофана Шерстобитова и Михаила Маслова, пропавшихъ безъ вѣсти, были вскорѣ послѣ того найдены съ явными признаками нанесенныхъ при жизни Маслову ранъ и обоимъ мальчикамъ истязаній, и, что весьма замѣчательно, съ явными же признаками обрѣзанія у нихъ крайней плоти, составляющаго, какъ извѣстно, одинъ изъ существенныхъ обрядовъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Остается, слѣдственно, опредѣлить, частію по собственному сознанію, частію по уликамъ и по всѣмъ обнаруженнымъ подробностямъ, виновниковъ и пособниковъ, или участниковъ содѣяннаго преступленія.

Къ отвѣтственности по этому дѣлу привлечены были весьма многія лица. Для болѣе удобнаго и правильнѣйшаго опредѣленія степени вины всѣхъ подсудимыхъ, можно раздѣлить ихъ на четыре разряда.

Къ первому разряду слѣдуетъ отнести тѣхъ лицъ, которыя добровольно сознались въ преступленіи и оговорили въ ономъ другихъ. Сюда принадлежатъ: рядовой Антонъ Богдановъ, губернскій секретарь Крюгеръ, и несовершеннолѣтній государственный крестьянинъ Авксентій Лопотковъ; ко второму разряду—не сознавшихся въ преступленіи, но оговоренныхъ въ ономъ другими подсудимыми: мѣщанина Янкеля Юшкевичера и рядовыхъ: Михеля Шлиффермана и Ѳедора Юрлова; къ третьему — подсудимыхъ, въ разрѣшеніи участи которыхъ произошло разномысліе между Пра-

вительствующимъ Сенатомъ и разсматривавшими дѣло министрами; и наконецъ, къ четвертому разряду всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, относительно коихъ послѣдовало единогласное заключеніе Сената и министровъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе послѣдней категоріи подсудимыхъ, въ разрѣшеніи участи коихъ не встрѣчается ни малѣйшаго затрудненія по ясности и опредѣленности какъ падающихъ на нихъ обвиненій, такъ и слѣдующихъ по онымъ наказаній, Государственный Совѣтъ обратился къ обсужденію степени вины и мѣры отвѣтственности прочихъ подсудимыхъ.

Государственный Совѣтъ принялъ на видъ, что рядовой Саратовскаго гарнизоннаго баталіона Антонъ Богдановъ, государственный крестьянинъ Авксентій Локотковъ и губернскій секретарь Иванъ Крюгеръ при слѣдствіи добровольно сознались: Богдановъ — въ томъ, что присутствовалъ при убійствѣ евреями мальчика Шерстобитова и вывезъ тѣла обоихъ мальчиковъ изъ квартиры Янкеля Юшкевичера на Волгу, съ полученіемъ за то денегъ; Локотковъ — что онъ принялъ на себя, по уговору евреевъ, убійство мальчика Маслова, и вынесъ тѣло его изъ лабаза на Волгу, а Крюгеръ — что онъ присутствовалъ при обрѣзаніи и истязаніи мальчика Маслова въ еврейской молельной и не довелъ о томъ до свѣдѣнія начальства. Хотя Богдановъ, во время производства слѣдствія, измѣнялъ неоднократно данныя имъ показанія, не въ одно и то же время оговорилъ всѣхъ обвиненныхъ въ преступленіи лицъ, и взвелъ неправильное обвиненіе на фельдшера Губицкаго, впослѣдствіи самъ отмѣнивъ оное; но все это не можетъ лишить сдѣланныхъ Богдановымъ оговоръ достовѣрности, чѣмъ болѣе, что онъ въ

послѣднемъ показаніи своемъ не отвергнулъ справедливости перваго. Если же Богдановъ на первыхъ допросахъ не назвалъ всѣхъ участниковъ преступленія и не объяснилъ всѣхъ подробностей, коими оное сопровождалось, то нельзя не замѣтить, что это могло произойти частію отъ смущенія при первомъ спросѣ, а частію отъ запамятованія, ибо Богдановъ въ первый разъ былъ спрошенъ по истеченіи почти пяти мѣсяцевъ послѣ происшествія; послѣднее же его показаніе изложено со всевозможными подробностями, на которыя онъ, безъ сомнѣнія, былъ наведенъ разспросами судебной коммисіи, употребившей на отобраніе одного только этого показанія десять засѣданій.

Что же касается до оговора Богдановымъ фельдшера Губицкаго, впослѣдствіи имъ опровергнутаго, то это весьма сильно указываетъ на искренность послѣдняго показанія Богданова, удостовѣрившагося въ неосновательности сдѣланнаго имъ первоначально оговора, а потому не желавшаго привлекать болѣе къ дѣлу человѣка, вина котораго при слѣдствіи не подтвердилась. Посему и не представляется правильнаго основанія не давать вѣры тому показанію Богданова, на которомъ онъ утвердился послѣ многихъ сдѣланныхъ ему допросовъ, и въ которомъ онъ, съ полнымъ раскаяніемъ, объяснилъ всѣ подробности, коими сопровождалось убійство мальчиковъ. Напротивъ того, весьма возможно, что Богдановъ, вѣдя съ дѣтства бродячую жизнь и будучи нетрезваго поведенія, легко могъ быть подговоренъ къ преступленію, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ евреями и былъ въ дружбѣ съ евреями Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, какъ засвидѣтельствовали о томъ подъ присягою нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ, показавшихъ, что Богдановъ былъ съ жидами какъ жидъ.

Независимо отъ сего, въ подкрѣпленіе сдѣланныхъ Богдановымъ, Крюгеромъ и Локотковымъ показаній, слѣдствіемъ обнаружено:

1) что на трупахъ обоихъ мальчиковъ оказались явные признаки обрѣзанія; а на трупѣ мальчика Маслова найдена была подъ правымъ плечомъ рана, изъ которой, какъ показывалъ Крюгеръ, выпускаема была кровь, что согласуется съ показаніемъ Богданова объ истязаніи мальчика Шерстобитова, тѣло котораго не было осмотрѣно съ тою-же подробностію по случаю совершенной гнилости;

2) что на мѣстѣ, на которомъ, по показанію Крюгера, истязали мальчика Маслова и брызнула кровь, найдено прожженое, неизвѣстно кѣмъ, пятно;

3) что подвалъ, въ которомъ истязали мальчика Шерстобитова, по показанію нѣкоторыхъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ, дѣйствительно былъ отдаваемъ въ наемъ Янкелю Юшкевичеру;

4) что вывозъ евреями чего-то покрытаго тулупомъ изъ дома, въ которомъ проживалъ Юшкевичеръ, согласно съ описанными Богдановымъ обстоятельствами вывоза трупа мальчика Маслова, подтверждается также свидѣтельскими показаніями, и

5) что Локотковъ дѣйствительно объявилъ въ 1-й части города Саратова объ убійствѣ имъ найденнаго на Волгѣ мальчика Маслова, и что къ нему, во время содержанія его подъ арестомъ, приходили ночью обвиняемые имъ, Локотковымъ, въ подговорѣ его къ сему, рядовые Юрловъ и Шлифферманъ.

Такимъ образомъ оказывается, что сознаніе Богданова, Локоткова и Крюгера вполнѣ подтверждается обстоятельствами дѣла, что и составляетъ совершенное доказательство къ изобличенію Богданова и Локоткова въ укрывательствѣ убійства въ городѣ Сара-

товѣ двухъ мальчиковъ, а Крюгера въ присутствіи при совершеніи этого преступленія и въ недонесеніи о томъ начальству.

Переходя къ разсмотрѣнію обвиненій, взведенныхъ противъ проживающихъ въ городѣ Саратовѣ евреевъ: мѣщанина Янкеля Юшкевичера и рядоваго Михеля Шлиффермана, и перекреста изъ евреевъ, рядоваго же Ѳедора Юрлова, Государственный Совѣтъ принялъ на видъ, что эти лица оговорены Богдановымъ, Локотковымъ и Крюгеромъ въ самомъ совершеніи убійства мальчиковъ. При этомъ оговорившіе указывали на Юшкевичера и Шлиффермана, какъ на главныхъ виновниковъ преступленія, а на Юрлова, какъ на непосредственнаго участника въ ономъ.

На многократныхъ допросахъ при произведенныхъ по сему дѣлу слѣдствіяхъ, Юшкевичеръ, Шлифферманъ и Юрловъ ни въ чемъ не сознались, постоянно упорствуя въ запирательствѣ, и хотя показанія оговорившихъ лицъ, какъ въ поведеніи не одобренныхъ и притомъ прикосновенныхъ къ дѣлу, и не могутъ имѣть требуемой закономъ силы доказательства, но нельзя однакожъ не замѣтить, что достовѣрность сихъ показаній подтверждается сколько обнаруженными по дѣлу обстоятельствами, столько же и тѣмъ, что всѣ оговорившіе, не бывъ вовсе подозрѣваемы въ преступленіи, сами добровольно явились къ слѣдователямъ съ изъявленіемъ раскаянія, и, какъ видно по дѣлу, не имѣли никакой причины безъосновательно клеветать на евреевъ.

Но независимо отъ сего оговора, противъ означенныхъ подсудимыхъ слѣдствіемъ открыты весьма многочисленныя и важныя улики; именно:

а) Противъ мѣщанина Юшкевичера:

1) Мѣщанка Попова подъ присягою показала, что

предъ масляницей 1853 т. изъ своей комнаты слышала раздававшійся въ сосѣдней квартирѣ Юшкевичера жалобный дѣтскій крикъ: «отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ».

2) Объясненіе рядоваго Богданова о порѣзѣ Юшкевичеромъ на лѣвой рукѣ пальца при истязаніи мальчика Шерстобитова по слѣдствію подтвердилось тѣмъ, что дѣйствительно у Юшкевичера на безъимянномъ пальцѣ той руки оказался шрамъ. Противъ сего Юшкевичеръ прежде отзывался, что шрамъ этотъ произошелъ отъ укушенія щуки, а когда врачъ удостовѣрилъ, что шрамъ произошелъ отъ другой причины, именно отъ порѣза острымъ орудіемъ, сдѣланнаго по времени гораздо ранѣе показаннаго Юшкевичеромъ, то послѣдній, не отвергая возможности порѣза ножемъ, продолжалъ упорствовать въ томъ, что порѣзалъ палецъ не далѣе мѣсяца предъ освидѣтельствованіемъ.

3) Другое объясненіе Богданова, о вывозѣ изъ квартиры Юшкевичера трупа мальчика Маслова, подтвердилось по слѣдствію тѣмъ, что крестьянинъ Кадомцевъ видѣлъ какъ евреи, на лошади его хозяина, колониста Гильгенберга, предъ масляницей 1853 года, вывозили въ саняхъ что-то похожее на человѣка, покрытаго дубленою шубою, при чемъ о приказаніи Кадомцеву Гильгенбергомъ дать сію лошадь евреямъ подтвердили три свидѣтеля подъ присягою.

4) По объясненію того-же Богданова, истязаніе Шерстобитова происходило въ подвалѣ, принадлежавшемъ Гильгенбергу; хотя Гильгенбергъ и не сознался, что отдавалъ подвалъ евреямъ въ наймы, но два свидѣтеля отозвались: одинъ — что слышалъ отъ Гильгенберга о сдачѣ подвала Юшкевичеру, а другой—что видѣлъ, какъ предъ масляницей того-же года Юшке-

вичеръ и его жена брали изъ буфета гостинницы, содержимой Гильгенбергомъ, ключи отъ того подвала.

5) По свидѣтельству подъ присягою нѣсколькихъ лицъ, Богдановъ, великимъ постомъ того-же года, когда требовали съ него денегъ за разбитую въ гостинницѣ Гильгенберга посуду, посылалъ, для удовлетворенія сего требованія, за Юшкевичеромъ, вскорѣ послѣ чего сынъ послѣдняго и расплатился за означенную посуду.

6) Мѣщанка Горохова показала, что она слышала отъ жены Юшкевичера, что мальчиковъ обрѣзали и убили, съ разными истязаніями, въ еврейской моленной, и что за кровь тѣхъ мальчиковъ, которая нужна для исполненія еврейскихъ религіозныхъ обрядовъ, присланы Юшкевичеру изъ Волынской губерніи значительныя деньги.

7) О значеніи въ перехваченной запискѣ Юшкевичера, писанной на лоскутѣ бумаги обожженною лучиною, словъ: «увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились; стойте-же крѣпко; крѣпись, моя дорогая дочь, въ этомъ я прошу тебя и брата»,—Юшкевичеръ никакого, заслуживающаго вѣроятія, оправданія не далъ.

8) Противъ показанія крестьянина Локоткова о подговорѣ его Юшкевичеромъ, во время содержанія обоихъ въ тюрьмѣ, принять убійство на себя, Юшкевичеръ, не сознаваясь въ этомъ, отозвался, что Локоткова вовсе не знаетъ; но таковой отзывъ опровергается двумя свидѣтелями, видѣвшими, какъ Юшкевичеръ и Локотковъ тихо между собою разговаривали.

9) Зять Юшкевичера, еврей Мордухъ Гуглинъ (въ св. крещеніи названный Николаемъ Петровымъ), объяснилъ, что тесть его неоднократно сознавался ему въ убійствѣ мальчиковъ, и что во время содержанія Юшкевичера въ острогѣ, онъ поручилъ ему, Гуглину, уни-

чтожить бывшее у дочери Юшкевичера подозрительное письмо, въ которомъ упоминалось о двухъ бутылкахъ крови, запечатанныхъ краснымъ и чернымъ сургучемъ для отсылки ихъ Любовичскому раввину.

б) Противъ Шлиффермана:

1) По предъявленіи Шлиффермана въ числѣ 44 рядовыхъ мальчику Канину, онъ призналъ его за того самаго человѣка, который сманилъ мальчика Маслова.

2) По собственному сознанію Шлиффермана, онъ одинъ производилъ въ Саратовѣ обрѣзаніе надъ евреями.

3) Показаніе Шлиффермана о томъ, что онъ вовсе незнакомъ съ крестьяниномъ Локотковымъ, опровергнуто свидѣтельствомъ подъ присягою двухъ лицъ, видѣвшихъ, какъ Шлифферманъ навѣщалъ Локоткова въ день его заарестованія.

4) По отзыву мѣщанки Гороховой, она слышала отъ жены Юшкевичера, что мальчиковъ для убійства доставалъ Шлифферманъ, и что за кровь сихъ мальчиковъ присланы были послѣднему изъ Волынской губерніи значительныя деньги.

в) Противъ Юрлова:

1) По показанію Гороховой, Юрловъ, узнавъ отъ нея о заарестованіи Юшкевичера, заплакалъ и сказалъ: «нашъ грѣхъ, вѣрно мы всѣ погибли»; а на вопросъ Гороховой объ участникахъ въ убійствѣ, отвѣчалъ: «ты сама знаешь, —кого арестовали, тѣ и были».

2) О совнаніи Юрлова въ убійствѣ мальчиковъ объяснилъ также Мордухъ Гуглинъ (Николай Петровъ).

3) Показаніе Юрлова о незнакомствѣ его съ Богдановымъ до поступленія въ военную службу и съ Локотковымъ вовсе—оказалось по слѣдствію ложнымъ.

Совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ уликъ, относясь непосредственно къ самому факту обрѣзанія,

истязанія и убійства мальчиковъ, и не допуская ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ винѣ подсудимыхъ: Юшкевичера, Шлиффермана и Юрлова, составляетъ совершенное доказательство къ изобличенію ихъ въ означенномъ преступленіи.

Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію обвиненій, падающихъ на тѣхъ подсудимыхъ, о коихъ произошло разномысліе между Правительствующимъ Сенатомъ и разсматривавшими дѣло министрами, какъ то, евреевъ: 1) Ицки Берлинскаго, 2) Эздры Зайдмана и 3) Янкеля Бермана, Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ отношеніи къ нимъ представляются по дѣлу улики, по которымъ они навлекаютъ на себя подозрѣніе въ участіи съ главными виновниками въ убійствѣ, а именно: оговоръ всѣхъ ихъ Богдановымъ и Крюгеромъ въ преступленіи, лживыя ихъ при слѣдствіи показанія и сверхъ того, найденный у Берлинскаго лоскутокъ сарпинки, сходной съ рубашкой, въ которую былъ одѣтъ мальчикъ Шерстобитовъ предъ его пропажею.

Наконецъ, Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то, что изъ подсудимыхъ Богдановъ и Локотковъ, какъ виновные въ укрывательствѣ убійства, а Крюгеръ въ недонесеніи о семъ преступленіи,— по закону должны подлежать весьма строгому наказанію, а именно: Богдановъ и Локотковъ —лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы, а Крюгеръ—ссылкѣ на житье въ Вятскую губернію Между тѣмъ эти лица, чрезъ сердечное раскаяніе въ преступленіи, обнаружили главныхъ виновниковъ въ настоящемъ важномъ дѣлѣ. Принимая въ уваженіе это обстоятельство, Государственный Совѣтъ съ своей стороны, согласно съ мнѣніемъ военнаго министра, призналъ возможнымъ ходатайствовать предъ Государемъ

Императоромъ о смягченіи слѣдующаго означеннымъ подсудимымъ наказанія.

Вслѣдствіе сего, и принимая на видъ, что оставленіе безъ наказанія главныхъ виновниковъ потому только, что они оказали явное упорство въ запирательствѣ, было-бы совершенно противно требованіямъ справедливости, Государственный Совѣтъ опредѣлилъ:

1) евреевъ: мѣщанина Янкеля Юшкевичера, рядоваго Саратовскаго гарнизоннаго баталіона Михеля Шлифферманa, и перекреста изъ евреевъ, рядоваго того-же баталіона Ѳедора Юрлова, за убійство въ городѣ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ чрезъ истязаніе и мученіе, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Юшкевичера и Шлифферманa на двадцать, а Юрлова на восемнадцать лѣтъ, съ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія по силѣ Всемилостивѣйшаго манифеста;

2) рядоваго Саратовскаго гарнизоннаго баталіона Антона Богданова, государственнаго крестьянина Авксентія Локоткова и отставнаго губернскаго секретаря Ивана Крюгера, виновныхъ: первые двое въ укрывательствѣ означеннаго преступленія, а послѣдній въ недонесеніи объ ономъ начальству, повергнуть Монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, во вниманіе къ чистосердечному сихъ подсудимыхъ сознанію, чрезъ что обнаружены главные преступники въ настоящемъ дѣлѣ, Высочайше повелѣть: Богданова отослать для исправленія въ поведеніи въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на два года; Локоткова заключить на тоже время въ рабочемъ домѣ, а Крюгера, не лишая правъ и преимуществъ, службою пріобрѣтенныхъ, отослать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній по усмотрѣнію министра Вну-

тренних Дѣлъ, подчинивъ его тамъ строгому полицейскому надзору, и сверхъ того предать его, за любовную связь съ губернскою секретаршею Бѣлошапченковою, церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства;

3) рядовыхъ: Балашовской инвалидной команды Ицку Берлинскаго, гардкотнаго экипажа Эздру Зайдмана и Саратовской инвалидной команды Янкеля Бермана оставить въ подозрѣніи по участію съ преступниками въ убійствѣ въ городѣ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ, и согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству, отослать для водворенія въ мѣста Сибири не столь отдаленныя; относительно прочихъ подсудимыхъ утвердить единогласное заключеніе Правительствующаго Сената и разсматривавшихъ настоящее дѣло министровъ.

Оканчивая этимъ подробный отчетъ о Саратовскомъ дѣлѣ, мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ то, что сказали въ предисловіи къ книгѣ: мы не навязываемъ читателямъ своего мнѣнія по вопросу, который разсматривали, ограничивая свою скромную задачу лишь группировкой историческихъ и юридическихъ фактовъ и документовъ. Путемъ безпристрастнаго обсужденія ихъ пусть сами читатели выведутъ то или другое заключеніе; мы же, съ своей стороны, сочтемъ себя счастливыми, если нашъ трудъ доставитъ имъ возможность, послѣ критическаго разсмотрѣнія собранныхъ въ немъ матеріаловъ, вывести это заключеніе.

XII.

Дѣло Шавлянское объ умерщвленіи жидами христіанской дѣвочки.

Ковенской губерніи, Шавельскаго уѣзда, въ деревнѣ Дервавишкахъ, принадлежащей помѣщику Шеміоту, пропала 25 января 1861 года четырехлѣтняя дѣвочка крестьянъ Антона и Петронели Гелажисовъ. Подозрѣніе въ похищеніи и умерщвленіи пало на евреевъ Зунделя Липса и Сроля Блоха, проѣзжавшихъ въ то время чрезъ деревню. Мѣстный становой приставъ Геральтовскій, произвелъ по горячимъ слѣдамъ дознаніе и два обыска, но не удалось открыть ни самой дѣвочки, ни ея похитителей. 8-го марта, съ наступленіемъ оттепели, родственникъ Гелажисовъ нашелъ умерщвленную дѣвочку зарытою въ снѣгу, у которой была повреждена отъ перерѣзовъ голова и шея около уха, гдѣ находится кровеносная вена. По заключенію становаго пристава, смерть дѣвочки была неестественная; а по медицинскому осмотру докторомъ Ольшанскимъ оказалась смерть дѣвочки насильственною черезъ истязаніе.

Главнымъ докащикомъ этого звѣрства былъ еврей Липманъ Ицикзонъ, который сталъ открыто показы-

вать въ шавлянскомъ дворовомъ управленіи, что дѣвочка похищена евреями Липсомъ и Блохомъ, что послѣдній, т. е. Блохъ, продалъ ея кровь въ Шавлянской корчмѣ при свидѣтеляхъ, Датновскому сборщику, еврею Хану; что мѣстный раввинъ говорилъ публично о спрятанномъ въ его домѣ трупѣ ребенка; что онъ, Ицикзонъ, имѣлъ случай неоднократно видѣть этотъ трупъ и т. д. Начальникъ Ковенской губерніи для изслѣдованія этого дѣла назначилъ особую коммисію, состоявшую изъ исправляющаго должность судебнаго слѣдователя Яхимовича, чиновника Ковенскаго губернскаго правленія Войцѣховскаго и капитана жандармовъ Крайскаго.

Евреи подали жалобу главному начальнику края на несправедливые нападки на нихъ съ разными доносами и клеветами на всѣхъ прежнихъ слѣдователей. Вслѣдствіе чего начальникъ края командировалъ на мѣсто происшествія адъютанта капитана Толстаго и по желанію евреевъ въ депутаты еврея Леванда (какъ они выражаются очень ученаго), затѣмъ, разумѣется, что когда явится въ члены слѣдователей ученый еврей Леванда, дѣло скоро должно будетъ перевернуться на сторону обиженныхъ и гвалтъ кричащихъ жидовъ; тутъ явились всѣ юридическія искусства, былъ опровергнутъ и самый медицинскій актъ — именно потому, что онъ сдѣланъ частнымъ врачемъ и будто бы не имѣвшимъ законнаго права составлять медицинскій актъ, — а законнымъ врачемъ анатомированіе тѣла умерщвленной дѣвочки было уже невозможно, такъ какъ нарочное медленіе, по проискамъ жидовства, довело трупъ до полнаго разложенія и т. д.

Однако доказщикъ еврей Ицикзонъ сильно держался въ своемъ доказательствѣ,—къ чему въ подтвержденіе представилъ много еврейскихъ книгъ въ коммисію для

доказательства о необходимости для евреевъ христіанской крови на праздникъ пасхи. Книги и мѣста въ нихъ указанныя были слѣдующія: «Исходъ» глава 17, ст. 16. «Исходъ» гл. 12, ст. 23—28. «Исх.» гл. 17 въ коммент. Раши отъ 13—17, «Ценаурена» (Пятикн. Моисея) листъ 65, «Гагада» разсказъ о выходѣ евреевъ изъ Египта) первый пасажъ, «Галаха», «Слиходъ» (молитвы) на 3 день пасажъ, «Мелахе-рахшимъ», «Исх.» гл. 12—25, «Іисусъ Навинъ» гл. 8, ст 27—28, «Исаи» гл. 13, ст. 23—25. Хотя эти книги печатаны и въ Россіи, слѣдственная коммисія признала ихъ очень подозрительными.

Въ слѣдственномъ дѣлѣ, по личному отзыву корпуса жандармовъ капитана Крайскаго значится, что евреи мѣстечка Шавлянъ, имѣютъ книги напечатанныя противъ христіанъ, и слѣдственная коммисія постановила сдѣлать обыскъ въ еврейскихъ домахъ, — но какъ видно еврейскій депутатъ, ученый Леванда, самъ способствовалъ къ устраненію непріятностей для Шавлянскихъ евреевъ.

Вотъ показаніе докащика еврея Ицикзона, изложенное имъ на еврейскомъ жаргонѣ и поданное въ коммисію.

«Въ среду, стоя на крыльцѣ съ Файвелемъ Лигунскимъ, увидѣлъ я какъ Сроль Блохъ и Зундель Рубиновичъ Липсъ везли какое-то дитя—христіанское или еврейское—не знаю, но какъ мнѣ кажется, оно тоже самое дитя. Они остановились при нашемъ домѣ. Между тѣмъ какъ Файвель съ ними разговаривалъ, я замѣтилъ, что дитя было покрыто сѣномъ, глаза у дитяти были открыты, но кричать—оно не кричало. На вопросъ мой, куда ты везешь это дитя? онъ мнѣ отвѣчалъ: къ роднымъ. Послѣ того я поѣхалъ въ мѣстечко

Шадово и при производившемся совѣтникомъ Геральтовскимъ слѣдствіи меня не было дома.

«Изъ Шидова я возвратился во вторникъ, и ночевалъ дома. На завтра, когда я зашелъ къ раввину, послѣдній сказалъ мнѣ: «ступай, принеси дровъ съ чердака». Со мною былъ Гецель Тодресовичъ Левинзонъ, который показалъ мнѣ дитя. Когда я его спросилъ: откуда это дитя? онъ мнѣ отвѣчалъ: это тоже самое дитя, которое евреи украли въ Дерванишкахъ. Сошедши съ чердака, я разсказалъ это раввину, за что послѣдній держалъ меня подъ арестомъ три дня: среду, четвергъ и пятницу; на субботу онъ отпустилъ меня домой. Пришедши въ этотъ день въ синагогу, я видѣлъ какъ раввинъ не позволяетъ вынимать изъ кивота десяти заповѣдей, крича: «отчего вы не убираете дитяти», на что евреи отвѣчали ему: «нужно постараться найти для него мѣсто. Въ субботу пришелъ Файвель Лигунскій на мою квартиру и сказалъ мнѣ: «раввинъ тебя уже больше не боится, дитяти уже нѣтъ у него, Шлейме Хохумъ Лигунскій выбросилъ дитя, получивъ за то 30 коп.». На другую субботу отецъ послалъ меня за водкой къ Сролю Блоху, тотъ повелъ меня въ амбаръ, въ углу котораго лежало дитя; я бы его не замѣтилъ, потому что было уже темно. Но наступивъ ему на палецъ, я увидѣлъ его лежащимъ на полу и покрытымъ соломою. Когда я его спросилъ: «дитя у тебя лежитъ?» онъ отвѣчалъ: «сш. сш. это не твое дѣло» Пришедши домой я разсказалъ это отцу, на что онъ мнѣ отвѣчалъ: «молчи, пусть говорятъ другіе».

«Во вторникъ, три недѣли тому назадъ, я увидѣлъ какого то дворянина, и разсказалъ ему. Дворянинъ совѣтовалъ мнѣ пойти на мызу и разсказать это. Отецъ, услыхавъ это, строго запретилъ мнѣ говорить. Когда раввинъ отправился въ Шавли, чтобы попро-

сить у полковника (исправника) солдатъ для того, чтобы не было разбоя, я ему сказалъ: «у тебя же на чердакѣ было дитя, а теперь ты ѣдешь въ Шавли попросить у полковника солдатъ». Раввинъ пришелъ къ отцу и сказалъ: «убей твоего сына, потому что онъ доносчикъ». Отецъ держалъ меня за волосы, а Сроль Блохъ билъ меня шестомъ такъ, что я былъ избитъ какъ яблоко, — и обѣщали меня убить. Тогда я ради спасенія себя, пошелъ на мызу и разсказалъ помѣщику, но онъ не разслушалъ, что я ему говорилъ (былъ глухой), такъ что я еще разъ пошелъ съ Райтеемъ и разсказалъ, какъ это было. Я забылъ написать, что когда я вошелъ въ корчму, то нашелъ тамъ сборщика Мане-Банера, Сроля Блеха и Айзика. Сроль Блохъ держалъ красную бутылку. Когда онъ меня увидѣлъ, онъ спряталъ ее подъ подушки. Мальчикъ Шлема Айзиновичъ Лонсинъ сказалъ мнѣ, что Сроль Блохъ продалъ Датновскому сборщику крови на 10 руб., но не знаю, смѣялся-ли онъ или нѣтъ; тогда я хотѣлъ пойти на мызу и разсказать, но Айзикъ Лейбовичъ Лейсинъ стращалъ меня, и сказалъ: «я сейчасъ пойду съ тобою на мызу и разскажу г. Пешоту, такъ онъ тебя еще накажетъ». Онъ далъ мнѣ рюмку водки съ кускомъ говядины на закусу; говядины я не взялъ, а водку выпилъ. Три мѣсяца тому назадъ я видѣлъ у сборщика Мане мазь; его дитя упало со стола и опрокинулось и я видѣлъ, какъ онъ показалъ ею, и слѣда не осталось, мазь была бѣлаго цвѣта. (Доносчикъ собственноручно написалъ это показаніе и подписался) Лейманъ Янкеліовичъ Ицикзонъ. 23 марта 1901 года, мѣстечко Шавляны.

Ицикзонъ подъ протоколомъ еще добавляетъ: «Въ заключеніе истиннаго моего показанія и съ полнымъ убѣжденіемъ удостовѣряю, что евреи употребляютъ

христіанскую кровь по существующему издревле обычаю, въ чемъ имѣютъ книги, какъ о крови, такъ и о проклятіи христіанъ; есть таковыя у Шавлянскихъ евреевъ, я самъ читалъ у школьника Шмуйла Лейбовича странную книгу подъ заглавіемъ «Хумесъ», изданную назадъ тому 500 лѣтъ, тоже могу указать и прочія противозаконныя книги въ злобной закоснѣлости, если таковыхъ не успѣли скрыть».

Послѣ этого показанія 18-ти лѣтняго еврея Ицикзона, евреи завопили отчаянно—докащикъ былъ арестованъ. Евреи осаждали его угрозами и обѣщаніями большихъ вознагражденій за отреченіе его показанія. Они посылали гонцовъ во всѣ концы Россіи для денежныхъ сборовъ въ городъ Ковно, затворили лавки, назначенъ былъ постъ, сошлись всѣ въ синагоги, ибо каждый сборъ по ихъ обыкновенію долженъ сопровождаться постомъ. Но вотъ весь страхъ и эта опасная туча исчезли и опять коварство евреевъ появилось съ торжествомъ побѣды. Докащикъ, Ицикзонъ-еврейчикъ, былъ склоненъ за деньги, обѣщанія или угрозы, только что Ицикзонъ отказался отъ писаннаго собственноручно своего показанія — именно, что онъ ничего не знаетъ и никогда ничего подобнаго не видалъ. Всѣ слѣдователи и депутаты торжественно возвратились домой, съ гордостью, что раскрыли все дѣло и что это не правда, что это только на бѣдныхъ жидовъ напрасно клевещутъ.

Судьба бѣднаго докащика, какъ и слѣдовало ожидать, окончилась печально: спустя немного времени, его нашли мертвымъ съ вбитымъ въ голову гвоздемъ [1]).

[1]) Варшавскій князь Н. Н. Голицинъ, дословно выбравъ интересныя главы изъ нашей книги «Объ употребленіи евреями христіанской крови», перепечаталъ въ журналѣ «Гражданинъ» за 1878 г. №№ 23, 24, 27, 28. Выборка эта, какъ видно, не составила князю ни малѣйшаго напряженія ума, по всему вѣроятію даже и не списывалась на бумагу, а прямо по-

велѣно было перепечатать изъ книги въ книгу, для удобства корректуры. Между тѣмъ, все это вышло довольно наивно. Въ перечнѣ фактовъ, изложенныхъ по годамъ, нѣкоторые находились новые, какъ то: 1861—71 г. и проч. Князь, взявъ все это изъ нашей книги, указалъ, что пользовался будто бы изъ записокъ Скрипицына. Какъ извѣстно, Скритицынъ жилъ въ 30-хъ или 40-хъ годахъ. Какимъ образомъ онъ могъ въ своихъ запискахъ помѣстить такіе факты, которые совершились спустя 30-ть лѣтъ послѣ своего существованія, какъ напримѣръ Шавлянское дѣло, и съ тѣми же ошибками, которыя находились въ нашей книгѣ. Напр. вмѣсто дѣвочки мальчикъ и прочее. Фактъ Шавлянскаго дѣла, хотя и вѣрный, заимствованъ нами изъ устнаго преданія, и въ немъ были неточности. Тѣже неточности, буква въ букву, оказались и у князя. Въ нашей книгѣ, въ серединѣ перечня, факты были прерваны, вслѣдствіе того, что при печатаніи въ Москвѣ г. Бартеневымъ соч. Даля, наборщикъ еврей укралъ изъ типографіи нѣсколько страницъ оригинала, которыя теперь, при новомъ изданіи, у насъ пополнены. Должно быть и съ княземъ случилось тоже самое, такъ какъ и у него этихъ страницъ нѣтъ. Вѣроятно тоже въ запискахъ Скрипицына князь вычиталъ и то, что я, Люостанскій, былъ жидовскимъ раввиномъ, и все это помѣстилъ въ своихъ глубокоученыхъ статьяхъ. Въ новой своей книгѣ, трактуемой объ одномъ почти Хвольсонѣ, князь очень наивно говоритъ еще, что будто-бы онъ, князь Н. Н. Голицынъ, просилъ редактора жур. «Гражданинъ», чтобы не печатать о томъ, что я, Люостанскій, былъ раввиномъ, редакторъ же «Гражданина» своевольно напечаталъ объ этомъ своемъ журналѣ и потому варшавскій князь Голицинъ всю вину сваливаетъ на редактора. Князю варшавскому все возможно. Князю стоитъ только чернуть своимъ могущественнымъ перомъ, и рѣка Висла приметъ обратное теченіе, на подобіе того, какъ брошуркою Зарецкаго, князь уничтожилъ ученые доводы профессора Хвольсона.

XIII.

Рѣшеніе Кишиневскаго Окружнаго Суда объ умерщвленіи двухъ дѣтей.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ, пустынныхъ и бѣдныхъ кварталовъ города Кишинева, въ небольшихъ лачужкахъ двора мѣщанина Руссу, тѣснится тридцать семействъ жильцовъ, христіанъ и евреевъ, разнаго пола и возраста, различныхъ профессій, преимущественно же извощиковъ. Дворъ обнесенъ прочною, довольно высокою оградою, понижающеюся лишь въ глубинѣ двора; хозяинъ и нѣкоторые жильцы держатъ злыхъ собакъ, нападающихъ на каждаго незнакомаго, зашедшаго во дворъ.

Около половины іюля 1877 года, одну изъ квартиръ, состоящую изъ свѣтлой комнатки и темнаго чуланчика, заняла Брона Кляверъ, еврейка, жена безсрочно-отпускнаго рядоваго, призваннаго теперь на службу и находящагося въ одной изъ Кишиневскихъ казармъ. Эта женщина 32-хъ лѣтъ, средняго роста, брюнетка со впалыми щеками, острымъ подбородкомъ, съ тонкими, сильно сжатыми губами, углы которыхъ опускаются книзу, и съ чорными блестящими, по временамъ какъ будто сверкающими изъ глубокихъ впадинъ гла-

зами. Съ нею въ квартиркѣ поселилась восьмилѣтняя дочь ея, Боба, и грудной ребенокъ, мѣсяцевъ семи, о которомъ она говорила жильцамъ, что онъ чужой, взятый ею для кормленія грудью; ребенокъ былъ еврейскій и носилъ имя Шлемы. Къ новой жилицѣ заходилъ иногда мужъ ея, но очень рѣдко; съ другими жильцами она не знялась; къ себѣ не приглашала и къ нимъ не заходила. Изъ разспросовъ при встрѣчахъ, жильцы знали, что Баронъ Кляверъ торгуетъ старыми сапогами или башмаками на базарѣ и ходитъ иногда въ городскую управу за полученіемъ пособія, назначеннаго семействамъ призванныхъ на службу нижнихъ чиновъ. Чрезъ нѣсколько дней принесеннаго новою жилицею ребенка не стало. У нея появился другой, поменьше, возрастомъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, худой, болѣзненный и истощенный, какъ говорила впослѣдствіи одна изъ сосѣдокъ Брони, видѣвшая дитя. О первомъ ребенкѣ Брона говорила сосѣдкамъ, что мать его умерла, а отецъ не хотѣлъ платить денегъ за прокормленіе, почему она и отдала его отцу, и на вскормленіе взяла другаго ребенка. Этого ребенка, по имени Боруха, нянчила въ отсутствіи матери, восьмилѣтняя Боба Кляверъ. Однажды, качая ребенка ночью, дѣвочка утомилась и заснула; когда же проснулась, уже днемъ, и увидѣвши люльку пустою, спросила мать: «гдѣ Борухъ?» Она не получила отвѣта, а только замѣтила, что мать на нее разсердилась. Въ то же утро, еще до восхода солнца, когда рабочее населеніе Руссу зашевелилось, отправляясь на работу, Брони Кляверъ вышла во дворъ и объявила, что ея вскормленникъ умеръ. Жильцы-евреи по своимъ обычаямъ, вылили каждый по ведру воды на землю и, ограничивъ тѣмъ все свое участіе, отправились по своимъ дѣламъ; никто изъ нихъ не зашелъ въ хижину

Кляверъ, такъ какъ она никого не приглашала, а идти смотрѣть на мертвеца, безъ приглашенія, у евреевъ считается неприличнымъ; жильцы-христіане еще меньше интересовались смертью ребенка; каждый изъ нихъ имѣлъ много и своихъ собственныхъ заботъ. Поговорили только вскользь о томъ, что никто изъ нихъ не видѣлъ, кто и когда взялъ ребенка для погребенія; но такъ какъ погребеніе у евреевъ совершается безъ всякихъ церемоній и женщины даже не смѣютъ идти за похоронами, то и это обстоятельство не остановило на себѣ особеннаго вниманія населенія двора Руссу.

На другомъ концѣ того же квартала, въ которомъ былъ дворъ Руссу, жила мѣщанка Козловская; передъ окнами ея квартиры разстилался пустырь, заросшій бурьяномъ. 7-го августа 1877 года, она изъ окна замѣтила, что свиньи тормошатъ какой-то узелокъ, вытащенный ими изъ бурьяна; отогнавъ свиней, она развязала узелокъ и нашла въ немъ обглоданныя червями кости ребенка; черви еще копошились и доѣдали остававшіяся въ иныхъ мѣстахъ мягкія части тѣла. Козловская заявила о находкѣ полиціи, которая начала розыски.

Не успѣлъ еще слухъ о находкѣ Козловской обойти кварталъ, какъ на другой день, 8-го августа, въ отхожемъ мѣстѣ двора Руссу замѣченъ былъ другой ребенокъ, въ котораго упиралась тонкая палочка, назначенная повидимому для погруженія тѣла въ нечистоты. Ребенокъ былъ вынутъ и оказался нѣсколько распухшимъ, но еще не разложившимся; при медицинскомъ осмотрѣ, на груди у него найдена большая ножовая рана, повредившая существенные внутренніе органы и разрѣзавшая пять реберныхъ хрящей; въ животѣ также глубокая рана, а на спинѣ сорокъ поперечныхъ раз-

рѣзовъ. Раны въ груди и животѣ признаны безусловно смертельными, а порѣзы на спинѣ хотя и не грозили опасностью для жизни, но, по заключенію врача, не принадлежали и къ тому роду ранокъ, которыя въ простонародьи дѣлаются дѣтямъ съ врачебною цѣлью и называются «насѣчкой»; онѣ были больше и многочисленнѣе обыкновенной насѣчки, и врачъ пришолъ къ заключенію, что такіе порѣзы могли быть сдѣланы для медленнаго истощенія ребенка.

Жильцы двора Руссу показали, что всѣ дѣти, какія были въ этомъ дворѣ, находятся на лицо; никто изъ нихъ не пропадалъ и не умиралъ, исключая двухъ дѣтей, бывшихъ на вскормленіи у Броны Кляверъ, съ которыми случилось то, что выше сказано. Кляверъ была арестована: она упорно и неизмѣнно утверждала, что одного ребенка возвратила отцу его, а другой умеръ; и она, отыскавъ въ одномъ изъ питейныхъ заведеній гробокопателя, призвала его къ себѣ на квартиру и отдала дитя для погребенія; противъ показанія же дочери своей Бобы о томъ, что ребенокъ исчезъ изъ люльки и что она сердилась на дѣвочку, когда та спрашивала о Борухѣ, Кляверъ объяснила, что она, отдавъ ребенка гробокопателю еще во время сна своей дочери, не хотѣла огорчать дочери, любившей покойнаго, и прекратила ея разспросы. Обвиняемой данъ былъ полицейскій служитель съ тѣмъ, чтобы она разсказала и указала какъ отца перваго ребенка, такъ и гробокопателя; но она не могла найти ни того, ни другаго, и такимъ образомъ не доказала куда дѣвала дѣтей.

19-го мая, Кляверъ была на скамьѣ подсудимыхъ въ Кишиневскомъ окружномъ судѣ, и все разсказанное выше выяснилось на судебномъ слѣдствіи.

Кляверъ защищалась настойчиво и говорила противъ

почти каждаго свидѣтельскаго показанія. Она говорила, будто полицейскій не захотѣлъ ходить съ нею по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она могла-бы отыскать отца и гробокопателя; что та сторона ограды двора Руссу, гдѣ находится выгребная яма, очень низка и каждый легко можетъ перешагнуть во дворъ; что когда второй ребенокъ заболѣлъ, она носила его къ доктору, который прогналъ ее; что надъ нею тяготѣетъ несчастное стеченіе обстоятельствъ и проч., но ничего этого фактически не доказала; наконецъ позвали новаго свидѣтеля, который видѣлъ, какъ она отдавала гробокопателю мертваго ребенка. Хотя новые свидѣтели должны быть указываемы заблаговременно, а не во время судебнаго засѣданія, но, въ виду чрезвычайной важности показаній этого свидѣтеля при такомъ страшномъ обвиненіи, какое тяготѣло надъ Кляверъ и обвинительная власть, и судьи согласились удовлетворить требованіе защитника подсудимой, присяжнаго повѣреннаго Гольденвейзера, о призывѣ указаннаго свидѣтеля, и за нимъ посланъ былъ экипажъ. Это былъ одинъ изъ жильцовъ двора Руссу, еврей, ломовой извощикъ, судившійся за воровство и содержавшійся въ арестантскихъ ротахъ; по приводѣ къ присягѣ, онъ объявилъ, что никогда не видѣлъ ни ребенка, ни гробокопателя, потому что, услышавъ отъ Кляверъ о смерти ребенка, онъ вылилъ на землю обычное ведро воды и уѣхалъ на свой промыселъ. Послѣдняя надежда для Клюверъ исчезла; но она выслушала показаніе свидѣтеля довольно спокойно, замѣтивъ только, что всѣ противъ нея.

Присяжные вынесли приговоръ, безусловно обвиняющій Кляверъ въ убіеніи двухъ дѣтей и въ истязаніи одного изъ нихъ, и судъ опредѣлилъ ей лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на

заводахъ на двѣнадцать лѣтъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Кляверъ при произнесеніи приговора. Евреи толпами осаждали судъ, и произносили брань и поношеніе на христіанъ, что это все дѣлается по подкупу изъ ненависти къ евреямъ. Когда отвозили Кляверъ, шумъ былъ такъ великъ, что потребовалось усилить караулъ, чтобы евреи не отбили Кляверъ.

Жертва фанатизма. Изъ Люблина «Голосу» сообщаютъ, что тамъ въ прошломъ году, вблизи тамошней деревни Лепковицы, въ рѣкѣ Вепрѣ, найденъ трупъ утопленницы, молодой женщины, повидимому еврейки. Руки у нея связаны сзади веревкою, и на шеѣ обнаружены явные слѣды насилія. Очевидно совершено было преступленіе самаго возмутительнаго свойства; при обыскѣ утопленницы, при ней нашли документы, изъ которыхъ видно ясно имя и фамилія этой несчастной жертвы. Она замужняя женщина, недавно вышедшая за христіанина и передъ бракосочетаніемъ перемѣнившая свою прежнюю, еврейскую, религію на лютеранскую. Существуетъ предположеніе, что за это-то она и поплатилась жизнью.

XIV.

Дѣло о похищеніе и умерщвленіи евреями крестьянской дѣвочки Сарры Іосифовой Модебадзе.

Засѣданіе началось 5-го марта текущаго года.

По исполненіи обычныхъ формальностей, прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Преданы суду жители Шаропанскаго уѣзда мѣстечка Сачхеры, евреи: Исхакъ Мордуховъ, Бичія Самуеловъ, Шамуель Ароновъ, Мордахъ Исхаковъ Хундіашвили, Исхакъ Моша и Яковъ Абрамовы Цвеніашвили Моша Еловъ Цаціашвили и Михаилъ Абрамовъ Еликшивили.

4) апрѣля 1878 года, въ послѣобѣденное время, приблизительно около трехъ часовъ по полудни, исчезла малолѣтняя крестьянская дочь Сарра Іосифова Модебадзе, проживавшая въ домѣ своихъ родителей въ селеніи Перевисахъ, Шаропанскаго уѣзда, въ 15-ти верстахъ отъ мѣстечка Сачхеры.

6-го апрѣля, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Перевисы, въ полѣ, прилегающемъ къ селенію Дорбаидзе, по указанію крестьянскихъ мальчиковъ

Ардсевина Цирдидзе и Сачино Дорбандзе, былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе.

Произведеннымъ, по поводу этого происшествія, предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее: 4-го апрѣля, послѣ обѣда Сарра Модебадзе, со старшею сестрою Маіей, ушла изъ дома родителей въ домъ сосѣда, крестьянина Павла Цхададзе. Въ усадьбѣ Цхададзе старшая сестра Сарры, Маія, помогала женщинамъ Турфѣ и Елисаветѣ Цхададзевымъ выжигать бѣлила. Выжиганіе бѣлилъ производилось недалеко отъ дома Павла Цхададзе въ мелкомъ лѣсу, въ 66 саж. отъ проѣзжей, такъ называемой Садзаглихевской дороги, ведущей черезъ селеніе Перевиса въ мѣстечко Сачхеры. При выжиганіи бѣлилъ находилась и Сарра Модебадзе. Въ три часа пополудни, въ то время, когда Маія Модебадзе и Елисавета Цхададзе, по просьбѣ Турфы, выжигавшей бѣлила, стали собирать валежникъ для поддержанія огня, Сарра Модебадзе удалилась отъ мѣста выжиганія бѣлилъ и направилась по дорогѣ къ своему дому. По этой-же дорогѣ одновременно съ удаленіемъ Сары Модебадзе, проѣхали нѣсколько человѣкъ евреевъ, вслѣдъ за проѣздомъ которыхъ Сарра Модебадзе исчезла. Два часа спустя послѣ исчезновенія Сарры, отецъ ея, Іосифъ Модебадзе и его дочь Маія искали Сарру какъ по дорогѣ, такъ и въ сторонѣ отъ нея, причемъ два раза прошли безъ успѣха въ поискахъ путь, по которому Сарра должна была возвратиться домой. Въ этотъ же день, крестьяне Павелъ и Дата Цхададзе и Иванъ Капанадзе также искали и звали Сарру Модебадзе и продолжали свои поиски до наступленія темноты. На другой день, поиски продолжались собранными для этой цѣли многими крестьянами и сосѣдями родителей исчезнувшей Сарры. Въ этотъ же день, т. е. 5-го апрѣля,

около селенія Дорбаидзе, по тому мѣсту, гдѣ на утро, 6-го апрѣля, былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, проходили нѣсколько человѣкъ крестьянъ невидавшихъ этого трупа, именно: Теодоръ и Соломонъ Модебадзе, Захарій и Теймуразъ Доброндзе. Крестьяне эти искали Сарру, но трупа ея не видѣли. Свидѣтели, видѣвшіе, на мѣстѣ нахожденія трупа Сарры Модебадзе объясняли, что умершая Сарра лежала на спинѣ со сложенными руками, одною на груди, а другою на животѣ, ногами къ забору, отдѣлявшему лѣсъ отъ посѣва, въ-той же самой одеждѣ, въ которой была въ день исчезновенія. Трупъ и платье на немъ были сухи и не имѣли слѣдовъ пребыванія въ водѣ. Платье и рубаха вдоль передней части всего тѣла были разорваны. На правой рукѣ, въ мякоти промежутка большаго и указательнаго пальца и на тыльной сторонѣ лѣвой руки, на суставѣ указательнаго пальца, были усмотрѣны двѣ довольно большія раны. Изъ акта судебно-медицинскаго вскрытія трупа Сарры, составленнаго, 27-го апрѣля, Шаропанскимъ уѣзднымъ врачемъ Берно, видно, что на обѣихъ рукахъ, между большими и указательными пальцами, замѣтна значительная потеря мягкихъ частей, величиною около трехъ дюймовъ. На правой рукѣ рана доходитъ до обнаженія сухожилія большаго пальца. Раны эти имѣютъ видъ рваноукушенныхъ, съ неровными, ушибленными безкровными краями, какъ будто нанесенныхъ какимъ-нибудь рвущимъ орудіемъ. По мнѣнію врача, раны эти причинены послѣ смерти и произошли отъ нападенія на трупъ мелкихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. По изслѣдованію внутренностей, врачъ Берно нашелъ: а) переполненіе кровью мозга; б) нахожденіе въ гортани избитой бѣловатой жидкости; в) налитіе слизистой оболочки гортани; г) вздутость легкихъ, изъ которыхъ

при разрѣзахъ выступало обильное количество темной пѣнистой крови; д) переполненіе правой и пустоту лѣвой половины сердца, и е) обильное количество мутноватой воды въ желудкѣ. По заключенію врача, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ несчастнаго случая утопленія во время проливнаго дождя. Такъ какъ заключеніе врача Берно не согласовалось съ данными предварительнаго слѣдствія, именно: съ актомъ осмотра мѣстности, гдѣ былъ найденъ трупъ и съ показаніями многихъ свидѣтелей, утверждающихъ, что въ день исчезновенія Сарры дождя не было и что трупъ Сарры и бывшее на немъ платье не носили на себѣ признаковъ утопленія и были совершенно сухи, произведено 16 мая, переосвидѣтельствованіе трупа. Изъ составленнаго по этому поводу губернскимъ врачомъ Голубинскимъ свидѣтельства видно, что при наружномъ осмотрѣ, на тыльной сторонѣ лѣвой руки, на мѣстѣ перваго сустава указательнаго пальца, оказалось кругловатое отверстіе, величиною въ 10 к. серебряной монеты, причемъ уничтожены только общіе покровы кожи и подкожная клѣтчатка. Сухожилія и мышцы оказались цѣлы. На правой рукѣ, съ тыльной же стороны, недостатокъ кожи между большимъ и указательнымъ пальцами, безъ поврежденія мышцъ, и сухожилій. По гнилости трупа, врачъ отказался дать заключеніе о времени нанесенія этихъ ранъ, точно также и о причинѣ смерти. При этомъ врачъ, основываясь на данныхъ, имѣющихся въ первомъ свидѣтельствѣ о вскрытіи трупа, нашелъ, что изложенные въ немъ признаки утопленія недостаточны и что, по его мнѣнію, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ задушенія. По мнѣнію общаго присутствія управленія медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ и Закавказскомъ краѣ, смерть Сарры Модебадзе

произошла отъ воспрепятствованія дос.ѵпа воздуха къ легкимъ, причемъ, по недостаточности данныхъ, имѣющихся въ актѣ вскрытія трупа, общее присутствіе не могло опредѣлить, произошла ли смерть Сарры отъ задушенія или утопленія. Хотя выводы судебно-медицинской экспертизы надъ трупомъ Сарры Модебадзе и не даютъ положительныхъ данныхъ, приводящихъ къ заключенію, что смерть Сарры Модебадзе произошла путемъ насильственнымъ, а не вслѣдствіе прегражденія доступа воздуха къ легкимъ по какому-нибудь другому, вполнѣ неопредѣленному случаю, тѣмъ не менѣе, является несомнѣннымъ, что смерть Сарры именно связана съ ея исчезновеніемъ. Нахожденіе трупа вблизи селенія Дорбаидзе, куда ни Сарра, ни кто-нибудь изъ ея домашнихъ никогда не заходили; то обстоятельство, что трупъ, по указанію мальчиковъ, былъ найденъ на открытомъ мѣстѣ у забора, гдѣ наканунѣ проходили нѣсколько человѣкъ, искавшихъ Сарру, но не видѣли ея трупа, и, наконецъ, исчезновеніе Сарры съ Садзаглихевской дороги одновременно съ проѣздомъ по этой дорогѣ евреевъ, въ числѣ семи человѣкъ, приводятъ къ убѣжденію, что малолѣтняя Сарра была похищена съ дороги проѣзжавшими евреями и что трупъ ея былъ подброшенъ къ селенію Дорбаидзе. Дознаніемъ полиціи и слѣдователемъ обнаружено, что проѣзжавшими по Садзаглихевской дорогѣ въ то время, когда исчезла Сарра, были жители Шаропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхеры, евреи: Исхакъ Яковъ и Мовша Абрамовы Цвеніашвили, Шамуель Ароновъ и его сынъ Бичія, Исхакъ Мордаховъ и его сынъ Мордахъ Хундіашвили. На допросахъ у слѣдователя означенныя лица, не отрицая факта проѣзда, 4-го апрѣля, по Садзаглихенской дорогѣ, виновными себя въ похищеніи и умерщ-

вленіи Сарры Модебадзе не признали, причемъ объяснили, что, проѣзжая по Садзаглихевской дорогѣ чрезъ селеніе Перевисы въ мѣстечко Сачхеры, они никакой дѣвочки не встрѣчали; что везли съ собою въ переметныхъ сумкахъ куръ, гусей, лобію и козла; что примѣтъ лошадей, на которыхъ они ѣхали, описывать не желаютъ, такъ какъ обвиненіе ихъ въ похищеніи дѣвочки Модебадзе взведено на нихъ ложно, что могутъ доказать поименованные ими свидѣтели евреи въ числѣ многихъ лицъ, но что именно каждый изъ этихъ свидѣтелей можетъ показать въ ихъ пользу—они не знаютъ; что пріѣхавъ въ мѣстечко Сачхеры, они проѣзжали немного по базарной улицѣ и свернули въ переулокъ, потому что имъ совѣстно было везти куръ и гусей по людной улицѣ. Изъ обвиняемыхъ, Бичія Шамуеловъ Хундіашвили, между прочимъ показалъ, что онъ ѣхалъ на лошади, отецъ его Шамуель шелъ пѣшкомъ. Сверхъ того, всѣ обвиняемые показали, что во вторникъ, 4-го апрѣля, по дорогѣ въ Сачхеры чрезъ селеніе Перевисы проѣзжали они въ слѣдующемъ порядкѣ: въ началѣ Исхакъ, Шамуель и Бичія Хундіашвили, причемъ одинъ изъ нихъ шелъ пѣшкомъ, и, потомъ, остальные четверо въ далекомъ отъ нихъ разстояніи. Несмотря на запирательство обвиняемыхъ въ похищеніи съ Садзаглихевской дороги Сарры Модебадзе, къ изобличенію ихъ предварительнымъ слѣдствіемъ открыты весьма важныя и сильныя улики.

1) Достовѣрность ухода, 4-го апрѣля, Сарры съ сестрою своею Маіей изъ дома родителей въ домъ сосѣда Павла Цхададзе подтверждается показаніями отца Сарры, Іосифа Модебадзе, матери ея Кежелы, сестры Маіи, Павла, Дата, Турфы и Елисаветы Цхададзе, разсыльнаго сельскаго управленія Ивана Капа-

надзе, судебнаго пристава Каджаялъ, разсыльнаго Симона Церетели. Свидѣтели эти единогласно утвердили, что 4-го апрѣля, около полудня, Сарра Модебадзе съ сестрою своею Маіей ушла изъ дома своихъ родителей и направилась къ дому Павла Цхададзе.

2) Показаніями свидѣтелей: Павла, Дата, Турфы и Елисаветы Цхададзе и Маіи Модебадзе удостовѣрено, что Сарра Модебадзе присутствовала при выжиганіи бѣлилъ; спустя-же нѣсколько времени ушла оттуда и направилась по тропинкѣ, ведущей къ дому ея родителей, одновременно съ проѣздомъ около этого мѣста четырехъ евреевъ.

3) Изъ показанія свидѣтельницы Турфы Цхададзе видно, что когда проѣзжали евреи и на ея спросъ отвѣтили, что имъ нѣтъ времени продать ей что-нибудь, она шутя сказала Саррѣ: «вотъ, еслибъ ты попала къ нимъ въ руки, они-бы дали тебѣ хорошее платье», послѣ чего Сарра тотчасъ же пошла на встрѣчу къ проѣзжавшимъ евреямъ.

4) Свидѣтели: Дмитрій Бесоновъ, Церетели, Григорій Датиковъ и Георгій Григоловъ Модебадзе утвердили, что они видѣли, какъ Сарра Модебадзе вышла по тропинкѣ на дорогу, вслѣдъ за проѣздомъ по ней четырехъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ былъ пѣшій и что на этой дорогѣ вскорѣ показались еще трое конныхъ евреевъ.

5) Судебный приставъ Каджаялъ, бывшій въ день происшествія по дѣламъ службы въ одномъ изъ домовъ вблизи отъ Садзаглихевской дороги и въ разстояніи полверсты отъ мѣста схода Сарры съ тропинки на дорогу, видѣлъ какъ по дорогѣ проѣзжали евреи, но Сарры свидѣтель уже не видѣлъ, изъ чего слѣдуетъ, что Сарра уже была похищена обвиняемыми.

6) На дорогѣ, во время проѣзда евреевъ и не далеко отъ мѣста схода Сарры на эту дорогу, были слышны стоны и крики ребенка: «ай, ай, мама, спаси», исходящіе изъ среды евреевъ. Обстоятельство это подтверждаютъ свидѣтели: Георгій Датиковъ, Модебадзе и Дмитрій Бесоновъ Церетели.

7) Похищенная евреями Сарра Модебадзе была положена однимъ изъ обвиняемыхъ въ переметную сумку. Обстоятельство это подтверждается показаніемъ свидѣтеля Дмитрія Церетели, объяснившаго, что, услыхавъ крикъ ребенка «ай, ай, мама, спаси», онъ выбѣжалъ на дорогу и въ 25 шагахъ отъ нея увидѣлъ семь человѣкъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ пѣшій, привязывалъ верховому большую переметную сумку, а трое стоявшихъ впереди кричали: «скорѣй, скорѣй».

8) Возможность насильственнаго похищенія Сарры Модебадзе въ переметной сумкѣ доказывается тѣмъ, что обвиняемые евреи во время проѣзда имѣли съ собою сумку такого размѣра, что въ одной изъ нихъ сидѣлъ годовалый козелъ значительныхъ размѣровъ и что ребенокъ такого же роста, какъ Сарра Модебадзе, могъ быть легко помѣщенъ въ переметную сумку, о чемъ въ дѣлѣ есть особо составленный слѣдователемъ актъ.

9) Похищенная евреями около селенія Перевисы Сарра Модебадзе была ими увезена въ мѣстечко Сачхеры, что доказывается показаніями свидѣтелей: Бесо Гогатишвили, объясняющаго, что на половинѣ дороги отъ села Перевисы къ мѣстечку Сачхеры, въ день происшествія, онъ видѣлъ проѣзжавшихъ евреевъ и слышалъ продолжительные стоны ребенка, причемъ свидѣтель прибавилъ, что одинъ изъ евреевъ закрутилъ козлу ухо, отчего козелъ закричалъ и заглушилъ дѣтскіе стоны; Сампсона Гочечиладзе—утверждающа-

го, что въ пяти верстахъ отъ мѣстечка Сачхеры онъ въ день происшествія встрѣтилъ ѣдущихъ евреевъ и замѣтивъ у одного изъ нихъ переметную сумку, въ которой шевелилось что-то живое, величиною съ козла, сталъ спрашивать, что лежитъ въ этой сумкѣ. На этотъ вопросъ еврей отвѣтилъ, что въ сумкѣ лежатъ гуси. На замѣчаніе свидѣтеля, что такъ гусей не возятъ и что они подохнутъ, еврей сказалъ, что не важно, если и подохнутъ. При этомъ свидѣтель объяснилъ, что не могъ разсмотрѣть, что именно шевелилось въ сумкѣ, такъ какъ она сверху была заложена вещами.

10) Привезенная въ переметной сумкѣ въ мѣстечко Сачхеры Сарра Модебадзе была еще жива, что подтверждается показаніями свидѣтелей: Саломы Колмихелидзе, Максима Надирадзе, Нателы Дурманидзе, Пепы Алашевой, Наталы Тушишвили и Кесаріи Горквіани, удостовѣрявшихъ, что когда обвиняемые проѣзжали, 4-го апрѣля, подъ вечеръ, по Базарной улицѣ, они слышали крики и стоны ребенка. Изъ показаній этихъ же свидѣтелей, между прочимъ видно, что евреи старались заглушить эти крики, такъ какъ ѣхали съ большимъ шумомъ, крича другъ другу: «скорѣй, скорѣй», причемъ одинъ изъ евреевъ билъ нагайкою козла, отчего козелъ кричалъ. Обвиняемые, по удостовѣренію этихъ свидѣтелей, были, замѣтно, чѣмъ-то встревожены.

11) Показаніями многихъ свидѣтелей удостовѣрено, что между Іосифомъ Модебадзе и евреями вражды и повода къ ней не существовало, чѣмъ опровергается объясненіе евреевъ, что обвиненіе ихъ въ совершеніи означеннаго преступленія взведено на нихъ ложно, по враждѣ къ нимъ и для ихъ раззоренія.

Въ виду такихъ данныхъ, является вполнѣ доказан-

нымъ, что дѣвочка Сарра Медебадзе, 4-го апрѣля, за день до еврейской пасхи, была похищена обвиняемыми евреями, во время проѣзда ихъ по Садаглихевской дорогѣ, причемъ обвиняемые, желая скрыть Сарру отъ глазъ постороннихъ, насильно посадили ее въ переметную сумку, прикрывъ эту сумку вещами и, несмотря на сопротивленіе и крики дѣвочки, увезли ее за 15 верстъ въ мѣстечко Сачхеры, откуда трупъ этой дѣвочки, съ признаками задушенія, былъ вывезенъ и подброшенъ къ селенію Дорбандзе въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Перевисы. Независимо отъ этого, разслѣдованіемъ по этому дѣлу обнаружено, что 6-го апрѣля, въ четвергъ около полудня, сосѣдъ обвиняемыхъ и ихъ родственникъ, еврей Михаилъ Еликшивили, прибѣжалъ во дворъ дома предводителя дворянства Шаропанскаго уѣзда, князя Сико Церетели и сталъ требовать отъ домашнихъ и слугъ князя Церетели, чтобы его допустили видѣть предводителя дворянства, которому онъ хочетъ сообщить сердечную тайну. Требованіе это Еликшивили повторялъ нѣсколько разъ. На разспросы бывшихъ въ это время на дворѣ княгинь Даріи и Елизаветы Церетели, управляющаго имѣніемъ, Баана Якобидзе, и слугъ Датія Оміадзе и Шакрисахары Георгіева, Еликшивили, будучи въ возбужденномъ состояніи, говорилъ: «наши евреи замучили вашего христіанина», «наши замучили христіанскаго ребенка», причемъ ругалъ еврейскую религію, называя ее свинскою.

По показанію означенныхъ свидѣтелей, вскорѣ послѣ этого, во дворъ князя Церетели вбѣжала толпа евреевъ, причемъ, многіе изъ евреевъ бросились на Михаила Еликшивили и съ большимъ шумомъ вынесли его со двора на рукахъ. На разспросахъ у слѣдователя, Михаилъ Еликшивили, находившійся въ отсут-

ствіи около мѣсяца, отрекся отъ своихъ словъ, объяснивъ, что онъ ничего не помнитъ, такъ какъ въ день происшествія былъ сильно пьянъ. Это объясненіе обвиняемаго Михаила Еликшивили не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ прикосновенность его къ дѣлу вполнѣ доказывается показаніями свидѣтелей: княгинь Даріи и Елизаветы Церетели, Баана Якобидзе и другихъ, утвердившихъ между прочимъ, что обвиняемый Еликшивили, разсказывая во дворѣ предводителя дворянства о томъ, что евреи замучили христіанскаго ребенка, пьянъ не былъ, а находился лишь въ возбужденномъ состояніи и говорилъ съ ними, вполнѣ сознавая, что говоритъ.

Относительно отвоза трупа Сарры Модебадзе изъ мѣстечка Сачхеры и подброса этого трупа къ мѣстечку Дорбаидзе, кромѣ показаній свидѣтелей: Теодора и Соломона Модебадзе, Теимурадзе и Захарія Доброидзе, утверждающихъ, что наканунѣ отысканія трупа, по тому мѣсту, гдѣ 6-го апрѣля найдено тѣло Сарры, слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя: свидѣтель Иванъ Барголадзе и Максимъ Доброидзе удостовѣрили, что къ мѣсту нахожденія трупа Сарры и обратно въ дорогѣ въ Сачхеры были видны, на протяженіи 76-ти шаговъ по направленію отъ мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ, слѣды двухъ лошадей. Слѣды эти пропадали за 80 шаговъ отъ дороги, такъ какъ на этомъ мѣстѣ поле было перепахано передъ самымъ осмотромъ. Это-же самое обстоятельство подтверждается и протоколомъ осмотра мѣстности, произведеннаго полицейскимъ приставомъ. По показанію дьячка Іосифа Якобшивили видно, что, проходя въ Сачхеры мимо еврейской синагоги, свидѣтель слышалъ, какъ еврейскій мальчикъ, 6-го апрѣля, утромъ, спрашивалъ еврея Илью Хундіашвили: «скажи, трупъ замученнаго ребенка

нашими, взяли и увезли отъ насъ въ ту-же ночь или нѣтъ?» Хундіашвили въ отвѣтъ на это ударилъ мальчика такъ сильно, что тотъ упалъ, причемъ ударившій мальчика еврей сказалъ: «ахъ ты хомура» (оселъ). Показаніе этого свидѣтеля подтверждаетъ свидѣтель Дмитрій Абошидзе, объяснившій, что въ четвергъ, 6-го апрѣля, Іосифъ Якобшивили заявилъ ему, что одинъ изъ евреевъ ударилъ мальчика за обращенный къ нему вопросъ о замученномъ ребенкѣ. Изъ показаній свидѣтелей: Ивана и Григорія Церетели видно, что въ ночь на 6-е апрѣля, передъ разсвѣтомъ, на полудорогѣ отъ селенія Дорбаидзе къ мѣстечку Сачхеры, они встрѣтили двухъ евреевъ, изъ которыхъ они узнали Мошу Цаціашвили. У одного изъ этихъ евреевъ, по удостовѣренію этихъ свидѣтелей, была переметная сумка. Привлеченный къ слѣдствію еврей Моша Еловъ Цаціашвили въ отвозѣ изъ мѣстечка Сачхеры и подкинутія къ селенію Дорбаидзе трупа Сарры Модебадзе не сознался, объяснивъ, что въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля, онъ былъ въ Сачхерахъ и никуда не отлучался, что по ихъ закону онъ не могъ въ ту ночь никуда ѣздить, такъ какъ въ это время былъ праздникъ пасхи. Объясненіе это не заслуживаетъ уваженія, какъ въ виду показаній свидѣтелей Ивана и Григорія Церетели, утвердившихъ, что они, въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля, видѣли на дорогѣ изъ селенія Дорбаидзе къ Сачхерамъ двухъ евреевъ, изъ которыхъ они узнали Мошу Цаціашвили, такъ и въ виду удостовѣренія однимъ изъ означенныхъ свидѣтелей того обстоятельства, что Моша Цаціашвили просилъ его никому не говорить, что его видѣли въ означенную ночь на дорогѣ изъ села Дорбаидзе къ мѣстечку Сачхеры. Сверхъ того, къ изобличенію подсудимаго Цаціашвили въ укрывательствѣ слѣдовъ преступленія служитъ: пока-

заніе свидѣтеля Басила Комушидзе, утвердившаго, что въ четвергъ на святой недѣли къ нему приходилъ еврей Моша Цаціашвили и сказалъ ему, что съ нимъ случилось несчастіе, просилъ погадать ему на рукѣ, хорошо-ли окончится его дѣло; при этомъ свидѣтель объяснилъ, что въ прежнее время онъ занимался гаданіемъ; а также и показаніе свидѣтеля Виктора Юркевича, объяснившаго, что онъ слышалъ, какъ однажды Моша Цаціашвили сказалъ какому-то еврею: «наша вина будетъ доказана».

Такимъ образомъ, имѣющіяся въ дѣлѣ улики вполнѣ изобличаютъ: 1) обвиняемыхъ евреевъ Исхака Мордухова, Бичія Шамуелова, Шамуела Аронова и Мордаха Исхакова Хундіашвилевыхъ, Исхака, Моша и Якова Абрамовыхъ Цвеніашвилевыхъ въ захватѣ на дорогѣ около села Перевисы малолѣтней дѣвочки, Сарры Модебадзе и увозѣ ее въ мѣстечко Сачхеры, гдѣ она была задержана одинъ день и двѣ ночи, послѣ чего Сарра, будучи мертвою, вывезена изъ Сачхеры и подброшена къ селу Добраидзе, и 2) въ прикосновенности къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ Моши Елова Цаціашвили и Михаила Абрамова Еликшивили.

Относительно-же опредѣленія по закону признаковъ преступнаго дѣянія и степени участія въ немъ обвиняемыхъ, въ дѣлѣ имѣются слѣдующія весьма важныя данныя:

а) Противозаконное и насильственное задержаніе обвиняемыми евреями, въ числѣ семи человѣкъ, Сарры Модебадзе на Садзаглихевской дорогѣ въ то время, когда она направлялась къ дому своихъ родителей.

б) Общее участіе этихъ обвиняемыхъ въ захватѣ на дорогѣ Сарры Модебадзе, причемъ, однако, цѣль этого захвата предварительнымъ слѣдствіемъ вполнѣ не обнаружена.

в) Оскорбительное обращеніе обвиняемыхъ евреевъ съ жертвою преступленія, выразившееся въ насильственномъ задержаніи на дорогѣ Сарры Модебадзе и способѣ привоза ея въ мѣстечко Сачхеры.

г) Причиненіе Саррѣ Модебадзе тяжелыхъ страданій, помѣщеніемъ ея въ переметной сумкѣ, причемъ сумка эта была сверху заложена вещами и перевозкою ея, Сарры, въ такомъ крайне неудобномъ положеніи въ мѣстечко Сачхеры, отстоящее въ 15-ти верстахъ отъ мѣста захвата Сарры.

д) Задержаніе лишенной свободы Сарры Модебадзе въ мѣстечкѣ Сачхеры впродолженіи одного дня и двухъ ночей, изъ которыхъ одна ночь была еврейской пасхи, причемъ цѣль задержанія Сарры Модебадзе слѣдствіемъ не обнаружена.

е) Невыясненіе предварительнымъ слѣдствіемъ дѣйствительной причины смерти Сарры Модебадзе, происшедшее главнымъ образомъ вслѣдствіе несвоевременнаго составленія врачемъ, производившимъ первое вскрытіе трупа Сарры, акта медицинскаго освидѣтельствованія и заключенія о причинахъ смерти съ допущеніемъ въ этихъ актахъ неточныхъ, и недостаточныхъ для опредѣленія причины смерти свѣдѣній.

ж) Несомнительность того обстоятельства, что смерть Сарры, въ данномъ случаѣ, является какъ послѣдствіе противозаконнаго и насильственнаго захвата ея по дорогѣ и задержанія въ мѣстечкѣ Сачхеры.

з) Отсутствіе въ дѣлѣ положительныхъ данныхъ, могущихъ привести къ убѣжденію въ совершеніи умышленнаго кѣмъ-нибудь умерщвленія Сарры Модебадзе, посредствомъ задушенія или инымъ какимъ-нибудь способомъ преграждения доступа воздуха къ легкимъ, и

к) Невозможность, въ виду упорства въ запире-

тельствѣ обвиняемыхъ, опредѣлить съ точностію степень участія каждаго изъ нихъ въ совершеніи преступленія.

По соображеніи этихъ обстоятельствъ дѣла, нельзя не придти къ полному убѣжденію, что совершенное обвиняемыми преступленіе, по признакамъ своимъ, вполнѣ подходитъ подъ случаи, предусмотрѣнные въ 1540, 1541, 1542 и 1543 ст. улож. о наказ.

На основаніи вышеизложеннаго, приведенныхъ статей закона и согласно 200 ст. 2-й кн. XV т. Св. Зак., издан. 1876 года, жители Шаропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхеры, евреи: Исхакъ Мордуховъ, Бичія Шамуеловъ, Шамуелъ Ароновъ и Мордахъ Исхаковъ Хундіашвили, Исхакъ, Моша и Яковъ Абрамовы Цвеніашвили, Моша Еловъ Цаціашвили и Михаилъ Абрамовъ Еликшивили предаются суду Кутаисскаго окружнаго суда по обвиненію: Исхака, Шамуела, Бичія, Мордаха Хундіашвили, Исхака, Моша и Якова Цвеніашвилевыхъ въ томъ, что 4-го апрѣла 1878 года, они, проѣзжая около села Перевисы, Шаропанскаго уѣзда, по Садзаглихевской дорогѣ, захватили встрѣтившуюся съ ними малолѣтнюю дѣвочку Сарру Модебадзе, положили ее въ переметную сумку, причемъ заложили сверху отверстіе этой сумки разными вещами и въ такомъ видѣ увезли Сарру въ мѣстечко Сачхеры, гдѣ она была противозаконно задержана одинъ день и двѣ ночи, и послѣдствіемъ такого задержанія была смерть задержанной,—преступленіе это предусмотрѣно 1540, 1541, 1542 и 1543 ст. улож. о наказ.; Моша Еловъ Цаціашвили въ томъ, что желая скрыть слѣды преступленія, онъ, съ участіемъ другаго лица, въ ночь еврейской пасхи вывезъ изъ мѣстечка Сачхеры трупъ Сарры и подбросилъ его къ селенію Дорбаидзе (14 и 124 ст. улож. о наказ.); Михаилъ Абрамовъ Еликшивили

въ томъ, что зная о перевозѣ въ мѣстечко Сачхеры захваченной его сосѣдями Сарры и имѣя возможность довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, не исполнилъ этой обязанности (15 и 128 стат. улож. о наказ.).

Драма, разыгравшаяся годъ тому назадъ на Кавказѣ, вѣроятно свѣжа еще у всѣхъ въ памяти: разумѣемъ таинственную смерть дѣвочки-грузинки, Сарры Модебадзе. Судебное по поводу этого дѣло производилось такъ недавно, что читатели не забыли главныхъ его очертаній, не забыли и того напряженнаго любопытства, съ какимъ ожидаемъ былъ исходъ процесса, и того всеобщаго, съ тяжелымъ чувствомъ соединеннаго удивленія, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Кутаисскомъ судѣ процессъ кончился оправданіемъ. Неудивительно ли въ самомъ дѣлѣ? Совершилось вопіющее преступленіе надъ неповиннымъ ребенкомъ и, не смотря на то, что голосъ этого ребенка вопіялъ о мщеніи за себя, преступленіе это оказалось почему-то... не преступленіемъ, дѣяніемъ не наказуемымъ; всѣ подсудимые, обвинявшіеся въ умерщвленіи Сарры, оправданы,—оправданы, хотя судебное слѣдствіе, какъ могли видѣть читавшіе о немъ стенографическій отчетъ, не дало удовлетворительныхъ объясненій, какимъ бы инымъ образомъ, кромѣ убійства, могла приключиться смерть несчастной Сарры.

Мы сказали о всеобщемъ удивленіи по поводу оправдательнаго приговора. Спѣшимъ оговориться: большинство петербургской печати нисколько не было ни удивлено, ни огорчено; напротивъ, лишь только вѣсть объ оправданіи доходитъ по телеграфу въ Петербургъ, какъ одна большая газета впадаетъ въ восторгъ и поднимаетъ побѣдный кличъ: «прочь, семивѣковое суевѣріе христіанъ, тяготѣвшее надъ ихъ совѣстью! Нелѣпое обвиненіе публично опровергнуто,

и намъ остается только пожелать, чтобы впредь не было уже даваемо хода подобнымъ нелѣпостямъ. Отъ души привѣтствуемъ мы гласное обсужденіе нелѣпаго обвиненія!» Большинство публики вправѣ было удивиться, въ свою очередь, на это ликованіе. Откуда этотъ восторженный тонъ, къ чему громъ и молнія? Неужели нельзя было обойтись безъ фразъ, которыя, обыкновенно, никогда ничего не доказываютъ, и высказать свое мнѣніе о кутаисскомъ процессѣ съ болѣе спокойнымъ чувствомъ? Этотъ восторженный тонъ только доказываетъ намъ, чего вѣроятно не ожидалъ авторъ, что онъ, самъ авторъ, къ кутаисскому дѣлу не безпристрастенъ, въ силу какихъ основаній — не станемъ докапываться, но во всякомъ случаѣ не на основаніи данныхъ, выясненныхъ отчасти обвинительнымъ актомъ, отчасти судебнымъ слѣдствіемъ. «Нелѣпое обвиненіе публично опровергнуто». Почему-жъ именно «нелѣпое? Не потому ли, что обвинявшіеся въ умерщвленіи Сарры Модебадзе евреи заподозрѣны были чернью въ употребленіи христіанской крови? Но они обвинялись только въ ординарномъ, обыкновенномъ убійствѣ, а вовсе не въ томъ, что путемъ тайнаго убійства воспользовались христіанскою кровью. Слѣдовательно, съ этой стороны ничего нелѣпаго нѣтъ. Или обвиненіе нелѣпо потому, что въ совершеніи преступленія обвинялись евреи? Въ такомъ случаѣ каждое преступленіе ординарное, совершенное евреемъ, будетъ нелѣпо: стоитъ только сказать, или приписать черни мнѣніе, что въ преступленіи виноватъ религіозный фанатизмъ, и тогда мы будемъ слѣдовательно уполномочены воскликнуть: «это нелѣпо!» Можно преспокойно обвинять скопцовъ и другихъ, нееевреевъ, въ совершеніи преступленій «по заблужденію фанатизма»; можемъ ссылать ихъ даже на каторгу. —

Но все это должно относиться только къ не-евреямъ, а евреевъ не смѣемъ трогать: у нихъ не можетъ быть религіознаго фанатизма; они, изволите ли видѣть, должны находиться въ особомъ, по отношенію ко всѣмъ другимъ смертнымъ, привиллегированномъ положеніи. Если же бы нашелся смертный, который бы рѣшился обвинить еврея въ совершеніи преступленія изъ суевѣрныхъ побужденій, то сколь бы ни были очевидны и сильны улики, оно должно быть обращено въ «нелѣпое» само по себѣ.

Русскихъ крестьянъ мы можемъ обвинять въ вырытіи покойниковъ изъ могилъ, съ цѣлью предотвратить бездождіе; или въ вырытіи трупа изъ могилы, съ цѣлью добыть изъ него жиръ на свѣчку, обладающую чудодѣйственною силою дѣлать похитителя чужой собственности невидимымъ и неосязаемымъ [1]. Никто намъ не говоритъ въ этихъ случаяхъ, что обвиненіе въ такихъ преступленіяхъ «нелѣпо». Выходитъ, что евреи могутъ безнаказанно совершать какія угодно, самыя ординарныя преступленія. Совершитъ еврей, положимъ убійство съ цѣлью ограбленія; стоитъ только пронести молву, что оно совершено-де въ предохраненіе единовѣрцевъ его отъ проказы, и обвиненіе окажется «нелѣпымъ»; наймутъ нѣсколько адвокатовъ-знаменитостей, изъ которыхъ одному поручатъ «религіозную сторону дѣла»; тотъ станетъ распинаться, доказывая, что преступленіе съ подобною цѣлью безсмыслица, и что потому оно не могло быть совершено его кліентомъ. Обвиненіе будетъ «публично опровергнуто», и насъ уже станутъ обвинять въ какомъ-то «суевѣріи, тяготѣющимъ надъ нашею совѣстью» и т. д.

---

[1]) Примѣры подобныхъ преступленій доходили до суда, и виновные несли заслуженную кару закона.

«Нелѣпое обвиненіе публично опровергнуто». Но дѣйствительно ли оно опровергнуто? Стоитъ только внимательно прочесть отчетъ о судебномъ слѣдствіи, чтобы сильно усомниться. Подсудимые обвинялись не въ томъ, что добыли изъ тѣла Сарры Модебадзе христіанскую кровь, а въ похищеніи и убійствѣ Сарры. Во всемъ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ ни одной статьи, которая бы предусматривала случай употребленія евреями христіанской крови; стало быть, съ юридической точки зрѣнія о немъ не могло быть и рѣчи; рѣчь, повторяемъ, можетъ быть только о похищеніи и убійствѣ Сарры Модебадзе; съ какою именно цѣлью—это уже другой вопросъ—вопросъ факта, а не права, который долженъ былъ выясниться на судѣ путемъ судебнаго слѣдствія. По этому-то и трудно понять, чему здѣсь такъ обрадовалась петербургская газета: тому-ли, что преступленіе, въ которомъ обвинялись Сачхерскіе мѣщане, осталось недоказаннымъ, или тому, что дѣйствительные убійцы ушли отъ заслуженной кары закона.

«Приговоръ суда», говоритъ тотъ же авторъ, былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями, и при этомъ прибавляетъ: «Слава Богу! въ первый разъ послѣ 25-лѣтняго промежутка, общественное (?) правосудіе высказало категорическое порицаніе обвиненію, основанному на предразсудкѣ и поддерживаемому невѣжествомъ». Сомнѣваемся, чтобы общество рукоплескало такому приговору, позволяющему безнаказанно совершать злодѣянія. Лицо, присутствовавшее на судебномъ слѣдствіи по этому дѣлу, наоборотъ, передавало намъ, что общество осталось очень недовольно оправдательнымъ приговоромъ; если же были рукоплесканія, то они исходили изъ среды еврейскаго общества, которое рукоплескало болѣе всего тому вѣроятно, что

десятки тысячъ рублей, на которые имъ куплена была защита своихъ членовъ [2]), не пропали даромъ. Говоря объ «общественномъ правосудіи», авторъ, очевидно, забываетъ, что это дѣло разбиралось безъ участія присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ институтъ присяжныхъ въ Закавказскомъ краѣ еще не введенъ. Приговоръ, какъ извѣстно, опротестованъ прокуроромъ, а теперь даже и отмѣненъ. Особенно восторгаться, по этому, было даже и преждевременно.

Другая петербургская газета по поводу обвинительнаго акта выразилась такъ: «Удивительно, какъ кавказская прокуратура робко и смиренно пошла по слѣдамъ фантазіи и вымысла и поставила обвиненіе въ томъ, что христіанскую дѣвочку убили евреи, и съ прямою цѣлью воспользоваться ея кровью для праздника пасхи; въ настоящемъ случаѣ для такого обвиненія (какого — именно? что они убили?) не было ни одного слова, ни одного серьезнаго факта». Мы нарочно подчеркнули нѣкоторыя слова, потому что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды. Въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ между прочимъ и въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», не было ни единаго намека на обвиненіе евреевъ въ томъ, чтобы они убили «христіанскую» дѣвочку «съ прямою цѣлью воспользоваться ея кровью для праздника пасхи»; въ актѣ только изложено было обвиненіе сачхерскихъ мѣщанъ въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе, при чемъ цѣль этого преступленія была оставлена въ неизвѣстности. Слишкомъ смѣло увѣреніе почтенной газеты и въ томъ,

---

[2]) Передаютъ за достовѣрное, что г. Александрову заплачено за защиту 10,000 р., Куперннку 5,000 р.

будто для обвиненія подсудимыхъ въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе «не было ни одного слова, ни одного серьезнаго факта». Посвящаемъ теперь, начиная съ сего, дѣлу Сарры Модебадзе нѣсколько критико-юридическихъ статей, изъ которыхъ будетъ ясно, напротивъ, что данныя для обвиненія довольно вѣски и въ обвинительномъ актѣ, и не умалились въ своемъ вѣсѣ, напротивъ увеличились, на судебномъ слѣдствіи.

Не станемъ факту умерщвленія Модебадзе поспѣшно придавать какого бы ни было религіознаго значенія; мы не считаемъ его затрогивающимъ и интересы христіанъ; на подсудимыхъ мы смотримъ не какъ на евреевъ, а какъ на простыхъ смертныхъ. Другими словами, на убійство Сарры мы смотримъ съ чисто юридической точки зрѣнія, а потому и вопроса о томъ: съ какою именно цѣлью оно было совершено, мы не будемъ касаться; для насъ важенъ только фактъ убійства, и мы вполнѣ убѣждены, что оно совершено, убѣждены на основаніи всего того, что выяснено было на судѣ, путемъ допроса свидѣтелей. Правда, и цѣль преступленія, и побужденія, вызвавшія его, не лишены значенія, но вопросъ о нихъ важенъ собственно для опредѣленія степени наказуемости: такъ напримѣръ предумышленное убійство, совершенное съ цѣлью ограбленія, влечетъ за собою каторжныя работы въ рудникахъ на время, отъ 15 до 20 лѣтъ, и даже безсрочныя, тогда какъ предумышленное убійство, совершенное «по слабоумію, глупости, крайнему невѣжеству» (суевѣрію), наказывается хотя тою же каторгою, но на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ важенъ только для судей, при избраніи ими степени и мѣры наказанія; для насъ же, для общества, фактъ убійства остается въ одинако-

вой силѣ, съ какою бы цѣлью онъ не совершался. Жизнь человѣческая дорога безусловно, и съ какою бы цѣлью ни похищали ее преступнымъ образомъ, она не умаляется отъ того въ цѣнѣ и не возвращается ни для самой жертвы преступленія, ни для того общества, изъ среды котораго преступнымъ образомъ она похищена.

Прежде, чѣмъ перейти къ анализу этого процесса, не лишнимъ считаемъ остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ оправдательному приговору.

Когда вѣсть о кутаисской драмѣ дошла до петербургскихъ евреевъ, то послѣдніе подняли бѣготню по знаменитымъ адвокатамъ, умоляя ихъ защитить дѣйствительныхъ или мнимыхъ убійцъ; устроили подписку и собрали нѣсколько тысячъ для найма защиты. Обстоятельство это не можетъ не представляться страннымъ и подозрительнымъ. Съ какой стати петербургскимъ еврейскимъ крезамъ такъ волноваться и горячиться изъ за того только, что какіе нибудь сачхерскіе евреи преданы суду по обвиненію въ убійствѣ? Зачѣмъ имъ жертвовать тысячами рублей для найма защитниковъ такимъ подсудимымъ, которыхъ они никогда не знали и не имѣли съ ними ничего общаго, кромѣ племенной связи? Или они сдѣлали это въ виду того, чтобы нанятая ими на деньги защита доказала неосновательность господствующаго среди христіанъ мнѣнія относительно нѣкоторыхъ евреевъ-сектантовъ? Но въ такомъ случаѣ гораздо лучше было бы для нихъ же остаться въ сторонѣ и терпѣливо ждать исхода дѣла; а то насъ они обвиняютъ въ какомъ-то семивѣковомъ предразсудкѣ, а между тѣмъ сами же поддерживаютъ его такимъ своимъ поведеніемъ.

Далѣе: съ какой стати кутаисскіе и сачхерскіе евреи стали заявлять жалобы высшей административной власти на дѣятельность судебнаго слѣдователя, еще во время производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу Сарры Модебадзе? Изъ судебнаго слѣдствія (показаніе свидѣтеля, суд. пристава Коджая) видно, что по ряспоряженію высшей административной власти, въ Кутаисъ пріѣзжалъ прокуроръ тифлисской судебной палаты и передопрашивалъ главныхъ свидѣтелей, давшихъ уже свои показанія судебному слѣдователю. Такое дѣйствіе представителя судебной власти на Кавказѣ нельзя назвать законнымъ, потому, что никто не можетъ вмѣшиваться въ производство предварительнаго слѣдствія кромѣ слѣдователя, производящаго его, и того товарища прокурора окружнаго суда, которому слѣдователь подчиненъ. Нельзя упускать изъ вида того, что предварительное слѣдствіе тогда еще не было закончено, стало быть, слѣдователь еще разъ, два и больше могъ передопросить этихъ «главныхъ» свидѣтелей. Притомъ же, если бы слѣдствіе было и закончено и было очевидно не полное, и въ такомъ случаѣ прокуроръ палаты не имѣлъ права вмѣшиваться въ дѣло. Судебные уставы предписываютъ такой порядокъ движенія слѣдственнаго производства: когда слѣдователь найдетъ, что предварительное слѣдствіе по данному дѣлу произведено въ достаточной полнотѣ, то онъ отсылаетъ все слѣдственное производство своему участковому товарищу прокурора; если послѣдній замѣтилъ въ немъ неполноту, то отсылаетъ дѣло обратно слѣдователю къ дослѣдованію, а въ противномъ случаѣ составляетъ обвинительный актъ, каковый, вмѣстѣ со всѣмъ слѣдственнымъ производствомъ, представляетъ прокурору окружнаго суда, а тотъ въ судебную палату. Послѣдняя разсматриваетъ

дѣло по существу, и тутъ-то прокуроръ ея даетъ заключеніе о томъ: въ достаточной ли полнотѣ произведено слѣдствіе и слѣдуетъ ли обвиняемыхъ предать суду [1]). Да наконецъ и самый порядокъ подачи жалобъ, предписываемый 491—500 ст. Устава угол. судопроизводства, не былъ исполненъ. Жалобы на каждое слѣдственное дѣйствіе подаются не въ административное учрежденіе, не имѣющее ничего общаго съ судебными установленіями, а окружному суду и при томъ не иначе, какъ чрезъ то должностное лицо, на дѣйствія котораго приносится жалоба. Свидѣтель Коджай объяснилъ на судѣ, что вслѣдствіе этихъ жалобъ прокуроръ передопрашивалъ главныхъ свидѣтелей. Это мѣсто, должно быть, не вѣрно передано стенографомъ, потому что прокуроръ самъ не имѣетъ права ни допрашивать, ни передопрашивать свидѣтелей по общимъ преступленіямъ; эта процедура всецѣло лежитъ на обязанности судебнаго слѣдователя.

Но почему же передопрошены были только «главные» свидѣтели! Не потому ли, что они говорили въ пользу обвиненія? Стало быть и дѣятельность судебнаго слѣдователя, производившаго предварительное слѣдствіе по дѣлу объ умерщвленіи Сарры Модебадзе, и дѣятельность товарища прокурора, слѣдившаго за правильностью производства этого слѣдствія,—были заподозрѣны, и заподозрѣны вслѣдствіе какихъ-то жалобъ, поданныхъ административной власти. За что такое недовѣріе къ судебнымъ установленіямъ, и на чемъ бы могло основываться подозрѣніе противъ нихъ въ настоящемъ случаѣ?

Страннымъ также и подозрительнымъ кажется то обстоятельство, что шаропанскій уѣздный врачъ, г.

---

[1]) См. от. 478, 512, 518, 529, 534 Уст. угол. судопроизводства.

Берно, прибывшій въ селеніе Перевисы для судебно-медицинскаго освидѣтельствованія трупа Сарры Модебадзе, тотчасъ же, послѣ вскрытія, уѣзжаетъ именно въ Сачхеры, гдѣ находились обвиняемые и гдѣ, по всей вѣроятности, имъ и составленъ былъ пресловутый актъ, о которомъ мы уже говорили въ № 78 «Современныхъ Извѣстій». По крайней мѣрѣ, свидѣтель Куртанидзе Сисо, перевисскій старшина, заявилъ на судѣ, что г. Берно, послѣ освидѣтельствованія, отправился въ сельскую канцелярію, гдѣ ничего не писалъ, и тотчасъ же уѣхалъ въ м. Сачхеры.

— А когда онъ осматривалъ трупъ, дѣлалъ-ли записки въ своей книжкѣ или нѣтъ? спросилъ прокуроръ этого свидѣтеля.

— Не видѣлъ, не знаю, отвѣтилъ свидѣтель.

— Почему вами не было составлено протокола на мѣстѣ? спрашиваютъ самаго г. Берно.

Берно. А потому, что я всѣ явленія, найденныя мною на трупѣ, изложилъ въ краткихъ замѣткахъ, на основаніи которыхъ и составилъ потомъ свидѣтельство.

Прокуроръ. Но вамъ, должно быть хорошо извѣстно, что всѣ признаки, которые найдены будутъ на трупѣ и которые окажутся отсутствующими, должны быть занесены въ протоколъ. Объясните, пожалуйста, почему вы составили свидѣтельство о вскрытіи трупа лишь 13 дней спустя послѣ этого, тогда какъ по закону на это полагается, и то только въ крайнемъ случаѣ, не болѣе сутокъ?

Берно. Вскрытіе произведено было въ великую пятницу, а въ субботу вернулись въ Сачхеры. Оставалось воскресенье, а съ этого дня, какъ вы знаете, началась Пасха. Затѣмъ меня пригласили въ другое

мѣсто, тоже по дѣламъ службы. Времени у меня не было.

Прокуроръ. Такое свидѣтельство можно было составить и на другой день, тѣмъ болѣе что этотъ случай, по вашему мнѣнію, представляется крайне простымъ, такъ что для составленія акта достаточно было и двухъ часовъ.

Вмѣсто отвѣта молчаніе,—знакъ согласія.

Дѣйствительно для того, чтобы сказать, что Сарра Модебадзе умерла отъ несчастнаго случая утопленія во время проливнаго дождя, – нужно употребить очень мало времени.

Ограничиваясь на сей разъ этими предварительными замѣчаніями, перейдемъ далѣе къ подробностямъ судебнаго слѣдствія.

Была ли смерть Сарры вполнѣ естественною, не насильственною?

4 апрѣля 1878 года, въ послѣобѣденное время (между 12—2 часами дня), шестилѣтняя дочь Перевисскаго крестьянина Іосифа Модебадзе, Сарра, отправилась со старшей сестрой своей Маіей въ домъ сосѣда своего, Павла Цхададзе, чтобы присутствовать при выжиганіи бѣлилъ. Самый процессъ выжиганія бѣлилъ происходилъ въ лѣсу, до такой степени меленькомъ и рѣденькомъ, что съ мѣста выжиганія можно было видѣть не только Садзаглихевскую дорогу, прилегавшую къ этому лѣсу, но каждаго человѣка, какъ проходившаго, такъ и проѣзжавшаго по ней. Дорога эта ведетъ изъ селенія Перевиси въ м. Сачхеры, отстоящее отъ него въ 15 верстахъ; разстояніе отъ мѣста выжиганія бѣлилъ до этой дороги, по прямому пути, равнялось 66 саженямъ, т. е. почти $^1/_8$ версты. Когда начал-

ся процессъ выжиганія бѣлилъ, то Турфѣ Цхададзе-матери понадобились дрова, почему она, оставивъ при себѣ Сарру Модебадзе, посылаетъ сестру ея Маію и дочь свою Турфу собирать въ лѣсу валежникъ; это было около 3 часовъ по полудни. Нѣсколько времени спустя Маія и Турфа возвращаются на мѣсто со связками сучьевъ, и первая, не видя своей сестры Сарры, обращается къ Турфѣ Цхададзе-матери съ такими словами: «Господи, гдѣ же она? гдѣ же Сарра? На что та замѣчаетъ, что «Сарра ушла по Садзаглихевской дорогѣ по направленію къ дому своему», что она сама видѣла ее на дорогѣ въ то время, когда по ней проѣзжали какіе то евреи. Вслѣдствіе такого заявленія Маія уходитъ домой, надѣясь застать уже тамъ Сарру, но, къ удивленію своему, узнаетъ отъ родителей своихъ, что Сарра еще не возвращалась; тогда Маія начинаетъ плакать. Немедленно, по возвращеніи Маіи, отецъ ея, Іосифъ Модебадзе, отправляется съ нею на Садзаглихевскую дорогу, ищутъ ее вездѣ, зовутъ, разспрашиваютъ попадающихся имъ на встрѣчу людей, но Сарры не находятъ; отправляются они затѣмъ съ Иваномъ Капонадзе и Павломъ Цхададзе, ищутъ Сарру до поздней ночи, но безуспѣшно. На слѣдующій день, 5 апрѣля, Іосифъ Модебадзе заявляетъ объ исчезновеніи своей дочери перевисскому старшинѣ, Нико Дорбаидзе, и тотъ снаряжаетъ для поисковъ Сарры 30 человѣкъ крестьянъ, которые осматриваютъ каждый кустикъ, каждое ущелье, каждую тропинку, ищутъ Сарру вездѣ до полуночи, но нигдѣ ея не находятъ и не попадаютъ даже на слѣдъ ея. На третій день, 6 апрѣля, поиски также продолжаются съ самаго ранняго утра; убитый горемъ отецъ отправляется въ м. Сачхеры и заявляетъ объ исчезновеніи своей дочери становому приставу,

при чемъ высказываетъ ему предположеніе, что дѣвочка могла быть только похищена, увезена, такъ какъ крестьяне ищутъ ее уже два дни безъ всякаго успѣха; что заблудиться она не могла, такъ какъ ей нерѣдко приходилось одной ходить изъ дому къ Павлу Цхададзе и дорога ей была хорошо извѣстна; что наконецъ, если ее увезли, то ни кто нибудь другой, какъ Сачхерскіе евреи, проѣзжавшіе по Садзаглихевской дорогѣ мимо того мѣста, гдѣ Цхададзе выжигали бѣлила, и при томъ въ тотъ самый моментъ, когда на дорогу вышла Сарра. Такое предположеніе онъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что изъ среды этихъ евреевъ, какъ ему потомъ передали Павелъ и Дмитрій Церетели, слышанъ былъ дѣтскій крикъ: «ай, ай, батюшка, батюшка!» Вслѣдствіе такого заявленія, приставъ приступилъ къ производству «негласнаго» дознанія, а Іосифъ Модебадзе въ тотъ же день, подъ вечеръ, возвратился домой и тутъ узналъ уже, что трупъ его дочери найденъ былъ мальчиками въ селеніи Дорбаидзе, отстоящемъ отъ его дома на разстояніи около 3 верстъ, у забора, принадлежащаго Нико Дорбаидзе, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ искали ее и не видѣли, такъ какъ на самомъ дѣлѣ, на этомъ мѣстѣ трупа тогда не было. Заборъ этотъ находился въ сторонѣ отъ Садзаглихевской дороги.

Что касается того вида и положенія, въ какомъ найденъ былъ трупъ Сарры Модебадзе, то здѣсь необходимо привести показанія свидѣтелей, данныя ими на судебномъ слѣдствіи. Вотъ что они показали по этому поводу.

1) Отецъ Сарры, Іосифъ Модебадзе. На трупѣ никакихъ слѣдовъ влаги не было; задняя сторона его, на которой лежалъ трупъ, не была замарана гря-

зью; руки и ступни ногъ были относительно бѣлы и не носили никакихъ слѣдовъ грязи. По предъявленіи свидѣтелю платьица и рубашки, онъ призналъ ихъ за тѣ самыя, въ какихъ была Сарра, отправлялась къ Цхададзе, и въ какихъ она была найдена въ Дорбаидзе, но они не были разорваны.

2) Мать Сарры, Кекела Модебадзе, узнавъ о томъ, что найденъ только трупъ Сарры, отправилась на мѣсто его нахожденія, но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, съ ней сдѣлалось дурно отъ волненія, и она вынуждена была возратиться домой, куда скоро принесли и трупъ ея дочери. Осмотрѣвъ его, она увидѣла на обѣихъ рукахъ значительные порѣзы; трупъ былъ какъ будто живой, тѣло мягкое, какъ губка; свидѣтельница полюбопытствовала поднять ножку ребенка и увидѣла «очень глубокіе» порѣзы подъ колѣнками; платье и рубаха на трупѣ были совершенно сухи; это свидѣтельница очень хорошо помнитъ; онѣ не были забрызганы грязью и вообще на нихъ не было слѣдовъ земли или песку. На платьѣ, равно какъ и на рубахѣ, раньше не было никакихъ прорѣхъ, все было зашито на глухо, за исключеніемъ небольшаго мѣста для ворота; эти платьице и рубаха были тѣ самыя, въ которыхъ Сарра, ушла къ Цходадзе и которыя свидѣтельницѣ предъявлены на судѣ; онѣ на трупѣ оказались разорваны пополамъ, тогда какъ раньше были совсѣмъ цѣлы. Къ этому свидѣтельница добавила, что покойная дочь ея Сарра на 4-мъ мѣсяцѣ отъ рожденія страдала какою то немочью, которая впослѣдствіи отозвалась на ногахъ; дѣвочка прихрамывала и скоро и много ходить не могла: «пройдетъ бывало, съ версту и отдыхаетъ».

3) Такъ какъ Модебадзе сама снимала платье и рубаху съ покойницы, то ей сразу бросилось въ глаза, что

какъ первое, такъ и вторая были разорваны спереди во всю длину, и внизу концы завязаны были узломъ. Сама свидѣтельница не могла разорвать ихъ уже по одному тому, что какъ платье, такъ и рубаха снялись очень свободно Отчего именно онѣ были разорваны, свидѣтельница не знаетъ, но думаетъ, что онѣ насильно были сорваны съ тѣла. Свидѣтельница обмывала трупъ и приготовляла его къ погребенію, а потому могла хорошо видѣть раны какъ на рукахъ, такъ и на ногахъ подъ колѣнками; въ послѣднемъ случаѣ порѣзы были не особенно глубокіе; никакихъ другихъ знаковъ на тѣлѣ не замѣтила, хотя и внимательно осматривала его. Платье было сухое, и никакихъ слѣдовъ грязи на немъ не было.

4) Маія Модебадзе, сестра Сарры, подтвердила показаніе предъидущихъ свидѣтелей относительно платья и рубахи.

5) Маія Модебадзе, (дальняя родственница Сарры), замѣтила, что мясо на пальцахъ обѣихъ рукъ было вырѣзано, подъ колѣнками обѣихъ ногъ были также порѣзанныя «порядочныя» раны; ни на платьѣ, ни на мѣстѣ порѣзовъ слѣдовъ крови не было. По предъявленіи платья и рубахи, свидѣтельница замѣчаетъ, что тѣхъ нитокъ, которыя въ настоящее время висятъ у концовъ прорѣхи, раньше не было; должно быть этими нитками былъ сшитъ шóвъ платья; нитками этими платье не могло завязываться потому, что оно спереди было сшито на глухо, и оставлена была только небольшая прорѣха для ворота.

6) Турфа Цхададзе-мать показала, что на платьицѣ и рубахѣ, кромѣ маленькихъ дыръ, все остальное было зашито на глухо, не имѣло спереди сквозной прорѣхи; никакими нитками платье не завязывалось; это очень хорошо извѣстно свидѣтельницѣ потому, что

Сарра часто приходила къ ней въ томъ же самомъ платьицѣ, въ какомъ была и въ день исчезновенія. По предъявленіи платьица, свидѣтельница замѣчаетъ: «тутъ (спереди) совсѣмъ разорвано, и если приглядѣться, то недостаетъ цѣлаго куска противъ того, какъ должно быть. Что касается ранъ, замѣченныхъ на трупѣ, то свидѣтельница утверждаетъ, что она сама видѣла ихъ «своими глазами», и они были до того глубокія, что даже жилы были видны снаружи и что эти раны, по ея мнѣнію, произведены ножемъ и непремѣнно острымъ концомъ его.

7) Елисавета Цхададзе. Платье на Саррѣ никогда не подпоясывалось, а одѣвалось просто какъ обыкновенное дѣтское платьице; оно было сдѣлано безъ всякихъ завязокъ, на глухо; рубаха хотя и была въ нѣсколькихъ мѣстахъ дырявою, но не разорванною, какъ это оказалось на трупѣ Сарры; никакихъ сквозныхъ прорѣхъ ни на платьѣ, ни на рубахѣ не было раньше.

8) Павелъ Цхададзе. Трупъ былъ мягкій. По состоянію трупа, свидѣтель могъ опредѣлить время смерти Сарры — вечеръ 5-го апрѣля; трупъ еще не могъ разложиться,—онъ былъ совершенно мягкій, какъ вата; края ранъ на рукахъ были разрѣзаны совершенно ровно: на одной даже кожа снята была съ пальцевъ.

Свидѣтелю этому присяжный повѣренный Куперникъ предлагаетъ слѣдующіе три курьезные вопроса:

— Отчего, по вашему, трупъ такъ долго не окоченѣлъ?

— Это и удивило насъ.

— Не думали ли, что тутъ случилось чудо?

— Никакого тутъ чуда нѣтъ.

— Не потому ли, что евреи замучили ребенка, трупъ его и не коченѣетъ?

— Объ этомъ только одному Богу извѣстно.

Очевидно, свидѣтель крестьянинъ давалъ болѣе разумные отвѣты, чѣмъ тѣ вопросы, какіе предлагалъ ему юристъ.

9) Георгій Дадиковъ Модебадзе (однофамилецъ потерпѣвшихъ). Мясо на рукахъ было вырѣзано и снята кожа съ пальцевъ; формою раны были круглыя, совершенно правильныя, трупъ былъ мягкій и никакого запаха не издавалъ; трупъ одѣтъ былъ въ платье и рубаху, которыя сзади были совершенно цѣлы, а спереди разорваны; на спинѣ платье было немного влажное, а въ двухъ мѣстахъ совершенно сухо.

10) Соломонъ Добраидзе работалъ въ лѣсу днемъ, 6-го апрѣля, и услышалъ крикъ мальчиковъ пастуховъ, нашедшихъ трупъ Сарры, отправился на этотъ крикъ. Пришедъ къ каменной оградѣ Нико Дорбаядзу и увидѣвъ лежавшій у его забора трупъ, что крайне удивило свидѣтеля, такъ какъ наканунѣ онъ, розыскивая Сарру въ числѣ другихъ крестьянъ, проходилъ мимо этого мѣста и ничего не видалъ; на трупѣ, между пальцами на рукахъ, была вырѣзана мякоть; подъ спиною ребенка земля оказалась мокрою, что совершенно естественно, такъ какъ 5-го апрѣля вечеромъ былъ дождь; рубаха и платье на трупѣ оказались спереди разорванными и связанными внизу узломъ.

11) Алексѣй Дорбаидзе. Платье и рубаха на трупѣ спереди были разорваны и завязаны внизу узломъ.

12) Нико, Захарій и Теймуразъ Дорбаидзе наканунѣ проходили около того мѣста, гдѣ 6-го апрѣля найденъ былъ трупъ, но ничего не видали.

Всѣ эти свидѣтели подтвердили на судѣ подъ при-

сягою тотъ фактъ, что въ моментъ нахожденія Сарры Модебадзе, она была одѣта, и никакихъ слѣдовъ грязи, песку или земля на трупѣ замѣчено ими не было.

Въ разрѣзъ съ показаніями этихъ 14 свидѣтелей идетъ показаніе учителя Филимона Микадзе, данное имъ на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтель этотъ положительно утверждаетъ, что трупъ Сарры, въ моментъ его нахожденія, былъ обнаженный, а на рукахъ и на ногахъ ея были слѣды песку, тогда какъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель показалъ совершенно противное, именно, что ни на трупѣ, ни на платьѣ слѣдовъ песку или наносной земли не было. На вопросъ прокурора: чѣмъ свидѣтель можетъ объяснить противорѣчіе въ своихъ показаніяхъ, Микадзе заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ допрашивался безъ присяги, а потому и счелъ возможнымъ дать показаніе завѣдомо ложное, съ цѣлью «отвлечь подозрѣніе отъ бѣдныхъ (?!) евреевъ», на судѣ же показываетъ одну только правду, такъ какъ принималъ присягу.

Мы нарочно такъ долго остановились на показаніи каждаго изъ приведенныхъ свидѣтелей, потому что вопросъ о томъ видѣ, въ какомъ найденъ былъ трупъ Сарры Модебадзе, представляется чрезвычайно важнымъ для раскрытія истины, особенно то обстоятельство, что платье и рубаха на трупѣ оказались разорваны и завязаны внизу концами въ узелъ.

Такъ какъ мы безпристрастно относимся къ настоящему процессу, то, слѣдуя методу Декарта, отвергнемъ пока тотъ фактъ, что платье на трупѣ оказалось разорваннымъ спереди и внизу завязано узломъ, и, послѣ этого, разрѣшимъ вопросъ о томъ: не могла ли Сарра Модебадзе запутаться въ лѣсу, тѣмъ болѣе, что въ моментъ ея исчезновенія былъ до того густой

туманъ, что на разстояніи 4 саженей ничего нельзя было видѣть.

Для разрѣшенія этого вопроса мы имѣемъ показанія свидѣтелей: Кекелы, Тиніи и Маіи Модебадзе, Павла, Турфы и Елисаветы Цхададзе, которые утверждаютъ, что Сарра Модебадзе не могла запутаться въ лѣсу или оврагахъ по той простой причинѣ, что тропинка, ведущая отъ дома Цхададзе къ дому Модебадзе, идетъ прямо, никуда не сворачивая въ сторону, параллельно Садзаглихевской дороги; хотя нѣкоторое время спустя по исчезновеніи Сарры и былъ туманъ, но тѣмъ не менѣе Сарра запутаться не могла, такъ какъ дорога эта очень хорошо была извѣстна ей, и она не разъ во время такихъ тумановъ ходила одна къ Цхададзе и всегда благополучно возвращалась домой; свидѣтели не знаютъ того случая, чтобы когда нибудь во время такихъ тумановъ пропадалъ не только ребенокъ, но и самый мелкій домашній скотъ; это, по ихъ мнѣнію, неслыханное дѣло, потому что эти туманы составляютъ самое обыкновенное явленіе въ ихъ гористой мѣстности, къ чему привыкаетъ и домашній скотъ, не говоря уже о людяхъ.

Мы не приводимъ дословно показаніе каждаго изъ упомянутыхъ свидѣтелей порознь, потому что всѣ они единогласно до мельчайшихъ подробностей показываваютъ одно и тоже о томъ, что Сарра заблудиться не могла и стало быть, не могла умереть съ голоду, хотя, при освидѣтельствованіи ея, въ желудкѣ не оказалось никакой пищи.

Но, слѣдуя предложенному отрицательному методу Декарта, предположимъ, что Сарра могла запутаться въ лѣсу и затѣмъ умереть отъ «несчастнаго случая утопленія во время проливнаго дождя», а въ такомъ

случаѣ тѣ посмертные раны [1]), которыя замѣчены были на пальцахъ рукъ ея (о ранахъ подъ колѣнами мы и не говоримъ: мы, такъ сказать, даримъ ихъ гг. защитникамъ обвиняемыхъ), не могли ли быть причинены какими-нибудь «мелкими звѣрями и хищными птицами?»

Для того, чтобы разрѣшить первую половину этого вопроса, необходимо убѣдиться въ томъ: былъ ли дождь съ момента исчезновенія Сарры до момента ея нахожденія, т. е. съ 4-го апрѣля вчера по 6-е число включительно. Объ этомъ намъ говорятъ свидѣтели такъ: Маія Модебадзе (сестра Сарры), что вечеромъ, 4-го апрѣля, дождя не было, былъ ли дождь ночью не знаетъ, но помнитъ, что на утро земля была сырая; въ ночь же на 6-е апрѣля былъ сильный дождь. Георгій Датиковъ Модебадзе и Голія Цивилошвили, что дождь былъ 5-го числа, а Павелъ Цхададзе, что вечеромъ 4-го апрѣля, былъ маленькій дождь. Стало быть, изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній нельзя извлечь ничего положительнаго относительно того обстоятельства: дѣйствительно ли, по исчезновеніи Сарры, былъ до такой степени большой ливень, что дѣвочка могла утонуть. Если повѣрить на слово свидѣтельницѣ Маіи Модебадзе, что въ ночь на 6 е апрѣль былъ сильный дождь, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, можно согласиться съ мнѣніемъ врача г. Берно, что смерть Сарры послѣдовала «отъ несчастнаго случая утопленія во время проливнаго дождя», бывшаго въ ночь на 6-е апрѣля; но разъ соглашившись съ тѣмъ мнѣніемъ, мы должны придти къ тому выводу, что платье на трупѣ, въ моментъ его нахожденія, должно было но-

[1]) Говоримъ «посмертныя», потому что края ихъ были совершенно безкровные, стало быть они не могли быть причинены при жизни Сарры такъ какъ въ противномъ случаѣ были бы слѣды запекшейся крови.

*

сить на себѣ слѣды пребыванія трупа въ водѣ, слѣды влаги, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ платье на трупѣ не могло скоро высохнуть; но 14 упомянутыхъ выше свидѣтелей утверждаютъ совершенно противное, т. е. что и платье, и рубаха на трупѣ были совершенно сухи.

Но быть можетъ, Сарра умерла просто отъ голода, такъ какъ, при вскрытіи желудка, въ немъ не найдено было никакой пищи, а тѣ раны, которыя замѣчены были на ея трупѣ, причинены были уже по смерти «хищными птицами и мелкими звѣрями». Трудно предположить, чтобы дѣвочка 6-ти лѣтъ, какъ Сарра, могла запутаться у того мѣста, гдѣ ее нашли, такъ какъ это мѣсто, по заявленію свидѣтелей, было совершенно открытое, вблизи саклей Нико, Захарія и Теймураза Дорбандзе; при томъ же, если бы у Сарры дѣйствительно случился голодъ, то она могла бы питаться какими нибудь кореньями, листьями, землею, наконецъ, или чѣмъ нибудь другимъ въ этомъ родѣ. Не надо забывать, что на Кавказѣ развитіе человѣка идетъ быстрѣе чѣмъ у насъ: тамъ дѣвочка 13 лѣтъ уже выходитъ замужъ, становится хозяйкою дома, т. е. 13 лѣтній возрастъ приравнивается къ нашему 16 лѣтнему, стало быть 6 лѣтъ къ 8 лѣтамъ. Предположимъ далѣе, что раны на рукахъ были не вырѣзаны, какъ утверждаютъ свидѣтели очевидцы, а выгрызены, т. е. причинены животными. Но въ этомъ отношеніи мы имѣемъ довольно подробное указаніе свидѣтеля Павла Цхададзе: раны эти, говоритъ свидѣтель, не могли быть причинены ни звѣрями, ни птицами, которые никогда не касаются рукъ; они раньше всего нападаютъ на носъ и глаза; мыши подобнаго сдѣлать не могли; шакаловъ въ ихъ мѣстности нѣтъ; лисица также не могла обгрызть трупъ,

потому что она боится человѣка; вообще всѣ звѣри никогда не подойдутъ къ человѣку, если онъ еще не разложился, они его боятся, и только когда уже отъ него слышенъ запахъ разложенія, тогда потихоньку подкрадываются къ нему; все это онъ, свидѣтель, говоритъ по собственному опыту.

Если же предположить, что дѣвочку занесли къ забору Дорбандзе какіе нибудь звѣри, то во 1-хъ тѣло и платье ея было бы непремѣнно замарано и мѣстами оцарапано кустарниками и виноградниками, и во 2-хъ трупъ не могъ бы лежать такъ правильно, какъ его нашли свидѣтели: онъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, а руки были сложены на груди: очевидно, онъ былъ положенъ на землю, а не брошенъ. Наконецъ, какимъ образомъ платье и рубаха на трупѣ оказались разорванными спереди во всю длину? Вѣдь звѣри не могли этого сдѣлать потому, что какъ платье, такъ и рубаха оказались внизу завязанными разорванными концами узломъ? Это обстоятельство свидѣтельствуетъ только о томъ, что дѣвочку раздѣвали,—раздѣвали насильно и для удобства разорвали спереди платье и рубаху, а потомъ опять обвернули ее ими и завязали внизу узломъ, чтобы они не распахнулись.

И такъ, всѣ выставленные нами факты говорятъ въ пользу того заключенія, что Сарра Модебадзе была похищена людьми, умерла отъ насилія и затѣмъ трупъ ея былъ подброшенъ у забора Нико Дорбандзе, такъ какъ отъ трупа велъ слѣдъ двухъ лошадей, который затѣмъ направлялся къ Сачхерской дорогѣ. Относительно этого послѣдняго обстоятельства мы имѣемъ показанія свидѣтелей: Ивана Бороладзе, Максима Николова Дорбандзе, Нико Церетели, Алексѣя, Соломона, Нико и Теймураза Дорбандзе и, наконецъ, становаго пристава, производившаго дознаніе и лично видѣвшаго

этотъ слѣдъ. Вотъ сущность показаній всѣхъ этихъ свидѣтелей: около трупа замѣтны были свѣжіе слѣды двухъ лошадей, идущіе съ востока (отъ м. Сачхеры), которые затѣмъ повернули назадъ по направленію къ Сачхерской дорогѣ; 4 апрѣля лошади еще не выпускались на подножный кормъ; не могли ихъ также водить мимо этого мѣста и на водопой, такъ какъ тутъ никакого источника не было. Если при этомъ припомнить показаніе Григорія и Ивана Церетели, встрѣтившихъ на зарѣ 6 апрѣля двухъ верховыхъ евреевъ, въ 6 верстахъ отъ м. Сачхеры, ѣхавшихъ изъ селенія Дорбаидзе, при чемъ у этихъ евреевъ свидѣтели видѣли большихъ размѣровъ пустую переметную сумку (мѣшокъ), то по совѣсти можно положительно сказать, что трупъ Сарры былъ подброшенъ 6 апрѣля утромъ, такъ какъ наканунѣ этого дня, розыскивавшіе Сарру крестьяне, въ числѣ 30 человѣкъ, проходили мимо упомянутаго забора и ничего не видѣли.

Такимъ образомъ всѣхъ этихъ фактовъ, въ совокупности взятыхъ, совершенно достаточно, по нашему мнѣнію, для того, чтобы на поставленной въ началѣ настоящей главы вопросъ отвѣтить отрицательно. Смерть Сарры могла послѣдовать только путемъ насилія, совершеннаго надъ нею. Это, намъ кажется, такъ просто и такъ удобопонятно для каждаго, имѣющаго здравый разсудокъ. Что же касается до тѣхъ посмертныхъ ранъ, какія оказались на рукахъ Сарры, то мы думаемъ, что онѣ произведены людьми же, съ цѣлью отвести глаза.

Между тѣмъ, при разборѣ этого процесса въ Кутаисскомъ окружномъ судѣ, предсѣдатель напиралъ главнымъ образомъ на то, не могла ли Сарра сама запутаться въ лѣсу и погибнуть, для чего онъ даже хотѣлъ

связать, такъ сказать, фактъ исчезновенія ея съ названіемъ дороги «Садзаглихевскою».

— Не знаете ли, почему та дорога, на которой исчезла Сарра, названа именно Садзаглихевскою? спрашиваетъ онъ свидѣтельницу Тинію Модебадзе.—

— Не знаю, отвѣчаетъ та.

Очевидно, предсѣдатель суда знакомъ съ мѣстнымъ грузинскимъ нарѣчіемъ, и ему хорошо было извѣстно, что терминъ «садзаглихевскій» происходитъ изъ сочетанія трехъ словъ: сад—сзади, загли—собака и хеви—ущелье; а если такъ, то вопросъ г. предсѣдателя представляется совершенно излишнимъ и даже неумѣстнымъ, такъ какъ если остальные двое судей не знали смысла этого слова, то г. предсѣдатель могъ познакомить ихъ въ залѣ совѣщаній. Въ другой разъ предсѣдатель предлагаетъ многимъ свидѣтелямъ такой вопросъ: не могла ли Сарра сама зацѣпиться за что-нибудь въ лѣсу и тѣмъ разорвать себѣ платье? Вообще первая половина судебнаго слѣдствія представляется крайне сложною и запутанною разъясненіемъ обстоятельствъ, вовсе не идущихъ къ дѣлу. Такъ напримѣръ, тотъ же предсѣдатель суда предлагаетъ свидѣтелю Іосифу Модебадзе вопросъ о томъ: какой именно свинецъ употребляютъ мѣстные жители для обжиганія бѣлилъ — самородокъ или очищенный. Вопросъ этотъ, очевидно, предложенъ былъ въ виду того, чтобы разъяснить, не могла ли Сарра отравиться этимъ свинцомъ.

Но гг. защитники просто дошли до геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ раскрытіяхъ истины. Они даже заподозрили въ смерти Сарры ея старшую сестру Маію. Такъ, присяжный повѣренный Кикодзе интересуется узнать: въ какихъ отношеніяхъ Маія была къ Саррѣ, отчего она заплакала, когда возвратилась домой и

узнала, что Сарра еще не приходила; предлагаетъ даже свидѣтельницѣ Турѣ Цхададзе (матери) такой вопросъ: «почему Маія, возвратившись со связною сучьевъ и не нашедши Сарры, могла сказать: «Господи, гдѣ же она, гдѣ же Сарра?» Послѣ такого вопроса свидѣльница довольно разумно замѣчаетъ, что она «больше не въ силахъ говорить: если всякій, присутствующій на судѣ, будетъ допрашивать меня отчего, да какъ, да почему, то я могу совершенно обезсилѣть!» И дѣйствительно «можно обезсилѣть», если заставятъ отвѣчать на такіе болѣе чѣмъ странные вопросы.

И такъ, если Сарра была похищена и умерла отъ насилія, то кто совершилъ такое преступленіе?

Кто похитилъ и умертвилъ Сарру Модебадзе?

Процессъ выжиганія бѣлилъ, при которомъ, какъ уже извѣстно читателямъ, присутствовала Сарра Модебадзе, совершался въ лѣсу, вблизи отъ Садзаглихевской дороги. Во время этого процесса по садзаглихевской дорогѣ проѣхали двѣ партіи какихъ-то евреевъ, оказавшихся впослѣдствіи Сачхерскими мѣщанами, по направленію отъ селенія Перевиси въ м. Сачхеры. Первая партія состояла изъ трехъ верховыхъ и одного пѣшаго, а вторая, промчавшаяся въ слѣдъ за первою чрезъ $^1/_2$ часа спустя, состояла изъ трехъ всадниковъ. По заявленію свидѣтелей, Сарра ушла на дорогу съ мѣста выжиганія бѣлилъ тотчасъ же, какъ только проѣхала первая партія. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ представляется чрезвычайно важнымъ разрѣшеніе вопроса о томъ: могла ли Сарра быть на Садзаглихевской дорогѣ уже тогда, когда по ней проѣзжала вторая партія, а именно: Моша Исхакъ

и Яновъ Цвеніашвили? Изъ плана мѣстности, составленнаго судебнымъ слѣдователемъ, видно, что разстояніе отъ мѣста выжиганія бѣлилъ до Садзаглихевской дороги по прямой линіи, чрезъ лѣсъ, равнялось 66 саженямъ, т. е. $^1/_8$ версты. Сколько же Саррѣ понадобилось времени для того, чтобы пройти это разстояніе? Если взрослый человѣкъ проходитъ версту самымъ обыкновеннымъ шагомъ въ 10 минутъ, то шестилѣтній (или по нашему, восьмилѣтній) ребенокъ и притомъ больной ногами, какъ Сарра, можетъ пройти это разстояніе въ 30 минутъ, стало быть $^1/_8$ версты она могла пройти въ 3 м. и 45 секундъ. Стало быть Сарра Модебадзе дѣйствительно была уже на Садзаглихевской дорогѣ въ тотъ самый моментъ, когда тамъ проѣзжала вторая партія евреевъ, такъ какъ изъ показаній свидѣтелей Турфы Цхададзе и Георгія Датикова Модебадзе видно, что эта вторая партія проѣзжала по дорогѣ мимо мѣста выжиганія бѣлилъ, 15 минутъ спустя послѣ того, какъ проѣхала первая партія. Мало того, мы имѣемъ показаніе свидѣтеля Павла Цхададзе, удостовѣряющаго тотъ фактъ, что, въ моментъ проѣзда второй партіи, Сарра была уже на дорогѣ. Вотъ въ короткихъ словахъ существенное показаніе этого свидѣтеля: «я видѣлъ, какъ Сарра шла по тропинкѣ къ мостику, и когда дошла до этого моста, то по дорогѣ проѣхала вторая партія евреевъ». А вотъ еще показаніе одного свидѣтеля, Георгія Григолова Модебадзе о томъ же: «я видѣлъ проѣзжающихъ по дорогѣ трехъ евреевъ, съ которыми былъ еще одинъ пѣшій; потомъ по тропинкѣ на дорогу вышла дѣвочка (Сарра), а за нею проѣхали еще трое евреевъ». Вслѣдъ за появленіемъ этихъ евреевъ у мостика, Сарра мгновенно исчезаетъ, какъ будто проваливается сквозь землю, и исчезаетъ именно у мостика, перекинутаго чрезъ Сад-

заглихевскую дорогу, т. е. у того самаго моста, гдѣ евреи останавливались и привязывали къ верховой лошади переметную сумку. Коджой, стоявшій въ разстояніи полверсты отъ мѣста схода Сарры съ тропинки на дорогу, видѣлъ только проѣзжавшихъ евреевъ, Сарры же не было. Но, можетъ быть, дѣвочка просто своротила въ сторону отъ дороги и углубилась въ лѣсъ?—«Нѣтъ, она своротить въ сторону не могла», говоритъ свидѣтельница Турфа Цхададзе,—«иначе мы ее видѣли бы въ лѣсу». Затѣмъ евреи соединяются — гдѣ именно — слѣдствіемъ не выяснено и даже не возбуждено было по этому поводу вопроса на судѣ, но у злополучнаго мостика свидѣтель Церетели видитъ уже семь человѣкъ евреевъ, слѣдовательно, обѣ партіи уже соединились; затѣмъ онѣ снова отстаютъ одна отъ другой и опять соединяются, — такъ они ѣдутъ до самаго м. Сачхеры, и на всемъ этомъ протяженіи отъ селенія Перевиси, или вѣроятно отъ мостика до Сачхеры, въ разныхъ мѣстахъ, свидѣтели слышатъ дѣтскій крикъ, раздающійся изъ среды этихъ всадниковъ. Такъ, прежде всего его слышитъ свидѣтель Дмитрій Церетели, работавшій въ своемъ имѣніи, расположенномъ противъ того мѣста, гдѣ совершается процессъ выжиганія бѣлилъ. Онъ видѣлъ, какъ Сарра ушла съ мѣста выжиганія бѣлилъ и направилась на большую (Садзаглихевскую) дорогу; скоро послѣ ея ухода, по дорогѣ проѣхали евреи, которые затѣмъ остановились у мостика. Такъ какъ въ то время на землю опустился густой туманъ, то свидѣтель отправился въ лѣсъ собирать свой скотъ, и лишь только вошелъ въ лѣсъ, какъ тотчасъ же услышалъ голосъ ребенка; вслѣдствіе чего, онъ изъ любопытства вышелъ на дорогу и тутъ замѣтилъ трехъ евреевъ, въ разстояніи 25 шаговъ отъ себя, которые подвязывали

къ лошади переметную сумку. Голосъ этотъ произнесенъ былъ плачевнымъ тономъ, но такъ явственно, что свидѣтель могъ разобрать слова: «ой, мама, спаси!»

— Но быть можетъ, вы ошиблись, принявъ крикъ козла за голосъ ребенка? спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ.

— Положительно утверждаю, что это былъ дѣтскій голосъ; я принялъ присягу и говорю правду. Развѣ я не могу отличить голосъ ребенка отъ крика козла?! Козелъ кричалъ, но это уже было послѣ. Когда евреи подвязывали переметную сумку, впереди ихъ былъ верховой, который торопилъ своихъ товарищей поскорѣе ѣхать. Сумка эта была больше той, какая имѣется на судѣ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ [1]; въ ней было что-то такое, но что именно—свидѣтель не могъ разсмотрѣть, такъ какъ она находилась между двумя лошадьми. Какъ долго простояли эти всадники у мостика—свидѣтель не знаетъ, потому что онъ снова ушелъ въ лѣсъ. При этомъ Дмитрій Церетели добавилъ, что крикъ исходилъ отъ дороги и изъ среды евреевъ; если онъ не обратилъ на этотъ крикъ вниманія, то только потому, что предполагалъ, что на дорогѣ играютъ дѣти, такъ какъ крикъ этотъ былъ такого рода, какой обыкновенно издаютъ дѣти, когда одинъ ребенокъ бьетъ другаго; крикъ такой онъ слышалъ только одинъ разъ, послѣ чего закричалъ козелъ, и онъ, свидѣтель, не видя никого изъ дѣтей на дорогѣ, ушелъ снова въ лѣсъ.

Нѣсколько иначе говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ другой свидѣтель, Георгій Датиковъ Модебадзе. «Я», говоритъ онъ, «работалъ у своей усадьбы, прилегающей къ Садзаглихевской дорогѣ, какъ разъ въ

[1]) Это обстоятельство утверждаютъ всѣ свидѣтели, видѣвшіе «настоящую» сумку.

то время, когда по дорогѣ проѣзжали какіе-то евреи въ числѣ четырехъ человѣхъ. Они везли съ собою въ сумкахъ козла, гусей и куръ (?). Одновременно съ появленіемъ ихъ на дорогѣ я слышалъ дѣтскій крикъ «а!... а!... а...!» На вопросы сторонъ, свидѣтель отвѣтилъ, что онъ положительно убѣжденъ въ томъ, что кричалъ ребенокъ, а не кто другой.

Далѣе идетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, согласно тому маршруту, по которому ѣхали евреи, показаніе свидѣтельницы Елисаветы Нипарадзе. Она вышла изъ дому за дровами (должно быть—въ лѣсъ) и услышала плачъ ребенка; оглянувшись, на дорогѣ она увидѣла проѣзжавшихъ по ней четырехъ евреевъ съ привязанною къ сѣдлу сумкою, въ которой былъ козелъ.

— Но быть можетъ это козелъ кричалъ?

— Нѣтъ, смѣшать голосъ ребенка и крикъ козла невозможно. Я такихъ лѣтъ женщина, немощная, больная, что даже безъ присяги и то не солгала-бы, а я вѣдь присягу приняла. Ребенокъ плакалъ: «вай... вай... вай»...

Крикъ ребенка слышалъ также и свидѣтель Бесо Гагачишвили при слѣдующей обстановкѣ. Проѣзжая изъ селеній Каретели въ селеніе Инхвисъ, свидѣтель встрѣтился съ четырьмя верховыми евреями; изъ нихъ трое остановились, а четвертый поѣхалъ на встрѣчу свидѣтелю. У одного изъ трехъ евреевъ онъ увидѣлъ переметную сумку съ козломъ, которому постоянно крутилъ оба уха, отчего козелъ кричалъ; до встрѣчи свидѣтель слышалъ «ой... ой!», вслѣдствіе чего свидѣтель посмотрѣлъ на дворъ (какой и гдѣ — неизвѣстно; судъ не постарался разъяснить и этого обстоятельства для оцѣнки показанія свидѣтеля), предполагая, что тамъ кричитъ ребенокъ; на дворѣ никого не оказалось. Потомъ, когда увидѣлъ евреевъ, то

подумалъ, что они везутъ ребенка, а какъ только увидѣлъ козла, то успокоился, предположивъ, что это онъ кричалъ.

Сельскій учитель Симонъ Гогечиладзе, увидѣвъ съ балкона своего дома [1]) проѣзжавшихъ по дорогѣ евреевъ, подошелъ къ нимъ съ цѣлью купить платье, и тутъ увидѣлъ у одного изъ верховыхъ большихъ размѣровъ переметную сумку, спускавшуюся обѣими своими половинами по обѣ стороны лошади. Въ одной половинѣ лежалъ козелъ и другая какая-то вещь, а во второй было что то живое и поверхъ ея лежали вещи, перевязанныя веревкою. На вопросъ его, что находится въ этой послѣдней половинѣ, евреи отвѣчали, что «это гуси лежатъ»; на замѣчаніе свидѣтеля, что такъ гусей никогда не возятъ, потому что они подохнутъ, евреи возразили: «не важность, если и подохнутъ». Пока онъ разговаривалъ съ евреями, содержимое въ этой подозрительной половинѣ сумки постоянно шевелилось и козелъ по временамъ блеялъ; никакого другаго голоса свидѣтель не слышалъ. Не найдя у евреевъ ничего продажнаго, свидѣтель отправился во свояси, а евреи поѣхали своей дорогой. Немного времени спустя они остановились и послали обратно къ дому свидѣтеля своего товарища, якобы за огнемъ. Ни слѣдователь, ни стороны, ни даже самъ судъ не потрудились разслѣдовать, зачѣмъ евреямъ понадобился огонь: для того ли, чтобы закурить трубку и, въ такомъ случаѣ, слѣдовало удостовѣрить, что кто нибудь изъ нихъ дѣйствительно куритъ табакъ, или этотъ огонь былъ только предлогомъ, чтобы возвратиться къ учителю Гогечиладзе и «пронюхать», не возбуждено ли въ его душѣ какое нибудь подозрѣніе этимъ «живымъ», по-

[1]) Домъ этотъ находится въ 5 верстахъ отъ м. Сачхеры.

стоянно шевелившимся въ сумкѣ во время его разговора съ всадниками. Обстоятельство это какъ ни кажется ничтожнымъ на первый взглядъ, имѣло бы все-таки серьезное значеніе для суда. Явственнѣе всѣхъ другихъ слышала дѣтскій крикъ свидѣтельница Соломія Колмохелидзе. Услышавъ стонъ ребенка, она страшно испугалась, такъ какъ подумала, что кто нибудь душитъ ея внучатъ (въ это время она стояла на улицѣ), вслѣдствіе чего и побѣжала домой; но у воротъ встрѣтила работника своего Максима Надирадзе, который и сказалъ ей: «бояться нечего: евреи сейчасъ провезли козла, который и кричалъ». Хотя это и успокоило свидѣтельницу, но отъ сильнаго испуга и волненія, она упала въ обморокъ. Между тѣмъ этотъ самый Надирадзе объяснилъ на судѣ, что онъ также слышалъ крикъ ребенка, а не козла, сваливъ же на послѣдняго только потому, что хозяйка его, Колмохелидзе, услышавъ этотъ крикъ, сильно испугалась и начала искать своихъ внучатъ, и вотъ, чтобы ее успокоить, онъ и сказалъ ей, что кричалъ козелъ. Крикъ исходилъ изъ среды евреевъ, которые летѣли во всѣ лопатки. «Трудно вообразить какъ быстро ѣхали евреи и какъ они нагайками колотили своихъ коней!»

Приведемъ еще показанія трехъ свидѣтелей, слышавшихъ дѣтскій крикъ, раздававшійся изъ среды проѣзжавшихъ евреевъ. Натела Дурмишидзе засвидѣтельствовала на судѣ, что она была въ своемъ саду въ то время, когда мимо его проскакали верховые евреи съ крикомъ: «скорѣе поѣзжайте, скорѣе!» На одной лошади она замѣтила переметную сумку, въ одной половинѣ которой былъ козелъ, котораго евреи постоянно били, а въ другой что то ворочалось и пищало; это пищанье и крикъ козла рѣзко отличались

одно отъ другаго; оно напоминало голосъ дитяти. На вопросъ суда, почему свидѣтельница во время не заявила о видѣнномъ и слышанномъ, она отвѣтила такъ: «я за это подарка ни отъ кого не ожидала, такъ для чего же мнѣ было выскакивать и кричать?!»

Жительница м. Сачхеры, Наталія Тушишвили, видѣла проѣзжавшихъ по улицѣ этого мѣстечка евреевъ съ переметною сумкою. Сначала свидѣтельница услышала крикъ козла, а затѣмъ совсѣмъ другіе звуки, раздававшіеся изъ другой половины сумки. Еврей, при которомъ была эта сумка, сидѣлъ на лошади такъ, какъ обыкновенно ѣздятъ верхомъ дамы, при чемъ всѣмъ своимъ корпусомъ повалился на ту сторону сумки, изъ которой исходили подозрительные крики; «говоря по совѣсти, это былъ человѣческій голосъ, голосъ ребенка». Евреи ужасно торопились и кричали другъ другу «скорѣе, скорѣе!» при чемъ разъ десять оборачивались назадъ, когда проѣзжали мимо зданія суда.

Кесарія Чарквіани также слышалъ этотъ крикъ, — такой крикъ ребенка, какъ будто ротъ этого ребенка былъ чѣмъ-то заложенъ. Когда раздался этотъ крикъ, то одинъ изъ всадниковъ сильно ударилъ козла, находившагося во второй половинѣ сумки, и заставилъ его тѣмъ кричать и заглушить дѣтскій крикъ. Евреи ѣхали съ встревоженными лицами, крича своему товарищу: «Исханъ, поѣзжай скорѣе!»

Произведеннымъ по поводу исчезновенія Сарры Модебадзе «негласнымъ» полицейскимъ дознаніемъ обнаружено было, что эти семь человѣкъ всадниковъ были ни кто иные, какъ Сачхерскіе мѣщане: Исхакъ Мордоховъ, Бичія Шамуелевъ, Шамуель Ароновъ и Мордахъ Исхаковъ Хундішавили и Исхакъ, Моша и Яковъ Абрамовы Цвеніашвили, которые и преданы

были суду по обвиненію въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе. Ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ эти подсудимые почему-то не пожелали указать тѣхъ лицъ, у которыхъ они купили козла, гусей и куръ, если только послѣднія дѣйствительно были съ ними. Но за то относительно покупки гуся (а не гусей) мы имѣемъ довольно подробное показаніе свидѣтельницы Наталіи Капуришвили, живущей въ 6 верстахъ отъ м. Сачхеры, которое мы приводимъ буквально: «Я стояла у своего дома (гдѣ именно — также не выяснено судомъ), когда по дорогѣ (Садаеглихевской?) проѣзжали евреи; поровнявшись съ моимъ домомъ, они закричали мнѣ: «нѣтъ ли у васъ гусей? У меня былъ одинъ только продажный гусь, котораго я и вывела (куда? на дорогу?) и оцѣнила въ рубль. Еврей предложилъ мнѣ за него 40 коп. Нужно сказать, что остальные евреи оставались на дорогѣ; и вотъ, когда товарищъ ихъ предложилъ мнѣ за гуся 40 к., то другіе евреи сказали ему: «отдай ей 80 коп. и иди скорѣе: намъ нужно поспѣшить, у насъ есть свое дѣло». Я видѣла, что въ одной половинѣ переметной сумки козелъ, въ другой же видно было что-то большее, чѣмъ козелъ, но что именно, я право не знаю. Евреи заплатили мнѣ 80 коп. за гуся и всѣ вмѣстѣ поѣхали дальше. Къ остальнымъ тремъ евреямъ, стоявшимъ на дорогѣ поодаль отъ меня, я не подходила. Но должна замѣтить, что никогда ни отъ кого не слыхала и сама не видала, чтобы козла возили въ переметной сумкѣ: козловъ обыкновенно возятъ у насъ привязанными къ сѣдлу верховой лошади».

Выставленные обвиняемыми свидѣтели Сачхерскіе мѣщане, Моша и Исхакъ Тетровшвили, на предварительномъ слѣдствіи показали, что подсудимые везли съ собою въ одной половинѣ сумки козла, а въ другой

деревянныя тарелки, архалукъ и горшокъ; на судѣ же эти свидѣтели показали иначе: въ другой половинѣ сумки была лоби (мѣстная большая рыба).

И такъ, десять человѣкъ слышатъ дѣтскій крикъ, раздающійся изъ среды проѣзжавшихъ по Садзаглихевской дорогѣ поименованныхъ выше Сачхерскихъ мѣщанъ; слышатъ этотъ крикъ на протяженіи 15 в., отъ злополучнаго мостика до самаго м. Сачхеры. Всѣ эти свидѣтели, ссылались на святость принятой ими присяги, слово въ слово, какъ одинъ, утверждаютъ, что то былъ крикъ ребенка, а не козла или гусей; что, желая заглушить эти крики, всадники дергали за уши имѣвшагося при нихъ козла, били послѣдняго ногайкой и тѣмъ заставляли его кричать. Всѣ эти свидѣтели утверждаютъ, что видѣли только козла, который помѣщался въ одной половинѣ переметной сумки, между тѣмъ какъ въ другой половинѣ было что-то такое живое, гораздо больше козла, которое постоянно шевелилось. Всѣ эти свидѣтели наконецъ утверждаютъ, что ни гусей, ни тѣмъ паче куръ они не видѣли и не слышали ихъ звуковъ. Неужели же всѣ эти свидѣтели лгутъ на судѣ или, выражаясь языкомъ нашего уложенія о наказаніяхъ, подъ присягою даютъ завѣдомо ложныя показанія? Едва ли можно предположить подобное, потому что всѣ они лично не были заинтересованы въ такомъ или иномъ исходѣ этого процесса, и стало быть свидѣтельствовали совершенно безпристрастно. Но если даже предположить, что всѣ эти свидѣтели завѣдомо лгали на судѣ противъ всѣхъ подсудимыхъ, то почему же послѣдніе явно не изобличили ихъ во лжи? Вѣдь это чрезвычайно легко можно было бы сдѣлать имъ: стоило только указать тѣхъ лицъ, у которыхъ они пріобрѣли козла, гусей и куръ; сказать, что козла купили тамъ-то, за

столько-то, для того-то, гусей у такой-то крестьянки, куръ у другой; что все это они на самомъ дѣлѣ везли съ собою, купили для себя къ празднику пасхи и т. д. Ничего этого они не сдѣлали и даже ничего не возразили противъ показанія Наталіи Капуришвили, засвидѣтельствовавшей на судѣ, что подсудимые купили у нея одного гуся и при томъ въ 6 верстахъ отъ Сачхеры. Наконецъ, на заявленіе нѣкоторыхъ свидѣтелей о томъ, что подсудимые, проѣзжая чрезъ базаръ въ м. Сачхеры, круто повернули въ глухой переулокъ, тогда какъ имъ гораздо ближе было ѣхать домой по прямой линіи пересѣченія базара, они объяснили на предварительномъ слѣдствіи, что сдѣлали это единственно въ виду того, что имъ совѣстно (sic!) было проѣзжать чрезъ базаръ съ гусями и курами. Скажите, какая щепетильность у торговцевъ, занимающихся покупкою и перепродажею того же живья! На судѣ они «краснорѣчиво» молчали; молчали не только эти семь подсудимыхъ, но и двое ихъ товарищей, обвинявшихся въ сокрытіи слѣдовъ преступленія, мѣщане Моша Еловъ Цаціашвили и Михаилъ Абрамовъ Еликшивили, молчали тогда, когда двое братьевъ Церетели свидѣтельствовали противъ нихъ, косвенно уличая въ томъ, что они отвезли трупъ Сарры Модебадзе и подбросили его у каменной ограды Нико Дорбандзе. Вотъ что показали на судѣ эти два брата, Григорій и Иванъ Церетели: утромъ 6 апрѣля, на зарѣ, возвращаясь изъ Бжевани въ Перевиси, въ 6 верстахъ отъ Сачхеры они встрѣтили двухъ всадниковъ, ѣхавшихъ изъ селенія Перевиси; въ одномъ изъ нихъ Григорій Церетели узналъ Мошу Цаціашвили и сказалъ ему: «Здравствуй, Моша!» но тотъ ничего не отвѣтилъ, и послѣ этого всадники быстро погнали своихъ лошадей, тогда какъ до этой встрѣчи они ѣхали довольно

тихо; у другаго всадника, оказавшагося Михаиломъ Еликшивили, была пустая переметная сумка, гораздо больше тѣхъ, какія имѣются на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Вслѣдствіе этого оба эти Сачхерскіе мѣщане, Цаціашвили и Еликшивили, привлечены были къ суду какъ укрыватели слѣдовъ совершившагося преступленія. Ни въ камерѣ слѣдователя, ни на судѣ они не пожелали указать примѣты тѣхъ лошадей, на которыхъ они ѣхали, а отдѣлались только голословнымъ отрицаніемъ факта этой встрѣчи, мотивируя нежеланіе свое указать примѣты лошадей тѣмъ, что «обвиненіе взведено на нихъ ложно». Странно, очень даже странно! Меня обвиняютъ въ такомъ преступленіи, за которое я могу прогуляться если не въ каторгу, то, по меньшей мѣрѣ, въ «мѣста отдаленныя», и, не смотря на это, я, вполнѣ чувствуя себя невиновнымъ во взводимомъ на меня преступленіи, буду молчать и не приводить никакихъ данныхъ въ доказательство своей невинности! Противъ меня имѣется улика въ лицѣ двухъ свидѣтелей, утверждающихъ подъ присягою, что встрѣтили меня ѣдущимъ верхомъ на лошади тогда-то и въ такое то время, и я не только не доказываю своего alibi, что въ это время я ѣхать не могъ, потому что былъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ меня видѣли такіе-то и такіе-то люди, но и «не желаю указать примѣтъ той лошади потому только, что обвиненіе взведено на меня ложно». Докажиже, что оно ложно! скажутъ мнѣ; докажи, что ты не ѣхалъ въ тотъ день, какъ свидѣтельствуютъ о томъ знающіе тебя, а потомъ и говори, что никакихъ примѣтъ этой лошади ты не только «не желаешь», но и «неможешь» указать уже по одному тому, что ты никуда не ѣздилъ. Не такъ-ли, господа?

*

Это «нежеланіе указать примѣты лошадей» представляется ни чѣмъ инымъ, какъ «косвенною» уликою противъ этихъ подсудимыхъ. Если-бы они указали эти примѣты, то по нимъ легко можно было бы отыскать и лошадей, а отыскавши послѣднихъ, можно было бы примѣрить копыта ихъ къ тому слѣду, который велъ отъ Дорбаидзской дороги до самаго того мѣста, гдѣ найденъ былъ трупъ Сарры, и въ такомъ случаѣ противъ нихъ имѣлась-бы еще одна, болѣе сильная улика. Относительно того, что Сарра была дѣйствительно похищена и умерщвлена, слѣдствіемъ добыты еще слѣдующія данныя.

1) Свидѣтель Іосифъ Якобишвили проходилъ какъ-то около Сачхерской синагоги, гдѣ стояла толпа евреевъ; изъ любопытства онъ остановился и сталъ прислушиваться къ разговору; въ это время къ толпѣ подошелъ мальчикъ-еврей и спросилъ: «Что вы съ этимъ ребенкомъ сдѣлали? взяли, что-ли, его?» Вмѣсто отвѣта одинъ изъ евреевъ, знакомый свидѣтеля, Илія Хундіашвили, такъ сильно ударилъ мальчика, что тотъ упалъ. Тогда къ толпѣ подошелъ другой еврей и спросилъ: «За что вы его бьете?» На что евреи ему отвѣтили: «Ты хомуръ! стоитъ нашему старшинѣ написать письмо, какъ онъ вмигъ явится сюда». Свидѣтель отправился дальше и у одного дома услышалъ слѣдующій разговоръ. Какой-то еврей стучалъ въ окно и говорилъ: «вѣдь у насъ сборище, отчего же вы не выходите?» послѣ чего изъ этого дома выбѣжала еврейка-старуха и сказала этому еврею. «Я не пущу своего сына; вѣдь онъ не присутствовалъ при томъ, какъ вы мучили ребенка; если вы запутаете его въ это дѣло, то кто-же будетъ кормить семейство?» Этотъ послѣдній разговоръ свидѣтель передалъ судебному слѣдователю, указалъ примѣты этого еврея, по которымъ и

нашли его. Онъ оказался Нато Цаціашвили, разсыльный при старшинѣ Сачхерскаго еврейскаго общества Показаніе это, замѣтимъ въ скобкахъ, отвергнулъ голословно Нато Цаціашвили.

2) Свидѣтель, полицейскій приставъ, князь Абашидзе заявилъ, что къ нему приходилъ Якобидзе и сообщилъ, что, проходя мимо одной группы Сачхерскихъ евреевъ, онъ слышалъ какъ одинъ еврей спросилъ другаго: «Что-же сдѣлали съ ребенкомъ, котораго замучили?» на что ему отвѣчали, что ребенка уже увезли на мѣсто, о чемъ Якобидзе сообщилъ также и слѣдователю. Это показаніе вполнѣ подтвердилъ свидѣтель Якобидзе.

Далѣе идетъ показаніе прислуги князя Сико Церетели (предводителя дворянства): Баона Якобидзе, Датія Оміадзе и Шаврисахара Георгіева—о томъ, какъ во дворъ князя вбѣжалъ еврей Еликшивили, настоятельно требуя допустить его къ нему. Вотъ что объяснили на судѣ эти свидѣтели: во дворъ барина вбѣжалъ Еликшивили (когда именно — неизвѣстно) и взволнованнымъ голосомъ сталъ говорить имъ: «покажите мнѣ князя! Наша вѣра замучила вашу вѣру». Тотчасъ-же сбѣжались евреи, окружили его, подняли на руки и потащили къ рѣкѣ. Въ это время, онъ кричалъ этимъ евреямъ: «ваша религія свинская; отстаньте отъ меня!» Еликшивили въ это время не былъ пьянъ, отъ него виннымъ запахомъ не несло,—стоялъ на ногахъ крѣпко, но былъ видимо взволнованъ. Свидѣтель еврей Душіашвили показалъ, что у рѣчки между евреями произошла страшная драка, послѣ чего Еликшивили заперли въ комнату, гдѣ онъ бился, вырывался оттуда и, держа въ рукѣ деревянный подносъ, кричалъ: «пустите меня! я перебью всѣхъ евреевъ!» Въ

это время онъ былъ сильно пьянъ, почему свидѣтель и связалъ его.

Не напоили-ли его евреи послѣ того, какъ утащили со двора Церетели?

Еликшивили остался не допрошеннымъ на судѣ.

Не лишнимъ считаемъ упомянуть еще о показаніи свидѣтеля Виктора Юркевича: «проходя чрезъ базаръ въ м. Сачхеры, я увидѣлъ двухъ евреевъ»,—говоритъ свидѣтель, между которыми происходилъ слѣдующій разговоръ: «Моша, какъ идетъ наше дѣло?»—«Я спрашивалъ Давида»,—отвѣчаетъ Моша,—«и мнѣ сказали, что за дѣло примутся серьезно, и если мы не постараемся, то вина наша будетъ доказана». Замѣтивъ свидѣтеля, они перемѣнили тему разговора.

А вотъ еще интересное въ своемъ родѣ показаніе потерпѣвшаго отца Сарры, Іосифа Модебадзе, характеризующее замашки мѣстныхъ «аблокатовъ». Когда 6 апрѣля свидѣтель отправился въ м. Сачхеры съ цѣлью заявить приставу объ исчезновеніи своей дочери, на улицѣ встрѣтился съ мѣстнымъ адвокатомъ Іосифомъ Микадзе, который обратился къ свидѣтелю съ такою рѣчью: «вотъ, ребенокъ твой пропалъ,—ну и пропалъ; воскресить его нельзя; такъ я постараюсь заставить евреевъ удовлетворить тебя по твоему желанію, сколько хочешь, но только не затѣвай дѣла». На это свидѣтель отвѣтилъ, что уже поздно входить въ какія бы то ни было сдѣлки, такъ какъ заявленіе уже подано.

Не этотъ ли самый «аблокатъ» и настрочилъ отцу гражданскій актъ въ тысячу рублей, какъ удовлетвореніе за убитую дочь-работницу? По крайней мѣрѣ самъ онъ не могъ составить такого иска, какъ человѣкъ «темный», а въ такомъ случаѣ зарядъ г. Александрова, направленный противъ этого отца, совер-

шенно неумѣстенъ. Неужели этого отца можно сравнить съ Іудою Искаріотскимъ, какъ изволилъ это сдѣлать г. Александровъ, не постыдившійся наглумиться надъ скорбію крестьянина-отца,—неужели, говоримъ, этого отца позволительно сравнивать съ Іудою Искаріотскимъ, изъ за того только, что какой нибудь «аблокатъ» убѣдилъ его, что если онъ желаетъ, онъ можетъ получить тысячу рублей, какъ виру за убійство его дочери?!

Предоставляемъ теперь читателямъ судить о томъ: кто же виноватъ въ похищеніи и умерщвленіи Сарры? Основываясь на всѣхъ тѣхъ данныхъ, какія извлечены нами изъ актовъ судебнаго слѣдствія, мы приходимъ къ внутреннему, по совѣсти, убѣжденію, что виновными были подсудимые, привлеченные къ суду но оправданные. Какъ ни замѣчательна была въ ораторскомъ отношеніи, сама по себѣ, рѣчь г. Александрова, но она не дышала тѣмъ чувствомъ, тою силою которая дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, и въ силу которой невольно вполнѣ соглашаешься съ доводами оратора. Рѣчь г. Александрова не была убѣдительна. И въ самомъ дѣлѣ, если внимательно прочесть сначала весь процессъ, а затѣмъ рѣчь г. Александрова, внимательно прослѣдить ходъ судебнаго слѣдствія, сопоставить одно съ другимъ массу свидѣтельскихъ показаній, связать ихъ во едино цѣлое и затѣмъ измѣрить ихъ критическою мѣркою г. Александрова, то послѣдняя окажется черезчуръ короткою. По мнѣнію защиты, смерть Сарры могла послѣдовать только отъ изнуренія и голода: она заблудилась въ лѣсу, добрела до селенія Дорбаидзе, гдѣ отъ усталости упала у забора и затѣмъ «волею Божію помре» отъ голода. Но, разсуждая такъ, г. Александровъ умышленно упускаетъ изъ вида три серьезныя и

существенныя обстоятельства: 1) тотъ фактъ, что на трупѣ Сарры платье и рубаха оказались разорванными и завязанными внизу узломъ; 2) показанія понятыхъ и свидѣтелей до 30 человѣкъ, въ томъ числѣ и двухъ мальчиковъ—Арджевака Царцидзе и Сачино Дорбаидзе, нашедшихъ 6 апрѣля трупъ дѣвочки,—показанія, удостовѣряющія тотъ фактъ, что 5 апрѣля, вечеромъ, у забора Нико Дорбандзе, гдѣ оказался трупъ, ничего не было: свидѣтели осмотрѣли наканунѣ всѣ кустики и лощины у этого забора и ничего не видѣли; если бы трупъ тогда былъ въ этомъ мѣстѣ, то они его увидѣли бы, такъ какъ мѣстность эта открытая, и 3) показанія тѣхъ же свидѣтелей и полицейскаго пристава о томъ, что къ трупу велъ слѣдъ по вспаханной землѣ со стороны Дорбаидзской дороги,—слѣдъ двухъ лошадей, что слѣдъ этотъ былъ свѣжій, послѣ дождя.

Мы не упоминали еще о рѣчи г. Куперника, звѣзды московской адвокатуры. Онъ то же развивалъ мысль своего товарища относительно фактической стороны дѣла и, въ концѣ концовъ, разсказалъ цѣлую исторію возникновенія среди христіанъ «предразсудка» объ употребленіи евреями христіанской крови.

Мы кончили. Намъ возразятъ пожалуй, что мы написали не анализъ Кутаисскаго процесса, а цѣлый обвинительный актъ. Но чтожъ дѣлать, когда таковы факты! Мы съ удовольствіемъ привели бы цѣлую массу данныхъ въ пользу подсудимыхъ, если бы только они были; но ихъ нѣтъ, и намъ по неволѣ приходилось говорить только о фактахъ, показывающихъ противъ подсудимыхъ. Вѣдь не виноваты же мы въ томъ, что всѣ подсудимые почему-то не пожелали сами опровергнуть обвиненіе, взведенное противъ нихъ, а свалили это на своихъ защитниковъ! Вѣдь во все время судебнаго слѣдствія они сами не пожелали сказать ни

единаго слова въ свое оправданіе! Не служитъ ли и это имъ косвенною уликою? Не потому ли они молчатъ или имъ посовѣтовали молчать, что въ противномъ случаѣ они запутаются и сами себя выдадутъ?

— Но если вы говорите, что Сарру Модебадзе похитили и умертвили подсудимые, то укажите намъ цѣль этого преступленія? скажутъ защитники.

— Цѣли, господа, мы не знаемъ, такъ какъ ея не раскрыло ни предварительное, ни судебное слѣдствіе. Да мало-ли какая могла быть цѣль у подсудимыхъ?! Выдумывать эту цѣль мы не можемъ и не желаемъ; точно также не можемъ и не желаемъ предполагать ее, такъ какъ для этого не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы послужить намъ матеріаломъ. Авось цѣль эта откроется въ будущемъ, когда дѣло будетъ вновь разбираться на этотъ разъ уже въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ. Тифлисская судебная палата признала протестъ прокурора уважительнымъ и рѣшила передать дѣло объ умерщвленіи Сарры Модебадзе на разсмотрѣніе другаго суда. Теперь мы бросимъ взглядъ на судебно-медицинское освидѣтельствованіи трупа.

О судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи трупа Сарры Модебадзе.

Еще одинъ непростительный промахъ со стороны судебнаго слѣдователя, благодаря которому количество нераскрытыхъ преступленій, быть можетъ, повысится у насъ еще на одинъ градусъ.

Какъ уже извѣстно, трупъ Сарры Модебадзе найденъ былъ 6-го апрѣля, при чемъ лицами, нашедшими его, было удостовѣрено слѣдующее: трупъ и

платье дѣвочки были сухи; платье и рубаха вдоль передней части всего тѣла были разорваны, и наконецъ, на указательныхъ пальцахъ обѣихъ рукъ ея были двѣ большія раны. Послѣ этого немедленно, какъ водится, заявлено было сначала полиціи, а затѣмъ и судебному слѣдователю. Къ сожалѣнію, изъ обвинительнаго акта не видно, когда именно прибылъ судебный слѣдователь на мѣсто совершенія преступленія [1]), но за то мы знаемъ, что судебно-медицинское освидѣтельствованіе трупа произведено было лишь только 27-го апрѣля, т. е. спустя двадцать два дня по смерти ея [2]). Мы не станемъ доискиваться, въ силу чего такъ поздно приступлено было къ судебно-медицинскому акту осмотра; но мы вправѣ были ожидать отъ г. Берно, Шаропанскаго уѣзднаго врача, строго-научныхъ данныхъ для разрѣшенія чрезвычайно важнаго вопроса о томъ, отъ чего именно послѣдовала смерть дѣвочки-христіанки Сарры Модебадзе. И такъ, къ какимъ же научнымъ выводамъ пришелъ г. Берно? Другими словами: чѣмъ помогъ г. Берно судебному слѣдователю въ дѣлѣ раскрытія истины по столь важному и рѣдкому въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ дѣлу? Прочтя письменное мнѣніе г. Берно, составленное по всѣмъ правиламъ устава медицинской полиціи, на постановленный выше вопросъ, намъ остается только отвѣтить письменно же двумя знаками: вопросительнымъ и восклицательнымъ.

---

[1]) Не смотря на категорическое заявленіе врача г. Берно о томъ, что смерть Сарры Модебадзе послѣдовала отъ несчастнаго случая утопленія, мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что тутъ можетъ быть рѣчь только о преступленіи.

[2]) Ни въ одномъ изъ нашихъ, самыхъ полныхъ календарей мы не могли узнать какъ велико разстояніе г. Шаропани отъ м. Сачхеры, а потому и не можемъ разрѣшить вопроса о томъ, имѣлъ ли г. Берно физическую возможность прибыть на мѣсто нахожденія трупа ранѣе 27-го апрѣля.

И въ самомъ дѣлѣ: что изрекъ намъ закавказскій эскулапъ? Изрекъ онъ слѣдующую непреложную, по его мнѣнію, истину: раны, замѣченныя на рукахъ трупа, имѣютъ видъ рвано-укушенныхъ, съ неровными ушибленными безкровными краями, какъ будто нанесенныхъ какимъ-либо рвущимъ оружіемъ; раны эти причинены послѣ смерти и произошли отъ нападенія на трупъ мелкихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. Коротко и... неясно... Кто же, по мнѣнію г. Берно, разорвалъ платье и рубаху этой дѣвочки вдоль передней части всего тѣла? Тѣ же мелкіе звѣри и хищныя птицы!? Но объ этомъ г. Берно умолчалъ; должно быть, ему неизвѣстенъ былъ фактъ, и онъ вовсе не видѣлъ ни рубашки, ни платья Сарры Модебадзе въ то время, когда приступалъ къ освидѣтельствованію трупа ея. А если это было дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ, то и самое освидѣтельствованіе произведено было неправильно: согласно правиламъ судебной медицины, врачъ долженъ приступить къ акту освидѣтельствованія трупа не иначе, какъ съ сохраненіемъ того вида и положенія, въ какомъ онъ былъ впервые найденъ: Объ этомъ должны бы позаботиться судебный слѣдователь и полиція. Послѣ наружнаго освидѣтельствованія трупа Сарры Модебадзе, г. Берно слѣдовало бы остановиться, спасовать и заявить, что такое дѣло ему не подъ силу, или что нибудь въ этомъ родѣ. Но нашъ закавказскій эскулапъ до того вошелъ въ роль Загорѣцкаго, что, при дачѣ такого своего мнѣнія, относительно происхожденія ранъ, и глазомъ не моргнулъ и продолжалъ дальнѣйшія свои открытія. По вскрытіи трупа, г. Берно далъ слѣдующее заключеніе о причинѣ смерти ея: смерть произошла отъ несчастнаго случая утопленія

во время проливнаго дождя!!! Не понимаемъ: какъ судебный слѣдователь, присутствовавшій при этомъ вскрытіи, допустилъ г. Берно такъ ясно, безъ зазрѣнія совѣсти, морочить правосудіе! Или г. Берно, давая такое заключеніе, разсчитывалъ на полное невѣжество слѣдователя, на полнѣйшее незнакомство его съ самыми элементарными пріемами судебной медицины, обязательно однако извѣстной всякому юристу, слушавшему курсъ юридическаго факультета. «Смерть произошла отъ утопленія во время проливнаго дождя!» Какъ вамъ это нравится? Разъ, придя къ такому заключенію, г. Берно блистательно разрѣшилъ и вопросъ о той причинѣ, отъ которой произошли на трупѣ раны: онѣ произошли, по мнѣнію г. Берно, послѣ смерти, отъ укушенія мелкими звѣрями и хищными птицами. Иного мнѣнія, относительно происхожденія этихъ ранъ, г. Берно и дать не могъ, такъ какъ смерть Сарры Модебадзе послѣдовала не отъ насилія, а отъ проливнаго дождя, утопившаго дѣвочку. И такъ, одна только кавказская природа повинна въ смерти несчастной дѣвочки,—стихія. Конечно, самое лучшее свалить всю вину на стихію. Но люди, жившіе на Кавказѣ, говорятъ, что въ этомъ краѣ до сихъ поръ не бывало такихъ дождей, чтобы взрослый ребенокъ, будучи застигнутъ ливнемъ, могъ утонуть; это, говорятъ они, неслыханное дѣло. И дѣйствительно, если бы подобный случай когда нибудь произошелъ на самомъ дѣлѣ, то мы непремѣнно узнали бы о немъ: наша печать позаботилась бы передать такой необычайный фактъ. Но мы не знаемъ его, ergo, заявленіе г. Берно о томъ, что Сарра Модебадзе утонула во время проливнаго дождя, ни больше, ни меньше, какъ сказка, собственнаго его, г. Берно, сочиненія. Въ этомъ

убѣждаютъ насъ и акты полицейскаго дознанія, произведеннаго еще за долго до этого пресловутаго вскрытія и судебно-медицинскаго освидѣтельствованія трупа Сарры Модебадзе. Дознаніемъ выяснено, что въ день исчезновенія этой дѣвочки никакого дождя не было и что трупъ ея и платье, бывшее на ней въ моментъ нахожденія, не носили на себѣ признаковъ утопленія и были совершенно сухи. Этого обстоятельства не могъ не знать г. Берно, такъ какъ, въ силу 341 ст. Уст. угол. судопр., судебный слѣдователь долженъ былъ сообщить ему свѣдѣнія, добытыя имъ до прибытія врача, относительно фактической стороны дѣла.

Какъ бы то ни было, г. судебный слѣдователь поколебался основаться на заключеніи г. Берно, такъ какъ оно шло въ полнѣйшій разрѣзъ съ данными, извлеченными полицейскимъ дознаніемъ. Вѣроятно, слѣдователь вспомнилъ о 345 статьѣ угол. судопр., гласящей, что, «въ случаѣ противорѣчія заключенія врача съ обстоятельствами дѣла, или сомнѣнія въ правильности истолкованія найденныхъ признаковъ и т. д., судебный слѣдователь ходатайствуетъ о назначеніи переосвидѣтельствованія. И вотъ, благодаря такому ходатайству, 16-го мая произведено было новое освидѣтельствованіе похороненнаго уже трупа Сарры Модебадзе губернскимъ врачемъ, г. Голубинскимъ. Переосвидѣтельствованіе это, какъ и слѣдовало ожидать, не дало намъ ничего новаго къ разъясненію дѣла, кромѣ отрицанія доводовъ Шаропанскаго уѣзднаго врача. Г. Голубинскій нашелъ, что признаки утопленія, изложенные въ актѣ г. Берно, недостаточны и что смерть Сарры Модебадзе могла послѣдовать только отъ задушенія. Послѣднее обстоятельство представляется чрезвычайно важнымъ и заслуживающимъ полнаго

вниманія: г. Голубинскій свидѣтельствовалъ трупъ на девятнадцатый день послѣ перваго судебно-медицинскаго вскрытія, или, спустя сорокъ два дня по смерти Сарры Модебадзе, и, не смотря на сильную степень разложенія свидѣтельствуемаго трупа, далъ намъ болѣе правдоподобное заключеніе, вполнѣ согласное съ добытыми путемъ полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія фактическими данными, тогда какъ г. Берно..... Но о дѣятельности его достаточно уже сказано.

Общее собраніе присутствія Закавказскаго медицинскаго управленія, выслушавъ письменныя заключенія гг. Берно и Голубинскаго, «мнѣніемъ своимъ положило»: смерть Сарры Модебадзе послѣдовала отъ воспрепятствованія доступа воздуха къ легкимъ, при чемъ, по недостаточности данныхъ, имѣющихся въ актѣ судебно-медицинскаго вскрытія трупа, оно, присутствіе, не можетъ опредѣлить: отъ чего именно произошла смерть,—отъ задушенія или утопленія.

И такъ медики не дали намъ никакого опредѣленнаго отвѣта на вопросы о причинѣ смерти Сарры Модебадзе. Мы не станемъ вызывать г. Берно на судъ общественный. Предоставимъ это дѣло господамъ медикамъ: пусть они уличатъ своего собрата или въ невѣдѣніи основныхъ законовъ судебной медицины, или въ умышленномъ сокрытіи извѣстныхъ ему слѣдовъ и признаковъ преступленія. Что бы ни говорили, а г. Берно виноватъ; онъ, одинъ только онъ, какъ врачъ, главный виновникъ тому, что преступленіе осталось не раскрытымъ съ медицинской точки зрѣнія. А раскрыть его было чрезвычайно важно какъ для насъ, христіанъ, такъ и для евреевъ, обвиняющихъ насъ въ умышленномъ извѣтѣ, что будто бы они употребляютъ христіанскую кровь.

Нельзя оправдать вполнѣ также и судебнаго слѣдователя, во власти котораго было позаботиться о томъ, чтобы судебно-медицинское освидѣтельствованіе трупа произведено было тотчасъ же послѣ его нахожденія. Если Шаропанскій уѣздный врачъ не могъ съ надлежащею скоростью прибыть на мѣсто, то слѣдователь долженъ былъ бы пригласить другаго, хотя бы вольнопрактикующаго врача. Мало того, такъ какъ данный случай можетъ быть отнесенъ къ категоріи «важныхъ», то слѣдователь обязанъ былъ не довольствоваться присутствіемъ одного только г. Берно, а пригласить еще другаго. Другими словами: онъ обязанъ былъ въ данномъ случаѣ руководствоваться правиломъ, изложеннымъ въ 338 ст. Уст. угол. судопр. «Въ важныхъ случаяхъ судебный слѣдователь можетъ пригласить къ освидѣтельствованію мертваго тѣла не одного, а нѣсколько врачей»... Авось тогда г. Берно не рѣшился-бы сказать, что смерть Сарры Модебадзе произошла «отъ утопленія во время проливнаго дождя», и мы бы знали дѣйствительную причину смерти этой несчастной дѣвочки. Или у насъ на Кавказѣ до того поизвелись врачи, что ихъ среди бѣлаго дня и со свѣчкой не сыщешь? Едва-ли это спроведливо

Далѣе: слѣдователь не обратилъ должнаго вниманія на одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно: платье и рубашка вдоль передней части тѣла Сарры оказались разорванными. Присутствуя при вскрытіи трупа, слѣдователь долженъ былъ бы обратить вниманіе врача на это обстоятельство, предъявить ему платье и рубашку и спросить его мнѣнія относительно причины такого явленія. Этого сдѣлано не было, и вопросъ о томъ: кто разорвалъ платье и рубашку, бывшія на тѣлѣ Сарры въ моментъ ея нахожденія, остался не разрѣшеннымъ.

Послѣ всего этого невольно подумаешь: для чего-же слѣдователь присутствуетъ при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ отъ преступленія? [1]) Неужели для того только, чтобы соблюсти одну формальность? Не это имѣлъ въ виду законодатель, а нѣчто другое: слѣдователь долженъ контролировать дѣйствія врача, умѣть отличить ложь отъ истины. Имѣетъ ли онъ возможность сдѣлать это? На этотъ вопросъ можно отвѣчать и утвердительно и отрицательно, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на дѣло. Коль скоро законодательство наше постановило, что должности судебныхъ слѣдователей замѣщаются не иначе, какъ только лицами, получившими высшее юридическое образованіе, то слѣдователь долженъ быть знакомъ и теоретически и практически съ наукою судебной медицины, которая входитъ въ кругъ предметовъ юридическаго курса, ergo, контроль со стороны судебнаго слѣдователя за дѣйствіями врача возможенъ. Такъ разрѣшается вопросъ въ принципѣ. Но на практикѣ оказывается, что судебная медицина, для судебнаго слѣдователя такая-же мудреная и непонятная вещь, какъ китайская грамота. Не смотря на то, что судебная медицина читается на юридическомъ факультетѣ во всѣхъ нашихъ университетахъ, мы не можемъ назвать ни одного слѣдователя, который-бы былъ знакомъ съ нею на столько, на сколько онъ знакомъ съ уголовнымъ правомъ. А между тѣмъ преподаваніе этой чрезвычайно важной для юриста науки у насъ поставлено въ довольно благо-

[1]) Изъ правила, въ силу котораго слѣдователь обязанъ присутствовать при освидѣтельствованіи, имѣется только одно исключеніе: онъ не присутствуетъ только при такомъ освидѣтельствованіи женщинъ, «которое сопровождается обнаженіемъ скрытыхъ частей тѣла, если свидѣтельствуемыя потребуютъ, чтобы онъ при этомъ не находился» (ст. 351 уст. угол. судопр.).

пріятныя условія. Такъ въ Петербургскомъ университетѣ ее читаетъ извѣстный профессоръ Сорокинъ въ теченіе двухъ лѣтъ по двѣ лекціи въ недѣлю; читаетъ прекрасно, при чемъ разнообразитъ свои лекціи практическими занятіями надъ трупами. Но студенты неохотно посѣщаютъ лекціи: аудиторія зачастую бываетъ если не совсѣмъ пуста, то очень немноголюдна. Когда же наступаетъ время экзаменовъ, когда студентъ долженъ дать отчетъ о томъ, что онъ вынесъ изъ аудиторіи въ теченіе двухъ лѣтъ, то на сцену являются литографированныя записки, неизвѣстно кѣмъ составленныя десять лѣтъ тому назадъ, и идетъ торопливое «пробѣганіе» ихъ. Записки эти передаются по праву преемства отъ одного курса къ другому и состоятъ изъ двѣнадцати печатныхъ листовъ. Кромѣ анекдотовъ, курьезовъ вы ничего не найдете въ нихъ. Нѣкоторые же студенты предпочитаютъ даже совсѣмъ не читать и этихъ записокъ и идутъ на экзаменъ, ровно ничего не зная. При этомъ они разсчитываютъ на то, что профессоръ, по добротѣ своего сердца, не станетъ ихъ «задерживать на какой нибудь судебной медицинѣ и въ виду того, что по всѣмъ другимъ наукамъ ими уже сданъ экзаменъ [1]), онъ «пропуститъ» ихъ.

Чѣмъ можно объяснить такое непонятное отвращеніе нашихъ молодыхъ юристовъ отъ такой, чрезвычайно важной для нихъ и интересной науки, какова судебная медицина? Намъ кажется, что причина такого прискорбнаго явленія кроется въ неподготовленности къ университетскимъ лекціямъ по этой наукѣ молодыхъ людей, поступающихъ на юридическіе факультеты нашихъ университетовъ. Въ послѣдніе, какъ

[1]) Экзаменъ по судебной медицинѣ обыкновенно бываетъ въ заключеніе всѣхъ другихъ, при окончаніи курса; такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлается въ Петербургскомъ университетѣ.

извѣстно, могутъ поступать только лица, окончившія курсъ наукъ въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ съ 1871 года не преподаются естественныя науки: ни ботаники, ни зоологіи, ни минералогіи, ни физіологіи. Предметы эти, чрезвычайно полезные и необходимые для юноши, прошедшаго общеобразовательный курсъ наукъ, почему-то подверглись остракизму, и на ихъ счетъ увеличено было число уроковъ по древнимъ языкамъ. Такимъ образомъ оказывается, что классику неизвѣстны самыя элементарныя свѣдѣнія по этимъ предметамъ, азбука естественныхъ наукъ, безъ которой, понятно, онъ не можетъ приступить къ изученію судебной медицины, такъ какъ послѣдняя основывается на данныхъ, разработанныхъ естественными науками вообще и въ частности, главнымъ образомъ, физіологіей человѣка. Онъ пойдетъ на одну лекцію, двѣ, три, и затѣмъ броситъ посѣщать ихъ, такъ какъ каждое слово, каждая фраза, сказанная профессоромъ, ему непонятны; онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ кровообращеніе человѣка, какъ оно происходитъ; какъ происходитъ въ немъ процессъ питанія; не знаетъ, что такое сухожиліе, артерія, гдѣ онѣ находятся и какую роль играютъ; не знаетъ, наконецъ, общаго сложенія человѣческаго тѣла и т. п. самыхъ обыденныхъ и простыхъ вещей. Не можетъ же профессоръ знакомить своихъ слушателей съ тѣмъ, что проходится въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Начать самому съ азбуки не хочется, да и времени для того не хватитъ: нужно надсаждаться надъ факультетскими предметами, а судебная медицина, какъ предметъ не факультетскій, какъ нибудь сойдетъ. И дѣйствительно сходитъ кое-какъ: при окончаніи курса онъ безъ всякаго экзамена получаетъ тройку.

Такимъ образомъ оказывается, что судебный слѣде-

ватель, de facto, не имѣетъ никакой возможности провѣрять дѣйствія врача. Производится вскрытіе трупа; на тѣлѣ оказываются подтеки; судебный слѣдователь спрашиваетъ свидѣтельствующаго врача, когда нанесены эти побои: при жизни или по смерти свидѣтельствуемаго; врачъ отвѣчаетъ, что въ силу такихъ-то и такихъ-то соображеній, онъ пришелъ къ тому заключенію, что подтеки эти произошли по смерти отъ неосторожнаго обращенія съ трупомъ. И слѣдователь удовлетворенъ такимъ отвѣтомъ, потому что не знаетъ какой именно цвѣтъ должны имѣть подтеки, если они образовались по смерти человѣка отъ неосторожнаго обращенія съ трупомъ, бросанія на полъ или чего нибудь подобнаго; не знаетъ также и того, каковъ въ подобномъ случаѣ долженъ быть составъ той жидкости, которая указываетъ чрезъ кожу мѣсто ушиба и образуетъ собою подтекъ. И вотъ человѣкъ, на самомъ дѣлѣ умершій отъ нанесенныхъ ему при жизни побоевъ, признается умершимъ отъ какого-нибудь несчастнаго случая, отъ холода, апоплексіи и т. д., и возникшее по поводу его загадочной смерти предварительное слѣдствіе прекращается, такъ какъ она была естественная, послѣдовала не отъ преступленія. При подобномъ порядкѣ вещей врачъ всегда можетъ скрыть истину и оставить слѣдователя въ ..... довольно неловкомъ положеніи.

Читателямъ предложенъ былъ разборъ судебнаго слѣдствія по дѣлу о похищеніи Сарры Модебадзе, и они видѣли, что иного приговора, казалось бы, не могло послѣдовать по этому дѣлу, кромѣ обвинительнаго. Чѣмъ же объяснить неожиданный приговоръ, послѣдовавшій въ Кутаисскомъ судѣ? Какъ могъ послѣдовать такой приговоръ при такихъ данныхъ? Чѣмъ могъ судъ мотивировать рѣшеніе, идущее въ

*

прямой разрѣзъ съ данными, которыя представлены были ему присяжными свидѣтелями; и притомъ когда ни одинъ изъ девяти подсудимыхъ не только не отвелъ отъ себя тяготѣвшаго надъ нимъ подозрѣнія, не только не уличилъ во лжи лицъ, свидѣтельствовавшихъ противъ него на судѣ, но и не пожелалъ сказать ни единаго слова въ свое оправданіе? Загадочное рѣшеніе мы объясняемъ себѣ просто тѣмъ, что оно отвѣчало совсѣмъ не на тотъ вопросъ, на который подобало. Вспомните процессъ Вѣры Засуличъ: вѣдь тѣмъ оправдательнымъ вердиктомъ, который вынесли ей присяжные засѣдатели, ни чуть не отвергнутъ былъ тотъ фактъ, что она дѣйствительно стрѣляла въ генерала Трепова и нанесла ему рану; факта этого не могли отрицать присяжные, потому что его признавали и свидѣтели-очевидцы, «видоки», и сама подсудимая, и этотъ фактъ наконецъ прямо вытекалъ самъ собою изъ обстоятельствъ дѣла. Но, не смотря на признаніе дѣйствительности совершившагося факта преступленія, Засуличъ была оправдана,—оправдана потому, что защитникъ ея, тотъ же г. Александровъ, который защищалъ теперь Сачхерскихъ мѣщанъ, ухитрился поставить весь процессъ на другую почву и перемѣнить роли дѣйствующихъ въ немъ лицъ: онъ сдѣлалъ обвиняемымъ генерала Трепова, а потерпѣвшею—г-жу Засуличъ. Такимъ образомъ на судѣ возбуждался и разъяснялся вопросъ не о томъ, чтобы доказать, что Засуличъ сознательно стрѣляла въ генерала Трепова, дѣйствовала, слѣдовательно умышленно, а о томъ, чтобы выяснить: какъ генералъ Треповъ относился къ подчиненнымъ. Другими словами, на судебномъ слѣдствіи больше занимались не фактомъ преступленія, а тѣми побужденіями, которыя его вызвали, чтобы на основаніи этихъ побужде-

ній оправдать поступокъ Засуличъ. Вспомните, наконецъ, и извѣстный Московскій процессъ Вѣнецкой, обвинявшейся въ покушеніи на убійство присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго. Она оправдана также потому, что de facto судили не ее, а Пржевальскаго, не присутствовавшаго даже на судѣ.

Тоже самое повторилось и въ Кутаисскомъ окружномъ судѣ. Оправдательный приговоръ, по нашему мнѣнію, былъ необходимымъ слѣдствіемъ неправильной постановки всего процесса на судѣ: вопросъ въ сущности сводился не къ тому, чтобы разъяснить — доказать или опровергнуть обвиненіе подсудимыхъ въ томъ, что семеро изъ нихъ похитили и умертвили Сарру Модебадзе, а двое остальныхъ скрыли слѣды этого преступленія. Судъ занялся разъясненіемъ другаго, совершенно не идущаго къ дѣлу, вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови, такъ что на скамьѣ подсудимыхъ оказалось цѣлое еврейское племя.

Такъ именно поставленъ былъ этотъ процессъ, благодаря защитѣ, представители которой еще предъ началомъ судебнаго слѣдствія сочли нужнымъ заявить предсѣдателю суда, что защиту подсудимыхъ съ религіозной стороны дѣла беретъ на себя присяжный повѣренный Куперникъ. И вотъ гг. Куперникъ, Кикодзе и Лолуа усердно занимаются на судѣ разъясненіемъ этой «религіозной стороны» дѣла путемъ допроса свидѣтелей-христіанъ, какъ будто эти свидѣтели что-нибудь знаютъ о ней.

Лишь только свидѣтель закончитъ свое объясненіе относительно извѣстныхъ ему по дѣлу фактовъ, какъ защита тотчасъ же старается стушевать картину, нарисованную свидѣтелемъ, ослабить впечатлѣніе, произведенное ею, и начинаетъ допрашивать этого

свидѣтеля о «религіозной сторонѣ» дѣла. Такъ, свидѣтельница Тинія Модебадзе разсказываетъ о томъ, въ какомъ видѣ было на трупѣ платьице и рубаха; г. Кикодзе перебиваетъ ея разсказъ, предлагая ей такіе вопросы.

— Для чего, по вашему мнѣнію, евреи похитили Сарру?

— А я не знаю для какой нужды, отвѣчаетъ свидѣтельница.

— Не говорилъ-ли вамъ кто нибудь, что евреямъ нужна была христіанская кровь и почему они похитили Сарру? и т. д.

Въ другой разъ защитникъ г. Лолуа допрашиваетъ свидѣтельницу Турфу Цхададзе все относительно той же «религіозной стороны».

— Для чего евреи похитили Сарру? Послѣ этого хотѣли продать ее, что-ли?

— Это намъ неизвѣстно.

— Вы не слышали ничего объ употребленіи евреями христіанской крови?

— Слышала.

— Вы слыхали, что они мучатъ христіанскихъ дѣтей?

— Я не знаю; я у евреевъ кухаркой не была, такъ откуда мнѣ знать?!

Такимъ образомъ окружный судъ превращается въ какой-то помѣстный, а то, пожалуй, и вселенскій соборъ, на которомъ рѣшается вопросъ о томъ: дѣйствительно ли евреи употребляютъ христіанскую кровь въ своихъ пасхальныхъ опрѣсноках, и на которомъ представителемъ евреевъ является іерархъ г. Куперникъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ іудейскимъ вѣроученіемъ, талмудомъ и всевозможными толкованіями на него разныхъ чиновъ меламедовъ.

Жаль, что г. Куперникъ не пригласилъ въ судъ этихъ самыхъ меламедовъ въ качествѣ экспертовъ; пожалуй, предсѣдатель суда не отказалъ бы ходатайству защиты въ вызовѣ въ судъ этихъ ученыхъ теологовъ, такъ какъ онъ не только ничего не возразилъ противъ заявленія защиты относительно намѣренія ея защищать подсудимыхъ съ религіозной стороны дѣла, но и позволилъ гг. защитникамъ запутывать и осложнять процессъ совершенно неумѣстными допросами и тѣмъ самымъ нарушать порядокъ, установленный судебными уставами. Противъ такого осложненія процесса, путемъ разъясненія совершенно не идущихъ къ дѣлу обстоятельствъ и даже не вытекающихъ изъ дѣла, протестовалъ прокуроръ, какъ блюститель закона; но на эти протесты предсѣдатель мало обращалъ вниманія. Такъ, напримѣръ, присяжный повѣренный Киходзе позволилъ себѣ предложить свидѣтельницѣ Дурмишидзе такой вопросъ, который вовсе не вытекалъ изъ обстоятельствъ дѣла: послѣ цѣлаго ряда показаній свидѣтелей о томъ, что они слышали крикъ ребенка, раздававшійся изъ среды ѣхавшихъ евреевъ, о томъ же обстоятельствѣ допрашивается и свидѣтельница Дурмишидзе, при чемъ г. Киходзе спрашиваетъ: какой звукъ былъ слышенъ: какъ ребенка, или какъ кошки? Послѣ такого вопроса прокуроръ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

На основаніи рѣшенія угловнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, за 1872 годъ № 998, я прошу судъ дозволить мнѣ сдѣлать слѣдующее заявленіе: Въ виду того, что допросъ всѣхъ главнѣйшихъ свидѣтелей конченъ, я бы, собственно говоря, не имѣлъ сдѣлать заявленіе, но тѣмъ не менѣе я прошу васъ, господинъ предсѣдатель, не найдете ли вы возможнымъ руководить судебнымъ слѣдствіемъ

такъ, чтобы при допросѣ свидѣтелей, не употреблялось никѣмъ, въ томъ числѣ и мною, пріемовъ, не ведущихъ къ разъясненію истины, а только къ запутанности обстоятельствъ дѣла и сбивчивости свидѣтелей.

Предсѣдатель. Я, господинъ прокуроръ, не понялъ (?) вашего заявленія.

Прокуроръ. На основаніи рѣшенія правительствующаго сената, о которомъ я сказалъ, я прошу васъ, господинъ предсѣдатель, не найдете ли вы возможнымъ при допросѣ остальныхъ свидѣтелей руководить судебнымъ слѣдствіемъ и не дозволять никому, въ томъ числѣ и мнѣ, употреблять пріемы, которые ведутъ къ запутанности и сбивчивости показаній свидѣтелей.

Предсѣдатель. Я такъ и слѣдую.

Прокуроръ. Напримѣръ, при допросѣ этой свидѣтельницы, присяжный повѣренный Кикодзе...

Предсѣдатель. При допросѣ каждаго свидѣтеля вы можете дѣлать свои заключенія.

Прокуроръ. Я прошу занести мое заявленіе въ протоколъ,

Такой косвенный отказъ со стороны предсѣдателя на вполнѣ законное заявленіе прокурора трудно чѣмъ нибудь объяснить; въ силу 611 ст. Устава угол. судопроизводства, ходомъ судебнаго слѣдствія управляетъ не прокуроръ, а предсѣдатель, который по этому и обязанъ «наблюдать за порядкомъ объясненій, возраженій и замѣчаній, и устраняя все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу, не допускаетъ ни оскорбительныхъ для чьей бы то ни было личности отзывовъ, ни нарушенія должнаго уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ».

Между тѣмъ предсѣдатель, вопреки приведенной нами статьи закона, и послѣ этого продолжаетъ допу-

свать гг. защитникамъ заниматься разъясненіемъ и того, что «не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу». Такъ, присяжный повѣренный Кикодзе спрашиваетъ свидѣтеля Сино Церетели о томъ: имѣютъ ли евреи обыкновеніе возить съ собою дѣтей, когда ѣздятъ по деревнямъ продавать товаръ? При чемъ-же тутъ этотъ обычай, хотя бы онъ и былъ на самомъ дѣлѣ?! Не думалъ ли г. Кикодзе объяснить фактъ нахожденія ребенка при подсудимыхъ въ то время, когда они проѣзжали по Садзаглихевской дороги, тѣмъ, что хотя этотъ ребенокъ дѣйствительно и былъ, но не Сарра, а собственное дѣтище котораго нибудь изъ его кліентовъ. Жаль, что г. Кикодзе не явился въ судъ въ то время, когда начались пренія, и такимъ образомъ остался безъ рѣчи, а то, пожалуй, онъ что нибудь разсказалъ бы намъ объ этомъ.

Но не только защитники осложняли процессъ массою не идущихъ къ дѣлу разъясненій, но и члены суда, глядя на защитниковъ, считали себя вправѣ дѣлать тоже самое.

Свидѣтель Анасашвили показываетъ, напримѣръ, что козелъ, котораго везли евреи, постоянно кричалъ, и членъ суда спрашиваетъ этого свидѣтеля:

— Васъ сердило, что козелъ кричалъ?

— Чего-жъ мнѣ сердиться! Мнѣ какое дѣло до того, что тамъ кричитъ какой нибудь козелъ.

Присяжный повѣренный Александровъ, опираясь должно быть на свой авторитетъ, позволилъ себѣ даже дѣлать колкія замѣчанія свидѣтелямъ, на что онъ, конечно, не имѣлъ никакого права. Вспомните только содержаніе извѣстнаго уже вамъ обвинительнаго акта; въ одномъ мѣстѣ его говорилось о томъ, какъ одинъ изъ подсудимыхъ, Моша Цаціашвили, пришелъ къ свидѣтелю Басилѣ Комушадзе, прося

его погадать, благополучно-ли кончится его «дѣло». Этотъ свидѣтель допрошенъ былъ на судѣ, гдѣ и заявилъ, что онъ дѣйствительно въ молодыхъ лѣтахъ занимался гаданьемъ, но уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ эту профессію. Вотъ этому-то свидѣтелю г. Александровъ и замѣтилъ язвительно: «а теперь вы не можете ли погадать, чѣмъ кончится этотъ процессъ?—А почемъ я знаю! отвѣтилъ тотъ.

Предсѣдатель почему-то не счелъ нужнымъ остановить въ этомъ случаѣ г. Александрова и замѣтить ему о неумѣстности его вопроса, между тѣмъ какъ предсѣдатель обязанъ былъ сдѣлать это на основаніи 611 ст. устава.

И такъ, если оправдали всѣхъ подсудимыхъ, то не потому, чтобы къ обвиненію ихъ не имѣлось никакихъ данныхъ, а потому, что защита поставила весь процессъ такъ, что они косвенно изобличались въ употребленіи христіанской крови. Защита не только не постаралась въ интересахъ правосудія раскрыть истину, но и поставила дѣло такъ, что эта истина скрылась за искусно придуманныя ею ширмы, въ видѣ «религіозной стороны» дѣла. Ширмы эти были пущены въ ходъ умышленно, такъ какъ защита хорошо понимала, что безъ нихъ имъ не выиграть процесса. И вотъ, для того, чтобы затемнить то, что ясно было высказано свидѣтелемъ относительно какого нибудь факта, говорящаго въ пользу обвиненія, гг. защитники сбиваютъ свидѣтеля съ толку своими разспросами объ употребленіи евреями христіанской крови, о томъ, какъ совершается это «таинство», при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ и т. д. заставляютъ свидѣтеля высказывать свое личное мнѣніе, говорить по слухамъ и т. д., забывая при этомъ, что законъ за-

прещаетъ свидѣтелю высказывать свое мнѣніе или разсказывать о томъ, что ему извѣстно только по слухамъ, неизвѣстно откуда и отъ кого исходящимъ.

Процессъ этотъ, какъ мы говорили уже выше, будетъ вновь разбираться, и на этотъ разъ въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ. Желательно было бы, чтобы новый составъ суда обратилъ особенное вниманіе на судебное слѣдствіе, на фактическую сторону дѣла, чтобы онъ отнесся съ большею серьезностью и законностью къ процессу и совсѣмъ устранилъ религіозную сторону дѣла, неумѣстную и излишнюю, ничего не разъясняющую, а только запутывающую и осложняющую процессъ. Вѣдь если и послѣдуетъ обвинительный приговоръ, то все-таки и тогда никто не вправѣ сказать, что подсудимыхъ обвинили въ употребленіи христіанской крови, не вправѣ сказать потому, что цѣль преступленія не выяснена ни предварительнымъ, ни судебнымъ слѣдствіемъ, и останется и на будущее время загадкою, если только подсудимые не пожелаютъ чистосердечно разсказать все.

По поводу рѣчи г. Александрова, защитника еврейства произнесенной на Кутаисскомъ судѣ, по дѣлу умерщвленія евреями дѣвочки дочери Модебадзе.

Мы думаемъ, что никто изъ читающей публики не позабылъ еще разбиравшагося дѣла въ Кутаисѣ, и всякій, слѣдившій за ходомъ этого ужаснаго процесса, вѣрно помнитъ рѣчь, произнесенную въ защиту евреевъ г. Александровымъ. Когда ежедневная наша пресса печатала на своихъ столбцахъ разбирательство этого дѣла, надѣлавшаго столько шуму, мы особенно слѣдили за его ходомъ, внимательно прочитывали всѣ русскія газеты. Насъ болѣе нежели другихъ интересовало это грандіозно фанатическое убійство. И вотъ между мно-

гими газетами попалась особенно выдающаяся у насъ въ Россіи газета: это «Молва». Газета эта чисто жидовскаго происхожденія, духа и направленія, которая и помѣстила на своихъ столбцахъ безцензурную рѣчь г. Александрова во всѣхъ ея подробностяхъ; на эту рѣчь врядъ-ли кто обратилъ должное вниманіе. Г. Александровъ на Кутаисскомъ судѣ говорилъ: «Всякая мѣстность нуждалась въ чудотворныхъ образахъ, мѣстной святынѣ, мѣстныхъ чудотворныхъ мощахъ или вообще въ какихъ-либо средствахъ внушенія благоговѣнія. Мертвое дитя, убійство котораго можно было взвести на евреевъ, являлось удобнымъ случаемъ имѣть своего мѣстнаго мученика вѣры, свою мѣстную святыню, привлекавшую для благоговѣнія своихъ и чужихъ и становившуюся доходною статьею не только для клерикальныхъ установленій, но и для цѣлой мѣстности, куда привлекалась масса народа, спѣшившаго довѣрчиво выразить свое благоговѣніе провозглашенному мученику... («Молва» 6-го апрѣля 1879 года). Не знаю какъ другіе, но мы, прочитавъ эти выдающіяся строки въ рѣчи г. Александрова, глубоко возмутились. Мы удивляемся, на какомъ основаніи судебный персоналъ въ Кутаисѣ позволилъ г. Александрову говорить такія возмутительныя богохульныя рѣчи, унижающія не только православную религію, но и оскорбляющія все русское православное общество. По словамъ г. Александрова выходитъ, что всѣ чтимыя нами святыя и чудотворныя иконы постановлены фанатизмомъ нашего духовенства, для своихъ доходныхъ статей. По словамъ г. Александрова,—святыя мощи, особенно младенцевъ, замученныхъ евреями, тоже доходная статья фанатическаго духовенства. Неужели чисто православному г. Александрову неизвѣстно, что у насъ, у православныхъ, находятся мощи чтимые за святые

мучениковъ младенцевъ, которые даже значатся въ народномъ русскомъ календарѣ; слѣдовательно все это введено изъ доходныхъ статей и для клеветы противъ евреевъ? Г. Александровъ показалъ себя героемъ... и раззорителемъ гражданскаго общественнаго порядка и государственныхъ законовъ въ защитѣ имъ Засуличъ—послѣ этого осмѣлился дерзнуть противъ догматовъ православной религіи, и все ему сходитъ съ рукъ до поры до времени. Неужели и г. Александрова приходится тоже причислить къ тому сонму защитниковъ, которые являютъ собою образецъ нравственной проституціи, которые сѣютъ начало разврата въ народѣ, которые попираютъ все святое? Г. Александровъ еще дальше идетъ: онъ позволяетъ себѣ богохульствовать!... Правда, что по всей вѣроятности Кутаисское дѣло доставило г. защитнику порядочный лакомый кусокъ, — искушеніе было большое; но это не можетъ же служить въ оправданіе русскаго православнаго гражданина. Говори, проповѣдуй, распинайся сколько твоей душѣ угодно въ защиту жидовства—убійцъ—фанатиковъ, хвали ихъ, оправдывай, но не бросай грязи въ то, что такъ дорого и свято всякому православному религіозному христіанину.

Въ той же рѣчи г. Александровъ на Кутаисскомъ судѣ продолжалъ: «Вамъ (т. е. судьямъ), безъ сомнѣнія извѣстна, по крайней мѣрѣ ближайшая часть литературы, относящаяся къ возбужденному мною вопросу. Въ 1876 году въ русской литературѣ появилось сочиненіе Лютостанскаго. Родившійся евреемъ, бывшій раввиномъ, промѣнявшій одежду раввина на сутану католическаго ксендза, сутану на рясу православнаго іеромонаха и эту послѣднюю на сюртукъ міряннна»... Этимъ г. Александровъ желалъ сказать, что моему сочиненію (хотя оно основано на однихъ юридическихъ фактахъ),

нельзя дать никакой вѣры. Если бы я, Лютостанскій, и дѣйствительно былъ евреемъ по происхожденію, а христіаниномъ только по крещенію, то какое же отсюда можетъ вытекать зло для жидовства въ частности и для Александрова, какъ защитника ихъ, въ особенности. Совѣсть, такая вещь, что ее ни формулировать, ни точно опредѣлить—нельзя; повторяю: если бы я и дѣйствительно былъ крещеный еврей, то своимъ переходомъ въ христіанство никому никакого зла не причинилъ. Но г. Александровъ, наоборотъ, — онъ, рожденный православнымъ и вопреки всѣмъ строгостямъ государственнаго закона de jure перешелъ въ іудейскую религію и оставилъ православіе, — кромѣ того, сдѣлавшись врагомъ христіанства, публично въ своихъ рѣчахъ произноситъ хулу на все православіе и его священные догматы, оскорбляетъ православную вѣру и наноситъ поруганіе въ публичныхъ своихъ рѣчахъ всему христіанству, въ угоду и утѣшеніе своихъ обожаемыхъ имъ кліентовъ. Что касается до почитанія мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру, то развѣ только у православныхъ однихъ чтутъ ихъ память и празднуютъ имъ; у евреевъ тоже есть свои мученики, которыхъ чтутъ ихъ реликвіи. Приведемъ хотя одинъ примѣръ для уясненія нашего вопроса, въ доказательство и въ опроверженіе рѣчи г. Александрова. Въ г. Вильнѣ въ XVI в. одинъ польскій магнатъ Радзивилъ перешелъ въ іудейство, и оказался большимъ ихъ подвижникомъ; впослѣдствіи, когда литовское правительство за отступничество отъ христіанства подвергло его сожженію, то евреи въ Вильнѣ ночью отъ костра пепелъ собрали и разослали за дорогую плату въ разныя государства въ серебряныхъ и золотыхъ ларчикахъ, нарочно для этого устроенныхъ, и этотъ священный для нихъ пепелъ они помѣстили въ си-

нагогахъ, въ кивотѣ, какъ ту манну, которая нѣкогда хранилась въ кивотѣ Ветхаго Завѣта. Виленскіе евреи и доднесь съ набожностью ежегодно празднуютъ день мученической кончины своего прозелита Радзивила. Отъ души сожалѣемъ, что въ нашъ гуманный вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, препятствуютъ г. Александрову удостоиться той высокой чести и славы, какой достигъ польскій магнатъ Радзивилъ чарны; а равно лишаетъ жидовства пріобрѣсти новаго мученика за вѣру, который въ дѣйствительности во многомъ больше заслуживаетъ, нежели польскій магнатъ.

На Кутаисскомъ судѣ г. Александровъ, въ длинныхъ своихъ рѣчахъ, вѣрнѣе — въ безконечномъ словоизверженіи, высказалъ всю свою малосильность и незнакомство предпринятаго имъ вопроса. Такъ, онъ выказалъ себя несвѣдущимъ и въ правѣ каноническомъ по этому позволилъ себѣ клеветать на насъ, что будтобы я, Лютостанскій, былъ евреемъ, а потомъ католическимъ ксендзомъ. Всякому неучу извѣстно, по преданію, что римско-католическое, каноническое право строго воспрещаетъ рукополагать изъ евреевъ въ ксендзы, такъ какъ имѣющій еврейское крещеніе посредствомъ обрѣзанія, по каноническому праву называется «irregularis», т. е. неспособный. Всякій такой не можетъ быть посвященъ въ іереи римской церкви. Если и находимъ не мало случаевъ бывшихъ—это исключеніе, по особенно важнымъ причинамъ и заслугамъ этого лица, которое удостоивалось и то неиначе какъ съ разрѣшенія папы. Но г. Александрову не требовалось знанія этихъ всѣхъ подробностей, довольно было только сказать и всѣ, по его убѣжденію, должны всему вѣрить, какую бы ерунду и ложь ни произносили уста столь авторитетныя, которыя защитили Засуличъ и еще не мало ей подобныхъ лицъ.

Оканчивая нашу замѣтку, кстати будетъ сказать, что правительству нашему давно слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что вся русская литература съ поразительной быстротой переходитъ въ руки жидовства. Процессъ этотъ совершается незамѣтнымъ путемъ для гуманнаго русскаго глаза. Конечно по плану, составленному въ талмудѣ и каббалѣ талмудистскими мудрецами. Евреи дѣйствуютъ хитро и очень осторожно, дабы не возбудить къ себѣ особеннаго вниманія. Самые главные органы русскихъ газетъ находятся уже въ рукахъ жидовства въ лицѣ редакторовъ и издателей. Вторая половина газетъ и журналовъ, если не находится открыто подъ редакціею, то косвеннымъ образомъ состоитъ подъ ихъ вліяніемъ и въ одномысліи работаетъ въ ихъ пользу: такъ напримѣръ одна изъ столичныхъ и даже правительственныхъ газетъ нашихъ предпочитаетъ перепечатывать невѣжественныя рѣчи жидовскаго раввина, произнесенныя въ синагогѣ, нежели своихъ ученыхъ высокопоставленныхъ пастырей. Неужели у насъ въ Москвѣ не заслуживаютъ вниманія рѣчи и проповѣди ученыхъ пастырей православныхъ, лютеранскихъ, армянскихъ, католическихъ. Нѣтъ, редакторъ правительственной газеты находитъ достойнѣе и патріотичнѣе рѣчи жидовскаго раввина, которыя неоднократно и помѣщалъ на столбцахъ своей газеты.

Газета «Голосъ», вчера еще проповѣдывавшая о нанесеніи жидовствомъ намъ вреда, сегодня, уже хвалитъ жидовъ и въ передовыхъ статьяхъ требуетъ настойчиво имъ полныхъ правъ и какъ можно больше. O tempra, o mores! Liberanos Domine.

Эти жидовскія газеты не принимаютъ даже публикацій для объявленія нововышедшихъ книгъ, говорящихъ не въ пользу евреевъ. Такъ напр. наша книга «Объ употребленіи евреями христіанской крови не по-

нравилась издателю «Московскихъ Вѣдомостей» и публикація объ ней была отвергнута самимъ редакторомъ. Это и доказываетъ, что для нѣкоторыхъ издателей и редакторовъ газетъ личные интересы требуютъ дѣйствовать въ духѣ еврейства. Газетное и журнальное безцензурное издательство есть самая важная отрасль въ государствѣ, которая настраиваетъ умы всѣхъ гражданъ по своему камертону. Въ каждомъ государствѣ издателями безцензурныхъ газетъ необходимо должны быть національные патріоты и непродажные, какъ по чувствамъ, такъ и по вѣроисповѣданію. Такъ въ Россіи не присуще быть издателемъ русской газеты ни поляку, ни французу, ни нѣмцу, ни англичанину, а тѣмъ болѣе израильтянину, вѣчному врагу креста и патріоту будущаго владычества надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

«Московскія Вѣдомости», въ № 91 сего 1880 года, въ передовой статьѣ превозносятъ еврейскаго дѣятеля С. С. Полякова, за то, что будто-бы онъ между прежними крупными пожертвованіями еще пожертвовалъ 200,000 руб. на Петербургскій университетъ. «Московскія Вѣдомости» тоже опубликовали громко, когда началась война съ Турціею, что вотъ де, Одесскіе евреи, сами богачи, записали своихъ дочерей въ сестры милосердія и они будутъ ходить въ больницахъ за русскими ранеными, и это оказался пуфъ. Одесскіе евреи вмѣсто пожертвованія денегъ, приказали въ своихъ прикормленныхъ газетахъ публиковать, что вотъ де они какіе патріоты, даже дочерей своихъ не жалѣютъ и посылаютъ въ общество Краснаго Креста. Такимъ образомъ «Московскія вѣдомости» постоянно и на счетъ Полякова стараются трезвонить въ передовыхъ статьяхъ и какъ видно редакторъ составлялъ эту статью тотчасъ послѣ Поляковскаго обѣда и сладкаго цымеса,

потому что она отличается особеннымъ жаромъ и сердечнымъ пыломъ. Гдѣ говорится, что пожертвованіе 200,000 р. еще не составляетъ той важности, какъ цѣль, на которую пожертвовалъ Поляковъ — слѣдовательно, по мнѣнію газеты, во всей Россіи не нашлось ни одной головы такой умной, какъ у Полякова. Поэтому можно надѣяться, что редакторъ, послѣ такого важнаго открытія, скоро предложитъ и соотвѣтственную должность въ Россіи для такой умной головы и въ передовой статьѣ своей газеты будетъ рекомендовать на должность министра финансовъ съ тѣмъ, чтобы обогатить Россію.

У насъ въ Россіи не одинъ Поляковъ жертвуетъ на доброе дѣло—много есть подобныхъ, особенно во время войны сколько было крупныхъ жертвователей, однакоже «Московскія Вѣдомости» не расписывали столько въ передовыхъ статьяхъ, какъ о Поляковѣ, вѣроятно потому, что они его не просили, а Поляковъ даже обѣдами и цымесомъ угощаетъ. Жидовская копѣйка не пропадаетъ даромъ, они скоро заставятъ своихъ редакторовъ не только хвалить ихъ въ газетахъ, но влѣзать на крыши домовъ и кричать объ нихъ проѣзжающему народу.

По справедливости, если Поляковъ пожертвовалъ въ дѣйствительности, то онъ внесъ только ту ничтожную частицу съ процента тѣхъ милліоновъ русскихъ рублей, которыми онъ, основываясь на ученіи своего талмуда, неправильно завладѣлъ. Кто былъ Поляковъ, всѣмъ извѣстно, дать ему перо въ руки и бумагу, да заставить его двѣ строки написать по русски подъ диктовку, тогда каждый увидитъ, кто такой Поляковъ. Почему редакторъ «Москов. Вѣд.» не пишетъ— сколько Поляковъ обидѣлъ русскаго народа, нѣкоторые, какъ намъ извѣстно, приходили къ редактору и про-

сили объ этомъ напечатать статью, однако не была, она напечатана.

Нашъ совѣтъ, по примѣру американцевъ, сдѣлать подобную національную солидарность, чтобы все то, что только жидовское, отвергать, особенно жидофобскую литературу, которую нужно коментировать наоборотъ. Газета, если она держалась интересовъ русскаго народа, но вдругъ перевалила на сторону жидовства, на подобіе «Голоса», такую газету нужно бросить—хотя бы и деньги были за годъ заплачены — всякій русскій патріотъ долженъ такъ поступать для охраненія своей самостоятельности. Всѣ подобныя жидофобскія газеты не только должно избѣгать читать, но даже и не употреблять для обертки.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

Томъ III приготовляется къ печати, состоящій изъ уголовныхъ дѣлъ, бывшихъ въ славянскихъ краяхъ, въ турецкой имперіи и въ Австріи.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія того же автора:

1) **О еврейскомъ Мессіи** (современный вопросъ).

2) **Объясненіе Римско-католической мессы или литургіи и разборъ догматической ея стороны** (съ новыми замѣтками).

3) **О необходимости воплощенія Сына Божія для спасенія рода человѣческаго.**

4) **Ученіе о Святомъ Духѣ въ послѣдней бесѣдѣ І. Христа съ учениками.**

5) **Объ употребленіи евреями Христіанской крови** въ двухъ томахъ. Томъ 1-й— 2 руб. Томъ 2-й—2 руб.

6) **Талмудъ и Евреи**, т. 1-й — 2 руб. 50 к. Т. 2-й — 2 рубля. Т. 3-й скоро выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу; это сочиненіе единственное на русскомъ языкѣ.